

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ "СЕЛЬСКАЯ МОЛОДЕЖЬ"

ПОДАВАТ

BESTSELLER

Анатолий Афанасьев
МОСКОВСКИЙ ДУШЕГУБ

Буало-Нарсежак
ПЕЙЗАЖ С БУЛЛИ

96

СМ

Подвиг

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
"СЕЛЬСКАЯ
МОЛОДЕЖЬ"

BESTSELLER

Анатолий Афанасьев

«МОСКОВСКИЙ ДУШЕГУБ»

Конечно, он потерял сознание, и сплавал ненадолго по ту сторону добра и зла, но уже через двадцать минут очухался, сел и огляделся. Как раз подъехал милицейский «рафик» с группой захвата на борту. Задорные омоновцы числом в пятеро высыпались на землю...

Буало-Нарсежак

«ПЕЙЗАЖ С БУЛЛИ»

Она продрогла. Стена справа от них казалась бесконечной. Потом дорога свернула в сторону, и они очутились перед огромными, почти незаметными в обрамлении из камня и плюща воротами. Морис затормозил и вытащил тяжелую связку ключей.

Педдинг

БИБЛИОТЕКА

**ГЕРОИКИ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ**

2`96

© "СЕЛЬСКАЯ МОЛОДЕЖЬ"

МОСКОВСКИЙ ДУШЕГУБ

Анатолий
АФАНАСЬЕВ

Роман

4

ПЕЙЗАЖ
С

БУЛЛИ

БУАЛО-НАРСЕЖАК

Рассказ

306

ОБ АВТОРАХ

327

Девушке по виду было около шестнадцати. Она сошла со ступенек Курского вокзала и увидела Москву. После двух бессонных ночей в поезде город показался ей прелестным. Широкая, нарядная площадь словно застыла в тараканьем мельтешении машин, людей и птиц.

Девушка была в джинсах и в светлом плаще, в руках чемоданчик из кожаменителя и спортивная сумка-рюкзачок. Она привлекла внимание угрюмого горожанина лет тридцати. Он подошел сбоку и негромко спросил:

- Куда надо? Могу подбросить.

Девушка посмотрела на него с радостной гримаской - ее первый собеседник в Москве.

- Вы именно меня хотите подбросить? Или вам все равно кого?

- Как это? Я же калымщик.

Нет, подумала она, этот недотепа ей без надобности, но на всякий случай поинтересовалась.

- И сколько вы заплатите?

- За что?

- Ну за то, что подбросите?

Молодой человек под ее сияющим взглядом простодушно засопел носом.

- Ты что - ненормальная?

- Не понимаю, - огорчилась девушка. - У вас что же в Москве подбрасывают на халяву?

Калымщик красноречиво pokrutil пальцем у виска, и побрел к своему задрипанному «жигуленку».

Через час она сидела в ресторане «Минск» у самого окна. Блед-

Анатолий
АФАНАСЬЕВ
**МОСКОВСКИЙ
ДУШЕГУБ**

Роман

ные щеки ее покраснелись, сине-зеленые, изумрудные глаза излучали небесный свет. Пожилой официант в куцем форменном сюртучке поневоле улыбался, разговаривая с ней. Они уже почти подружились.

- Еще вам рекомендую, Наденька, - говорил официант, подливая в ее бокал шипучего, красного вина, - обязательно посетите Воробьевы горы. Оттуда самый лучший вид на Москву.

- Но как же я все успею, - возбужденно захныкала Наденька. - Музеи, театры, выставки - и все это за два дня. И просто побродить по Москве. Ах, как я хочу просто побродить по Москве. Это же с ума сойти! Николай Максимович, миленький, вы скажи, у вас есть племянник, студент?..

- Это чего есть, то есть, - с сомнением пробасил официант. - Но тут, понимаете ли, возможно не лучший вариант.

Племянник официанта действительно был студентом, и действительно знал город, как свои пять пальцев, но в последнее время малость сошел с круга: редкий день являлся домой не под утро, да и то пьяненький. Не хотелось добронравному Николаю Максимовичу даже думать, как он может обойтись с наивной провинциалкой, глядящей на мир с таким восторгом, что даже заскорузлое, бронированное сердце официанта чуток оттаяло, а этого не случилось с ним, пожалуй, уже целые годы. Достаточно грязи навиделся старый ресторанный волк, чтобы понапрасну не ожидать от людей добра. Жизнь была к нему люта, и он сам редко поворачивался к ней незащищенным боком. И вот на тебе - какая оказия: сошла в чадный зал будто Красная Шапочка из детской книжки.

- Что ж, я понимаю, - по лицу девушки скользнула гримаска печали. - Ваш племянник столичный юноша, ему будет скучно со мной. Но знаете ли, дорогой Николай Максимович, я не такая уж совсем простушка. В школе за мной многие мальчишки ухаживали. Я и спеть могу в компании. И станцую. И стихов много знаю наизусть. Я же все-таки круглая отличница. Вот так-то!

- Ты кушай, кушай, мясо остынет, - совсем по-домашнему пробурчал Николай Максимович. Было в этой деревенской девчужке, в этом неоперившемся птенце что-то завораживающее. Он никак не мог понять - что. На стол ей много наносил, и все из лучшего: осетринка с лимончиком, грибная запеканка, утиные колобки, сметанка полежская, солянка киевская огненная, со специями, и как венец обеденный, для укрепления бедер и талии - ароматный кусок парного филе, поджаренного с луком. Малявка даром что на гибкую лозинку похожа, уминала за двух мужиков - любо-дорого глядеть. Немного смутило, что потребовала вина на запивку, но отнес это к вальяжному, деревенскому задору: гулять, то есть, так до упора. Но главное, как она разговари-

вала, выкатывала слова из нежного ротика, как быстрые, смеющиеся поцелуи. И глядела на него так, будто не сейчас только села за стол, а водил он ее по миру с рождения. Отставила вазочку с салатом, протянула капризно:

- А где же мороженое, Николай Максимович? Вы же обещали ананасовое!

И полетел на кухню, старый дурак, похрустывая подагрическими суставчиками. Когда вернулся через пять минут с десертным блюдом, девицы и след простыл. На салфетке накарябана записка: «Н.М., дорогой, заплачу в другой раз, сейчас денежек нету. Спасибо за вашу доброту. Наденька».

Самое интересное, старик хотя и огорчился, но не осудил озорную пигалицу...

Вечером она была уже не Наденькой, а Виолеттой, Викой, и прогуливалась по улице Горького с представительным мужчиной лет тридцати пяти. Было около семи вечера - время московской сиесты. Вещи она оставила в камере хранения на вокзале и была налегке - только изящная, темно-вишневая, дамская сумочка болталась на плече. С мужчиной она познакомилась полтора часа назад, у театральной кассы на Пушкинской, и сейчас их разговор уже приобрел доверительный оттенок.

- Пожилые мужчины мне нравятся, - безмятежно цедила Вика. - С ними хоть есть о чем поговорить. Все нынешние молодые люди - пустышки. Думают только об одном.

- О чем же?

- Да все о том же, Андрюша, все о том же. Как бы скорее залезть девушке под юбку, а там - хоть трава не расти.

- Однако, - чуть смутясь заметил кавалер, - немного странно слышать такие рассуждения от молоденькой девушки.

Кавалер, которого звали Андрей Платонович Лошаков, уже поведал, что работает в закрытом институте, «ящике», недавно получил какую-то престижную премию и готовится к защите докторской диссертации. Живет неподалеку от центра в отдельной квартире, которую высудил у жены, когда разводился. Он и у Вики пытался узнать, кто она такая, и зачем так одиноко бродит по городу, но девушка отделялась многозначительными намеками, еще не сообразив, как покрепче скрутить пожилого несмышленища. По всему выходило, что у этого ученого телка вполне можно будет перекантоваться недельку-другую, чтобы спокойно оглядеться вокруг.

- Я устала, - сказала она. - Хотелось бы где-нибудь посидеть или даже полежать.

- Проводить вас домой?

- Дом у меня далеко, аж за тысячу километров, - улыбнулась Вика, и от блеска ее улыбки, от мгновенной вспышки зеленова-

тых глаз у Андрея Платоновича точно легкая судорога скользнула по позвоночнику. Если бы еще днем, несколько часов назад кто-то сказал ему, что он вот так, прямо на улице познакомится с очаровательной девушкой, и почувствует к ней чудовищное, греховное влечение, он бы не поверил. Андрей Платонович был книжным интеллигентом, и к женщинам относился двояко. С одной стороны, он их побаивался и слегка презирал (долгий, нудный брак только укрепил его в этом направлении), с другой, полагал себя неотразимым сердцеедом и великим знатоком женской натуры, особенно после того, как бывшая жена Людмила лет восемь назад научила его двум затейливым любовным позам.

- Может быть, поужинаем вместе? - игриво предложил он.

- Лучше посоветуйте, как снять номер в гостинице. Я слышала, это непросто.

- Вы что же, в самом деле не москвичка?

- А разве незаметно?

Лошаков почувствовал, что подоспела минута для изящного комплимента.

- Вы так хороши собой, Вика, что как-то не думаешь о том, москвичка вы или провинциалка. У вас редкостная, магнетическая аура. Поверьте, я знаю, что говорю.

- Хорошо, если моя аура подействует на администратора гостиницы. А если нет?

Она смотрела на него с откровенным, дерзким вызовом: ну же, решайся, мужик! Ее глаза манили так далеко, в такие истомные миры, где Лошаков и в помыслах не бывал. От внезапного сердечного стука у него перехватило дыхание.

- Мы могли бы пойти ко мне... Нет, нет, не подумайте ничего плохого! Я вам совершенно безопасен. Но это самое разумное. В гостинице такую девушку... И потом, разве мы не подружились немножко?

- Я слышала, - холодно заметила Вика, - что некоторые мужчины прикидываются овечками, заманивают неразумных девочек в гости, а после насилуют и растворяют труп в ванне с серной кислотой.

- О боже! - Лошаков увлек Вику на скамейку напротив кафе «Марс», нервно закурил. - Да кто вам нагородил такой чепухи? По-вашему, я похож на злодея?

- Это истораживает. Злодеи похожи на злодеев только в кино. В жизни это симпатичные мужчины. Иначе какая дура на них клонет.

- Если на то пошло, - свирепо возразил Лошаков, - то ведь я тоже совсем вас не знаю. Вдруг вы какая-нибудь воровка?

- После этого, - сказала Вика, - нам вообще лучше расстаться.

Андрей Платонович докурил сигарету до фильтра и аккуратно опустил окурки в урну.

- Хочу быть с вами откровенным, Вика. Я был женат однажды, но неудачно. Жена моя была не то что прохиндейка, но как-то не любила меня. Да и я тоже... в общем, жили по инерции... Вы представить себе не можете, что это значит: десять лет подряд ложиться в постель с чужим, даже как бы враждебным тебе человеком. Наелся этого дерьма досыта, на всю жизнь хватит... И вот сегодня, с вами, уже два часа, как мы гуляем... я вдруг снова почувствовал себя молодым, ощутил какой-то, знаете ли, подъем в душе. Хочется шутить, озорничать... Мне тяжело от мысли, что мы вот так просто возьмем и расстанемся... Наверное, звучит по-дурацки?

- Нет, не по-дурацки. Очень убедительно. Вы так красиво объясняетесь в любви. Мальчишки так не умеют. Им бы только удовольствие справить, а там - хоть трава не расти.

- Вы это уже говорили, Вика. Но я, увы, далеко не мальчишка.

- И вы не думаете ни о чем таком? Если только честно?

- Давайте переменим тему. Что бы я не думал, опасаться вам, повторяю, нечего. Я же не маньяк какой-нибудь в конце концов.

- Тогда чего мы ждем? - спросила Вика. - А ванна у вас есть? Я все-таки в поезде ночевала...

Лошаков гордился своим просторным жильем с высокими сталинскими потолками. Содержал квартиру в воинском аккурате: ничего лишнего, и каждая вещь, каждая книга на своем определенном месте. Этот порядок он завел как бы в пику бывшей жене, которая чувствовала себя уютно только в полном бедламе. Вике квартира понравилась.

- Вот теперь вижу, Андрюша, какой ты действительно солидный человек, - обронила она, произведя беглый осмотр двух комнат и кухни.

Потом, заглянув в холодильник, добавила:

- Давай так, Андрюша. Пока я приму ванну, сбегай в магазин, купи шампанского и чего-нибудь вкусенького. Все-таки у нас сегодня праздник. Мы с тобой как бы вроде молодожены.

Лошакова немного обеспокоило ее вольное поведение в его доме и то, как она вдруг начала командовать. Он был очень чувствителен к женским интонациям. Сразу возникла в памяти Людмила с ее вечным брюзжанием. Но он отогнал дурные мысли. Сейчас не время было спорить. Его скрутила черная похоть. То ли сказалось долгое воздержание, то ли судьба его искушала, но когда он наткнулся взглядом на круглые Викины колени, на

ее энергичные бедра, на туго прыгающие под рубашкой груди, в башке разбухали какие-то подозрительные сосуды, как перед инсультом.

По долгому размышлению он добавил к шампанскому бутылку армянского коньяка и пару бутылок пива, хотя одно никак не шло к другому. В кондитерском отделе купил большой, кремовый торт и коробку шоколадных конфет. Нервный клинч, сковавший его естество, настраивал его на решительные, мужские действия, чему он сам отчасти удивлялся. «Напою, - думал он, - и точка!»

В прихожей оглядел себя в зеркале: волевое, умное лицо интеллигента в третьем поколении. Взгляд как у лунатика.

Вика плескалась в ванной, что-то там напевала, кажется, из «битлов». Он накрыл стол, откупорил коньяк. Нарезал ветчины, сыра. Закурил и терпеливо ждал.

Из ванной Вика выпорхнула в его пижамной куртке, дошедшей ей до колен. Плонулась на стул, стыдливо запахнувшись до горла. Лицо, облепленное темными локонами, сияло чистой негой. У Лошакова в низу живота образовался жгучий, тяжелый, кровавый тромб. Когда запахивалась, успел заметить: под курткой ничего нет.

- Выпьем понемножку для начала? - глухо спросил он.

- Для какого начала, Андрюша? - Ее взгляд сверкнул такой счастливой наивностью, какую по крупичкам, тщательно собирает природа и вкладывает иногда в глаза молоденькой девушки, чтобы дать людям, погрязшим в грехах, представление о том, как выглядит ангел небесный.

- Да это так просто говорится, без всякого смысла, - смутился Лошаков. - Как вот говорят же: твое здоровье?

- Надеюсь, ты не алкоголик?

- Если честно, последний раз я пил ровно два года назад.

- Зашивался, что ли?

- Нет, не зашивался. Я же тебе говорил, я - человек науки. Наука и алкоголь - две вещи несовместимые.

- Ну да, несовместимые! У меня был один мальчик, работал в НИИ. Они там спиртягу лакали, как пивяки.

- Кто лакает, это уже не ученый.

- Тогда наливай!

После второй рюмки Лошаков расквасился. Его потянуло на жалобные слова.

- Неудачливый я, в сущности, человек, если разобраться. Достиг, конечно, многого по житейским меркам, квартира, докторская, а словно и не жил. И все из-за Людмилы. Она мне десять лет клин в ухо вбивала. Ты простофиля, ты шут гороховый, ты никому не нужен, и так далее. Я чуть импотентом из-за нее не

стал. Сказано же в писании: самое страшное наказание мужчине - злая жена.

Вика уплетала за обе щеки и хитро на него поглядывала. Иногда от резкого движения ворот ее куртки расходился и в изумленные очи Лошакова плескались ее белопенные, с дерзко торчащими коричневыми сосками груди. На мгновение он терял дар речи и покрывался липкой испариной. Дальше Вика уже сама наливала ему и себе. На нее коньяк никак не действовал. Она только стала немного печальной.

- Какая бы ни была твоя жена, Андрюша, разве можно ее хаять. Это не по-рыцарски.

- А по-рыцарски было, - зловеще спросил он, - когда я фарфоровую чашку разбил, облить меня борщом? Прямо из кастрюли?

- Горячим?

- Нет, слава Богу... Или еще. Привела как-то любовника своего, огромный такой детина, и я их застучал. Прямо в кровати. Ну, вежливо ему сказал: одевайся, дорогой, и пошел вон. Так она же его и подначила: ты, говорит, моего пустобреха не бойся, он же теленок. Он обрадовался и начал меня бить. Я же драться не умею. Так она только хохотала. Не бей, кричит, по почкам, а то он в магазин не пойдет. Это по-рыцарски?

- Надо было их обоих убить.

- Чтобы потом срок мотать? Нет уж, извини. Но это была последняя капля. Через два года я с ней развелся.

Вика закурила и сквозь дым, прихлебывая шампанское, смотрела на него с каким-то странным, холодным участием. Лошаков понимал, что наболтал лишнего, но на душе у него потеплело. Как славно выговориться... Ее груди уже не уныривали под пижаму, таинственно светились двумя белыми, ослепительными шарами.

- Ты могла бы, - спросил он, - полюбить такого, как я?

- Нет, - сказала она. - Это невозможно. Да тебе и не нужна любовь. Тебе нужна только жалость...

- А пожалеть можешь?

- Нет. Я же не монашка.

- Что же мне делать?

Он хотел заплакать, но Вика протянула руку и почесала его за ухом. Он жадно прижал ее ладонь к губам.

Позже, после небольшого провала в памяти, он ощутил себя подкрадывающимся к собственной кровати, на которой в вольной позе, в золотистом свете ночника раскинулась прекрасная одалиска.

- Да ладно тебе, - снисходительно улыбнулась одалиска. - Хватит собачку изображать. Иди сюда.

Посапывая, он взгромоздился на нее, и она ловко обхватила его поясницу длинными ногами. Все его горести и беды остались позади.

- Быстрее, милый, быстрее! - командовала Вика.

Ее ногти впились ему в спину. Она извивалась, принимая его в себя все глубже. Такого острого наслаждения он еще не ведал в своей путаной тридцатипятилетней жизни. Обезумел, вцепился в ее набухшие груди и мял их, давил с такой силой, точно намерился расплющить свою неутомимую возлюбленную.

- Не останавливайся, милый, еще, еще! - стонала Вика.

Он испугался, что не сумеет насытить ее утробу. Он был теперь целиком в ее владении, от мощных, судорожных толчков ее бедер мотался в воздухе, как тряпичная кукла. На последнем пределе отчаяния лютый взрыв оргазма потряс его, выхолостил до дна, и одновременно он испытывал колющую, свирепую боль, точно сверху его пронзили штыком. С воплем открыв глаза, он увидел ее окровавленный рот и запрокинутое, скованное мукой, изумительное лицо. Кровь капнула ей на грудь. В миг торжества Вика прокусила ему жилу возле ключицы. В ужасе он спросил:

- Зачем ты это сделала?

- Ничего, - сказала она, - потерпи. Так мне нужно.

Она развела ноги, Лошаков сполз с кровати и пошкандыбал в ванную. Оторопело разглядывал две полукруглые кровавые полоски на шее, запечатленные молодыми девичьими зубками. Пока обрабатывал ранки перекисью, Вика принесла шампанского в чайной чашке.

- Выпей, миленький, больно не будет.

В глазах зеленоватая темень и холодное любопытство, больше ничего. Лошаков догадался, что привел в дом ведьму и даже переспал с ней. Не оборачиваясь, снял с вешалки купальный халат и зябко закутался.

- Мне было хорошо, - сказала Вика. - Ты прекрасный любовник. Она обняла его сзади и поднесла чашку к губам. Завороженный, он тянул вино из ее рук, причмокивая и давясь, пока не осушил чашку.

- Ну и умница, - похвалила Вика, взяла его под руку. И отвела в спальню. Там он повалился на кровать, как куль с рогожей.

- Ты хоть не бешеная? Уколы не надо делать?

Она примостилась у его ног.

- Я, наверное, немного садистка. Когда завожусь, не могу остановиться. Но ты не горюй, привыкнешь.

- Не принимай меня за идиота. Я к тебе теперь на пушечный выстрел не подойду. Я же нормальный человек. Занимайся любовью со своими вампирами.

Засмеялась сочувственно.

- Дурачок, куда ты денешься?! После меня все женщины пресные.

Лошаков подумал, что разговор у них хотя и откровенный, но какой-то потусторонний. Вика незаметно переместилась к нему между ног, чуть касаясь, поглаживая его бедра, отчего он с изумлением почувствовал блудливый жар в паху.

- Вот видишь, - заметила наставительно, - ты уже и сейчас непрочь повторить. Подумаешь, больно! Всего потерпеть-то минутку, зато сколько удовольствия. Ты же любишь меня, правда? Вытри слезки, дурачок. Я постараюсь не сильно кусаться.

- Не хочу! - взмолился он. - Боюсь. Уходи прочь!

Мольба его запоздала. Вика уже сидела на нем и, упершись руками в его плечи, мерно, отрешенно вращала задом. Она насилывала его, как бандит насилует обеспамятовавшую, утратившую дар сопротивления жертву. Ее теплое, отдающее молоком дыхание, перемешалось с его горькими стонами. Он подумал, что теперь ему точно капут. По капельке, по глотку она высасывала его бездарную жизнь. Но перед смертью, если она уже подступила, все-таки осуществились его тайные, смутные желания. На свете не было женщин, кроме этой. Ему сказочно повезло напоследок. Неумолимыми пальцами она врезала восемь длинных борозд на его груди и с хриплым клекотом распласталась на нем всей своей мягкой, жадной, упругой плотью. В пароксизме диковинной страсти ему показалось, что проткнул ее насквозь.

- Вот видишь, - шепнула Вика. - А ты боялся, дурачок. - В следующий раз откушу ухо. Сам об этом попросишь.

Но следующего раза не случилось. Когда он, гонимый чудной маятой, примчался вечером с работы, Вики не было. Утром, провозая его, она обещала приготовить на ужин настоящий узбекский плов. Но никто его не встретил. В квартире было чисто прибрано. На кухонном столе белела записка. «Андрюшенька! Срочно понадобилось уехать. Не грусти. Ты был великолепен. Деньги взяла в долг. Отдам при встрече. Готовь ушко. Вика».

Какие деньги, подумал он. Потом пошел к письменному столу, выдвинул нижний ящик, где в кожаной папке лежала тысяча рублей в четвертных купюрах, приготовленная для покупки цветного телевизора. Папка была пуста. Он не огорчился. За ночь с ведьмой и за благополучное спасение - невелика плата. Долго разглядывал себя в настольном зеркале. За минувшие сутки с ним произошла какая-то роковая перемена, которую он пока не мог осмыслить. Сквозь модные очки на него пялился чужой, незнакомый человек с осунувшимся дряблым лицом. Этот человек был ему отравителен.

В новом мире ее знали под именем Тани Француженки, хотя по паспорту она по-прежнему числилась Надеждой Примаковой, девицей двадцати трех лет отроду. Часто меняя имена, она к каждому привязывалась, как мать прилипает сердцем к больному, недолговечному ребенку. В подпольных кругах Таня была уже достаточно известна, но такой крупный заказ получила впервые. Из ресторана «Балчуг» на восьмицилиндровой «тойоте» ее доставили на квартиру крутого барина, дяди Жоры из Свиблова. В апартаментах заставили ждать сорок минут, а потом дядя Жора вышел к ней, грузный, низкорослый, благоухающий, как проститутка, «шанелью N5». Вид у него был спесивый, но доброжелательный. Не мешкая, выложил перед ней две цветные фотографии, но она на них даже не взглянула. Не мигая, оставилась в тяжелую переносицу дяди Жоры.

- Ты чего, Француженка? В ступоре?

- Положено даме предложить выпить, - сказала она.

Дядя Жора, озадаченно крикнув, хлопнул в ладоши, и тут же шустрый мальчонка в спортивном костюме, получив распоряжение, установил перед ними поднос - коньяк, пепси, тарелка с нарезанным лимоном.

- Прости, Танечка! Как-то все за делами иногда забываешь о хороших манерах. Может, сразу и в постельку? А уж утром все обсудим?

- Постельки не будет, дядя Жора, - любезно отозвалась Таня.

- Просто в горле пересохло. На улице-то вон какая духота.

- Да уж, лето не приведи Господь. Пожары кругом. Озлился кто-то сверху на Россию-матушку.

Вместе с ней, за компанию дядя Жора отхлебнул стопку коньяка. Потом Таня внимательно разглядела фотографии. На них был изображен средних лет мужчина весьма выразительной внешности. Все в нем было как бы слегка выпячено, подчеркнуто: и смуглота, и озорная улыбка, на том снимке, где он ласкал собачку, и богатая черная шевелюра, обрамляющая лицо точно шлемом.

- Не русский? - спросила Таня. - Нацмен?

- Это имеет какое-нибудь значение?

- Для меня - нет. И что я должна с ним сделать?

Дяде Жоре не понравился вопрос. Он даже огорчился.

- Солидные люди тебя рекомендовали. А ты вроде целку строишь. Нехорошо. Некультурно.

- Гонорар наличными? В баксах?

- Пять тысяч аванс, остальное по исполнению. Как обычно.

Таня согласно кивнула, отпила «пепси».

- Как я с ним встречусь?
- Завтра вечером он ужинает в «Национале». С нашим человеком. Но в деле только ты и я. Усекла?

- Где он живет?

- В «России», восьмой этаж, номер «люкс». Что еще?

Дядя Жора демонстративно взглянул на часы. Таня закурила, и дым пустила ему в нос.

- Он не пидер?

- Пока не замечали. На молоденьких блондинок клюет со скидки. Тут трудностей не будет.

- Давайте аванс.

Дядя Жора поднялся, подошел к книжному шкафу и, сдвинув собрание сочинений Ф.М.Достоевского, достал плотный, перевязанный ленточкой пакет. Глядя в его грузную спину, Таня прошептала:

- Чем же уж так вам насолил этот «хачик»?

Дядя Жора вернулся к столику, передал ей пакет, сел, поднял рюмку с коньяком, но пить не стал. Обмакнул в рюмку палец и зачем-то понюхал. Потом протянул мокрый палец Тане к губам.

- Ну-ка, полижи, Француженка!

Таня откинулась на спинку стула, глаза ее смеялись.

- Со мной дешевка не проходит, вы же знаете. Я работаю чисто, но без накладных расходов.

- Зачем же такая любопытная?

- Набираюсь ума возле больших людей. Да ты не напрягайся, дядя Жора, у меня без промахов.

Тут случилась несурезица: он первый отвел взгляд. И мгновенный гнев его как бы приостыл.

- Хочешь совет, Француженка?

- Конечно.

- Какой черт в тебе сидит, я вижу. Но ты ему воли без нужды не давай. В Москве всяких чертей в избытке. Быстренько игрун-то твоему рожки отпилят. Жалко будет хоронить такую красивую девочку.

- Это весь совет?

- Чем же он плох?

Дяде Жоре было далеко за сорок, капиталец он начал сколачивать еще при «бровастом меченосце», по молодости, да по дури успел пару небольших «ходов» совершить в места отдаленные, всего навидался и нахлебался, был нетороплив в решениях и скор на руку; но перед этой чудной девицей испытывал некую загадочную слабость, которая, возможно, охватывает нормального человека при явлениях инореального мира. Это чувство было ему внове, он даже чуток растерялся.

- Я пойду, - сказала Таня, - а то ноги замерзли. Где-то у вас тут сквозит. Готовьте расчет к послезавтра.

В «Националь» она снарядилась, как в театр. Черное, глухое платье в обтяжку с золотой застежкой у горла - и ничего лишнего. Только крохотные бирюзовые сережки в ушах, с натуральными камушками. Миниатюрная, кожаная сумочка на тонком ремешке. Трехчасовые, страстные усилия знакомого мастера из Салона на Петровке привели к потрясающему эффекту: мастер сам на несколько минут впал в творческую кому и отказался брать с нее деньги. Она ему сказала:

- Никакая прическа, Данилыч, не стоит того, чтобы сходить с ума. Но все равно - спасибо!

Ее пышные, с рыжим блеском, податливые волосы замерли в тугом, своенравном полете, придав ее облику изысканную, дремотную пикантность. Когда Французенка приблизилась к метрдотелю, тот поднялся навстречу в почти десантном броске. Эту даму он видел впервые, но опытным взглядом определил ее цену. Это был штучный товар.

- Чего изволите, мадам?

Таня поощрительно улыбнулась.

- Посадите вон за тот столик у окна, и хорошенько покормите. Только и всего.

Метрдотель проводил ее до указанного места и ловко убрал табличку со словом «Занято».

- Наилучшего аппетита, мадам!

- Спасибо, дорогой.

- Если что понадобится, прошу ко мне. Буду рад услужить.

- Это уж как водится.

Со своего места ей отлично открывался стол в противоположном конце зала, где пировали двое мужчин, и один из них - Каханов Вениамин Шалвович - человек с дяди Жориной фотографии. Она его засекала, когда вошла в ресторан, да это было и несложно: зал заполнен едва ли на треть. Одет в элегантный серый костюм явно иноземного пошива и, насколько можно было угадать издали, уже слегка на бодуне. Для него она прошла через зал маняще-развратной походкой, крутя бедрами, точно в замедленном танго, и заметила, как он ошарашенно откинулся на стуле и потянулся к сигаретам. Если не заглотнул крючок, то губойто уж точно к нему прикоснулся, и это ей польстило. Пока делала заказ, ни разу в ту сторону не взглянула, но чтобы клиент не задремал, нервно, громко окликнула уходившего со своим блокнотиком официанта:

- Шампанского полусладкого, дружок!

Официант оглянулся, весело кивнул. Минут через пятнадцать, выкурив в глубокой задумчивости сигарету, и словно выходя из мистического транса, позволила себе рассеянным взглядом обвести зал, и будто случайно столкнулась глазами с устремленными на нее черными, пылающими, пронизывающими гляделками чурека. Клиент переставил стул таким образом, чтобы видеть ее в фас, а может быть, и стол ухитрился передвинуть, потому что оказался значительно ближе, чем она предполагала. Столкнувшись с ним взглядом, Таня Француженка изобразила на лице сложную гамму чувств, будто бежала куда-то, но споткнулась, и теперь падает, но еще надеется зацепиться слабеющей ручонкой за какую-нибудь опору. Туманные очи ее прояснились при виде прекрасного мужчины и, как бы смутясь, она отвернулась к окну. «Самец, - подумала она, - никаких проблем». От наплыва охотничьего нетерпения пальцы ее чуть дрогнули.

Официант принес шампанское в серебряном ведерке со льдом и поднос с холодными закусками.

- Можно открыть?

- Пожалуйста.

Слабо пикнула пробка, пеннистая, праздничная струйка наполнила хрустальный бокал. На столе появилась вазочка с черной икрой, фаянсовая тарелочка с нарезанными, политыми сиропом ананасными дольками, блюдечко с розочками сливочного масла. Официант крутился рядом уже без всякой надобности, ожидая какого-то знака, но у нее не было желания заводить с ним трали-вали, хотя он был симпатичным юношей в строгой униформе, с мускулистым телом, с услужливой повадкой, и обыкновенно Таня не упускала случая завести новое, полезное знакомство.

- Ступайте с Богом, молодой человек, - сказала она покровительственно, - и распорядитесь, чтобы отбивная была немножко с кровью.

- Непременно распоряжусь, - со значением откликнулся официант.

Пригубив шампанское и положив в рот ананасную дольку, она вторично взглянула на Каханова, на сей раз с откровенным любопытством. Чурек мгновенно вскочил, отвесил церемонный поклон, поднял фужер и махом опрокинул его в зубастую пасть. Таня дружески улыбнулась и поднесла свой бокал к губам. Теперь оставалось только ждать. И ждать пришлось недолго. Не успела дожевать бутерброд с икрой и допить бокал, как подвалил кавказский сотрапезник, по уведомлению дяди Жоры «наш человек», - лысоватый ханыга неопределенного возраста, судя по льстивой, подловатой ухмылке, упорно пьющий на «халяву» с младых ногтей. Самый тот тип, который Таня Француженка на

дух не принимала. Хотя бы потому, что с дамами подобные типы тоже норовили спроворить всегда «полюбовно».

- Ничего, если присяду на минуточку? - спросил халявщик, добротню устраиваясь на стуле.

- Ну ты, гнилушка, - участливо сказала Француженка. - Катись отсюда, а то череп проломлю.

Прилипала плотоядно хихикнул и игриво потер свои маленькие ручонки.

- Вы не так меня поняли, дорогая! Я не сам по себе, а по поручению известного гражданина.

Таня головы не повернула.

- Чем же известен гражданин?

- Он известен тем, дорогая, что у него денежек куры не клюют, и он любит дарить их женщинам, которые соответствуют его представлениям об изящном. По призванию он художник, а по духу - гедонист.

- Это вон та черная, бандитская морда?

- Обижаете, девушка.

- А ты, значит, у него на посылках, золотая рыбка?

Халявщик хихикнул еще более отвратительно, пожирая глазами ее тонкую шею.

- Можно и так сказать. Мы люди негордые.

- Чего ему надо?

- Вениамин Шалвович имеет честь пригласить вас за наш столик для взаимного приятного времяпровождения.

Таня потянулась рукой к бутылке с шампанским. Халявщик резко отодвинулся, вдруг догадавшись, что сейчас с ним может произойти какое-то несчастье.

- Почему же твой хозяин сам не подошел?

- Он застенчивый. В случае отказа с ним бывает припадок.

- Слушай, гнилушка! - Таня улыбалась своей самой светлой, беспорочной улыбкой. - Клянусь дьяволом, сейчас ты чудом уцелел. Передай своему припадочному, что я не проститутка. Пошел вон!

Как порывом ветра, прилипала сдуло со стула. И тут же приблизился официант, неся в отставленной руке поднос. Любовно уместил перед Таней тарелку с большим, лоснящимся куском мяса, томящимся под грудой золотистой, жареной картошки с луком.

- Помощь не требуется? - спросил озабоченно, скосив глазом на уходящего горемыку.

- Готовься, скоро позову.

Таня разгребла картофельную горку, отпилила ножом кусочек отбивной и положила в рот. Мясо было приготовлено так, как она любила: подперченное, чуть-чуть недожаренное, с терп-

ким привкусом чеснока. Каханов подсел к ней, когда она уже приканчивала порцию и наполовину осушила шампанское. У него было жесткое, волевое лицо торговца дынями на Центральном рынке. Француженка не стала с ним хитрить.

- Если хотите познакомиться, уважаемый господин, - сказала она, - зачем подсылать шпану?

- Он вас оскорбил?

- Еще чего не хватало! Но он принял меня за проститутку и сразу начал торговаться.

- Желаете, чтобы он извинился?

- Избави Бог!

- Вы позволите угостить вас бокалом шампанского?

Чурек начал ей нравиться: в его глубокомысленной, учливой настырности было что-то мальчишеское. Она вообще относилась к среднеазиатским, а также кавказским кавалерам без всякого предубеждения. При умелом подходе из них легко вить веревки, но разумеется, только до той минуты, пока ты одета. При виде обнаженного тела джигит, как правило, превращался в свирепое животное. Отнять у джигита раздетую, приготовленную для половой радости женщину, было так же трудно, как вырвать у собаки кость. После того, как он прикасался к женской коже, всякое промедление смертельно задевало его человеческое достоинство.

В безмятежной улыбке она продемонстрировала Каханову свои белопенные, ровненькие зубки.

- Забавное предложение. Шампанское - вот же оно. Наливайте, пейте, если угодно.

Каханов наполнил бокалы и замогильным голосом произнес тост.

- Мне не надо ваше имя, я его знаю. Ваше имя - Красота! Я вас увидел, и болит мое сердце в груди. Говорил Вильям Шекспир, Бог создал женщину, чтобы мужчине было кому поклоняться. Пью за ваших дорогих родителей, да хранит их аллах, и за вас. Пусть наша случайная встреча перейдет в добрую, хорошую, человеческую дружбу. За вас, госпожа моей души!

Он опрокинул бокал целиком, а Таня только пригубила. Ей предстоял трудный вечер и следовало быть аккуратной со спиртным. Через десять минут они уже оживленно болтали, обсуждая превратности быстротекущей жизни.

- Вы учились в Кэмбридже? - спросила Француженка.

- Почему это? - удивился Каханов.

- У вас такие галантные манеры. В России это большая редкость. Если не секрет, кто вы по национальности?

- Русский, - сказал Каханов, - чистокровный.

- Но почему же у вас отчество Шалвович, а фамилия Каханов? Для конспирации, что ли?

- Нет, не для конспирации. Папа был грузин-Кахиани, а маман, кажется, узбечка.

Они оба удивились его странному признанию, и Таня даже выпила глоток коньяка, который успел заказать джигит.

- По-всякому бывает, - сказала Таня. - Я своих родителей не помню, воспитывалась в детском доме, но наверное, во мне тоже есть капелька восточной крови, потому что я очень влюбчивая.

Каханов приободрился:

- Давайте поедем прямо к вам, если вы живете одна?

- Нагловаго, - сказала Таня, напустив в глаза горестного тумана. - Даже не ожидала от вас. Такой деликатный, образованный человек, так славно разговаривали, - и вдруг!.. Вениамин Шалвович, вы за кого же меня принимаете?

Каханов окинул ее взглядом, в котором светилась привычка к спокойным оценкам.

- Честно говоря, не знаю. Но уж конечно, вы не из грязнуль с куриными мозгами, с ценником на лбу. Но кто вы? Что у вас на уме? Расскажите, я поверю. Поверю, если скажете правду. Чего вы ищете? Денег? Приключений?

- Не слишком ли торопишься, дорогой?

- Что-то мне чудится, ты не случайно здесь.

- Да, пришла познакомиться. По заданию КГБ. Познакомиться, соблазнить и выведать все твои тайны.

- КГБ не самый страшный зверь по нынешним дням.

Танины щечки порозовели от внутреннего ликования. Перед ней была не овечка, покорно бредущая на заклатие, а матерый зверюга, чующий опасность позвоночником. Тем приятнее будет смотреть, как он пускает кровавые пузыри у ее ног.

- Послушай, любезный! А не пошел бы ты... к своей шестерке. Вон он зыркает, как сова из дупла. Убирайся! Ты мне надоел.

Каханов рассмеялся с облегчением.

- Грубость тебе не идет, красавица. Давай выпьем за нас с тобой. От всей души говорю.

Таня еще немного подулась, потом сочувственно спросила: Чего боишься, джигит? За тобой охотятся?

Каханов разгрыз лимон, как яблоко, и не поморщился.

- Может быть, да, а может быть, нет. Но всегда лучше поостеречься.

- Ты богатый?

- Не очень бедный. Нам с тобой хватит, чтобы пировать и веселиться.

Вскоре между ними установилось полное, глубокое взаимопонимание, какое бывает между попутчиками в поезде, идущем

на Дальний Восток. Таня доверительно рассказала, что гонит ее по свету горькое одиночество. У нее недавно был любимый муж, известный кинорежиссер, фамилии лучше не называть, и она жила за ним, как за каменной стеной; но между ними случилась страшная размолвка. Ее муж оказался педиком, и когда она бывала в отлучке, приводил в дом юных мальчиков и ласкал их на той же кровати, где они были счастливы вместе. Он с ней был прекрасным любовником, уговаривал родить ему сына, и этого она не смогла простить. Ее муж, на которого она три года молилась, как на икону, оказался фальшивой монетой. И все его фильмы, такие эффектные, психологические, получавшие призы за границей, были обманом, как золотые браслеты, сделанные из дутого стекла. Таня сказала, сдерживая слезы, что не знает, как дальше жить, и теперь ей все равно - умереть ли сегодня, или завтра, или немедленно лечь в постель с Кахановым, чтобы забиться в угаре страсти хоть на часок, если только он поклянется, что он не педик.

Каханов, малость озадаченный, поцеловал ее ухоженные, тонкие пальчики, и Таня на мгновение, словно в инстинктивном порыве, прижала его голову к груди. Пульс ее гибкого тела отозвался маленьким динамитным взрывом в его печени.

- Горю поможем, - твердо пообещал он. - Поедем в гостиницу, я тебя утешу. - Забудешь своего поганца, который прикидывался кинорежиссером.

- Правда? - с надеждой спросила Француженка.

- Я умею делать женщине красивую любовь.

Зал ресторана уже заполнился почти целиком, и некоторые пары танцевали меж столиков под звуки негромкого, невидимого оркестра. Какой-то несмышлениш лет тридцати, налившись коньяком до бровей, осмелился пригласить Таню на тур медленного фокстрота. Не поднимая головы, Каханов распорядился:

- Иди отсюда, фраер, и запрись в сортире. Чтобы я тебя больше никогда не видел.

Несмышлениш встретился с ним взглядом, что-то буркнул нечленораздельное и послушно исчез.

Таня поджала губки.

- Мой милый рыцарь, но я ведь хочу танцевать.

Каханов немедленно поднялся и вывел ее в круг, бережно поддерживая за кончики пальцев. Француженка закинула руки за его мускулистую шею, тесно приникла к нему и закрыла глаза, отдавшись баюкающему ритму. Она так искусно, как бы в забытии, так безгрешно терлась об него бедрами и грудью, что через минуту он почувствовал, что ему невольно. Давным-давно ни одна женщина не вызывала в нем столь свирепого желания.

- Давай уйдем поскорее, - шепнул он в розовое, теплое ушко.
- Здесь слишком многолюдно.

- Подожди, милый, мне так хорошо!

Когда вернулись за столик, он был вынужден стыдливо прикрывать ширинку ладонью.

- Хочу мороженого! - сказала Таня. Она видела, джигит спекся. У него было такое выражение лица, как при запоре. Ох уж этот южный темперамент. Теперь оставалось лишь вдеть ему кольцо в ноздрю и не спеша вести на убой.

- Милый, пожалуйста, не торопись. Я так не люблю делать это наспех. Ты ведь тоже, надеюсь, не животное, чтобы спариваться на бегу?

- Нет, не животное, - ответил Каханов, утерев слюну с губ.

По дороге в такси он все же сделал диковинную попытку овладеть ею. Как-то так ее перегнул на заднем сидении, что одну ногу у нее заклинило между передними креслами, а вторую он попытался задрать себе на плечо. Таня успела нащупать впадинку у него под ухом и резко вдавила туда указательный палец. От боли они заверещали одновременно: джигит хриплым басом, а Таня жалобной, птичьей трелью. Не оборачиваясь, таксист сказал:

- Будете безобразничать, высажу.

До «России» было рукой подать, они еле отдышались. Каханов сунул водителю сотенную.

- Не сердись, браток!

В фойе гостиницы, где было оживленно как на вокзале, Таня уселась в кресло неподалеку от окошка администратора, поправила сбившуюся набок шикарную прическу, закурила и уныло уставилась в пол. Потоптавшись, Каханов опустиллся рядом.

- Ну чего ты, Танечка? Напугалась?

- Мне как-то расхотелось идти к тебе.

- А если я поклонюсь?

- Насчет чего?

- Не трону, пока сама не захочешь.

- Я тебе не верю, ты дикарь. Чуть не разорвал напополам. Я слышала, вы там в горах лошадей трахаете, но я не лошадь.

Каханов проглотил оскорбление, хотя это было не в его привычках. Красивая московская стерва его заворожила, и все счета с ней он оставил на потом.

- Клянусь мамой! - сказал он.

Француженка взглянула на него с деланным ужасом.

- А мама у тебя кто? Не степная кобылица?

Это было чересчур, но чудовищным усилием воли Каханов опять сдержался. У него возникло ощущение, что он летит в пропасть, где внизу натканы копыя. Ему хотелось положить лапу

на ее пухлый, яркий, смеющийся рот и сжать так, чтобы вывалился наружу дерзкий язык. Передохнув, он сказал:

- Еще никто не смел так со мной разговаривать.

- Подумаешь, - усмехнулась Таня. - Я тоже не привыкла, чтобы меня ломали, как матрешку. Испортил любимое платье. Знаешь, сколько оно стоит?

Молча, не обращая внимания на окружающих, Каханов достал из внутреннего кармана портмоне, покопался в нем и протянул ей внушительную пачку долларов.

- На, возьми! Купишь три таких.

Таня отстранила его руку.

- Чтобы меня купить, у тебя все равно денег не хватит. Все очень печально, дорогой! Ты понравился мне, ты первый мужчина, к которому меня потянуло после мужа, а что ты натворил? Я думала, у нас будет добрый вечер, полный любви, покоя, а тебе и надо-то всего навсего... Уходи! На эти поганые деньги возьми себе десяток шлюх, они с радостью выполнят все твои пещерные прихоти.

- Я хочу тебя, - честно ответил Каханов.

Таня открыла сумочку, вынула пудреницу и подкрасила губы с таким видом, словно была одна в лесу. Она готовилась покинуть его. Более того, она уже его покинула, хотя была пока рядом. Копья на дне пропасти приблизились. Он почувствовал такую боль, как в давней ночной заварухе, когда пьяный ростовский ублюдок подло, сбоку вогнал ему под лопатку каленое перо.

- Понимаю, - сказал смиренно, - такую девушку, как ты, можно встретить только раз. Если уйдешь, буду плакать всю ночь. Не уходи.

- На каком этаже твой номер?

- На восьмом. Восемь ноль двенадцать. Люкс.

- Ступай к себе, я приду позже.

- Обманешь?

- Подумаю. Но сейчас тебе лучше слушаться. Закажи шампанского.

В ее глазах он ничего не сумел прочитать. Поднялся и не оглядываясь, чуть сутулясь, пошел к лифтам. Он был человеком судьбы и верил в свою удачу.

Подождав, пока он скрылся в лифте, Фрунцуженка подошла к навесным телефонам-автоматам и позвонила Витеньке Строгову, своему телохранителю. Трубку Витенька снял после первого гудка.

- Подъедешь к «России», к кинотеатру. Выход прямо около магазина. Дверь без всякой вывески. Представляешь, где это?

- Найду.

- Жди хоть всю ночь.

- Будет сделано.

На лифте она поднялась на десятый этаж и вниз спустилась по черной лестнице. Длинный коридор, устланный зеленым ковром, был пуст, никто не видел, как она подошла к номеру. Дверь не заперта. Она нажала ручку и вошла. Каханов сидел на диване в гостиной под голубоватым торшером. Вид у него был сиротливый. Таня сбросила туфли, пересекла по упругому паласу комнату, склонилась над ним и поцеловала в губы. Каханов даже рук не поднял. Его усы пахли табаком.

- Не грусти, рыцарь! Начнем праздник заново. Шампанское заказал?

Ответом ей был негромкий стук в дверь. Девушка в белоснежном переднике вкатила в номер тележку - бутылку советского полусладкого, бутылку «Саперави», бутылку армянского коньяка, и огромное фаянсовое блюдо с фруктами. Не вставая, Каханов бросил на тележку комок банкнот. Девушка пролепетала: - Благодарю вас, - и удалилась.

Из серванта Таня достала бокалы, рюмки, уселась напротив Каханова, сама открыла коньяк, разлила по рюмкам.

- Очнись, герой! Рога трубят!

- А-а, - Каханов вяло почесал грудь через рубашку. - Чего-то душа ноет.

- Не рад, что пришла?

- Как не рад, очень рад. Если бы не пришла, я бы сдох. Такая тоска. Все беру с боя, или покупаю, а хочется по-другому. Мне ведь уже за сорок. Хочется тишины, уюта, как у всех добрых людей. Кто-то проклял мою жизнь, с детства проклял, а кто - не знаю.

- Будет тебе уют, - пообещала Француженка. - Встряхнись, расслабься. Иди умойся. Настройся на честную, мужскую работу. Прекрасная дама больше не капризничает. Милый мой, я выпью тебя до донышка. Никогда не забудешь эту ночь.

Ее чуть осевший голос, потемневший взгляд подействовали на него, как удар тока. Тяжкий зной сковал виски. В пах вонзилось тысяча ласковых иголок. Господи, подумал он, ради таких минут стоит жить. Что значат деньги, власть в сравнении с экстазом любви? Мужчина бывает самим собой только дважды: в смертельной схватке с врагом и в обладании женщиной. Когда враг повержен, а женщина корчится и вопит в изнеможении страсти, смысл жизни становится очевидным, как таблица умножения. В ванной, торопясь, он сбрасывал с себя одежды, стоял, смежив веки, под горячим душевым ливнем, втирал в шею, подмышки, живот изумрудный французский лосьон. Колокольчик тревоги заглох в ушах.

Француженка опустила в рюмку большую белую таблетку и, склоня голову, наблюдала, как оранжевый напиток на мгновение помутнел, покрылся плесенью, выпустил на поверхность несколько веселых пузырьков - и снова стал прозрачным, выстрелив в воздух солнечным бликом. Ей самой захотелось его выпить. Это чувство было ей не внове. Ее всегда тянуло, как истинного естествоиспытателя, изведать всю гамму ощущений, которую переживает подопытный кролик.

Из ванной Каханов появился в просторных шелковых штанах и в яркой футболке с короткими рукавами, плотно охватывающей его мощный торс. На миг она пожалела, что не успеет узнать, каков он в постели. Впрочем, лекарство подействует через десять, пятнадцать минут, можно попытаться...

Зайдя со спины, он обхватил ее и с такой силой сжал груди, что она утробно пискнула. Молча, пыхтя, он мял и тискал ее так, словно для начала решил изуродовать, сплющить.

- Сядь, - прохрипела она. - Выпьем. Все остальное потом. Я тоже схожу в ванную.

Порцию отравы он бросил в рот моментальным движением фокусника, у которого вот-вот из ушей должны посыпаться золотые монеты. Таня обернулась к нему спиной.

- Пожалуйста, расстегни молнию!

Через голову она стянула платье. Осталась в крохотных бежевых трусиках и черном, ажурном поясе, поддерживающим черные чулки. Этого соблазна Каханов не выдержал. Глаза его заволкло кровавой мутью. Ничего больше не соображая, он подхватил ее на руки, уволок в спальню и шмякнул на розовое покрывало, на неразобранную широкую постель. С внезапным трепетом Француженка разглядела, какая мощь на нее надвигается, но не струсила, передвинулась к краю кровати, развела ноги и приподняла колени, чтобы ему удобнее было войти. Никаких прелюдий, никакого любовного колыхания - дикий вопль догнал истекающую соком самку на стыке времени...

Бедолага задремал, не успев закончить свою последнюю роковую работу. Разочарованная, Таня попыталась помочь ему, крепко сжав бедра, но он был слишком тяжел, лежал на ней, как колода, уткнувшись носом в плечо. С трудом спихнула его на бок.

Загоревав, вернулась в гостиную к пиршественному столу. Откупорила шампанское, налила себе полную чашку и выпила маленькими глоточками. Сходила в ванную и намочила под крапом вафельное полотенце. Аккуратно, тщательно протерла рюмки, чашку, бутылки, столешницу и все места, куда могли прикоснуться ее пальцы. Делала это по привычке, на всякий случай. Уже наступали времена, когда убийства никто не расследовал, и

лишь иногда по необходимости в органах сооружали на них «висяки». Тем более вряд ли кого-то заинтересует смерть одинокого бандита, который пьяный околел в гостинице от сердечного удара.

Каханов добродушно посапывал во сне, и что-то нежное бормотал сквозь зубы. Может быть, продолжал любовную игру; и надеялся на благополучное завершение. Ваткой с одеколоном Французенка заботливо протерла ему кожу на внутренней стороне бедра и легким толчком вогнала иглу. Часа через три на этом месте не останется даже точки. Присела на краешек кровати рядом с Кахановым. Это было великое мгновение. Внезапно он содрогнулся всем телом, из угла рта выдулся белый пупырышек и ясные глаза отворились.

- Прощай, милый, - сказала Таня. - Видишь, я сделала, как обещала. Вот тебе и твой вечный уют.

Остекленелая, благодарная улыбка растянула его поблекшие губы. Он был мертв.

3. 1993 год. ИЮЛЬ

После взрыва на дороге, когда его чуть не вышвырнуло в преисподнюю, и где погибла незабвенная Ираидка, наперсница его души, Елизар Суренович толком так и не оправился, но жить ему стало веселее. Утешная мысль баюкала по ночам: раз уж перемог, переселил саму криворукую, то почему бы теперь на покое не дожидаться окончательного и близкого заката человеческого рода. Примет к тому было много, но главная была та, что большинство людишек в их удивительном отечестве буквально на глазах, за последние год-два из обыкновенного скотского состояния переместились в какое-то уж вовсе непостижимое измерение, как-то так видоизменились и испохабились, что нынче и скотами их назвать язык не поворачивался. Он глядел на них иногда в окно, а иногда в телевизор, и усмехался отрешенно. Огромными, безумными стаями, как при переселении крыс, они вместо прежних митингов носились теперь бесцельно по городу, вдруг сбиваясь в гомонящие муравейники возле всевозможных контор, откуда на последние гроши им совали пустые, липовые бумажки, которые для смеху кто-то придумал назвать многозначительным иноземным словом - «акции». С помощью этих самых «акций», одураченный, ошалевший люд, похоже, надеялся как можно дольше не околеть с голоду.

Еще большее презрение вызывали у Елизара Суреновича управители, пастухи, так сказать, этого одичавшего стада, розовощекие, упитанные, каждый Божий день вылезające на экран и

с плотоядными ухмылочками, с глубокомысленно-тупым видом несущие несусветную чушь о каких-то реформах, стабилизации, инфляции - да о чем угодно. Эти тоже были не скотами, а еще хуже, потому что даже волк не охотится вблизи своего логова, и режет на пропитание только самую немощную жертву, понимая, что наступит завтрашний день, когда опять захочется жрать. Эти, осатаневшие от легкости грабежа, уже нюхнувшие кровцы, крушили все подряд, своих и чужих, куда доставала рука, оставляя после себя, как саранча, только выжженную пустыню. Пораженный Благостов догадывался, что свершается Суд Божий, и в отчаянной схватке с судьбой и сам потерпел сокрушительное поражение. Нельзя построить счастливое царство на опустошенной земле.

О собственных капиталах Елизар Суменович не беспокоился, они давно «прокручивались» в иных государствах, опекаемые надежными, преданными людьми, большей частью не российского происхождения. Да и вообще никогда не был он так порабошен и одурманен деньгами, как нынешние, так называемые бизнесмены, у которых при слове «доллар» рожи вытягивались, как у бурлаков с картины Репина. Их родная мама редко узнавала.

После взрыва организм Елизара Суменовича приобрел оригинальные особенности, которым он отчасти умилялся. Печень опустилась куда-то в область желудка, который ему наполовину урезали, череп немного сплющился, отчего он теперь напоминал юродивого, который постоянно чему-то загадочно улыбается; шейные позвонки поскрипывали, как дверные петли, требующие смазки, правая нога не сгибалась и при движении то и дело игриво подворачивалась под костыль. Но духом он был по-прежнему бодр, на аппетит не жаловался, и сердце мощно отмеривало все те же семьдесят толчков в минуту.

С утра до обеда, до двух часов, он путешествовал по своей огромной квартире, располагаясь на отдых в самых неожиданных местах: то на кухне, то в туалете, то прямо на полу, на ковре, куда валила неожиданно подвернувшаяся нога. Повсюду у него были разбросаны любимые книги, стояли склянки с лекарствами, бутылки с вином. К красному вину он пристрастился, как мальчик к леденцам, и за день успевал опорожнить две-три бутылки грузинской «Хванчкары» или итальянской «Кьянти». На телефонные звонки больше не отвечал, изредка, в случае крайней необходимости, отзывался кое-кому, отдавал ядовитые, не всегда внятные распоряжения. После нескольких стаканов душа его умиротворялась, и он уже не удивлялся, наталкиваясь в каком-нибудь углу на Машу Копейщикову, единственную свою нынешнюю прислугу, санитарку, сиделку и подружку.

Машу Копейшикову привел в дом Иннокентий Львович, просто так, для обозрения, неизвестно какими соображениями руководствуясь, и первым желанием Благовестова было спустить чумовую девицу с лестницы. Уж больно она была страхолюдна. Лет тридцати отроду, укутанная в какие-то пестрые тряпки, с вытаращенными коровьими глазами, с кривым ртом и нечесаными космами волос, закрывающими пол-лица, как у проститутки из Сомали. Но дело было даже не во внешности. Привыкший доверять Груму во всем, что касается житейского обихода, Елизар Суменович по возможности ласково обратился к девушке:

- Ну что же, дитя, хочешь немного поработать у дедушки Елизара? Поухаживаешь за больным старичком.

На что странная девица ответила басом:

- Нам-то что. Мужик да боров - все едино. Постелить да обиходить - дело привычное.

И заржала идиотским смехом. Благовестов велел ей побыть на кухне, и спросил у Иннокентия Львовича:

- Ты кого это привел, старый насмешник?

Верный соратник усмехнулся.

- Сиротка она. Существо безответное. Погоди злиться, может, после спасибо скажешь.

Оставил ее Елизар Суменович единственно потому, что была во всем этом маленьком происшествии какая-то загадка, задевшая его любопытство. Да и ситуация сложилась так, что после больницы все прежние пассии как-то враз ему опостытели, и никакой из них он видеть не хотел.

- Ладно, Кеша, пусть пошустрит денек, после заберешь. Но не дольше.

Стоило Груму захлопнуть за собой дверь, как Маша явилась к нему в спальню, но совершенно в ином обличье. Она была абсолютно голая, зато на голову напялила его собственную старую, фетровую шляпенку с широкими полями. Первой мыслью Благовестова было, что поганец Грум, воспользовавшись его немощью, устроил диверсию, и оставил его наедине с полоумной. Однако поразило и другое. В разобранном виде она уже не казалась уродиней, отнюдь, скорее напоминала кустодиевскую «Русскую красавицу», только с еще более плотными, упитанными, ухоженными телесами.

- Ножонки будем на ночь мыть? - пробасила, сверкнув исподлбья свирепым взглядом.

Сразу не опомнясь от ошеломляющего впечатления ее победительной, розовой телесной мощи, Благовестов осведомился:

- Ты по какому же это случаю вдруг растелешилась?

- Чего, не нравится, что ли? Обыкновенно мужчины это приветствуют.

- Чего - это?

- Ну чтобы бабенка, значит, наизготовку была, навскидку, значит, - и опять призывно загудела неудержимым, клокочущим смехом.

На ночь она не то что все же помыла ему ноги, добыв где-то внушительных размеров фаянсовый таз, но и протерла влажным полотенцем каждую его ложбинку и впадинку, заодно ловко прощупав, промассировав все косточки. Он как бы заново народился в ее сноровистых, сильных руках, и невольно пустил слезинку по безвременно ушедшей Ираиде Петровне, с которой ему иногда бывало так же хорошо. Потом чудная девица накормила его необыкновенно вкусным, ароматным диетическим варевом, которое она назвала «гурьевской кашей», и напоила отваром каких-то неведомых ему трав. Первую ночь после больницы он спал, как убитый, без кошмаров и сожалений о нелепо скончанной жизни.

Когда через два дня Грум приехал для обычного доклада и, лукаво усмехнувшись, поинтересовался, не забрать ли Машу, Благостов попросту отмолчался, а еще через месяц так привык к ее неназойливому присутствию в квартире, как привыкает к стрекочущему за печкой сверчку. У нее обнаружилось бесценное свойство: Маша возникала перед глазами, только когда в ней случалась надобность, когда требовалось что-то сделать, подать, услужить. Стряпала она превосходно, точно чутьем угадывала любимые Благостовым блюда, и при этом подавала все во время и в меру разогретое или остуженное. За весь месяц капризный Благостов только раз на нее накричал, да и то по пустяку: в утреннем омлете обнаружил зеленые прожилки укропа, которые на дух не переносил.

- Ты что же, крыса безмозглая, отравить хозяина вздумала, - только начал он распятыться, но не успел даже вмазать по ее толстому задку, как она уже вернулась с кухни с новой тарелкой и с новым омлетом.

Однажды его озадачило, откуда Маша берет деньги на продукты. Он позвонил в колокольчик, и она мгновенно возникла в дверях, по обыкновению голая и в фетровой шляпенке. У него было впечатление, что за все это время она так ни разу и не оделась.

- Скажи, пожалуйста, чумовое дитя, - спросил Елизар Суренович благосклонно. - На какие шиши ты все покупаешь? Вот вчерашнюю телятину, например? На свои, что ли?

Маша присела на свой узаконенный пуфик, расставя ноги так, чтобы хозяин мог полюбоваться ее пышным лобком.

- Деньги покамест есть, - сказала она равнодушно. - От прежней работы сохранились.

- А где ты прежде работала?

Маша захохотала, отчего у Благовестова привычно зачесалось в левом ухе.

- Да где работала, там уж нет ничего. Один пепел.

- Понятно, - кивнул Благовестов, ничего не поняв. - Ну а вот жалование тебе какое-нибудь от меня должно причитаться, как ты полагаешь?

- Дак мне же Иннокентий плотит. Я не в обиде. Мне много не надо.

- Сколько же он тебе плотит?

- У вас что, хозяин, денежки кончились? Могу дать займы. Но немного. Тысячи четыре.

Благовестов ненадолго задумался. Он думал об Иннокентии Львовиче. Этот матерый, финансовый жучила и, возможно, его единственный, оставшийся в живых друг, которого он искренне уважал и ставил мысленно почти с собой вровень, ничего не делал без дальнего прицела. Значит, и в том, что он внедрил к нему в дом розовое, пышнотелое чудовище, тоже был какой-то умысел. Но какой? И почему он был так уверен, что сия марьяжная дамочка, у которой мозги явно набекрень, придется ему по душе? Не подметил ли прозорливый соратник своим хищным оком, что у самого Елизара Суреновича умишко поехал вкодь? А если это так, и если Грум лелеет тайную мыслишку подтянуть его потихоньку поближе к желтому дому, то следовало вскорости принять тяжелое, но мудрое решение, касающееся дальнейшего пребывания самого Иннокентия Львовича на грешной земле. Именно в этом случае ему очень не хотелось поторопиться, но законы крутого бизнеса, увы, непреложны: не опередил с ударом, спокойно заказывай саван в коммерческой фирме «Тихая пристань». Тем более, совсем недавно ему был знак, Ангел-Хранитель посетил лампадкой на крутом изгибе дачного шоссе.

- Платить тебе буду сам, - сказал Благовестов. - Двести долларов в месяц и на всем готовом. За особые услуги отдельное вознаграждение. Согласна?

- Еще бы не согласна, - Маша истово почесала свое могучее бедро. - Только нам зелень ни к чему. Желаете облагодетельствовать, дак купите сапоги. Мои-то старые совсем сносились.

- Хорошо, - согласился Благовестов. - Тогда ответь еще на один вопрос и можешь идти. Почему ты все время голая? Тебе жарко?

Как и ожидал Благовестов, проняло ее лошадиным гоготом, отчего груди запрыгали, как два баскетбольных мяча.

- Смешно вы спрашиваете, добрый хозяин. А вдруг вам при-спичит? У больных старичков позывы короткие. Промедлишь лишь мгновение, а уж он усоп. Я к вам приставлена, чтобы в неприкосновенности содержать. А как же! Мы денежки берем не за красивые глазки.

- Кто это - мы?

- Ну которые для Божьей милости предназначены.

- Все, - сказал Елизар Суренович. - Свободна. Чего на обед приготовить?

- Чего заказано. Супец с куриными потрошками, плов бараный. Желаете, польской водочки подам?

- Когда это я пил польскую?

- Вы, барин, честное слово, как дитя малое, неразумное. Жрете сутками краску поганую, французскую, а на ноги подымает только беленькая. Уж я то знаю, чего говорю.

Помнилось Благовестову, из-под полей шляпки полыхнул на него желтый огонь, в недоумении он даже ладошкой прикрыл лицо.

- Все, ступай! Долго с тобой говорить нету мочи.

Всякий раз, когда натыкался на нее в путешествиях по квартире, первобытная красавица намекала ему на необходимость облегчения по мужицкой части. Делала она это так. Испуганно вскрикнув, изгибалась вдруг в какой-нибудь сверхъестественной порочной позе и так замирала, будто под гипнозом.

- Ну чего ты, чего ты из себя корчишь, дурища неумытая? - сердился Благовестов.

- Как же, барин, боязно. Вдруг снасилуешь!

- Тьфу ты пропасть! Гляди, будешь зубы скалить, выгоню!

Вдоволь наржавшись, Маша сочувственно бasila:

- Напрасно, барин, избегаете наслаждений. Остерегаться грех. Коли уж сюда доковыляли, со мной вполне управитесь. Надо только примоститься поудобнее. Я уж подсоблю, не сомневайтесь... Иначе застой бывает. Скоко таких трагедий известно. Избегает мужик ласки, бережет силенки неизвестно для чего, а там - брат и навзничь. Это уж проверено на опыте многих жмуриков.

- Ты эти шутки, говорю тебе, брось. А то устрою такую ласку, башка в пузо провалится.

Грозил понарошку, всерьез на нее как-то не мог психануть. Да и здоровьем укреплялся день ото дня на ее харчах и заботах. И вот настал час, когда трое врачей, светила медицинской науки, приведенные Грумом на консилиум, в один голос ему объявили, что все самое страшное позади, и пора выбираться на природу для воздушных процедур.

Именно в этот день, в тихий вечерний промежуток засиделись они допоздна с Иннокентием Львовичем за дружеской беседой. Грум пил чай с медом и кокосовым печеньем, Елизар Суменович сосал неизменную «Хванчкару», а голышка Маша прикорнула на коврике у окна, готовая в любой момент очнуться и оказать самую невероятную услугу. Беседовали вполголоса, чтобы не потревожить невзначай чуткий девичий сон. Иннокентий Львович, измотанный дневными хлопотами до прозрачной синевы под глазами, излучал какую-то особенную, почти ангельскую приязнь. На каждую фразу владыки так готовно и радостно кивал, что постепенно голова у него сникла почти до колен.

- Прикидывал я так и эдак, - заметил задумчиво Благовестов, - но понять не могу. Убивать-то меня, старичка, никому не выгодно. Даже тебе, Грумчик. Верно? Зачем тебе кровавые эксцессы, ты же не «новый русский»? Потом живи - и оглядывайся. Какой резон? Ты и так бархатным, как говорится, путем годика через два переймешь капиталы, взойдешь на престол, коли силенок хватит. Кровь-то больше по молодости, да по дури льют.

- Все правильно, - подтвердил Иннокентий Львович. - Я все же больше склоняюсь к Алешиной кандидатуре. Хотя почерк определенно не его.

- Именно что не его. Чересчур профессиональная работа, кегебешная. Но оттуда клянутся, что ни сном, ни духом. И я им верю. Им сейчас не до нас. Самим бы головы уберечь. Им Борис Николаевич переключку сделал - вот их главный враг. Или он их додавит, или они его. Но кому же тогда приспичило? Всякие Серго да Гогенцоллерны - жила слабовата. Ты говоришь, Алешка? А ему на кой хрен? Наши пути не пересекаются, у него свой бизнес. Ну и моральный фактор имеет значение. Он меня четыре года назад вполне мог завалить, был у него фарт, да сплыл. А уж я со своей стороны сто раз его цыплячью шейку шупал, дунь - и нету. Но гляди-ка, оба живы- здоровы. Зачем же ему ни с того, ни с сего заново баламутить? Он человек рискованный, но не безалаберный, нет. Знает, поганец, как его люблю. Он мне как сын почти.

Иннокентий Львович, распрямившись, сглотнул чайную ложку липового меда, поморщился от избыточной сладости.

- Алешку придется убрать, - заметил он горестно.

- Придется, - вздохнул Благовестов, - а жалко. Такой светлый паренек. Бесстрашный, чистый - и голова на плечах. Жена у него хорошая. Наивная такая девочка, я ей целку ломал.

- Хотя бы для профилактики, - добавил Грум.

На коврике шевельнулась Маша Копейщикова и гулко хохотнула во сне.

- Все-таки недобрый ты человек, Грумчик, - сокрушенно обронил Благовестов. - Почему бы тебе до кучи и ее не убрать? Все равно ведь сорная трава.

- Она под контролем. Алешку мы больше контролировать не можем. За флажки вымахнул.

Возразить было нечего. Елизар Суренович с удовольствием просмаковал глоток густого, багряного вина. Почмокал губами совсем по-стариковски.

- Ты про такую Французенку ничего не слыхал, Грум?

Иннокентий Львович вскинул брови.

- А что?

- Да вот любопытствую, что за чудо произошло на гнилой российской почве. Стелется по трупам, как по болотным кочкам, и ни царапинки на ней.

- Дьявол тебя побери, Елизар, эк тебя бросает. Она же чокнутая. Мало нам своих честных, добросовестных исполнителей? Распорядись только, за остальным я уж сам прослежу. Не впервой, слава Богу.

Благовестов огорчился.

- Стареешь, Грумчик. - По одной тропе зверье на водопой ходит. Там его и стерегут охотники. Да и Алешку низко ставишь. Все твои исполнители у него в семейном альбоме на фотокарточках. А многие, полагаю, у его друга Мишки Губина на подкормке.

- Есть залетные, - обиделся Иннокентий Львович. - Вполне солидные господа. Оба камикадзе, прямо из Абхазии доставлю в почтовом вагоне. По документам оба давно расстреляны.

Благовестов еще глотнул вина.

- Чепуху ведь мелешь, стыдно слушать. Абхазы, армяне, магометане. Негра еще прихвати из Гарлема. Тоже там по слухам отчаянный народец и совершенно безмозглый. Давай, действуй. Посмеши Алешку. Только потом не обижайся, когда тебя Губин враскоряку поставит. Отстал ты от жизни, коллега. Привык нашим овечкам из банков сопли в глотку вбивать. Алешка не банкир и не брокер. Он в городе себя чувствует, как рысь на лесной поляне.

Иннокентий Львович, внимая владыке, теперь уж вовсе уронил башку к коленям, и не подымал глаз, чтобы не заметил Благовестов усмешки. Но тот и по затылку угадал: о чем он думает.

- Нет, Грумчик, я не в маразме, и Алешку не боюсь. Скоро сам поймешь, что я прав, а не ты. Еще одно скажу по секрету. Не хочу спешить. Оторванную тыкву на другой стебель не присадишь. Таких как ты, Кеша, больше на свете нету, но и Алешка в единственном числе уродилась. Поверь старику, не надувай щеки.

Предоставь-ка лучше к завтраму Таню Француженку. Погляжу, кто такая.

Грум выгнулся снизу бледный, как после плача.

- К завтраму не сумею. Послезавтра приведу.

- Чаек-то остыл? Пни-ка животину, пусть кипяточку принесет...

Утром Француженка чувствовала себя скверно, и все пыталась вспомнить, кто же мог ее сглазить. Пришла к выводу, что не иначе это был старенький инвалид в метро, которому она сдуру подала милостыню. Непонятно, что на нее накатило. Нищих в Москве с каждым днем становилось все больше, они торчали повсюду, как ромашки в поле; привычный фон новой, завидной жизни горожан, и никто, кажется, а уж Таня тем более, не обращал на них внимания. Разве что какой-нибудь особенный калека, похожий на выходца с того света, заставлял прохожих брезгливо поджимать губы и сторониться, потому что многие инстинктивно чувствовали, что нищета такая заразная болезнь, как холера. Бывали попрошайки совершенно экзотические, как бы сошедшие с театральной сцены, вроде того молодого, темноволосого трубача в подземном переходе у Октябрьской, который, в блаженном экстазе закатив глаза, часами выдувал из своего хилого инструмента пронзительную пародию на былой государственный гимн. Или недавно влетела в вагон расхристанная цыганка с черным, кривоногим, пузатеньким то ли карапузом, то ли вороненком; и этот самый вороненок с масляными, озорными глазенками начал теребить пассажиров за коленки, требуя подачки. И ручонки у него были цепкие, крохотные, как птичьи лапки. Одного солидного гражданина с министерским портфелем в руках он-таки вывел из себя, и тот отвесил ему подзатыльник, отчего вороненок, хохоча и ухая, прокатился по всему проходу, пока не ухватился коготками за поручень. Мама-цыганка тут же добавила ему науки, и на остановке вышвырнула дитятку вон из вагона.

Старичок, которому Таня подала милостыню, был без одной ноги, на костылях и с ужасным двусторонним горбом впереди и сзади. Она бросила ему в шапку пятисотенную и - не убереглась! - встретилась глазами с липким взглядом, словно прикоснулась к издыхающему насекомому. Тут-то он ее и достал. Из потухающего костерка чужой жизни пахнуло на нее горьким и паленым. - «Чтоб ты сдох поскорее!» - от души пожелала ему Таня, но было уже поздно.

Чтобы перебороть сглаз, надо было помолиться, и она это сделала. «Милостивый Боже, - попросила смиренно, - отпусти

вины, вольные и невольные, пощади и пожалей рабу твою Наденьку, защити от страшного мира, который гнет и ломает твою зеленую, цветущую веточку!»

Пока прибиралась в квартире и чистила перышки, горбатый злодей, напустивший на нее морок, постепенно отодвинулся в экзотическую даль. Вскоре приехала массажистка Груня, дебелая бабища из Центра здоровья на Варшавке. После сеанса Француженка угостила гостью куриным супом из пакета и котлетами собственного приготовления. Подала ей белого вина, а сама ограничилась чашечкой крепкого бразильского кофе да двумя печенюшками.

Массажистка Груня, даром что кудесница, была придурковатой и всегда рассказывала одну и ту же историю про мужика, который собирался на ней жениться, а когда добился своего удовольствия, то надругался над ней и бросил на произвол судьбы чуть ли не беременную. Правда, от рассказа к рассказу мужик каким-то чудесным образом видоизменялся. В первый раз это был «вонючий хорек», который даже удовлетворить ее толком не сумел, и лишь насажал синячков на все тело; а уже сегодня, после серии волшебных превращений, открылся воображению страдающей женщины таким одиноким странствующим рыцарем, с которым ее разлучили злые люди.

- Я уж не сразу, только потом догадалась, - призналась массажистка, раскрасневшись от горячего супа и белого вина. - Соседка его сманила со второго этажа, дворничиха наша, рожа неумытая. Это такая прощелыга! Какой мужик покрасивше забредет в подъезд, она его к себе и ташит. Выскочит из дверей, цап за руку - и волокет на кухню. А там у ней склянка с приворотом. Мужчина-то подумает водка, обрадуется, глотнет стакашку - и без всякого кумира. А уж мой-то тем более. Доверчивый, как телок. Ему токо поднеси, на стенку полезет трахаться. Как думаешь, Танечка, он ко мне вернется?

- Куда ему деться? Кто ты и кто она. Подумаешь - дворничиха.

- Не скажи... Эти стервы всякие приемчики знают. Нам с тобой такое в голову не придет, чего они с мужчинами вытворяют.

Заперев дверь за перевозбуждившейся от любовных наущений массажисткой, Таня снова легла в постель. Взяла в руки книжку, но не читалось и не думалось ни о чем. Она не любила такое настроение, когда кажется, что отпущенный для земных дурачеств срок вот-вот оборвется. Потянулась за зеркалом и стала себя разглядывать. Никто не дал бы ей двадцати шести лет, но... От грустных размышлений ее оторвал телефонный звонок. В труб-

ке загудел вкрадчивый голос, принадлежавший пожилому человеку.

- Вы меня не знаете, Таня, но нам необходимо повидаться по очень интересному для вас делу.

- Кто вы?

- Мое имя вам ничего не скажет.

- Кто вам дал телефон?

- Разве это так важно?

- Если вы просто пожилой шалунишка, - сказала Таня, - то советую поскорее забыть этот номер.

- Извини, Танюша, - добродушно отозвался незнакомец. - С тобой хочет поговорить Елизар Суренович. Про такого, надеюсь, слышала?

- Вы сами кто?

- Моя фамилия Грум. Я его сотрудник.

- Вас зовут Иннокентий Львович?

- Польщен, дорогая Француженка, очень польщен.

- Куда я должна приехать?

- Завтра, в шестнадцать ноль-ноль... - и Иннокентий Львович продиктовал адрес, который она запомнила.

Елизар Суренович приказал Маше одеться и сидеть в чулане, пока сам ее не позовет.

- Если появишься раньше времени, тут тебе и крышка, - предупредил он. Маша хмуро поинтересовалась, почему она не может сидеть в чулане голая, но он так на нее глянул, что, паче обыкновения, она молчком улизнула и затаилась.

Ровно в четыре часа ординарец Петруша, свирепый и немногословный осетин, ввел в гостиную высокую, красивую девушку, наряженную в строгий, английского покроя, светлый шерстяной костюм. Лицо, одежда и приветливая улыбка в ней были настолько соразмерны, что Благовестов ощутил давно забытое волнение в чреслах.

- Вон ты значит какая! - молвил он, сделав Петруше знак удалиться. - Про тебя легенды складывают, детишек тобой пугают, а ты совсем еще девочка. Что ж, садись вон в то креслице, там тебе будет удобно. Давно хотел с тобой познакомиться. Как прикажешь себя величать?

Таня послушно уселась, скромно сдвинула колени, на лице сохраняла удивленно радостное выражение сиротки, узревшей живого Деда Мороза.

- Как хотите называйте, Елизар Суренович. Всегда ваша покорная рабыня.

- Ишь ты! Чем угощать тебя, рабыня? Винца моего откушашь? Оно слабенькое, но сладкое.

- Как угодно, Елизар Суменович.

Кряхтя, Благовестов дотянулся и наполнил два бокала шипучей «Хванчкарой».

- Ну, как говорится, за доброе знакомство!

Таня вино пригубила, Благовестов осушил бокал целиком. Гостя очень ему приглянулась. Он такой ее и представлял: невинная, очаровательная, стерильная смерть в упаковке сексбомбы. Ему захотелось дотронуться до нее, проверить, не тряханет ли током.

- Не поведаешь ли немного о себе, милое дитя? Кто родители? Откуда родом? Как дошла до жизни такой? Не стоишь ли на учете у психиатра? Нам ведь с тобой, возможно, интересное дельце предстоит сварганить.

- Елизар Суменович, кажется, вас неправильно информировали. Никакими такими дельцами я больше не занимаюсь. Напротив, третий год грехи замаливаю. Новую жизнь начала. Хочу замуж выйти, да детей рожать. Извините, если разочаровала.

С той минуты, как Петруша ее привел, Благовестов испытывал приятное возбуждение, и теперь ему было крайне любопытно, сколько времени она сумеет изображать наивную идиотку. Игра, которая между ними сразу затеялась, одинаково развлекала обоих.

- Раньше бы нам перевидеться, - искренне заметил он. - До этой злополучной аварии.

- И что тогда?

- Сама знаешь - что... Вот давай прикинем. Ты в Москве примерно лет десять, так? За последние два года на тебе четыре трупики. Это только те, которые в нашей картотеке. Да какие трупики! Один Ваня Сидорук чего стоит. Ему же укороту не было, все Подмосковье курировал. Нет, размах у тебя нешуточный, и при этом ни одного прокола. Как тебе это удастся? В одиночку ведь промышляешь, если честно говорить.

- Не понимаю, о чем вы? - ее глаза восхитительно округлились. - О каком Ване Сидоруже? Который в фильме «Неуловимые мстители» играет?

- Талант, вижу, незаурядный талант, но ведь этого мало. Как же так, без прикрытия, без связей... Просто уму непостижимо. Ты мне знаешь кого напоминаешь? Покойного Гришу-снайпера. Уж как я его любил, никого, наверное, так не полюблю. Его тоже ангелы небесные долго охраняли. Беззаветный, радостный был стрелок. Как бы рожденный для вечных попаданий. Но где он теперь? Давай-ка, детка, выпьем за его святую, неприкаемую душу.

Расчувствовавшись, Елизар Суменович сделал два крупных глотка прямо из горлышка темной, нарядной бутылки. Таня сказала:

- Вы чего от меня хотите, Елизар Суменович?

- Боже мой, вот она старость. Уже тебе и скучно просто так посидеть со мной, посудачить. Прежде-то, бывало, женщины так и льнули, так и ловили каждое словцо. Но не такие, как ты, нет, не такие. Помельче, конечно. Хотя были две-три... Эх, да что теперь... Но поработать хоть на меня поработаешь? Не побрезгуешь?

Неожиданно метнул на нее темный, яростный, обволакивающий взгляд, тот самый, от которого самые строптивые подельщики мгновенно приходили в себя и остро задумывались о мимолетности текущей жизни. Таня даже не поморщилась. Улыбнулась преданной улыбкой дочери, у которой отец заблажил с похмелья.

- Елизар Суменович, вы великий человек, я это знаю, и хочу сказать вам правду. У меня нет ни отца, ни матери, я от них отреклась. У меня нет прошлого и нет будущего. И настоящее призрачно, как мечты гимназистки. Может быть, я исчадие ада, а может быть, и нет. Но как бы то ни было, со мной вам придется забыть о своем величии. Вам меня ни напугать, ни подчинить не удастся в том смысле, как вы привыкли с другими. Забудьте об этом. Вы можете меня только убить. Мы оба знаем, как это несложно. Так и убейте сразу, не обижусь. Или говорите по существу. Чего зря языком трепать. Я же не девочка по вызову.

Ее неожиданную отповедь, при которой она все же ухитрилась сохранить любезную доверчивую мину, Елизар Суменович принял со вниманием и беззлобно. Ему не было жалко потерянного времени. Он уж и не помнил, чтобы кто-то разговаривал с ним в таком тоне. Да и случилось ли это вообще? Она была права, прихлопнуть ее нетрудно. Все равно что мухе оторвать жужжащую головку. Но ему вдруг захотелось, чтобы она жила вечно, такая, какая есть, какая сидит перед ним: в строгом английском костюмчике, с пухлыми губками, с тайным ядом во взоре. Чтобы охладить запыхлавшее нутро, он запрокинул голову и допил вино до доньшка.

- Когда-нибудь, - сказал он мечтательно, - милое дитя, в этой же комнате, на этом ковре ты станешь на колени и со слезами счастья на глазах, с моего позволения займешься французской любовью. Это будет переломный момент в наших отношениях. Потом мы подружимся и, возможно, я тебя удочерю.

- Если хотите, - насмешливо отозвалась Таня, - могу сделать это прямо сейчас. Удовольствие недорогое.

Елизар Суменович хлопнул в ладоши и в мгновение ока на пороге возникла Маша Копейщикова, больше, чем обычно взлохмаченная, в своей законной фетровой шляпенке, но туго обернутая вокруг бедер вафельным полотенцем.

- Водки, - распорядился Благовестов, - и чего-нибудь зажрать.

Живо!

Таня Француженка завистливо поглядела ей вслед.

- Какая симпатичная обезьянка.

- Хочешь - подарю?

- Нет уж, спасибо.

Водки выпила не чинясь, полную стопку. Расстегнула верхние пуговицы у костюма. Теперь лицо у нее было сосредоточенным.

- Итак, слушаю вас, дорогой Елизар Суменович.

- Алешку Михайлова знаешь?

- Креста? Нет, лично не встречалась, но, конечно, наслышана.

- Справишься с ним?

Таня непроницаемо молчала.

- Ты что - оглохла?

- Это трудное дело.

- Я спрашиваю - да или нет?

- Все зависит от цены. И времени понадобится не меньше месяца.

- Но справишься?

- Почему бы и нет? У него одна голова.

Благовестов понюхал рюмку, скривился.

- Когда будешь в моих годах, переходи на сухое.

- Хорошо, я запомню.

«Век бы ее не отпускал отсюда», - подумал Елизар Суменович. Вслух сказал:

- Какие могут быть проблемы?

- Возможно, кто-то из его людей знает меня в лицо. У него большая кодла.

- Да, большая, - согласился Благовестов. - Вот мы ее немного и подсократим.

- Пятьдесят тысяч зеленых и, если понадобится, документы.

- Где надеешься отсидеться?

- В Европе, где же еще? Но паспорт нужен чистый.

- Хорошо, детали обсудишь с Грумом. Когда будешь готова, дашь знать. Но без особого сигнала - ни-ни! Поняла?

- У меня правило, половина бабок вперед.

- Бедная, отчаянная девочка, - жалостливо усмехнулся Благовестов. - Да я тебе хоть всю сумму выдам авансом, мне-то что. Это твои трудности.

Она прекрасно поняла намек. Что-то в ней дрогнуло, нервным движением она открыла сумочку. Благовестов невольно глубже угнездился в кресле. Если бы ему был ведом страх, то сейчас как раз он бы испугался. Он даже подумал, не промахнулся ли Петруша, хорошо ли ее общмонал? Но достала она всего-навсего пачку ментоловых сигарет.

- Вот и Гриша точно такой был, - сказал Благовестов, - то ничего-ничего, а то вдруг как твякнет. Иной раз приходилось строгие меры принимать.

- Я не твякаю, - улыбнулась Таня прежней детской улыбкой. - Я молчаливая.

- Да это я так, к слову... - Благовестов нажал какую-то кнопку и в комнату заглянул бритоголовый Петруша. У него была особенность, которая сразу бросалась в глаза: головной мозг у него помещался в гениталиях. Когда он взглянул на Таню, то забавно, по-бычьему шмыгнул ноздрей.

- Что скажешь, Танечка, а? - почмокал губами Благовестов. - Хорош жеребец? Чистопородный, прямо из стойла. Хочется все же тебя одарить для знакомства. Не взяла Машу, бери этого. Пригодится в хозяйстве.

Таня на безответного Петрушу не оглянулась.

- Спасибо, Елизар Суренович! Ваша щедрость поражает воображение. Но у меня своей такой уже есть. Зачем мне два?

- Наше дело предложить. Деньги получишь у Грума... Петруша, проводи гостью. Да гляди у меня, рукам воли не давай.

Петруша недовольно засопел. Благовестов прикрыл глаза, как бы в изнеможении. Озорно на прощание сверкнул его черный зрак. Таня сигаретку не успела запечь, как уже оказалась на улице; Петруша поймал «такси». Из машины, уже на ходу, она послала ему воздушный поцелуй.

4

Все нынешние заботы сводились к одной: куда направить капиталы, чтобы они не окостенели. После мощной банковской аферы, где Вдовкин выказал себя гением, мешок набился под завязку, в нем миллиарды лежали пластом, бездвижно, и по краям потекли пролежнями.

Алеша Михайлов вторую неделю безвылазно сидел на даче, куда к нему приезжали господа из разных ведомств, яйцеголовые, гоношистые, говорливые, самоуверенные всезнайки. Правда, кое-где траченные молью; но из противоречивых сведений, из мозаики мнений никак не складывалась цельная картина. А то, что было очевидно, не вызывало оптимизма. Промышлен-

ность в коллапсе, земля на государевом замке, сырьевые реки вытекали из России большей частью под пристальным надзором иноземных компаний, и на них по-прежнему грели руки пердельщики первого призыва под водительством бессмертного Елизара. Недвижимость, особенно в регионах, была пока бесхозна, но гневная схватка за нее шла не на финансовом, а на политическом уровне, на дебатах парламента и в кабинетах Кремля. Страна была схвачена за горло, но не им. Против каждого перекупленного чиновника в министерствах или в Верховном Совете у Елизара и там оказывался целый десяток.

Как луч света в темном царстве, посветил Алеше приезд двух ближайших соратников Елизара, двух его старых побратимов - саратовского отшельника Петра Петровича Сидорова, и некоронованного кавказского владыки Кутуй-бека. Как он их заманивал, чаровал, охмурял, - это целая эпопея, но именно в тяжелые, предгрозовые, летние дни они, как по заказу, заглянули к нему один за другим, Сидоров в среду, а Кутуй-бек в пятницу.

Сидоров, человек-легенда, прикатил к обеду в стареньком «жигуленке», без всякой охраны, если не считать за такового его водителя, которому, как и самому Сидорову, по общему виду давно бы греть косточки в уютном крематории на улице Орджоникидзе.

Уведомленный шифрованным телефонным звонком за час до приезда, Алеша поджидал старика на пороге своего двухэтажного бревенчатого дома и, подбежав к машине, раскрыл ему почти тельные, сыновьи объятия.

Устроились на тенистой веранде, куда послеполуденное солнце проникало хрупким лазоревым силуэтом. Больше всего беспокоило Петра Петровича, чтобы не забыли накормить его водителя, которого он для пущей конспирации называл не по имени, фамилии, а по-домашнему - «говнюком».

- Коли этот говнюк, - объяснил он Алеше, - два часа попуститя, у него будет кишечный срыв. Кто же меня тогда вернет в столицу-матушку?

Первое Алешино впечатление, будто видный саратовский могиканин спятил, быстро развеялось. Ум Сидорова был всеяден и быстр, надо было только приноровиться к его обтекаемой, куражливой речи. К Елизару Суреновичу у него была единственная претензия, впрочем, та же самая, что и у Алеши: старый чурбан зажился на свете и не дает ходу молодым, зеленым, рыночным побегам, к коим по странной прихоти провинциального ума Петр Петрович, видимо, причислял и себя.

После недолгих хождений вокруг да около перешли к делу.

- У вас есть некоторые документы, уважаемый Петр Петрович, - сказал Алеша, - а у меня есть желание их купить. Мне кажется, мы сможем договориться.

- Ты имеешь в виду мое досье, сынок?

- Это же мина, о которой знает весь мир. Я даже иногда беспокоюсь за ваше благополучие.

Петр Петрович расплылся в лучезарной гримасе, еще более округлившей его благодушный лик. С первой минуты он почувствовал к Алеше симпатию, подобную той, которую испытывал, вероятно, вымиравший ящер к молодому, резвому крокодилчику.

- Много слышал о тебе, - признался Сидоров, - но на мой взгляд, слишком ты, паренек, хорош собой для наших утомительных занятий. Прямо Алеша Делон из французских кинокартин.

- Не видели вы меня лет десять назад. Один художник хотел писать с меня портрет младенца на руках Марии Магдалины. Большие бабки сулил, но я отказался. Не люблю позировать. Потом, правда, передумал, но было поздно. Художника замели за подделку сторублевков.

- Не кощунствуй, сынок, - чуть нахмурился Петр Петрович. - Кстати, про говнюка моего не забыли, как ты думаешь?

- Не беспокойтесь, Петр Петрович, с ним все в порядке; Давайте лучше вернемся к досье. Ведь сколько на него охотников, страшно подумать.

- Картотека в надежном месте, - уверил Сидоров. - Но меня, как понимаешь, меньше всего интересуют деньги.

- Это естественно... Но не могли бы вы, к примеру, приоткрыть завесу, какого рода этот компромат? Ну допустим, возьмем какую-нибудь определенную персону, скажем, Кутуйбека, хорошо вам известного.

Сидоров не стал ломаться.

- Вышка с конфискацией, - сказал он просто. - Даже если бумага попадут в руки студенту с первого курса юрфака.

- Солидно. И много в картотеке персон?

Сидоров вдруг опечалился. Жизнерадостные щеки его поникли.

- Увы, сынок, ничто не вечно под луной. Многих фигурантов уже ни с какими документами не догонишь.

- Понимаю, - взаимно огорчился Алеша и придвинул поближе к старику блюдо с фруктами. От всяких возлияний Петр Петрович с самого начала наотрез отказался: тщательно берег остатки своей печени.

- Ну а что там с Елизаром? - поинтересовался Алеша.

- О, это случай, конечно, особенный. Теперь ему уже никакие утки не опасны. Но у меня есть кое-что получше.

- Что же это может быть?

- Наживка, которую он проглотит, и которой подавится.

- Почему же до сих пор не подавился?

- Мне важно знать, кто придет на смену?

- Я и приду, - так же просто, как Сидоров, ответил Алеша. - Какая может быть альтернатива? Никакой.

Тут Сидоров спешно собрался в туалет по малой нужде, и Алеша проводил его в сад к уютной зеленой кабинке. Выйдя от туда, Сидоров извинился:

- Аденома проклятая, житья не дает. Но оперировать не дамся. Не верю нашим жизнерадостным мясникам в белых халатах.

- Очень разумно. Для врача больной человек никакой ценности не представляет. У меня как-то в носу болячка вскочила, такой маленький прыщик, сдуру попер в больницу. Направили к хирургу. Сидит детина здоровенный и сразу видно, то ли не в себе, то ли пьяный. Покопался трубкой в носу: о, говорит, придется госпитализировать. Необходима срочная операция. А можно, говорит, амбулаторно сделать, прямо здесь. За свой нос, говорит, не волнуйтесь. Сейчас придумали пластиковые насадки, будет ничуть не хуже натурального.

- И что дальше? - живо заинтересовался Сидоров.

- Ничего. Супруга помазала какой-то мазью, посморкался - и никаких следов. Мы и вашу аденому вылечим. В крайнем случае, слетаете на Филиппины. Там вообще без ножа режут.

Алеша повел гостя по саду, где росли четыре яблони, две вишни и одна слива. А также было несколько смородиновых кустов, малина и с десяток клубничных грядок.

- Все своими руками, - гордо поведал Алеша. - Я же по натуре крестьянин. Люблю в земле поковыряться. И родители были крестьянами. Бизнесменом-то я стал по необходимости. Жить на что-то надо, правильно?

Присели на скамеечку под нарядным, пестрым тентом.

- Откуда у тебя такая уверенность, сынок, что именно ты Елизарово хозяйство переймешь? - осторожно спросил Сидоров.

Алеша блаженно шурился, подставя лицо закатным лучам.

- Не только у меня, - ответил он. - Иначе зачем бы вы сюда приехали.

- Что можешь предложить взамен за информацию?

- Спокойную, обеспеченную старость. Плюс к этому все, что пожелаете.

- Ты хороший, честный мальчик, но все-таки пока это пустой разговор. То, что ты предлагаешь, у меня есть и без тебя.

Алеша посмотрел ему в глаза, но ничего там не увидел, кроме безгрешной загадки бытия. Загадка была вечной, а заключалась в том, что человек, живя на земле скопом, остается все же одиноким, как луна на небесах, и никого не пускает к себе в душу.

- Конечно, у тебя все есть, Петрович, - согласился он. - Ты немало потрудились. Но где гарантия, что не потеряешь все это в одночасье? При одряхлевшем-то вожачке?

Сидоров задумчиво понюхал пожелтевший яблоневый листочек.

- Дам тебе ответ через месяц.

- Через неделю. Сроки подпирают. Помни, Сидоров, я без твоего досье обойдусь, ты без меня - нет.

Старик поморщился. На него никто давно не давил так нагло. Он не остался ужинать, и в дом больше не зашел. Попросил прислать оттуда «говнюка». Ему было грустно оттого, что так мало осталось живых людей, которые могли бы разделить его печаль. О прошлом не жалел, понимал, жизнь чересчур коротка, чтобы успеть надежно в ней обустроиться. Ясноглазый победитель, склонявший его к братоубийству, того не ведал, что и к нему не сегодня, завтра придет его собственный палач. Люди редко дают спокойно помереть своим ближним. На краю могилы обязательно найдется ухарь, который пнет напоследок ногой в дышалку.

- Не горюй, Петр Петрович, - обласкал его Алеша. - Я тебя как-то сразу полюбил. Ничего с тобой не случится дурного. Но документы отдай.

- Может, ты справишься с Елизаром, - Сидоров отрешенно усмехнулся, - а может, и нет. Но не забывай, удавка на всех заготовлена. И на тебя тоже. Она в руках того, на кого не бывает компромата.

- Это я знаю, - заверил Алеша.

... Через день обрушился с визитом Кутуй-бек. Его пришествие было подобно нападению инопланетян. Четыре «форда» на лютой скорости рассекли фарами сонную тьму дачного поселка, а жужжащие полицейские сирены и грохот трех мотоциклов сопровождения, похоже, с оторванными глушителями, вдребезги расколошматили уютную лесную тишину, и, надо полагать, многие мирные дачники в ужасе вывалились из своих постелей, не сомневаясь, что настал, наконец, долгожданный час Страшного суда. Алеша выглянул в окно и подумал, что Кутуй-бек, дитя вечного триумфа, конечно, не помрет своей смертью.

Он вышел на крыльцо и с любопытством наблюдал, как из всех машин посыпались полусогнутые фигурки и мгновенно, профессиональным кругом заблокировали подходы к дому. Из одного из «фордов» выступил низкорослый (издали) человек, ог-

ляделся, запалил сигарету и, не спеша, зашагал к дому. В некотором отдалении следовали трое боевиков, в длинных плащах, с опущенными в карманы руками.

- Салам алейкум, дорогой абрек, - радушно приветствовал гостя Алеша. - Узнаю по походке героя!

Кутуй-бек протянул руку и они обменялись рукопожатием. Ладонь у горца была, как наждак.

- Извини, Алексей, за шум, иначе не умеем. Тут война, там война. Привыкли.

- Куда же я твою рать размещу? Видишь, домишко-то у меня небольшой.

- Мы ненадолго. Побудут там, где есть. Не сахарные.

В гостиной расторопный Ваня-ключник уже успел накрыть на стол. Сели. Алеша разлил «Наполеон» по широкоствольным фужерам.

- За встречу, абрек! Спасибо, что почтил мой дом. Хвала тебе, бесстрашный друг!

Кутуй-бек благосклонно кивнул. Не моргнув, осушил фужер. Бросил в пасть лимонную дольку. Теперь Алеша хорошо его разглядел. Сколько лет не скажешь: сухое, точеное лицо, яркие черные глаза. Не такой, какие на рынке. Другой. Горный орел. Хищник экстра класса. Много раз кровавыми лентами проложил тропинки от Кавказа до холодных морей. Никому никогда не кланялся. Чем так долго удерживал его Елизар в своей упряжке - одному дьяволу известно.

- Меня зачем ищешь? - спросил Кутуй. Алеша не ожидал такого быстрого перехода, приготовился к долгому, обиходному толкованию. Угадав его заминку, Кутуй резко добавил:

- Нефть хочешь?

В тон Алеша ответил:

- Нефть мне не нужна. Дружить хочу.

Презрительный, сумрачный, настороженный взгляд Кутуя просветлел, смягчился. Алеша смешливо подумал, что неукротимый горец похож сейчас на железного Феликса, который на допросе белогвардейской сволочи вдруг смекнул, что наткнулся на родича, а придется все равно вешать.

- Ты опасный, - сказал Кутуй. - Мне говорили. Но у тебя хорошие манеры. Это приятно. Дружить можно, почему нет. А еще чего хочешь?

- Хочу подарок сделать.

Алеша кликнул Ваню-ключника. Велел ему: - Приведи!

Ваня привел белокурую девчушку, закутанную в цветной сафран. Ее звали Катя Самохина. Она была как искорка в костре. С двенадцати лет, сиротка, подбирала пожилых клиентов на Ка-

занском вокзале. Жила впроголодь и чуть не села на «перо» в вокзальной пьяной разборке. Оттуда ее и выудил, спас кто-то из Алешиных ребят. Потом она воспитывалась в Алешином окружении, как дочь полка. Ее передавали из рук в руки, определили в дорогой, платный лицей, и постепенно она расцвела. Умишко у нее был, как у кобры, а сердечко преданное, тихое. Алешу она почитала, как Господа Бога. Ее готовили для деликатных поручений, и вот настал час приступить к работе. Два последних дня Алеша подолгу ее инструктировал. От роду ей было пятнадцать лет, но по жизни она давно была старухой. Кутуй-бек обомлел, когда ее увидел.

- Это мне? - спросил недоверчиво.

- Тебе, кунак, - подтвердил Алеша. - Отрываю от сердца. Через нее породнимся. Береги ее. Она хорошая. В старости нальет тебе стакан вина.

Кутуй-бек был очарован. Он презирал неверных тяжелым, нутряным чувством воина Ислама, и уж никак не ожидал от русской собаки такого шикарного жеста.

- Спасибо, - выдавил как бы через силу. - Она мне по душе.

При этих словах Катины глаза вспыхнули двумя лучистыми синими звездами.

- Собирайсь, дочка, - мягко распорядился Алеша. - Теперь ты принадлежишь этому справедливому, великому человеку, нашему брату. Служи верно, и он тебя не обидит.

Ваня-ключник увел девушку, а мужчины выпили еще коньяку. Кутуй-бек окончательно расслабился и впервые улыбнулся белозубой, юной улыбкой. Алеша подумал, что так, наверное, улыбался железный Феликс после приведения приговора в исполнение.

- Они воюют, - нараспев произнес бек. - Делят границы, но нас это не касается, верно?

- Наши правители обезумели, сосут из народа кровь, как вампиры, а мы заново отстроим мир.

- У тебя светлый ум, мальчик. Я помогу свалить вонючку Елизара. Ты этого ждешь от меня?

- Кстати, о нефти. Россия ближе, чем Америка. Разве не так, абрек?

Кутуй-бек не ответил, и Алеша поспешил наполнить рюмки. На две части располосовал зелено-коричневый спелый плод грейпфрута, половинку протянул Кутую. Тот принял дар дружбы с легким поклоном. Симпатия между ними крепла на любезном замесе. Кутуй был царем на Кавказе, его именем там клялись, но у него в заднице, как гвоздь в подошве, торчала воинственная, многомудрая, алчная Грузия, где он был безвластен. Грузинские эмиссары уже много лет внедрялись и в Москву, раскинули над

ней темную сеть с очень узкими ячейками. В сущности, у Алеши с Кутуем был общий враг, а может быть, впоследствии бесценный поделщик, это уж как получится. Но разборка, конечно, предстояла грандиозная. Однако Алеша решил, что для первой встречи они обсудили достаточно.

- За тебя, Кутуй-бек, за всех твоих близких, за твое славное воинство! Аллах акбар!

- За удачу, брат! Одна к тебе просьба, не бери к себе Сидорова. Кого хочешь бери, со всяким сговоримся, этого не надо. Он очень коварный. Его надо душить.

- Который из Саратова?

- Старый, смердящий, беззубый пес!

- Верю тебе, абрек. Спасибо за предупреждение. Когда поймаю, приведу его на аркане прямо к твоей сакле.

- Зачем сакля, - добродушно хохотнул Кутуй. - У меня много красивых, больших дворцов. Приедешь, сам увидишь. Гулять будем.

Отбывали гости с помпой, как и нагрянули. С грохотом моторов, с мигалками, с гортанными кличами. Алеша собственноручно посадил в машину Кутуя зареванную, огрузневшую Катю Самохину, укутал ее круглые колени норковой шубейкой. Услышал легкое, как шелестение травы:

- Страшно, Алешенька!

Шепнул в ответ:

- Крепись, ненадолго...

Проводив, позвонил среди ночи Настеньке. Трубку она сняла сразу, будто не спала.

- Тринадцать дней, - сказала она. - Я забыла, как пахнут твои волосы. Ты бросил меня?

- Давай докладывай, как дела?

У Настеньки все было в порядке, она занималась благотворительностью. В одной из районных столовых некий мифический «Совет милосердия», который она возглавляла, наладил бесплатное питание для стариков. Но помещение маленькое. Со второго дня там началось столпотворение. Десять ее помощниц и также два профессиональных повара не успевают готовить и мыть посуду. Желających пожрать на «халяву» оказалось чересчур много, и далеко не все из них голодающие. Приходят целыми компаниями какие-то темные личности и приносят спиртное. Пришлось попросить у Губина еще трех парней для охраны. Но это все не беда. Главное...

Алеша долго слушал ее, не перебивая, смоля крепкую «Приму». Потом спросил:

- Ты все-таки собираешься в аспирантуру или нет?

- Может быть и собираюсь. Тебе-то какое дело?

- Как это какое? Я же твоему отцу обещал, что помогу тебе стать культурной, образованной женщиной.

- Приезжай, Алеша! Я соскучилась.

- Завтра приеду.

Он вышел в ночной сад, задрал голову и разыскал свою давнюю, со всех зон подружку - Большую медведицу. Небо было ухоженное, родное, - звездочки точно подрисованы острой Настиной кисточкой. Она любила ночные пейзажи.

Кроме Насти, у него никого не было на свете.

5

Как исполнилось Ванечке Полищуку восемнадцать лет, так он сник, заметался. Уже год как школа позади, а впереди ничего - трясина, пустота. Рвался в армию, да мать не пустила, умолила косануть, благо, возможностей для этого было полно. Да и рвался-то больше напоказуху, как в драку рвутся куражливые, пьяные дураки, надеясь в последний миг споткнуться и упасть. Ни во что он больше не верил и не понимал, как дальше жить. Большинство сотоварищей, с кем учился, с кем дружил в школе, рассосались в одном направлении: кто в коммерческие ларьки, кто на побегушки в разные фирмы, кто (из богатеньких семей) в университеты да платные колледжи. Но что такое по нынешним временам ларьки, фирмы, вузы? Не что иное, как, словами Шекспира, яркие заплата на ветхом рубище попрошайки.

Сын Федора Кузьмича, богатыря и странника, разочаровался и в людях, которых прежде любил. Первым среди них был Филипп Филиппович Воронежский, приемный отец, а попросту материн незадачливый сожитель. Кем был раньше Филипп Филиппович? Он был мудрым созерцателем, зрячим поводырем в царстве слепых, спокойным и насмешливым прорицателем. Кто он теперь? Бухгалтер в Алешиной банде, Мефистофель при компьютере, крупный барыга и вор. На попытки мальчика завести интеллектуальную беседу, одну из тех, которые так скрашивали им жизнь в прежние годы, отвечал невразумительным мычанием; создавалось впечатление, что голова его занята лишь одной мыслью: как уберечься от внезапного обывка.

Маманя шизанулась на религиозной почве. К сорока годам стала законченной идиоткой. Обложась гороскопами, с утра до ночи висела на телефоне и обсуждала с подругами астрологические откровения. Мистические бредни странным образом уживались в ней с верой в Спасителя. Молельные книги вперемешку с поучениями буддистских монахов и новейших апостолов типа Лазарева и Кашпировского захламили всю квартиру. Она почти

не выходила из дома, перестала готовить нормальную пищу, да и на себя махнула рукой. Иван не помнил, когда она последний раз красилась или посещала парикмахерскую. Когда слышал, как шизанутая мать всерьез обсуждает с какой-нибудь шизанутой подругой совпадение аур «Стрельца» и «Весов», готов был подойти сзади и шарахнуть по растрепанному затылку самым толстым молитвенником. Удерживала его лишь жалость. Слава Богу, в деньгах они не нуждались. Филипп Филиппович отстегивал столько, что уровень их сумеречного бытования был ничуть не ниже, чем у ларечников.

Ивану некуда было податься. Он чувствовал, как его собственная душа подгнивает на корню. Жирный чесночный запах гнили долетал отовсюду. Мир вокруг был призрачен и неустойчив еще больше, чем тогда, когда он приноравливался к нему в материнском пузе. Он когда-то прочитал у Толстого: если хотите понять, что такое смерть, попытайтесь представить, что было с вами до рождения. Если бы графу подфартило родиться в наше время, он, наверное, написал бы иначе. Хотите понять смерть, оглянитесь внимательно вокруг, только и всего.

Будничная жизнь Москвы не оставляла сомнений в том, что человек исчерпал запасы духовной силы и, давясь отравленной жратвой, а в промежутках жадно совокупляясь и воруя, почти безболезненно воссоединился с растительным царством природы. Опыт Творца с созданием разумной материи завершился полным крахом.

Девочка, за которой он ухаживал с восьмого класса, Лена Савицкая, победила на конкурсе будущих фотомоделей во дворце «Меридиан». Вскоре ее пригласили на работу в солидную фирму «Ночные грезы», которая обслуживала исключительно иностранцев. Это было то, о чем большинство ее сверстниц могли только мечтать. Но Лена была практичным, здравомыслящим человеком, и к своему счастью отнеслась скептически. Она поделилась с Ванечкой своими опасениями.

- Конечно, перспективы отменные. Сам посуди, двести баксов за сеанс, плюс премиальные, плюс бесплатное медицинское обслуживание, ну и... За неделю уже двое предлагали руку и сердце. Один, представь себе, англичанин, чуть ли не наследный лорд. Заманчиво, конечно. Только кивни - и прощай навек совокская страна... Но есть в этом во всем что-то все же сомнительное, ненатуральное, ты не находишь?

- Ну почему... Большому кораблю большое плавание.
- Тебе ничуть не жаль со мной расстаться?
- Я буду издали тобой гордиться.
- Ты искренне говоришь?
- Я всегда искренен, ты же знаешь.

- Тогда мне кажется, ты ничуть не любишь.

- Как не люблю? В прошлом году кто рыльник начистил Саньке Жилину? Он же здоровее меня в два раза. Все ревность окаянная.

Это было их прощание, оба это чувствовали.

- Ты правда не осуждаешь меня?

- За что? Мир сошел с ума, почему ты одна должна остаться нормальной? Была бы возможность, я бы сам не задумываясь махнул на Канарские острова. Зарылся бы в землю и ловил бы страусов за яйца. Вот это жизнь, а здесь что? Тусовки по вечерам, да похмелье утром. Скука смертная.

- Хочешь, я увезу тебя с собой?

- На каких условиях?

- Скажу лорду, что ты мой братик. Он поверит. Они же все дегенераты.

- Нет.

- Почему?

- Самолюбие не позволяет. Да и какие мы брат и сестра. Ты вон какая цыганка, а я рыжий. Конечно, можно покраситься, как Киса Воробьянинов.

Впоследствии Ванечка не отвечал на ее телефонные звонки, молча вешал трубку. Исподволь в нем зрело убеждение, почти уверенность, что он спит мертвым сном, как заснул во младенчестве, во время приступа кори, так досель и не проснулся...

Как-то отчим Филипп Филиппович привел в дом лысоватого, лет тридцати пяти мужичка, который поначалу показался Ивану тусклой, ординарной личностью, чем-то промежуточным между «совком» и «новым русским». Иван уже нацелился уйти к себе, но Филипп Филиппович его остановил.

- Посиди с нами, Ванюша, куда же ты! Познакомься, это Григорий Донатович, мой коллега по работе, а это Ванечка, сын покойного Федора Кузьмича.

- А это Марина Сергеевна, - без тени улыбки произнес гость. - А это цинковый гробик, в котором привезли ее дитятку из Абхазии.

Узнавание было мгновенным. Унылый господин был одной с ним крови. Брежневский век кухонных шепотков сменился веком паролей. Родственные души теперь оповещали друг друга кодовыми фразами. Пароль был произнесен. Григорий Донатович был тем человеком, которого Ванечка ждал. Это был гуру, учитель. В его тусклом взгляде светилось презрение к жизни, а не страх перед ней. Таким же точно был его отец, только слишком поздно Ванечка это понял. К концу чаепития он уже готов был идти за таинственным пришельцем хоть на край света, как

бычок на веревочке. Григорий Башлыков, матерый разгадчик секретов, разумеется, это заметил. Он сказал Ванечке:

- Маешься, паренек, это хорошо. Кто не мается, тем пировать осталось два года.

Филипп Филиппович посмеивался в усы, слушая их конспиративный диалог.

- Но мне кажется, - робко заметил Ванечка, - совсем мало людей, которые понимают, что происходит на самом деле.

- А ты понимаешь?

- Тоже не очень. Мне не хватает опыта. Но я понимаю одно: назад пути нету, а жить в новом, нарядном хлеву, где все по дешевке, могут только свиньи.

- Молодость всегда категорична, - вмешался Филипп Филиппович, - но устами младенца, как известно, часто глаголет истина.

Дальнейшей беседе помешала Ася. Она вернулась с сеанса спиритизма, который проводился по четвергам на тесной сходке в Бирюлеве, на квартире тамошней колдуньи. В этот вечер им удалось пообщаться с материализованным духом Гриши Распутина, и это, видимо, так ее потрясло, что, опустясь без сил на стул, она некоторое время еще как будто не узнавала своих близких, но потом все-таки пролепетала восторженно:

- Сынок, знаю, ты в это не веришь, но он нам все, все открыл! Все завесы.

Филипп Филиппович познакомил ее с Башлыковым, и Ася обратился к нему:

- Вы, вижу, добрый человек, простодушный, у вас усы, как у Федора покойного. Спасибо, что к нам заглянули, но я вам советую избегать длиннорукой женщины. Вам нельзя... Осенью произойдет страшная бойня, дьявол взойдет на помост, не уберезется, не затаятся, сгорит в синем пламене. Эти двое не верят, думают, я спятила, но вы поверьте. У вас такое светлое лицо.

- Кто эта длиннорукая женщина? - спросил Башлыков. - Почему надо ее бояться?

- Бояться не надо, надо избегать. Длиннорукая женщина - олицетворение порока. У вас к ней склонность, я вижу. Вы с женой расстались, чтобы дать себе волю, разве не так?

- Вовсе нет. Она рожать надумала, а какой я отец, если не сегодня-завтра сгорю в синем пламени.

- Вы насмешник, но это не спасает от длинноруких женщин.

- Пойдем, мама, тебе надо отдохнуть, - позвал Ваня, и она послушно поплелась за ним, бросив пристальный, печальный взгляд на Башлыкова.

Ваня уложил мать на диван и укрыл ей ноги пледом.

- Откуда он? - спросила Ася.

- Не знаю. Его Филипп Филиппыч привел. Его какой-то кош.

- Ты потянулся к нему, сынок. Поберегись. Он горячий.

- Да и я не из снега, - Ваня привык к тому, что мать, хотя и помешалась на религиозной почве, обладала чудесной проницательностью, и в ее путаных суждениях, бывало, проступал внезапный, светящийся, пророческий смысл.

Уходя, прощаясь, Башлыков оставил ему надежду.

- Ты мне приглянулся, юноша. Хочешь поработать? Науку покрепче стоять на земле.

- Хочу, - улыбнулся Ваня. - Научите. А то я все время падаю.

- Жди звонка.

Ждать было легче, чем догонять? В глубине Ваниного оглашенного, расщепленного сознания замаячила радужная точка.

Башлыков поехал домой, где его поджидала с горячим ужином маруха Людмила Васильевна. Она жила у него безвылазно второй месяц, чему он каждый день заново удивлялся. После неудачного покушения на Благовестова, у него был короткий период депрессии, и она этим воспользовалась, чтобы внедриться в квартиру.

- Ты опять здесь? - удивился он и в этот раз. - Любопытно, откуда у тебя ключ?

- Я вам, Гриша, котлет нажарила с картошкой и с луком, как вы любите.

- Нет, ты ответь, откуда у тебя ключ от квартиры?

- Вы сами дали. Разве забыли?

В коротком домашнем халатике, без грима, она так забавно изображала оскорбленную невинность, что хотелось схватить ее в охапку и, к черту котлеты, немедленно утащить в постель. Башлыков осуждал себя за такие импульсивные, неприличные желания.

Он умял целую сковородку картошки и с пяток котлет, выпил несколько чашек чаю с медом, а маруха Людмила Васильевна сидела напротив, скрестив руки на груди, и с явным удовольствием продолжала играть роль скромной деревенской дурочки.

- Хорошо, - сказал Башлыков. - Допустим, я дал тебе ключи. Хотя это надо еще уточнить. Но почему, когда бы я ни вернулся, ты уже здесь? У тебя что, никаких других дел больше нету? Ты кем себя вообразила? Постоянной любовницей, что ли?

- Вы бываете удивительно бессердечным, Григорий Донатович.

- Понимаю, тебе тут неплохо. Пригелась, как кошка у печи. Но сколько же это может продолжаться?

- Пока не выгоните.
- Так я уже сто раз тебя выгонял, а ты все возвращаешься.
- Вы понарошку выгоняли. На самом деле я вам необходима.
- Как это?

- Ну ты же зверь, Гриша, тебе постоянно нужна баба. Потом надо кому-то тебя обстирывать, готовить еду. Вот я и пригодилась. Поищи другую такую безответную, покладистую дуру. Ты и не заметил, как влюбился.

- Почему ты думаешь, что влюбился?
- По глазам вижу. Они у тебя ненасытные.

После ужина Башлыков позволил себе выкурить сигарету.

- Надеюсь, ты это не всерьез, Людмила Васильевна. Как может нормальный мужчина полюбить женщину твоей профессии? Это же чепуха.

- Какой же ты нормальный? Нормальные пашут землю или торгуют недвижимостью, а ты за людьми гоняешься. Я ведь тоже невинная жертва на твоём пути.

Башлыков опасался, что отчасти она права. Он незаметно привык, пристрастился к ее необременительному присутствию, и ему были по душе все эти домашние, милые сценки, которые она с таким вкусом разыгрывала. Но это было опасно. Это грозило потерей бдительности. Мужчину, упрямо идущего к цели, пустые житейские привязанности только сбивают с толку. В час битвы, как в час скорби, воин не нуждается в том, чтобы цепляться памятью за живые, болотные огоньки счастья. Непобедим лишь тот, кто выжжен дотла. Вспомни про Бову, Башлыков, которому не горой снесли голову, соломиной.

- На ночь глядя тебе, конечно, идти некуда, - сказал он раздраженно, - а утром выметайся отсюда. И ключ верни, надо же взяла какую моду, ей слово, она - десять.

- Ну и сиди как индюк надутый, - беззаботно отозвалась Людмила Васильевна. - А я пойду «Санта Барбару» глядеть.

С тяжким вздохом Башлыков дотянулся до телефона и позвонил Серго. Три дня он уже не объявлялся шефу и ожидал нахлобучки, но Серго был необыкновенно приветлив.

- Ты куда-то пропал, Гриша. Я уж волновался, не захворал ли?

- Нет, я здоров.
- Не знаешь, где «Крест»?
- На даче сидит вторую неделю, я же докладывал.
- Ты бы подскочил утречком, надо кое-что обсудить.
- Слушаюсь, хозяин.

Башлыков закурил вторую сигарету, хотя это был перебор, и задумался вот о чем. Благовестова не удалось убрать с первой попытки, следовательно ему благоприятствовала судьба. Башлы-

кову трудно было представить, чтобы старый дьявол, взлетя под небеса в раскаленной железной капсуле, остался цел, тем не менее это случилось. Получалось, что Башлыков подрядился укоротить не только земных злодеев, но вступил в схватку с какой-то мистической, потусторонней силой, в которую не верил. Он не верил, а она тут как тут. Трех мужиков и крепкую женщину расплющило, как тараканов, а глумливого старичка эта самая неведомая сила лишь вознесла в чугунный ад, поугубила и аккуратно расположила на травке, как на отдых. Теперь он заново, еще крепче плетет свои сети, которыми душит страну. Пусть Благочестивых не один, у него есть поделушки, но сколько их? Десяток, сотня, пара тысяч? В масштабах мира - сущий пустяк, горстка малиновых клопов, всех можно пересчитать, все известны, никто давно не прячется, блудливые, ожиревшие хари у всех на виду и на слуху. И все же. Чем объяснить, что кучка прохвостов сумела высосать кровь из миллионов людей, ограбить, превратить в скотов, и теперь, не насытившись, зловещей, коричневой плесенью поползла на Запад, пересекла океан, где их еще не признали, где люди так же слепы, как слепы были в России пять лет назад, и где их пещерную ненасытность принимают за здоровый аппетит освободившихся от ига коммунизма собратьев. Чем объяснить их триумф, кроме покровительства иной, нездешней силы? Впору было отлить из серебряной ложки серебряную пулю и пустить ее Елизару в лоб, чтобы убедиться, не оборотень ли он.

Сбросив наваждение, Башлыков пошел в комнату, где Людмила Васильевна, уютно свернувшись в кресле, наслаждалась любовными приключениями латино-американских дебилов.

- Хочешь лечь? - спросила она.

- Как ты можешь смотреть эту заразу?

- Мне нравится. Они все такие красивые. Погляди, какая кухня!

- Ты хотела бы так жить?

Людмила Васильевна покосилась из кресла невинным оком.

- Ты сегодня какой-то особенно злой. Боюсь отвечать.

- Выключи немедленно.

Маруха погасила экран, нажав кнопку на своем пульте, и спокойно ждала дальнейших указаний. Башлыков лежал поперек кровати, лениво почесывал живот.

- Раздеться? - пискнула она. - Папочка готов к расслабке?

- А что ты еще умеешь? Чему еще научилась в жизни?

- А что еще нужно? Я умею любить и хорошая хозяйка. Смешно требовать от женщины большего.

- Любить ты не умеешь. Даже не понимаешь, о чем говоришь. Умеешь только трахаться.

Людмилу Васильевну разговор увлек, она развернулась в кресле так, что ему было видно ее лицо, одна грудь, вывалившаяся из халатика, и прекрасной формы бедро.

- Объясни разницу, дорогой. Может, я действительно чего-то не понимаю.

- Скажи, ты веришь в Бога?

- Да, конечно. В кого же еще верить?

- Веришь и занимаешься проституцией?

- Если хочешь знать, это как раз нормально. Но я уже не занимаюсь проституцией. Целых два месяца.

Башлыков подложил себе подушку под голову.

- Со мной - это то же самое. Тем и отличается любовь. Ею занимаются бескорыстно.

- Да? - удивилась Людмила Васильевна. - И какая же мне от тебя корысть, любимый?

- Живешь на всем готовом, бездельничаешь. Бездельники, хоть мужчины, хоть женщины, это вообще не люди. Я их презираю.

- А жены, которые официальные, разве не живут на всем готовом?

- Об этом тебе рано говорить, Люда. У тебя об женах понятие, как у крокодила об овце.

Людмила Васильевна нехотя сползла с кресла, вытянулась, немного покрасовалась перед ним, и ушла в ванную.

- Зря обижаешься, - шумнул вслед Башлыков. - Ты сначала подумай, а потом себя сравнивай.

Теперь Людмила Васильевна застрянет в ванной надолго, а потом явится как бы заплаканная. У нее очень острая реакция на правду, которой он для нее не жалел. И чем больше жуткой правды ей открывал про нее самое, тем ближе она ему становилась. Это было грустно. Ему нравился даже утренний, горьковатый запах у нее изо рта. После своих маленьких обид она отдавалась с особенной, удручающей страстью, словно собиралась умереть в судорожном, похотливом клинче. Его тянуло к ней всегда, даже когда протирал ствол любимого «вальтера». Это было тоже ненормально и тяготило его. Он не исключал, что те же самые силы, которые уберегли от лютой казни поганого Елизара, одновременно наслали на него, незадачливого мстителя, эту озорную, податливую, вязкую ведьму. «Завтра же с утра - и вон!» - подумал Башлыков задорно, но эта мысль не принесла облегчения, потому что была уже фиктивной.

Настя Михайлова последний раз замедленно, «по-лягушачьи» переплыла бассейн, вскарабкалась наверх, и присела на деревянную скамеечку, чтобы передохнуть. Сегодня она перекрыла собственную норму. Инструктор их группы, широкоплечий, статный атлет, бывший кандидат в сборную Союза, издали помахал ей рукой: живо в зал! Она согласно закивала, встрепенулась, но подняться не хватило сил.

Рядом на скамеечку опустилась красивая, незнакомая девушка в бикини.

- Я видела, как ты плаваешь, - сказала восхищенно. - Это с ума сойти!

- Значит, вы не видели настоящих пловчих. Вы новенькая?

- Ну да. Давно мечтала сюда попасть, и вот накопила денег. Две тысячи зеленых за курс. С ума сойти!

Настя мгновенно покраснела. Она сама каждый раз приходила в ужас от этой чудовищной цифры, выбрасываемой наприхоть, когда миллионы людей не знают, как связать концы с концами. Но Алеша привел ее сюда за руку. Бывали случаи, когда она не умела ему противостоять. Да и узнала о том, сколько здесь платят, лишь через неделю после начала занятий.

- Ой! - воскликнула незнакомка. - Чего же это я зря языком треплю. Посиди минутку, я мигом!

Действительно, через минуту вернулась, уместив на пластиковом подносе две бутылочки «коки», два стаканчика кофе и мороженое. Все это здесь можно было получить бесплатно в любом из трех баров.

- Я за сегодня уже пять бутылок выдула. А пирожных умяла - не счесть. Ну никак не могу удержаться, когда на халяву... Ничего, что я к тебе приплыла? Я ни с кем еще не познакомилась, так скучно одной.

Девушка была бесхитростная, как солнечный лучик.

- Спасибо за кофе, - сказала Настя.

Атлет с другого конца бассейна смотрел на них с неодобрением.

- Боже, он великолепен! - восхитилась новенькая. - Ой-е-ей - девушке плохо!

- Он очень строгий, - предупредила Настя. - Его зовут Иван Ильич, как Телегина. Ты в его группе?

- Я еще ни в чьей. Но точно - буду в его.

Она увязалась за Настей в тренажерный зал и за компанию старательно выполнила комплекс упражнений на снарядах. Через полчаса они щебетали, как две старинные подружки, и на улицу вышли вместе. Возле старенькой «тойоты» ее подждал Миша Губин. Настя испугалась: обычно ее отвозил и привозил

один из его «качков», или Гена или Витя, хорошие ребята, она к ним привыкла.

- Что-нибудь с Алешей? - быстро спросила она.

- А просто так я не мог соскучиться?

По его ленивой улыбке она сразу поняла, что действительно все в порядке, ничего не случилось, наверное, что-то ему нужно ей передать.

- Миша, познакомься! Это Таня, моя новая подруга, - сказала она с вызовом. Она Губина ничуть не боялась, как другие, но всегда между ними стояло «нечто», разделявшее их. Они не были друзьями, да и кто бы мог похвастаться дружбой с ним. Вокруг него гудело поле высокого, таинственного напряжения, через которое никому не было ходу. И Настя, как ни старалась, не могла сквозь него пробиться. Но кроме всего прочего, это был единственный человек, которому, по строжайшему повелению мужа, она должна была подчиняться беспрекословно. Сейчас, знакомя его с Таней, она нахально нарушила одно из многочисленных правил их внутреннего, неписанного устава, и с любопытством ожидала, как он отреагирует.

Как обычно, Миша показал себя рыцарем.

- Очень рад! - сказал он, склоняясь в благородном поклоне. - Твоя подруга для меня все равно что святая.

- Ой! - воскликнула Таня. - Как умеют выражаться некоторые мужчины. Прямо строка из романа. С ума сойти!

- Всегда к вашим услугам, мадемуазель!

- Почему мадемуазель? Может быть, мадам.

- Тем более к вашим услугам.

Губин заметил ненатурально-кокетливый блеск Таниных глаз. «Сучонка», - оценил равнодушно. Но что-то его зацепило. Какой-то мимолетный сквознячок опасности. Он сделал незаметный знак Генке Маслову, который без дела слонялся на углу. Настя предложила девушке довести ее до дома. Вдвоем они забралась на заднее сидение.

- Куда изволите? - не оборачиваясь спросил Губин.

- Вы поедете через центр?

- Можно и через центр.

- Высадите меня, пожалуйста, у Пассажа.

Ехали десять минут. Девушки шушукались о чем-то о своем, о девичьем. Губин не вслушивался в пустую болтовню. Один, два раза в обзорном зеркальце столкнулся взглядом с Таней. Она его подманивала. Она была опытной искусительницей. Теперь он не заблуждался на ее счет. Она была из тех, кто на вечной охоте. Внимательной усмешкой сулила бездну наслаждений. Жертвой таких глаз мог стать и каменный истукан на обочине. Еще не расставя толком ловушки, дразнила: не робей, мальчик, дейст-

вуй. После очередного соприкосновения взглядами Губин чуть не впендюрился в резко тормознувшую впереди «волгу». Это его озадачило. Последний раз спал с женщиной, кажется, месяца два назад. А эта дамочка была чертовски хороша. С ней хотелось поговорить о чем-нибудь отвлеченном, например, о вечности.

У «Пассажа» она вышла, поцеловав Настю в щеку. Губину небрежно бросила:

- Вы истинный джентльмен, сударь. До свидания.

- Конечно, - ответил Миша.

Настя не стала дожидаться его упреков.

- Понимаю, понимаю, - ворчливо заговорила сама. - Я не имею права, я должна быть осмотрительной... Господи, как все это надоело! Прямо какая-то масонская ложа. И ты туда же, Брут!

- Все в порядке. Не скрипи.

- Знаешь, мне иногда кажется, мы все разыгрываем какой-то бредовый спектакль. И я все жду, жду, спектакль окончится, упадет занавес, и мы, наконец, начнем жить нормальной, человеческой жизнью. Но время идет и идет, и никаких перемен. В чем дело, Миша, объясни? Кто навязал нам все эти мерзкие роли? Кто заставил жить украдкой? Не хочу, не хочу, не хочу!

- Почему бы тебе не спрятаться в монастыре, дитя мое?

- Без меня Алеша вообще превратится в зверя лесного... Кстати, куда это мы едем?

- К нему и едем. К зверюге.

- На дачу?

- Да.

- И даже не заглянем домой?

- Не успеваем. Он просил к часу быть непременно.

Настин голосок счастливо зазвенел.

- Видишь, Мишенька, он же превратил меня в рабыню. Даже не спрашивает, хочу ли я ехать, какие у меня дела. Просто присылает верного цербера, тебя, то есть, Мишенька, и изъявляет свою господскую волю. Самое забавное, я безропотно подчиняюсь. К чему бы это, Мишенька?

- Ты же любишь его, - сказал Губин. - Вот он и пользуется твоим несчастьем.

«Хвост» Таня заметила сразу. Белобрысый увалень приклеился к ней у «Пассажа». Ловок Миша Губин, ловок, ничего не скажешь. Когда только успел распорядиться, будучи все время у нее на глазах. Да, с этими ребятами шутить не стоит. Француженка проводила шпика по центру и довела до Тверской. Ее так и подмывало устроить юному топтуну небольшое приключение, которое образумит его на всю оставшуюся жизнь, но она не могла

себе этого позволить. Отрываться следовало без «шухера», как бы случайно.

Целую неделю она потратила на то, чтобы выйти на Алешину жену, и наконец ей это удалось. Дальше будет проще, должно быть проще. Хотя подозрительность Губина - дурной знак. Он не поддался ее чарам. Зато снарядил за ней гонца. По словам Грума выходило, что Миша Губин, правая рука Креста, был одним из самых опасных людей в нынешней, сбесившейся Москве, и после сегодняшней встречи она готова была ему поверить. Миша Губин показался ей обездоленным. У него все было, но чего-то ему не хватало, а чего, он, похоже, и сам не знал. Он владел тайным ведомством, и был наглухо закрыт для посторонних глаз. Впервые Таня увидела мужчину, словно сошедшего со страниц обожаемых ею в юности готических романов. Он был не из этого века, но и не из того, который катится навстречу. От него пахло черной дырой.

Наверное, подумала Таня, после Алеши ей придется заняться этим кочующим странником, и не ради денег, а ради собственного удовольствия. Это будет пряная забава. Сильные люди не чувят своих пределов, им часто мнится бессмертие. Они сами гоняются за криворукой, как пьяница за лишним стаканом, и при встрече с нею владеют в сладострастный шок. Погибают они обыкновенно невзначай. У Тани сладко кружилась голова, когда она воображала, как будет убивать Губина - постепенно, врастяжку, смакуя его смерть, как оргазм. Трусики ее мгновенно увлажнились...

Топтуна она «сбросила» на Пушкинской площади, в суете послеполуденной тусовки. Это оказалось проще пареной репы, паренек попался неопытный. В «Макдональдсе», за одной из шторок она изменила внешность: подобрала волосы под вязаную шапочку и набросила на плечи нейлоновую курточку, которая лежала в сумочке. Через подсобные помещения высочила к магазину «Наташа», спустилась в подземный переход и, миновав фотовыставку, очутилась на улице Чехова. Подняла руку - и у ног мгновенно затормозил частник на бежевом «жигуленке».

- Гони, браток, и десять баксов твои.

Частник погнался, как безумный, прямо под желтый свет. Довез до Дома архитекторов, получил награду, но видно было, что чем-то недоволен.

- Может, вместо денег оставите телефончик? - предложил игриво. На вид частнику было лет сорок, и он был похож на упитанного клопа-реформатора.

- Нет, телефончик не оставляю, - огорчила его Таня. - Да он тебе и не нужен.

В полутемном зале с камином заказала у стойки пару бутербродов и стакан белого вина. Ее мучила странная жажда, как при высокой температуре. Глотнув вина и вяло жуя безвкусную осетрину, она вдруг поняла, что с ней случилось. Открытие было такое, как если бы на голову упал кирпич. Она влюбилась в Мишу Губина.

7

- Я уезжаю, - сказал Алеша, - а ты недельку поживешь здесь.

- Почему?

- У меня на душе будет спокойнее. Я далеко поеду. Спроси - куда.

- Куда?

- Мы с твоим дружкой Вдовкиным в Цюрих смотаемся. Спроси - зачем.

- Зачем?

- За подарками. Хочу твой гардеробчик немного обновить, вывести тебя на современный уровень моды. А то ты все чего-то ходишь, как оборванка.

Они сидели в летней беседке под пестрым тентом, разморенные солнцем и недавним обедом. Миша Губин час назад как уехал. За обедом они втроем умяли целого гуся, запеченного в духовке Ваней-ключником, мастером на все руки. При этом Алеша выпил несколько рюмок анисовой настойки, которую специально под мясные блюда по старинному рецепту изготавливала матушка Вани-ключника, тоже мастерица на все руки. Ей шло жалование по тарифу обслуживающего персонала, хотя она жила в глухой деревне под Рязанью и никто кроме сына ее никогда в глаза не видел, даже бухгалтер. Товарищи подозревали Ваню-ключника в том, что он вообще выдумал историю про свою мамашу, чтобы ушучить лишнюю сотню долларов, а анисовую самогонку покупал у сторожа в железнодорожном бараке. Тем более, что многие помнили, что когда он нанимался на службу, то объявил себя сиротой без роду и племени. Однако на все оскорбительные намеки Ваня-ключник резонно возражал:

- Куда же я тогда езжу каждый месяц?

Действительно, каждое седьмое число он являлся в контору к Филиппу Филипповичу и подписывал у него заявление на трехдневный отгул без содержания. Одет всегда был по-дорожному, с рюкзаком и в кепке. В один из таких приходов наткнулся в коридоре на Мишу Губина, которого боялся панически, как дикари боятся молнии. Миша отвел его в уголок и дружески предупредил:

- Алеша тебя за что-то любит, паренек, и почему-то тебе доверяет, но это ваши личные дела. Я-то тебя даже проверять не буду. Дойдет слух, что где-то чего-то химичишь, сразу пришибу. Как понял?

Ваня-ключник побледнел, позеленел, затрясся, но ответил самоуверенно:

- Как можно, Михаил Степанович, чтобы мы своих благодетелей подвели. В деревенских такого и в заводе нет.

- Какой ты деревенский, это я вижу. Но это тоже твое личное дело, кого ты из себя тут корчишь. Помни одно: по лезвию бритвы ходишь.

- Спасибо за вашу доброту, Михаил Степанович, - низко поклонился Ваня-ключник, стукнувшись лбом о притолоку.

С этого дня он воодушевился окончательно и всем недоброжелателям, а также молоденьким девицам, которых приводил в гости в отсутствие хозяина, непременно сообщал, что находится под личным покровительством самого Губина, и кто его обидит, тот два дня не проживет.

Настя давно не видела мужа благодушным и расслабленным, поэтому неожиданно для себя разрыдалась.

- Ты чего, котенок, - ласково спросила Алеша. - Животик болит?

Она плакала неудержимо, беззвучно, с прозрачными ручьями слез. Алеша передвинулся к ней поближе, достал носовой платок и бережно промокнул любимое лицо.

- Поплакать хорошо на солнышке, - позавидовал он. - Оттывает до самого нутра.

- Сколько мы еще так протянем, Алешенька? Какой-то Цюрих, какие-то твои бесконечные темные делишки. Все это бред невыносимый! Неужто для тебя уже нет обыкновенной, нормальной, человеческой жизни?

Ваня-ключник бдительно следил за ними с крыльца, и Алеша сделал ему знак, чтобы принес кофе.

- Вот что мы сделаем, Настенька. Вернусь - и сразу тебя в санаторий. Ты просто устала. Год был тяжелый. В санаторий на целый месяц. В самый лучший. В психоневрологический.

Настя попыталась улыбнуться.

- Одно в тебе хорошо, милый, не унываешь никогда.

- А чего унывать. Такая красавица, умница меня любит, солнышко светит, гуся сожрали, чего еще надо мужчине?

- Ты сам-то еще любишь меня?

- А то нет! Утри слезки, вон Ваня кофе несет. Никто не должен знать, что ты страдаешь со мной. Пусть это будет наша маленькая, семейная тайна.

Ваня-ключник расставил на столике кофейник, сливки, печенье. Покосился на хозяина:

- Разрешите спросить, Алексей Петрович?

- Разрешаю.

- Опенок нынче густо пошел. Не желаете утречком с супругой прогуляться? Места я приметил. Удовольствие большое получите.

- С утра я, брат, далеко буду. Настеньку, если захочет, своди в лес.

- Понял вас, хозяин. Винца не подать?

- Иди, брат, отдохни пока.

Ваня побрел к дому, по-стариковски приволакивая ногу.

- Какой же он смешной, Господи! Почему он так чудно разговаривает?

- В литературный институт собирается. Сейчас читает Писемского. Оттуда все ворует.

- А ты откуда знаешь Писемского?

- В лагере библиотека была хорошая.

В задумчивости Настя разливала кофе.

- Я тебя еще за то люблю, - сказала она, - что ты, наверное, умнее меня. Обидно, конечно, но надо признать.

Из аэропорта на такси отправились в отель «Люксембург», где у них был заказан «люкс». Вдовкин в самолете успел набраться и сонно клевал носом. Он не видел чудес и красот, проносившихся вдоль шоссе со скоростью сорока миль в час.

Город Цюрих, приземистый и аккуратный, точно подстриженный к выпускному вечеру подросток, зажатый боками тесно прижатых друг к другу домов, радовал взор путников обманчивым блеском рекламы, будя в душе трепетное воспоминание о родимой Тверской (бывшая улица Горького).

Едва очутившись в номере, Вдовкин, встрепенувшись, устремился к холодильнику. Сказался давний опыт командировочно-го «совка». Распахнутый холодильник напоминал витрину коммерческого ларька: всевозможные консервы, яркие, прозрачные упаковки с деликатесами, множество напитков. С довольным смешком Вдовкин уцепил за горлышко бутылку шотландского виски.

- Живем, командир! Как все в горле-то пересохло после этого чертова самолета.

В серванте оказалось столько посуды, что можно было накормить разом сотню человек. Алеша вывалил на тарелки все подряд: ветчину, копчености, красную рыбу, персики, маринованные артишоки. Вдовкин приготовил две порции виски со льдом.

У него нутро горело, и в голове подозрительно просветлело. Он уже полгода старательно избегал ясности, которая приводила к размышлениям.

- Ну давай, - поторопил, - чего хлопчешь, как баба. Выпьем, закусим - все дела.

- Только по одной, - предупредил Алеша. - Не забывай, еще надо звонить. Я тебя привез не водку лакать.

Алеша и в Москве сомневался, брать ли с собой Вдовкина. После смерти Тани и разборки с Пятаковым тот не просыхал, и заметно сдвинулся по фазе. Перед ответственнойшей банковской акцией его пришлось на неделю запереть на даче под замок. Но заменить его было некем. Его знания и сноровка были бесценны, а обнаружившееся в нем какое-то тупое мужицкое презрение к любой опасности поражало даже выдавшего виды Мишу Губина. В его глазах навеки застыла тяжелая, тайная дума, но в работе он не ведал осечек. С беззаботностью смертника развернул компьютерные банковские шлюзы, откуда в Алешины карманы потекло чистое золото. Сам Вдовкин деньгами не интересовался и никогда о них не заговаривал. Да в этом и не было больше нужды. Алеша соорудил для него в «Империале» «вечную» кредитную карточку.

- Ты хоть поешь, - посоветовал Михайлов.

Откушав виски, Вдовкин закурил и с облегчением откинулся на стул.

- Вот теперь хорошо, - заметил благодушно. - А то все куда-то едем, летим. У тебя беспокойный характер, Алеша. Я тоже раньше таким был. Куда-то все спешил, суетился, пока не понял главное.

- Что же это?

- Да ничего особенного. Надо всего лишь уяснить, что любое выборочное усилие тщетно, потому что никак не влияет на продвижение к окончательной цели.

- Какой цели?

- Хороший вопрос. В нем самом заключен и ответ, который, увы, вряд ли тебя удовлетворит. С какой целью течет вода из крана? Чтобы пролиться. С какой целью живет человек? Чтобы умереть. Устраивает тебя такое?

- Меня - нет, а тебя?

- Вполне. Моя жизненная программа полностью исчерпана, и теперь я наконец-то всем доволен.

Он потянулся к бутылке, но Алеша не дал ему выпить.

- Давай сначала позвоним.

Они сделали два звонка - в банк «Корпорейшн-лимитед» и в контору «Глезер и К^о», которая торговала недвижимостью. Вдовкин разговаривал на немецком и английском языках с непри-

нужденностью человека, болтающего с приятелями о погоде. Алеша им любовался, хотя не понял ни словечка.

- Все в порядке, - сказал Вдовкин, повеся трубку. - Директор банка примет нас завтра в шестнадцать ноль-ноль, агент из недвижимости придет сегодня. Теперь я имею право немного заправиться?

- Кто же будет переводить, если тебя развезет?

- Я пьяный не бываю, ты же знаешь. К тому же успею соснуть часок.

Так и вышло. Наскоро заглотавав пару рюмок, Вдовкин, не раздеваясь, повалился на шикарную, «королевскую» кровать и захрапел; Алеша раздвинул высокие, от пола до потолка ставни и вышел на балкон.

В плетеном креслице посидел, покурил. В полудреме впитывал картинки и звуки чужого мира. День клонился к вечеру, но до заката было еще далеко. Снизу от асфальта тянуло ядреным, бензиновым парком. Беззаботные люди спокойно переходили дорогу под носом медленно скользящих машин. Прямо по тротуару нарядные дамы выгуливали собачек. Неспешно прошагал статный полицейский. В доме напротив, за занавеской, мелькнула смазливая женская мордашка, упулилась на него и, фыркнув, исчезла.

К приходу агента из «Глезера и К^о» Вдовкин очухался и раздобыл в недрах холодильника несколько жестянок пива. По его поведению нельзя было догадаться, что он в Цюрихе, а скорее можно было предположить, что в Малаховке. Пиво он меланхолично зажевал маринованным огурчиком.

- Насухую сидим, - сказал он. - И это грустно.

Тут как раз постучали в дверь. Явился солидный, любезный господин в летнем, светлом костюме, лет сорока. Радостно жал им руки, улыбался в разные стороны, произносил какие-то затейливые фразы, но их Вдовкин не переводил. Господин представился: мистер Кутельман. Потом вывалил на стол множество ярких проспектов, которые Вдовкин, не просматривая, передвинул Алеше, и со словами: - Гость хочет водки! - удрал на кухню к холодильнику. Вернулся сияющий с бутылками и рюмками. Дело пошло веселее, и вскоре Михайлов отложил один из слайдов, на котором был изображен двухэтажный особняк с парком и с видом на горы. Вилла в Альпах. Цена - восемьсот тысяч долларов.

- Недорого, - сказал Алеша, - но хорошо бы поторговаться.

Еще через полчаса Вдовкин и мистер Кутельман выпили на брудершафт, после чего Вдовкин сплюнул на ковер, а мистер Кутельман прополоскал рот водкой.

- Артачится, сука немецкая, - с улыбкой сообщил Вдовкин Алеше. - Не хочет сбавлять. Они же здесь за каждую копейку удавятся.

- О чем же вы столько времени балабонили? - разозлился Михайлов.

- Обсуждаем вопросы преступности. Что любопытно. Они опасаются проникновения нашей мафии на их рынок. Даже готовят специальный закон против русских гангстеров. Их можно понять. Жили мирно, наживали добро, копили проценты, делили все по правилам, а тут азиатский бандит с дикой рожей налетел, как саранча. Поневоле содрогнешься.

- Ты что ему сказал?

- Посочувствовал. У него трое детей. Я пообещал, что если мы Швейцарию на корню скувим, то его отпрысков по знакомству устроим в наш приют.

- Кончай комедию, Жень! Скажи ему, шестьсот тысяч - наша крайняя цена.

Для убедительности Алеша сам показал мистеру Кугельману шесть растопыренных пальцев. Тот радостно закукарекал и согласно закивал.

- Что он говорит?

- Говорит, цена и так заниженная, потому что владелец виллы недавно обанкротился. Он не имеет права сбавлять ни цента.

- Спроси, когда можно взглянуть на дом?

Вдовкин разлил по рюмкам водку, все чокнулись, выпили, и Вдовкин с Кугельманом вторично поцеловались.

Договорились, что послезавтра мистер Кугельман придет за ними машину и отвезет на озеро. Перед уходом мистер Кугельман нацелился и с Алешей облобызаться на брудершафт, но тот уклонился.

- Я тобой недоволен, Евгений Петрович, - сказал он Вдовкину, когда остались одни. - Ведешь себя как-то незаинтересованно, а ведь я тебе десять процентов комиссионных плачу с каждой сделки.

Вдовкин с блаженной миной разглядывал внутренности распянутого холодильника. Ответа Алеша не дождался.

- Пойдем, что ли, поужинаем?

- Зачем? - удивился Вдовкин. - Да тут на целую неделю запасов.

- Город не хочешь посмотреть?

- Какой город? Цюрих, что ли?

- Хотя бы и Цюрих. Раз уж приехали.

Вдовкин выколупнул из стенки холодильника пузатую бутылку бренди.

- Нет, брат, меня уволь. Мне и тут хорошо. Это ты по молодости лет любопытствуешь. Для меня что Цюрих, что Шепетовка - все едино.

- Горяченького все же надо поесть. Иначе сломаешься.

Вдовкин отвинтил пробку у бутылки и понюхал горлышко.

- Пахнет заманчиво. Попробуешь?

Алеша уже смирился с мыслью, что от напарника толку не будет. Черт с ним, пускай жрет ханку и дрыхнет, а уж с утра придется взять его в оборот.

В ресторане на первом этаже он подошел к метрдотелю, ткнул себя пальцем в грудь и сказал:

- Руссише швайн! Понимаешь? Хочу поужинать. Биттер шен.

Метрдотель, пожилой джентльмен в смокинге, ничуть не удивился его изысканному обращению, все понял, проводил к удобному столику напротив эстрадного помоста и прислал розовощекого, улыбающегося детину, который на чистом русском языке произнес:

- Доброе утро! Чего желаете, господин хороший.

- Откуда будешь, солдатик? Из России?

- Нет Россия. Учился колледж, славянский отделений.

- Молодец, - похвалил Алеша. - Тогда принеси бифштекс, пиво и каких-нибудь закусок. Местных каких-нибудь. Какие у вас любят. Понял?

- Очень понял. Никаких других желаний?

Алеша подумал, что неплохо бы сделать и Вдовкину небольшой сюрпризик, чтобы он не закис окончательно.

- Скажи-ка, солдатик, а женщины у вас в Цюрихе есть?

Соседние столики пустовали, но официант на всякий случай сбавил голос до шепота.

- Господин желает прекрасно развлечься?

- Не во мне дело. У меня дружок в номере остался. Вот ему необходима женщина. Он за этим и приехал. Желательно даже две. Такие, чтобы поухватистее.

На простодушном лице официанта отразилась трудная работа мысли.

- Не совсем понимаю. Как значит - ухватистая? Блондинка, брюнетка? Или?..

Он сделал плавный, округлый жест, обрисовывая пышные женские формы.

- Одна блондинка, одна брюнетка, - уточнил Алеша. - Друг у меня чрезвычайно капризный.

- Когда надо?

- Прямо сейчас. Ему невтерпеж.

Официант не трогался с места.

- Ну чего еще?

- Ухватистый дама, дорогой цена.
- Сколько?
- Двести доллар - одна дама.
- Это нормально, - согласился Алеша.

Чуть позже началось представление, и на эстраду выбежала танцовщица в черной, кожаной, в обтяжку сбруе. Она имитировала одну из высших форм сладострастия - изображала червя, извивающегося в подземной клоаке. Продолговатый зал рестораника причудливо окружал ее церковным рядом пылающих на столиках высоких свечей. Одинокое пятно света и бьющаяся в спазматических конвульсиях женщина-змея посреди замирающего ресторанного гула. Дурманящее зрелище. Алеша вспомнил Вдовкина, который опроверг Эклезиаста. Все в мире суeta суeta, но и это всего лишь благодная выдумка слабого человеческого разума. Алеша расплатился, спросил у официанта:

- Что там с дамами, землячок?
- Господин не надо беспокоиться. Дама уже пошел.

...На улице было светло, как днем, сквозь мертвенно-белесую электрическую завесу куцый лоскуток небес с пуговками звезд проглядывал декоративной нашлепкой.

Алеша постоял, покурил - и вернулся в номер, где застал трогательную картину. Вдовкин, обложенный подушками, в пижамном наряде, сидел на кровати, как на троне, по обе стороны в креслах расположились полуголые девицы: одна беленькая, как сахар, вторая африканка, у каждой в руке по бутылке спиртного. Вдовкин, раскрасневшийся и воодушевленный, тоже с бутылкой, читал им суровые наставления, и при каждой удачной фразе, вместо точки, прикладывался к горлышку; вслед за ним и девицы, как загипнотизированные, поспешно отпивали из бутылок. Не желая нарушать идиллию, Алеша отступил в гостиную, но Вдовкин его окликнул:

- Присоединяйся к нам, путник, - грозно изрек он. - Но выпивку принеси себе сам.

Девицы закопошились в креслах, захихикали, оборотя смазливые мордашки на Алешу, но Вдовкин злобно на них цыкнул, и они присмирели.

- Обращаю сих дочерей порока в истинную веру, - прояснил он. - Обе язычницы, лесбиянки, но ули их отверзлись для восприятия добра.

Алеша подошел ближе, попытался поставить африканку на ноги, но она тут же обвила его шею руками и ловко впилась в губы мокрым ртом. Алеша с силой ее оттолкнул.

- Ты их напоил! Как не стыдно, ведь по двести баксов за них заплатил. Куда они теперь годятся?

Вдовкин ласково погладил перебравшуюся к нему чернявку по смуглой головке.

- Заберем их с собой, Алексей. Нечего им тут ошиваться. Это хорошие девушки, но ради пропитания они вынуждены торговать своим телом в этом вертепе, который ты называешь Цюрихом.

Девицы мирно дремали, белокурая в кресле, а африканка свернувшись клубочком возле самодовольного Вдовкина; но ни одна не выпустила из рук бутылку.

Алеша сходил к холодильнику. Вдовкин не терял времени даром: спиртного сильно поубавилось. В гостиной он включил телевизор и минут пятнадцать вглядывался в экран, где дергались в бешеном ритме, держась за микрофон, нечесанные молодые люди, и вообще все было так знакомо, что судя по всему, вскоре должен был появиться Леня Голубков и объявить, что купил жене сапоги. Но вместо этого потянулось занудное действие с бесконечным хождением персонажей из комнаты в комнату. Алеша вернулся в спальню, где царило сонное царство. В живописных позах притихли девицы и мирно похрапывал Вдовкин с приклеенным к губе окурком. Алеша подхватил поудобнее блондинку и вместе с ее пожитками донес до входной двери. Она что-то шепнула нежное лепетала ему в ухо. Он отворил дверь и выпихнул ее вон. Пошел за второй гостьей.

- Не дам! - сказал проснувшийся Вдовкин. - Это моя рабыня Изаура.

Еле-еле Алеша ее вырвал из цепких лап подельщика. Изаура так и не очнулась, пока выкатывал ее в коридор. Замкнув дверь на ключ, он вернулся к Вдовкину и отобрал у него зажигалку.

- Устроишь пожар, пьяная рожа, мне потом отдуваться.

Вдовкин выказал недовольство:

- Самодур ты и больше никто. Может быть, даже коммунист. Зачем отнял Изауру, голубку? Это самое дорогое, что у меня было.

- Спи, Женя, завтра трудный день.

Ночью Алеше привиделось: Вдовкин крадется к холодильнику, и морда у него была как у лагерного кума.

В банке управились быстро. Директор - мужчина лет пятидесяти, с прилизанной внешностью, в строгом темном костюме, любезный, предупредительный (щелкнул «ронсоном» перед сигаретой Вдовкина), но все же с какой-то туповатой отчаянностью во взгляде, - принял их в просторном кабинете с плотно зашторенными окнами, угостил кофе с ликером, и после довольно долгих объяснений Вдовкина задал лишь один вопрос: почему гос-

пода обратились в филиал, а не в центральное отделение «Корпорейшн-лимитед» в Женеве?

- Так нам удобнее, - перевел Вдовкин ответ шефа.

Директор изобразил на лице полное понимание и в свою очередь произнес небольшую речь. Все их требования были вполне приемлемыми, кроме одного. Открытый на предъявителя счет не мог превышать определенной суммы, которую директор для наглядности начертил черным фломастером на фирменном бланке. Сумма была со многими нулями и Алешу удивительила. Затем директор вручил ему конверт с заранее подготовленными бумагами и попросил расписаться на трех финансовых документах. Алеша пододвинул бланки Вдовкину и тот их внимательно изучил.

- Все разумно, - сказал он. - Это не Одесса.

Директор нажал кнопку селектора и пожилая секретарша внесла в кабинет поднос с тремя бокалами шампанского. С приятной улыбкой директор предложил тост:

- Ельцин, реформа, банзай!

- Гитлер - капут! - добавил Вдовкин. Все трое чокнулись и выпили.

Через десять минут сидели в маленьком «бистро» неподалеку от банка и ели поджаристые, копченые сосиски со сладкой, бледно-желтой горчицей. Алеша с любопытством листал толстенькую чековую книжку.

- Евгений Петрович, как себя чувствуешь в шкуре миллионера?

Вдовкин второй раз в это утро проснулся.

- Если немедленно не дашь водки, меня вырвет, - предупредил он. - Ты этого добиваешься?

Алеша сделал знак официанту.

- Заказывай, Женя, теперь можно.

Вдовкин сгоряча попросил водки сразу на трех языках: немецком, английском и русском. Это произвело сильное впечатление. Через мгновение официант вернулся с запотевшим графинчиком, при этом вид у него был отрешенный, как у московского омовца.

Вдовкин, блаженно жмурясь, сделал пару крупных глотков, понюхал хлебушка, и обратил на Алешу страдальческий, заслужившийся взгляд.

- Разбавленная! Ей-Богу! Совершенно без градусов. Попробуй, если не веришь.

- Пора лечиться, Женя. К Довженко тебе пора.

- Для тебя что самое страшное? Миллионы потерять?

- Я на бабки не молюсь.

- А для меня самое страшное - протрезветь.

... На другой день мистер Кугельман на подержанной «вольве» отвез их на виллу в Гштаде. Они и моргнуть не успели, как пересекли нарядную, киношную страну, издавна оборудованную для безмятежного жилья. Третий день Вдовкин и Михайлов были окружены людьми, которые все как один беспричинно улыбались и чему-то постоянно радовались. В этом был какой-то подвох, но в чем он заключался, они не могли понять. Либо обитатели маленького северного рая были все поголовно идиотами, и не догадывались о том, что им все равно придется умирать, либо им была известна некая заповедная тайна, которой они ни с кем не хотели делиться. Вдовкин запасся в дорогу сумкой, набитой жестянками с пивом, и хмуро высасывал одну за другой на заднем сидении, пока улыбающийся мистер Кугельман, небрежно управляя машиной, возбужденно повествовал обо всех достопримечательностях, которые попадались ему на глаза. Тоже было непонятно, почему он так горячится. Алеша на переднем сидении сидел нахохлясь, курил и даже не требовал у Вдовкина перевода. Таким образом, экскурсоводческие откровения Кугельмана падали на неблагоприятную почву.

На вилле, куда прибыли около полудня, было все, что российский обыватель видел только в любимых латиноамериканских сериалах. Огромный дом с семнадцатью жилыми комнатами и подсобными помещениями, прилегающий к нему парк на полгектара, ухоженный, благоухающий цветочными клумбами; сказочный вид на горы, чудный, бодрящий, сотканный из головкружительных ароматов воздух; незримое веяние благодати, ощущаемое даже в том, как внезапно вспыхивала, хрустела мелкая галька под подошвами, как наивно склонялись навстречу изумрудные ели, как с веселым писком взметнулась ввысь неведомая пичуга, - все должно было повергнуть в восхищенное изумление двух заплотешных российских рыночников, и мистер Кугельман явно этого ждал, но не дождался.

После того, как прошлись по всему дому, по этажам, и убедились, что комнаты меблированы богато, но ковры в холлах поистерлись, и на кухнях запустение и пыль, и на втором этаже разбито окно в спальне, Алеша заметил с таким видом, что удостоверялся в большом, непоправимом обмане.

- Скажи Кугелю, что надо все же цену сбавить. А то получается, переплачиваем.

Вдовкин, который пользовался каждой заминкой, чтобы откупорить очередную банку пива, перевел. Мистер Кугельман всплеснул руками и без роздыху молотил языком минут пять, точно в бреду. Алеша не выдержал:

- Скажи, чтоб заткнулся. Чего он?

Вдовкин утер коричневую пенку с усов.

- Чего-то мудрит. Говорит, отдают дом задаром.

- Скажи, что с каждой сотни ему лично пять тысяч в лапу.

Мистер Кугельман, выслушав перевод, заново завел свою шарманку, рассылая во все стороны такое невероятное количество дружелюбных улыбок и гримас, что Вдовкину стало дурно, и он умчался на одну из кухонь, где заметил точно такой холодильник, как в отеле. Но этот холодильник оказался зловеще пуст. Вернувшись, он, как ни в чем не бывало, перевел, не дожидаясь, пока мистер Кугельман окончит фразу.

- Обещает постараться. Снесется с хозяевами.

Алеша смотрел на подельщика подозрительно:

- Ты куда сейчас мотался?

- Туалет искал.

- Женя, мы же договорились, до обеда ни капли крепкого...

Ладно, скажи этому хрену, чтобы готовил купчую и завтра привез в отель.

...Вечером ужинали в ресторане. Русскоязычный официант подбежал к ним галопом.

- Что посоветуешь, землячок? - спросил Алеша. - Хочу дружку угодить, но это непросто. Он бывший дворянин.

- Рекомендую форель в белом вине, - почтительно согнулся официант. - Также ребрышки барана.

- Зер гут, - согласился Алеша.

Вдовкин добавил:

- Бутылку водки и чего-нибудь соленья.

На эстрадный помост выскользнула давешняя женщина-змея и под тихий рокот оркестра начала раскручивать свои эротические кольца.

- Ты мог бы жить в Швейцарии? - спросил Михайлов.

- Это не ко мне вопрос, - устало отозвался Вдовкин. - Я жил и умер в России.

Мишу Губина телефонный звонок поднял из любимой асаны «Плуг». Он никого не ждал в предвечерний субботний час, но телефон верещал с настойчивостью штопора, впивающегося в пробку.

- Алло! - сказал Губин негромко. Голос, возникший в трубку, был ему незнаком, но он догадался, кому он принадлежит. Пыш-

ная копна рыжеватых волос, карие, с прозеленью глаза, тайно-развратные ужимки.

- Угадай, Мишенька, кто тебя беспокоит?
- Откуда у тебя мой телефон?
- А почему я звоню, тебе неинтересно?
- Ответь на мой вопрос.

Мелодичный смешок, прикуривание сигареты, многозначительная пауза. Она оторвалась от «хвоста» на Пушкинской площади, умело, дерзко, без затей. В тот раз он объявил Гене Маслову выговор с последним предупреждением.

- Это так важно, Миша?

- Не только это. Кто ты такая? Чего тебе надо от Насти Михайловой?

- Хочу пригласить тебя на свидание.
- Приглашай.
- Через час в «Подииуме». Тебе подойдет?

«Подииум» - небольшое, аристократическое заведение в Столешниковом переулке, под грузинской «крышей».

- Почему в «Подииуме»?
- Там очень вкусное лобио. А где хочешь ты?
- Мне все равно. В «Подииуме» так в «Подииуме». Через час буду.

Он повесил трубку, пока она еще что-то лепетала. Ее зовут Таня. Но теперь он был уверен, что если ее зовут Таня, то с таким же успехом его самого можно называть Ибрагимом Евграфовичем. «Подииум». Надо заметить, Губину не очень хотелось без нужды «засвечиваться» на чужой территории. Южные кланы давно поделили Россию на торговые зоны, и полагали, что это вполне нормально. Как убедительный аргумент в справедливости своих притязаний, они приводили в пример главенствующее положение сицилийской «Козы ностры» в Америке. Итальянцы тоже были там чужаками, но никто не ставил им там палки в колеса. А те, кто пытался ставить, включая и президентов, горько потом об этом жалели. В последние год, два ситуация изменилась, но не в Америке, а в России. С одной стороны, пользуясь безвременьем, южные грабили и терроризировали обеспамятешую страну с какой-то особенной, удручающей наглостью, не соблюдая никаких правил, чем непоправимо настроили против себя общественное мнение, никем пока, правда, не организованное в реальную силу противодействия; с другой стороны, выросли и окрепли, как грибы под дождем, собственные, отечественные «беспредельщики»; уже во всю скалила зубы молодая «русская мафия», отчаянная и азартная, готовая изгрызть и перевернуть даже мраморные пьедесталы вчерашних, свергнутых идиологов. Пальба, взрывы на улицах Москвы, неопознанные трупы в

канализационных люках, за одну ночь поднимающиеся особняки в пригородах, как и многое другое, говорило о том, что арьергардные схватки заканчиваются, но генеральные сражения с большой кровью и потрясением основ были еще впереди. К ним готовились и те, и эти, не досыпая ночей у штабных амбразур.

В «Подиум» Миша Губин приехал за десять минут до назначенного времени, но не успел опуститься за столик, как увидел пересекающую уютный зальчик рыжеволосую, стройную девушку в умопомрачительном мини наряде. Девушка сияла такой ослепительной улыбкой, словно заново увидела любимого человека после того, как недавно проводила его в могилу.

- Чао!

- Добрый вечер.

- Извини, что опоздала.

- Угу.

- Я такая голодная - прямо жуть! Можно, я закажу для нас обоих?

- Конечно.

- Сразу условимся: я пригласила, я и плачу. Согласен?

- Валяй.

Заказывать вообще не пришлось. Таню тут, видно, хорошо знали. Смуглый красавец с блестящей серьгой в левом ухе мгновенно уставил стол холодными закусками, посредине водрузил графин с малиновой жидкостью.

- Что будете пить, господа? Таня, тебе армянский?

Таня вопросительно взглянула на кавалера.

- Нарзан, если можно, - сказал Губин.

- На горячее, как обычно, шашлычок?

- Только попостнее, - попросила Таня.

Официант ушел.

- Я тебе не нравлюсь? - спросила Таня. Ей было не по себе. Миша Губин - прямой, как истукан, с опущенными на стол ладонями, - каждым словом, процеженным сквозь зубы, наносил ей оскорбление за оскорблением. Она чудом удерживалась, чтобы не влупить в эту презрительную рожу тарелку с салатом. Чем нестерпимее становилось это желание, тем доверчивее она улыбалась.

- Ответь, пожалуйста, Мишенька! Ни чуточки не нравлюсь? А некоторые - льнут.

- На кого работаешь? На Елизара?

Точность попадания ее ошеломила. Она наполнила рюмки малиновой жидкостью из графина.

- Оцени, итальянский гранатовый ликер. Я его обожаю.

- Спасибо, не пью.

- Совсем не пьешь? Хотя бы понюхай.

- Если будешь ломать комедию, я лучше пойду.
- Какую комедию?
- Что тебе от меня надо?
- Миша, ты не допускаешь, что девушка может просто так влюбиться? С первого взгляда?

- Ты? Нет.

- Почему?

- Послушай внимательно, это для твоей же пользы. Кто ты такая, я догадываюсь. Не знаю только, кто тебя послал и зачем. Но это мне и не нужно знать. Достаточно будет, если я еще хоть раз увижу тебя около Насти. Надеюсь, тебе понятно?

Давно она не слышала такой прямой, честной угрозы, и это привело ее в диковинное, неприличное возбуждение. Щеки запылали, глаза полыхнули зеленой мглой. Миша Губин смотрел на нее с изумлением.

- Что с тобой? Ты на игле?

- Расслабься, Мишенька! Будь попроще. Сейчас покушаем, выпьем - поедем ко мне и хорошенько потрахаемся. Как тебе вариант?

- У тебя бешенство матки? - спросил он сочувственно.

Таня поскорее налила себе коньяку и молча выпила. Ей было стыдно. Она допустила сегодня столько промахов, что впору было собирать манатки и отчаливать на гастроли. Самой главной ошибкой был звонок этому ублюдку. Разве не понимала, с кем связывается?

- Похмелилась? - заботливо спросил Губин. - Тогда быстренько закусывай - и айда.

- Куда - айда?

- К тебе. Или передумала?

- Никогда не передумываю.

- А со мной бывает, - признался Миша. - Но, конечно, не часто.

Из ресторана поехали в Мишиной «тойоте». Сзади, впритык, на светлой Таниной «вольве» следовал Витенька Строгов, ее бычара. Она заранее предупредила, что может так получиться, что понадобится его хата, и забрала у него ключи от квартиры. Витенька рад был услужить ей во всем. Тем более, за предоставленные жилплощади она доплачивала ему по особой таксе. У Витеньки в голове была только одна извилина, но он был предан, как дворовый пес. Ему недолго осталось куковать на белом свете, слишком много он выведал про свою прелестную хозяйку за год беспорочной службы, и иногда в его ясных, собачьих глазах вспыхивал трепетный огонек предчувствия смерти. В такие минуты Таня награждала преданного слугу искренним, материнским поцелуем.

По дороге разговаривали мало, только один раз Таня пожаловалась:

- Не могу понять, что на меня накатило.

- Бабий час, - с готовностью отозвался Миша Губин. - Это бывает. У кошек, к примеру, в марте.

Больше вроде и говорить было не о чем. В «Бирюлеве», возле одной из шестнадцатизэтажных коробок остановились.

- Приехали. Вот мой дом.

Сзади припарковался Витенька Строгов, с которым Губин произвел короткий контакт. Через приоткрытое стекло предостерег:

- Нам не мешай, ладно?

- Да я что? Мне как прикажут, - осклабился бычара.

В лифте, пока поднимались на девятый этаж, Таня сделала неловкую попытку обняться, но Губин строго ее отстранил:

- Сначала в ванную. Я же не знаю, с кем ты днем была.

В узком коридоре однокомнатной квартиры, захлопнув дверь, Таня наконец-то отвела душу. Крутнувшись на каблуках, с разворота, с такой силой вlepила ему оплеуху, что руку вывернула из плеча. Вложила в удар всю ярость, но оказалось, погорячилась напрасно. Оплеуха повисла в воздухе, как сопля, и если бы не Мишина забота, она бы не удержалась на ногах. Он помог ей выпрямиться и чуть-чуть тряхнул для вразумления, отчего ее зубки лязгнули, как костяшки домино.

- Не балуйся, малышка! - усовестил он. - Мы же не драться приехали.

На кухонном столе стояла початая бутылка водки, и Таня дрожащей рукой наплескала себе полстакана. Губин был тут как тут.

- Какая же это будет любовь, если ты нажрешься, - усомнился он. Таню неудержимо потянуло на «травку», сигареты лежали в сумочке, но она себя превозмогла.

- Сядь, - попросила, - не мельтеши. Давай немного поговорим. Если кто-то тебя боится, то только не я. Ты же понимаешь?

- Понимаю. Расскажи, что тебе поручил Елизар? Ты шпик или киллер?

Что-то с ней случилось и без «травки», какой-то протек в сознании. Задумчивое Мишино лицо с дьявольской усмешкой было выписано точно на холсте. Она подумала, что если он вдобавок ко всему гипнотизер, то она крепко нарвалась, и скорее всего ей хана. Из этой ловушки ее уже никакой Витенька Строгов не вытянет, хотя она велела ему через часок пошуршать под дверью.

- Не гадай понапрасну, - пробурчала, с трудом одолевая сонную хмарь. - Сама все расскажу, только ты попробуй поверить. Я порченная, сквозной дыркой уродилась, потаскушкой, авантюристкой, но на тебе заторчала. Ей-Богу! Угодить хочю. Честное

слово. Пожалей меня, Миша! Просто так, не размышляя, сослепу, пожалей заблудшую душу. У тебя же есть мать, или сестра? Ну какая-то у тебя есть женщина, которую ты жалел? Пожалей и меня. Самому легче будет. Нельзя же вечно жить, как в панцире. Отдохни! Выпей рюмку водки. Не смотри, как на гниду. Ну пожалуйста!..

Будто невзначай, распахнула ворот блузки, засветилась, вспыхнула золотистая кожа. Нежная грудь обнажилась. Ей было душно. Потянулась заново к бутылке. Губин перехватил ее руку.

- Ступай в ванную, - сказал хрипло.

Пока принимала душ, он тщательно обследовал квартиру, проверил запор на входных дверях. Разумеется, это была не ее квартира. Здесь жил, судя по всему, обыкновенный бандерлог, обезьяна из джунглей, причем мужского пола. Множество «качковых» приспособлений, а также журналы (типа «Плейбой») и книги (типа «Убийство под одеялом») указывали на то, что здешний бандерлог воспитывал себя суперменом. Скорее всего, это было логово Таниного телохранителя, который бдел на стреме. Возможно, ждал особого сигнала, чтобы появиться перед светлые очи хозяйки во всей своей непреодолимой обезьяньей красе.

Губин горько усмехнулся и пошел на кухню. Поставил чайник на огонь, чтобы попить кофейку. Он был в растерянности. Дамочка попалась не с двойным, а, похоже, даже с тройным дном, но это была половина беды. Беспокоило его другое, в чем трудно было признаться самому себе. Все, что она вешала ему на уши, было, разумеется, ложью от начала до конца, но ложь была такого свойства, что походила на невероятную правду. Еще в ресторане, вопреки рассудку, он почувствовал, что его тянет к ней, как молодого жеребца на текущую кобылку. Это было стыдное, паскудное, неведомое ему доселе ощущение, но двух толкований оно не имело. Любовная лихоманка шарахнула его по мозгам, точно ломом, и весь вечер, и всю дорогу ему стоило чудовищных усилий вести себя нормально. Красивая, развратная ведьма приворожила его, иначе не скажешь, но пока она этого не заметила, все козыри по-прежнему у него на руках. Весь вопрос в том, надолго ли? В отношениях с женщинами у него, в сущности, не было никакого опыта, потому что с той первой, несчастной, юной своей любви, окончившейся крахом, он относился к ним чисто гигиенически. Брал, когда требовал организм, использовал с медицинским прицелом, но ни к одной даже отдаленно не прикипел сердцем. Он считал это естественным. У каждого своя судьба. Путь воина, внемлющего космическим голосам, несовместим с убогими земными страстишками, которые обязательно привносит в жизнь мужчины присутствие женщины. Похоть, обжорство и алчность - вот три беса, мешающие эзотерическому прозре-

нию, превращающие человека в скотину. Кто поддался хоть одному из них, тот уже никогда не поднимется по лунному лучу.

Она замерла в дверях, как бы ожидая его указа, с умытым лицом, с распущенными волосами, в длинной мужской рубашке до колен - приготовившая себя на убой невинная курочка-ряба. И опять, как в ресторане, когда спешила через зал, вязкий стук, точно застрявший вздох, запекся в его груди.

- Подмылась? - спросил равнодушно.

Таня опустила на стул и молча, косясь на него, потянулась к заветной бутылке. Миша не останавливал.

- Чем больше ты грубишь, - она робко заглянула ему в глаза, - тем больше желанен. Я заболела, Миша. Что-то вроде любовной кори.

Невероятная правда была как раз в том, что хотя эта женщина была соткана из лжи и блуда, но все заметнее поворачивалась к нему незащищенным боком, и делала это, как трагическая актриса на сцене, с каким-то подчеркнутым, зубовным самомучительством. Точно так же пила и водку, словно заливала раскаленную, воспалившуюся плоть.

- Ты же не москвичка, гастролерша, - Губин чинно пригубил кофе. - Откуда пожаловала в столицу?

- Давняя история, - задумалась, поскучнела. - Да и какая теперь разница?

- Елизар тебя откуда-то выписал?

- Мишенька, с кем ты воюешь? С женщиной, которая в тебя влюбилась? И не стыдно?

Все-таки она его переиграла. Слезы на ее ресницах сверкнули, как льдинки. Гениальная была актриса. Он протянул руку и дотронулся до ее щеки.

- Надо же! Настоящие. Как ты это делаешь?

На секунду-то расслабился и чуть не пропустил удар. Ее лихая пощечина смела со стола две чашки, заварной чайник и хрустальную вазочку с печеньем. Все полетело на пол. Губин улыбнулся.

- С тобой не скучно однако.

В следующее мгновение они целовались. Губин вместе со стулом оказался прижат в угол, девушка удобно устроилась у него на коленях, ногами обхватив за поясницу, упершись пятками в стену. Не отрываясь от его губ, попыталась расстегнуть, снять с него рубашку. Это было весело. Они барахтались и пыхтели, как малолетки. Попутно Таня ухитрилась зацепить столовый нож, который годился разве что для разделки овощей. Этим декоративным тесаком она все же попыталась полоснуть возлюбленного по шее, но Губин щелкнул ее по запястью, и нож умчался следом за разбитой посудой. Когда он овладел ею, она вскрикну-

ла так, словно потеряла невинность. Истошный вопль достиг ушей Витеньки Строгова, который уже минут десять дежурил под дверью. Пораскинув умишком, он сунул в замочную скважину ключ и осторожно прокрутил. Но дверь не открылась, потому что была замкнута на «собачку». Витенька спрятал ключ в карман и закурил. Через некоторое время к нему на лестничную площадку вышел Губин. По его строгому, неподкупному виду Витенька определил, что медлить нельзя. Своей правой, знаменитой колотушкой он нацелил Губину в лоб свирепую блямбу, но, как и в случае с хозяйкой, нарвался на встречный «блок», получил тычок в солнечное сплетение, и присел возле лифта, чтобы отдышаться.

- Ты зачем приполз, - пожурил его Миша. - Я же тебе велел не соваться.

- Так вроде звали?

- Это не тебя, дурака, звали. Ну что ж, зайти, поинтересуюсь, если тянет.

Витенька Строгов уже выпрямился в полный рост, поднявшись на полметра выше своего обидчика. Но отойти от лифта почему-то не решался, седьмое чувство подсказывало ему, что этого не надо делать.

- Пусть сама выйдет. Ты не обижайся, мужик, я же на службе.

- Таня! - крикнул Губин в отворенную дверь. - Иди сюда, тут тебя спрашивают.

Таня возникла в проеме двери, успев хитро перепоясаться махровым полотенцем, так что груди и рыжий лобок сияли первозданной наготой, но сама она была как бы в одежде. Витенька Строгов в смущении потупился.

- Чего хочу спросить, Татьяна Ильинична, я вам еще понадоблюсь сегодня?

Таня не удержалась, пискнула от смеха.

- Не понадобишься, сынок. Ступай домой с Богом.

Витенька, забыв, видно, где его дом, ураганом ломанул вниз по лесенке. До конца недолгой жизни в нем сохранилось кошмарное воспоминание об этой встрече, когда его пудовый кулак обломился точно о каменный столб, а сам он был отброшен к лифту легким толчком сатанинской длани.

Любовники вернулись на кухню и Таня Француженка попросила разрешения выпить еще водочки.

- Пей и рассказывай не спеша, - сказал Миша Губин.

- Ты останешься? Переночуешь со мной?

- Не мели чепухи. Если я тут усну, то уж скорее всего не проснусь. Это же очевидно.

- Разве тебе не хочется испытать судьбу?

- Она уже до тебя испытана.

Таня выпила, похрустела яблоком, закурила, оперла подбородок на кулачок и грустно посмотрела на Мишу:

- Ну чего ты еще от меня хочешь?

- Зачем тебя послал Елизар?

- Какая разница. Все равно я не справилась. Ну и наплевать на все. Хочу быть с тобой. Пойдем в постель.

- Пойдем, - согласился Миша.

В постель она прихватила недопитую бутылку, пепельницу и сигареты. Миша помог ей лечь поудобнее, сам пристроился на краешке кровати. Горел ночник на бронзовой подставке, упершись в потолок прозрачной желтой стрелой.

- Чего надо от нас Елизару?

- Хочу быть твоей, Миша!

- Сейчас будешь, передохни немного.

Таня отхлебнула из горлышка, а Губин распахнул окно, чтобы табачная гарь выветривалась.

- Тебя зовут Француженка?

Таня поперхнулась, и чуть ее не вывернуло на коврик. Губин заботливо похлопал ее между лопаток. Оправившись, она попросила:

- Возьми меня хоть еще разочек, ну пожалуйста!

- Да хоть десять, - пообещал Губин. Он снял брюки и аккуратно повесил на спинку стула. Потом перевернул Таню на живот, приладил повыше, и вошел в нее без всяких проволочек, как бильярдный шар влетает в лузу. Она так верещала, точно ее на шомполе сунули в пылающие угли, и это длилось долго, пока он не выжег в ее чреве огромную дыру.

- Ну вот, - заметил Губин незамутненным голосом, вернувшись на краешек кровати. - Если еще понадобится, только намекни.

- Ты сволочь, - всхлипнула Таня. - Я не животное, подлец!

- Как не животное? Что ж ты такое говоришь-то? Именно животное. Вдобавок ядовитое. Вроде тарантула. И не надо этого стыдиться.

- А ты сам не такой?

- Нет, не такой. Я обыкновенный мужчина, без всяких закидонов.

- А я тарантул?

- Сильно не переживай, я у тебя жало скоро вырву.

По инерции шмыгнув носом, Таня опять прильнула к бутылке. Ей было так хорошо, как никогда. Наконец-то она прибилась в тихую гавань, где не дуют промозглые ветры вечного противостояния.

- Если меня бросишь, будешь самой последней сукой.

- Расскажи о себе.

- Тебе интересно?

- Может быть.

Ее рассказ затянулся надолго, и Губин чувствовал, как его усыпляет ее монотонное бормотание. Он не хотел, чтобы ночь кончалась.

9

Иван Полишук, вольный сын Федора Кузьмича, в деньгах не нуждался, он нуждался в душевном покое. Он с горечью чувствовал, что не вписывается в острое и хваткое, новое рыночное счастье. То есть, он не чуждался радостей колониального бытия, ел и пил вволю, при случае мог спекулировать чем попало, но все-таки иногда с удивлением замечал, что ему не хватает воздуха. В тех книгах, которые он проглотил к восемнадцати годам, а осилил он не одну библиотеку, нигде не было сказано, что человек бывает счастлив, торгуя барахлом или устрашая ближнего пистолетом и финкой; и напрашивался неприятный вывод: либо все эти книги были сочинены людьми с совершенно иным мироощущением, чем у ныне живущих, либо большинство его соплеменников, особенно ровесников, таких резвых, благополучных, постоянно озабоченных легкой наживой, походили с ума и пируют во время чумы. Можно было предположить и другое. На рыночных дрожжах в России произошло одно или два-три поколения с совершенно уникальными свойствами, и чтобы понять этих людей, разумнее всего было сравнить их с племенами Новой Гвинеи того периода, когда туда наведалься наш славный путешественник Миклухо-Маклай. Имея на руках большое количество красивых стеклянных бус и других дешевых украшений (читай, долларов), он в короткое время стал для папуасов лучшим другом, отцом и учителем, впоследствии практически обо-жествленным. Сходство было настолько разительным, что у впечатлительного юноши, когда он размышлял об этом, сладко кружилась голова. Это ведь было своего рода научное открытие, равных которому, пожалуй, не было в палеонтологии. Природа была циклична во всем: как в смене времен года, так и в воспроизведении человеческих конгломератов. Если внимательно вчитаться в дневники и жизнеописания Миклухо-Маклая, то становилось очевидным, что дикари Новой Гвинеи были не только простодушны и неприхотливы, как молодые русские рыночники, но также в полной мере коварны, жестоки и злопамятны, и за лишнюю нитку бус им ничего не стоило перерезать всю родню. Иное дело, что у них не было в наличии танков, пушек и автоматов, чтобы одним чохом покончить с зазевавшимися конкурентами,

поэтому разборки между тамошними племенами затянулись на полтора столетия, пока всех не выстроили по ранжиру английские колонизаторы.

Каждый день без устали Иван бродил по родному городу и повсюду видел одно и то же: слезы и стоны проторговавшихся и восторженные вопли победителей, сорвавших дневной куш. Все было точно по Герману: пусть неудачник плачет, кляня свою судьбу. Между двумя основными категориями московского населения - жуликами-везунчиками и жуликами-банкротами - иногда выныривали промежуточные фигуры: азартного, полупьяного нищего с протянутой рукой, да нервного обывателя, промышляющего неизвестно чем, крадущегося вдоль домов зябкой походкой и напоминающего своими повадками кладбищенского вора. Еще много шастало по улицам взвинченных, нарядно одетых женщин разного возраста, у которых, у всех без исключения, было написано на лицах одно нестерпимое желание: дай доллар, прохожий, а уж я дам тебе все остальное. Куда повымело с улиц нормальных, обыкновенных людей, прежде так густо населявших Москву, догадаться было невозможно, и это была тайна, которая его довольно сильно занимала.

В одном из подземных переходов он купил забубенную газетку «Московский комсомолец», наскоро ее пролистал и сразу наткнулся на заметку, которая, в общем-то, косвенно приоткрывала тайну исчезновения из столицы нормальных людей. Заметка игриво называлась «Выпал из гнезда», и рассказывала о пожилом господине, который от недоедания и ужаса текущих дней еле добрался до окна и сиганул с шестого этажа на мокрый асфальт.

Тут к Ивану приблизилась девочка лет двенадцати, в опрятном школьном фартучке, тронула его за рукав и пропищала прокурренным детским голоском:

- Дяденька, у вас не найдется двести рублей?

- Может, и найдется. А зачем тебе?

Кроха озорно подмигнула:

- Дедушке капли купить, зачем же еще. Но если вы хотите развлечься, это обойдется дороже.

- Как это развлечься? - удивился Иван, хотя мог бы догадаться без глупых вопросов.

Кроха оглянулась по сторонам.

- Можем пойти ко мне, я ведь недалеко живу.

- Сколько же стоят твои развлечения?

- Вы такой красивый. Десять долларов меня устроят.

- А если отведу тебя в милицию?

Девочка отшатнулась, скривила губы.

- Нет, дяденька, не отведете.

- Почему?

- Вы же добрый, я вижу.

Обескураженный этой встречей, Иван, как во сне, проехал пять остановок на троллейбусе до ларька, где работал его недавний одноклассник и друг Дема Смирнов. Его впустили в палатку, усадили на стул и сунули в руки банку немецкого пива. Кроме Демы тут управлялся еще один смуглоликий паренек лет двадцати двух, а у стеночки прямо на полу кимарила девица в растрепанном обличье, как бы приготовленная на выставку нижнего дамского белья.

- Знакомься, - сказал Дема. - Это Миша, он из Мелитополя. А это Нинка, она скоро очухается. Немного заболела натошак. Ну как, надумал?

- Чего надумал?

- Вот, - сказал Дема Мише. - Был человек человеком, а стал как пидер малахольный. Последний раз говорю, Ванек, вступай в долю, и завтра же открываемся на Краснопресненской. Или я контакту с другим пацаном.

- А бабки у него есть? - спросил Миша.

- В том-то и дело. У него бабок, как у нас с тобой гороха. Плюс такая крыша, которая нам и не снилась.

- Про крышу откуда взял? - второй раз за утро удивился Иван, но тут же сообразил, что Дема последние полгода тайно ухлестывал за Леночкой Савицкой, вот она ему, видно, что-то такое и наплела.

- Жри пиво, конспиратор, - развеселился Дема. - На размышление даю еще сутки. Думай.

- А чего думать? - вступил Миша. - Навар без булды. Четыреста процентов гарантирую.

- Миша знает, что говорит, - пояснил Дема. - Он в этом бизнесе с колыбели.

- В каком бизнесе?

Дима покосился на спящую красавицу.

- Травка, чудак. При этом без всяких приколов. Напрямую.

- Круто, - кивнул Иван. - Но я - пас.

- Обоссался, что ли?

Иван поднял на него холодный взгляд и старый кореш нервно хихикнул:

- Шутю, шутю! Не хочешь, не надо. Пацанов хватает нуждающихся.

Закопошилась девица на полу, отворила пустые, подрисованные глаза:

- Мальчики, помираю. Дайте глоточек.

Миша, не глядя, протянул ей открытую бутылку портвейна. Девица запрокинула голову и жадно забулькала. Снаружи возник покупатель и попросил две пачки «Кэмела». Первый покупатель

за полчаса. Это была еще одна из маленьких тайн рынка, неразгаданная Иваном. Откуда бралась прибыль в «комках» при таком спросе? Девица, утерев рот ладошкой, капризно протянула:

- Где же моя юбка? Эй, кобели! Куда дели юбку?

Дема деловито поинтересовался у однокашника:

- Не хочешь с утра?.. Очень полезно для здоровья.

- Черт поганый! - завопила девица. - Ты чего за меня распоряжаешься?! Ты что, меня купил?

Миша сказал примирительно:

- Не надо шуметь, Ниночка. Люди мимо ходят, чего подумают. Мы же тебе дали пятьдесят штук, разве мало?

- За пятьдесят штук, - злобно прошипела Ниночка, - кобылу трахай в своем Мелитополе, чурка вонючая! А я...

Досказать не успела, потому что Миша с короткого взмаха вмазал ей ребром ладони по губам. Иван отставил пиво и со словами: - Как-то у вас душно, братцы! - выскользнул из палатки. Не успел прикурить, следом вылетела Ниночка с юбкой в руке и с окровавленным ртом. Иван загородил ее от прохожих, пока она одевалась, и дал платок, чтобы вытерла кровь. Пошли рядом по набережной. Девушка то и дело спотыкалась и хватала Ивана за локоть.

- Тебя как зовут?

- Иван.

- Слушай, давай выпьем где-нибудь, а то меня всю трясет.

По пути как раз попался шалманчик, в котором подавали горячие сосиски, а также пиво и коньяк. Столики на открытом воздухе.

- Учти, я угощаю, - предупредила Нина.

- Да мне ничего не надо. Посижу с тобой просто так.

Он донес до столика коньяк, пиво и сосиски. Кроме них, клиентов не было.

После коньяка Нина действительно немного успокоилась, а то ее колотило, как в лихорадке. Лицо у нее было нежное, симпатичное, с задорным прищуром, но чересчур озабоченное. Обычно Иван сторонился припадочных девах, ошивающихся в «комках».

- Какие ублюдки, да?! - сказала Нина. - Ты тоже с ними заодно?

- Я сам по себе.

- Знаешь, почему я к тебе потянулась?

- Почему?

- У тебя глаза хорошие. Ты не такая свинья, как они. Можешь отомстить за меня?

- Как это?

- Поклянись, что отомстишь!

- Клянусь, - сказал Иван. На набережную прямо, свежо тянуло и солнышко проглядывало сверху как-то по-особенному ласково.

Нина объяснила, что ему необходимо сделать. Он должен подстеречь Мишу поздно вечером возле его дома в удобном месте, которое она заранее покажет. Миша возвращается домой всегда точно в половине первого, потому что у него в квартире живет какая-то приезжая телка, которая сечет его по минутам. Миша никого не боится, кроме своей телки. Иван должен его подстеречь и по-тихому замочить.

- Согласен? - настойчиво спросила Нина, пронзая насквозь бедовым, пьяным взглядом.

- Конечно, согласен. Только не пойму, за что ты на него так взъелась? Неужто из-за одной оплеухи?

- Не только из-за этого. Он, гнида поганая, обращается со мной как со скотиной, а обещал... Он мне про эту телку ничего не говорил, так пел, так пел! Я уши и развесила. Стала бы я с ним по всем углам шарашиться, с трихомонозой вонючей. Он знаешь сколько бабок имеет на своей травке? Но на мне он осекся. Я не подстилка.

- Он что, обещал жениться?

- Пошел он со своей женитьбой! Обещал квартиру снять - раз. Шубу купить - два. А оказалось, я для него тряпка половая, чтобы ноги вытирать. Но у меня своя гордость есть, как ты думаешь?

- Так это сразу видно, - признал Иван. - Но все-таки может не стоит так уж сгоряча мочить? Может, изувечить для начала. Вдруг он одумается?

- Я тебе нравлюсь?

- Еще бы.

- Не врешь?

- Да нет, ты красивая женщина.

- Ну вот, - сказала она удовлетворенно. - Сделаешь, и я вся твоя. В любом месте, сколько хочешь раз.

- Заманчиво, - задумался Иван. Нина допила коньяк, а он отхлебнул пива. Некоторое время они молча, будто в сонной одуре, любовались белым катером, который выгребал на середину реки, обвешанный рекламными плакатами. Отсюда, издалека, можно было разобрать только один: «У МММ - нет проблем».

- Ладно, - сказал Иван. - Поехали, провожу домой, а вечером позвоню.

Нина уткнулась носом в пустой стакан и вдруг разрыдалась навзрыд.

- Ты чего?

Оказалось, ей некуда идти. Из квартиры ее не далее как сегодня утром вышвырнул пьяный, безумный отец, вдруг взбесившийся якобы от того, что она не ночевала дома. Но это была просто придирка, повод. На самом деле он терроризировал и ее, и мать из-за того, что на своем говенном заводе зарабатывал двести тысяч в месяц и еле сводил концы с концами, тогда как у них с матушкой иногда водились крупные бабки. По своей совковой психологии вот именно этого он не мог им простить. Из ее слезного бормотания Иван понял только одно: после того, как он разделяется с Мишей, ему неминуемо предстояло мочить и ба-тушку-тирана.

- Чего же ты такая свирепая, Нин, - осудил ее Иван. - Только один у тебя приговор: мочить и мочить. Да так мы с тобой пол-Москвы перемочим.

- Купи еще коньяка. У тебя деньги есть?

Пока ходил к окошечку раздачи, обдумал создавшееся, щекотливое положение. Бросить пьяную потаскушку посреди Москвы было как-то не по-мужски, вроде она ему как бы и доверилась; а куда ее деть? Разве что отбуксовать домой и дать ей часика три соснуть, но перед матерью неловко. Хотя все же он склонялся к тому, что придется отбуксовать.

После очередной дозы Нину потянуло на откровения. Но сначала она попыталась причесаться и подкрасить губы, и одарила Ивана сокровенным, многообещающим взглядом.

- Меня, если хочешь знать, два раза в кино приглашали сниматься. Не веришь? Настоящий режиссер, без туфты, не хочу называть фамилию, тебе плохо станет.

- Это неудивительно. Такие девушки на дороге не валяются.

- Ты дурачок, внешность не главное. Главное - талант. Хочешь, стихи почитаю?

- Конечно, хочу!

Нина еще раз попробовала привести в порядок волосы, отчего прическа ее стала похожа на копнушку сена, поваленную набок, и заунывным голосом, но очень громко, с отчаянной жестикуляцией и немислимыми ударениями провила два четверостишия Евтущенко. Впечатление было настолько сильным, что несколько прохожих, пригнув головы, как при бомбежке, перебежали на другую сторону набережной, а из палатки выглянул испуганный продавец.

- Ну как? - спросила Нина самодовольно.

- Гениально! - искренне восхитился Иван. - Куда там старухе Тереховой.

- Хочешь, спою?

- Не надо. Пойдем ко мне, познакомлю тебя с матушкой. Ей споешь.

- Ты хочешь познакомить меня со своей мамой?
- Ну, а чего тянуть?
- Ваня, ты что же, влюбился в меня?
- Есть маленько, - скромно признался Иван.

Ася всех гостей принимала одинаково - с христианским смирением. Ее не слишком смутило, что девушка пьяна и с разбитыми губами. Она сводила ее в ванную и передела в свой халат, а потом предложила молодым людям пообедать, но сын сказал, что Ниночке прежде всего следует выспаться, потому что она с ночной смены. Нина прошептала уже в полусне:

- Ты разве не ляжешь со мной?
- Пока нет. Для меня это слишком серьезно.

Ася приступила к сыну с расспросами: кто она, да что она?

- Сиротка, мамочка. Несчастное дитя красивой рыночной мечты. Мне никто не звонил?

- Да от кого ты все ждешь звонка?

Иван редко посвящал мать в свои проблемы и часто водил ее за нос для ее же спокойствия. Она хоть и обложилась религиозными справочниками и молитвенниками, но от любого шороха вздрагивала. Башлыков сказал ему: жди! - и он ждал уже вторую неделю. Матери врал, что устраивается на работу. Ему действительно надоело болтаться без дела. Но что он мог придумать? Разве что приткнуться в какой-нибудь институт. Это было теперь легко: отстегивай сумму - и учишься на здоровье. Филипп Филиппович предлагал обосноваться в университете на мехмате. Он говорил: все пройдет, а точные науки пребудут вовеки. В ответ Иван резонно напоминал: что точно так же патриоты думали о России. И где она теперь?

- Эта твоя сиротка? - спросила мать. - Она что же, надолго у нас поселится?

- Что ты, мамочка! - Иван со скукой поедал котлеты. - Поспит пару часиков и снова на панель.

- Какой ты бываешь жестокий... А родители ее что же? Умерли?

- Да нет, вроде живы.
- Как же она может быть сироткой при живых-то родителях?
- Выгнали ее.
- За что?
- За проституцию, я полагаю. Вдобавок наркоманка.
- Бедная девочка... Такая еще молодая...

В эту минуту раздался долгожданный звонок Башлыкова. Со странным томлением Иван вслушивался в его напористый голос.

- Можешь сейчас подъехать ко мне?
- Да, конечно, - сказал Иван.

Через полчаса добрался до Лесопарковой и поднялся в лифте на шестой этаж обыкновенного жилого дома. Дверь открыл Григорий Донатович и провел его в комнату. Подозрительно спросил:

- Пьешь, что ли? Почему пивом воняет?

- Нет, не пью.

- Если пьешь, разговора не будет.

- Я же сказал: не пью.

Башлыков усадил его на стул, сам сел напротив. Глядел строго, будто обнюхивал. Глаза сухие, пристальные.

- Помнишь, кем был твой отец?

- Кем же?

- Он был мужественным человеком. Богатырем.

- Возможно. Но у меня два отца, - усмехнулся Иван, чувствуя непонятную ломоту в суставах.

- Что сам умеешь делать? Чему-то ты ведь научился за восемнадцать лет?

- Думать научился.

- Это немало. И что же надумал?

- Вот к вам прийти.

Ивана не смущал чудной допрос, хотя он был не совсем в своей тарелке. Получалось, что этот сероглазый, лысоватый мужик с первой минуты знакомства как бы имел право распоряжаться его судьбой, и кроме прямого разговора между ними шел какой-то тайный головокружительный сговор.

Башлыков хлопнул в ладоши и с кухни явилась статная, молодая женщина с подносом в руках. На подносе кофейник и чашки.

Хозяин их познакомил.

- Моя маруха, Людмила Васильевна. А это Ваня Полищук. На работу его беру с испытательным сроком.

Женщина, пока разливала кофе, два раза крепко прижалась к нему бедром. Башлыков это видел.

- Девушка у тебя есть, Вань? - спросил он.

- Нет.

- Это хорошо. Кроме матушки, некому будет горевать, если башку оторвут.

- Да, - согласился Иван. - Пожалуй, что и некому.

...Домой вернулся к вечеру. Мать с Ниной пили чай на кухне, - раскрасневшиеся, возбужденные, как две задушевные подружки. Он особенно не удивился: обе неприкаянные, с куриным умишком, почему бы им не найти общий язык. Строго распорядился.

- Ты, Нинель, сиди здесь, а ты, мамочка, выйди-ка ко мне.

- Куда выйти? - испугалась Ася.

- В комнату, куда же еще.

Матери наедине попенял:

- Она почему до сих пор тут?

- Ой, сынок, напрасно ты так. Она хорошая, только несчастная. Мы же с ней молились, пока тебя не было.

- И ночевать останется?

- Дак пускай поживет несколько дней, какая нам обуза?

- Я не против, это твой дом. Только не реви, когда серебряных ложек не досчитаешься.

- Бог с тобой, Ванечка! Разве можно так о людях думать? Ты бы слышал, как она поет. Я даже прослезилась.

- А спать где будет?

- Со мной, на раскладушке.

- Ладно, пойду с ней потолкую.

- Не обижай ее, пожалуйста!

Нина на кухне вовсю дымил вонючей сигаретой. Иван сигарету отобрал, потушил под краном и опустил в помойное ведро.

- Тут тебе не кабак, заруби себе на носу.

- Ой, какие мы грозные!

Она попробовала его приобнять, но он отстранился.

- Ты протрезвела?

- А то не видишь, - Ниночка кокетливо поправила челку.

- Тогда запомни. Мать я люблю, обижать ее нельзя. Чуть какой промах с твоей стороны, костей не соберешь.

- Да ты что, Ваня?! Ты меня за кого принимаешь?

Иван взял ее руку повыше локтя и сжал. Ниночка побледнела, но даже не пискнула.

- Я не Миша, - сказал он. - Бью сразу насмерть.

- Постыдись, Ваня! Я все-таки женщина.

- Мое дело предупредить... Мама! - Ася мигом прибежала.

- Что такое, сынок?

- Дай чего-нибудь пожрать, я не ужинал.

- Где же ты был целый день?

- На работу устраивался.

На этот раз не соврал. С запиской Башлыкова съездил в префектуру, где ему был заказан пропуск. Его принял пожилой чиновник по имени Геннадий Яковлевич. Побеседовал с ним минут десять и остался доволен. Велел на другой день принести документы: паспорт, диплом... Башлыков напутствовал так:

- Оформят тебя курьером или делопроизводителем, или еще кем - неважно. Хоть плевки подтирай, но через месяц должен стать там своим человеком. Примелькаться. Вопросы есть?

Вопросов у него не было. Ночь он спал крепко. Только раз проснулся. Ниночка сидела на кровати, призрачная в лунном свете.

- Можно к тебе? Мама спит.

Теплой грудью прильнула к его ногам.

- Когда понадобится, сам позову.

- Но я же должна отблагодарить... Ванечка, я тебе совсем не нравлюсь? Ни чуточки?

- Ты на карантине. И этим все сказано.

- Как это?

- Принесешь завтра справку из вендиспансера.

- Сволочь ты, Ванька!

- Иди, не разгуливай меня.

Перевернулся на правый бок и мгновенно уснул. Но во сне овладел ею, со сноровкой опытного мужика. И она даже не догадалась, что была у него первой женщиной.

10

Прямо с аэродрома, где их встретил Губин, поехали на совещание к Серго. Вдовкин всю дорогу ерепенился, бурчал, что в гробу он видел бандитские сходки, что хочет спать, и даже сделал попытку выскочить из машины на ходу. Его буйство объяснялось тем, что в самолете Алеша не дал ему толком опохмелиться. За поддержкой Вдовкин обратился к Губину:

- Мишель, ты единственный интеллигентный человек в этой шайке, скажи, после таких нагрузок человек должен отдохнуть или нет? Надо же иметь уважение хотя бы к возрасту.

- Женя, уймись, - сказал Михайлов. - Ты не хочешь видеть Серго, но он же простил тебе Пятакова. Прости и ты ему. Забудь прошлое. Прошлого нет, ты это знаешь не хуже меня.

В просторном кабинете Серго, за уставленным питьем и закусками столом, как на правительственном банкете, сошлись семь человек: Башлыков, Михайлов, Вдовкин, доброжелательный хозяин Сергей Иванович Антонов (Серго), Губин и двое пожилых господ в одинаковых темных костюмах, в одинаковых белых рубашках, в бледно-розовых, модных галстуках и с кожаными кейсами, которые лежали у каждого справа. Первым делом Серго представил гостей. Оба курировали кавказский регион, в частности, Грузию. Одного звали Иван Лукич Севастьянов, другого - Иван Емельянович Прохоров. У обоих было за плечами по двадцать лет работы на ответственных должностях в МИДе, оба пострадали от новомодных внешне-политических веяний и до срока, в один день были спроважены на пенсию.

88

Справку они готовили сообща, но докладывал Иван Емельянович, как старший по званию: его уволили с поста заведующего отделом, а Иван Лукич был всего лишь выездным куратором. Картина, которую нарисовал Прохоров, была подтверждена множеством документов, но малоутешительная, особенно в части выводов. Если брать голые факты, то выходило, что под контролем южного капитала было шестьдесят пять, семьдесят процентов всего торгового оборота в Москве, правда сюда не входили сделки с недвижимостью, где процент был поменьше, хотя тоже очень значительный. Так что страхи оппозиции, которая считала, что родина по дешевке распродается исключительно на Запад, были преувеличенными. Она распродавалась и на юг.

С другой стороны, математическая статистика еще мало о чем говорила. Экономический распад и политическая нестабильность в южных республиках достигли такой угрожающей стадии, что вчерашние мультимиллионеры вполне могли завтрашним утром проснуться нищими. Жесточайший передел собственности и судорожные попытки южных магнатов удержать захваченные плацдармы окрасились в пламенный цвет братоубийства. На благословенных берегах и сказочных плоскогорьях Кавказа не было места, где не лилась бы кровь и не пищал придавленный балкой младенец. Чума гражданской войны ощерила гнилой зев над многострадальной Грузией, Арменией и Азербайджаном. Тамошние властители, как их московские поделщики, давно перестали соображать, на каком свете они пируют, хотя некую определенность их замыслам придавала общая, подобная внезапной лихорадке, ненависть к бывшему Старшему брату. Правда, ненависть отчасти была гипнотическая с уклоном в восточный площадный театр. Когда русский медведь наконец-то ослабел, и появилась возможность прокусить ему хотя бы пятку, только ленивый ею не воспользовался. Обыденный грабеж бескрайних российских территорий все чаще принимал формы экзальтического, морального изуверства, и как раз то, что поверженный, оскотелый, с надорванной стеновой жилой, придуrowатый Иван не оказывал никакого сопротивления, а лишь робко жался к Уральскому хребту, добавляло в действия разгоряченных соседей крутую замесь безумия. Меч Ислама, ядовитая, отменно намыленная долларовая удавка Запада и самодельный сапожный нож украинского единоплеменника кучно нависли над Россией, и казалось, ей уже неоткуда ждать спасения. Спившийся, утомленный семидесятилетним большевистским игом русский народец смиренно, радостно приуготовился к ритуальному четвертованию, а его многомудрые пастыри озабоченно, как встарь, талдычили о Божием промысле и необходимости внутреннего самосовершенствования, при этом голоса их были почти неразличимы в вос-

торженном клетке победителей. Конец северного монстра был недалек, но тут произошла небольшая заминка. Точно так, как в стае волков, добывающих матерого оленя, но отвлекшихся на кровь волчонка-подранка, в стане победителей начались собственные яростные междоусобные схватки, и это вдруг отодвинуло окончательное переваривание российского полутрупа на неопределенный срок.

На собравшихся за столом искусный доклад Ивана Емельяновича произвел сильное впечатление.

Сергей Иванович, который на правах хозяина как вел совещание, предложил задавать вопросы, но откликнулся только один Вдовкин:

- Вам сколько заплатили за халтурку, господа?

Гости смущенно переглянулись, но Иван Емельянович ответил незамедлительно:

- По тысяче долларов, как договаривались.

Вдовкин хмыкнул:

- Ловко обстряпано. Я бы не дал ни копейки.

- Будешь бузить, Петрович, - заметил сидевший рядом Алеша, - посажу под домашний арест.

Вдовкин виновато на него покосился и набутил очередной фужер пива.

Серго, чинно поблагодарив, отпустил гостей, и дальше беседа пошла в узком семейном кругу. Проблема была понятная: с кавказцами надо срочно разбираться. В последний год отношения с ними в Москве установились взаимно-уважительные, но при таком значительном позиционном перевесе южных группировок, хрупкое нынешнее равновесие никого, конечно, не успокаивало. Достаточно было одной искры, чтобы город взорвался. Искра могла сверкнуть откуда угодно. Чуть-чуть, к примеру, не полыхнуло после неосмотрительного распоряжения мужественного Лужкова, который кинулся выселять чечню из гостиниц. Однако какая-то умная голова в горах быстро скумекала, что устрашающий указ ничем не грозит синдикатам, и предпринят с рекламной целью, чтобы втереть очки дремучему московскому обывателю в виду возможных выборов.

В принципе, вопрос с кавказским нашествием имел два решения. Первое решение хирургическое: мгновенная глобальная акция с налетом на штабы, с физическим устранением полусотни мелких и крупных паханов и такое прочее, иными словами, «буря в пустыне» в домашнем варианте, которая при удаче могла в одночасье изменить соотношение сил, но влекла за собой неизбежный ответный террор. Само по себе, как заметил Серго, это не так страшно, больно рожи у будущих террористов приметные, да и дома, как известно, стены помогают; но все же продол-

жительная заваруха дурно отзовется на сотрудничестве с иноземными фирмами, и будет подорвано доверие к русским партнерам, а доверие в бизнесе то же самое, что дрожжи при производстве самогона. Впрочем, сил для мощного превентивного удара, как уверил Башлыков, у них достаточно, засандалить такую акцию он брался в любой момент.

- Собираемся пятый раз, - раздраженно заметил Башлыков, - и все время я повторяю: хватит трепотни. Надоело! Кавказцы уважают только силу, не мной придумано. А чтобы силу уважали, надо ее показать.

Второе решение было эволюционным: исподволь оно уже осуществлялось. В южные кланы внедрялась агентура, перекупались курьеры и наблюдатели, заключались совместные контракты на поставки сырья, на подставных лиц приобреталась земля и недвижимость в республиках, но то же самое, и с таким же тараканьим упорством производила и противная сторона. Такое перетягивание каната грозило затянуться на десятилетия.

Ждали слова Алеши Михайлова, потому что никто больше не сомневался в его праве на власть. Последний сомневающийся - Гоша Пятаков, мирно дремал вечным сном под мраморной плитой на Щербинском погосте.

- Действительно, - сказал Алеша. - Переливаем из пустого в порожнее, а кавказцы все наглеют. Иногда даже плюют нам в глаза.

- Что ты сам предлагаешь? - хмуро спросил Серго.

- А ты?

- По мне лучше погодить. Над нами не каплет.

- Тебе, Серенький, пора открывать обувную мастерскую на Тверской. Валенки подшивать. Там уж точно тебя никто не тронет.

Серго благоразумно промолчал. Придет час, привычно утешил он себя, и этот валенок я напялю на твою глумливую рожу, скот.

Неожиданно на помощь ему пришел Башлыков.

- Любишь ты, Алексей Петрович, загадки загадывать. Ну ладно, Серго будет валенки подшивать, я - галок стрелять, а ты что? У тебя какие планы? Скажи, если мы в одной упряжке. Мы все же не пешки.

Алеша отпил водицы из хрустального стакана, на его лице сияла обычная ангельская улыбка.

- Проблема, ребятки, вовсе не в кавказцах, - сказал он задумчиво, обращаясь как бы к одному Башлыкову. - Это они на попутном ветре так резво рванули. Ветерок стихнет - и где они? Опять мандаринами на рынке торгуют, да гирьки у весов подпиливают. Их сила только в нашем раздоре. А наша слабость еще в

том, что мы по-прежнему все через зад делаем. Все нам кажется, замочи часового - тут тебе и вольная волюшка.

- Опять загадки, - вспыхнул Башлыков. - Уж лучше тогда по домам разойтись.

- Разойдешься, когда прикажут, - урезонил его Михайлов. - Давай Вдовкина послушаем. Он у нас самый образованный.

- Давай послушаем, - не утерпел Серго. - Почему нынче беленькая в ларьках? Пусть расскажет.

Вдовкин был пьян, зол и сосредоточен. На Серго не взглянул. Со смерти Тани прошел год, но не было минутки, чтобы он ее не помнил. Он не верил в загробный мир, поэтому не надеялся ее больше увидеть. Вино приносило забвение, хотя и несло с собой угрозу слабоумия. Зато оно было всегда под рукой, и отвратителен был, в сущности, лишь миг утреннего пробуждения. Действительность была абсурдной, полной призраков, но даже в ней выпадали события, которые изумляли Вдовкина. К примеру, поездка в Цюрих, или вот эта бандитская сходка, до невероятных совпадений пародирующая научные симпозиумы, на которых когда-то ему доводилось бывать. Торжественность всего сущего внушала пьяному Вдовкину благоговейный трепет. Можно было верить в Бога или не верить, но в нелепых повторениях, в маниакальном блуждании человека по замкнутому кругу совершенно очевидно проявлялась насмешливая воля Творца.

- Михайлов прав, - сказал Вдовкин. - Отдельной чеченской проблемы, или кавказской, или татарской, нет в природе. Есть правила игры для бедных и есть правила игры для богатых. Это надо понять. Богатые давно играют на уровне государственных монополий, а мы вертимся внизу среди криминальных группировок. Речь идет о переходе в иную среду обитания, только и всего.

- Молодец! - воскликнул Алеша. - И что предлагаешь?

- Лобби в выборных органах и влияние на правительство. При нормальном капитале - это осуществимо. Вполне.

Миша Губин через стол дотянулся и добавил ему в фужер свежее пиво.

- Заслужил свою выпивку, герой!

Через минуту Михайлов распустил поделщиков, в комнате они остались вдвоем с Серго.

- Что об этом думаешь? - спросил Алеша.

Серго не стал мямлить и уворачиваться по своей природной мужицкой привычке.

- Без Елизара не сдюжим.

Алеша грустно покачал головой.

- Серенький, когда наконец проснешься? Елизар нас обоих давно к вышке приговорил. Даже не понимаю, чего медлит.

- К старости боится пуп надорвать. За ним и так трупы штабелями. Но конечно, на объединение он вряд ли пойдет. Зачем ему... Кстати, что думаешь про Башлыкова?

- Это твой человек, не мой.

- Тут такой выходит расклад, если валить старика, то... без Башлыкова никак.

- По зубам ему?

- Еще бы! - смягчился сердцем Серго. - От этого бредового майора меня иной раз оторопь берет. Полагаю, за солидный куш он к завтраму пол-Москвы передавит.

- Пол-Москвы не надо, - улыбнулся Алеша, - а старого черта все равно придется потревожить. Хотя ему, видишь, и динамит нипочем.

- Крепко жить хочет, падаль.

11

Таня Французенка кинулась во все тяжкие, леча тоску. Первым делом наведальась к старинному сердечному другу Лошакову. Разглядев ее через глазок, профессор отомкнул чугунные засовы, распахнул дверь и заверещал что-то невразумительное, радостное, кланяясь и гримасничая, точно китайский болванчик. Таня, вместо приветствия, сходу вlepила ему дружескую оплеуху и прошествовала в комнату. Лошаков плелся за ней, заторможенно подвывая.

- Господи, Андрей Петрович, на кого ты стал похож?!

Годы действительно не пощадилИ страдальца. Обрюзгший, тучный, заплесневелый, но с сияющими наивной голубизной глазками, он был весь как воплощение власти рока над рассудком. Куда подевались его спокойная рассудительность и мягкие, обволакивающие манеры дамского угодника. Счастливое десятилетие прогрессивных реформ наложило на него роковую печать. Каждая жилочка у него ныла. На заре перестройки, доверяясь меченому властолюбцу, он вместе со всем народом восторженно устремился на подвиг сокрушения ненавистного коммунистического режима. Отложив в дальний угол научные труды, стал всегдагдаем всех демократических митингов и тусовок, сочинял прокламации, вел активную агитационную работу в массах, и в конце концов удостоился личной дружбы двух великих людей современности - православного пастыря Глеба и изумительного остроумца и аристократа Гаврилы Попова. Когда взoшло божественное солнце августа, стоял рядом с ними, в праздничной толпе и, не стыдясь слез упоения, впитывал вдохновенную речь Бориса Николаевича, перышком взлетевшего на поверженный

93

танк. Каждое его святое слово каменной плитой рушилось на головы взбесившихся партаппаратчиков в Кремле, замысливших усыпить прозревший, но слепой народ иезуитскими песнопениями. В незабываемый день Лошаков и сам чувствовал себя былинным витязем, призванным спасти беспомощное людское стадо от нового, еще более изощренного ига. Пронизывающий вихрь революции скорчил его интеллигентское тельце в сладострастной судороге.

Впоследствии случилось много такого, что привело к тягостным сомнениям его не до конца оскудевший ум. Когда делился этими сомнениями с соратниками, то они большей частью взирали на него, как на полоумного. Но на его глазах спасенный народец взялся вдруг потихоньку вымирать от недоедания, а вчерашние побратимы, переделав государственную собственность, зажили беспечной жизнью римских патрициев. Да и на собственной шкуре Лошаков испытывал некоторые неудобства. Будучи ведущим сотрудником одного из закрытых НИИ, принадлежащего к оборонному комплексу, он оказался в сложной моральной ситуации. С одной стороны, оставался правоверным демократом, защитником всех угнетенных, гневным обличителем коммунизма, а с другой стороны, по ранжиру принадлежал к тем, кто, по разъяснениям авторитетнейших экономистов, самым фактом своего существования мешал свободному развитию рыночной благодати. По вредности для демократических преобразований его лично можно было приравнять разве что к крестьянину, продолжавшему с пещерным упрямством цепляться за общинное хозяйство.

В одну из гнусных минут нравственного раздвоения Лошаков решил позвонить отцу Глебу. Великий демократ около получаса терпеливо слушал его унылое брюзжание, а потом, сказав: - Гореть тебе в геенне огненной, ренегат! - повесил трубку.

Окончательно оттолкнул Лошакова от активной политической деятельности совсем, казалось бы, пустяковый эпизод. Как-то возвращаясь вечером еще по свету с работы, он наткнулся на банальную уличную сценку: два дюжих омоновца шмонали какого-то пожилого гражданина, явно красно-коричневой внешности, видимо, проверяли у него документы. Любопытствуя, Лошаков остановился рядом и черт его дернул вякнуть:

- Что, братцы, поймали прощелыгу?

Позже, анализируя случившееся, Лошаков вынужден был признать, что вмешаться в совершенно не касающееся его событие его вынудило сложное и не вполне пристойное чувство. Как все нормальные люди, он боялся омоновцев с их звериным, неуправляемым инстинктом насилия, но одновременно глубоко уважал, как неподкупных, яростных защитников народовластия.

Сквозь их жутковатые маски сама власть глядела на своих подданных недреманным, непримиримым, пристальным оком; и Лошакову трудно было преодолеть в себе желание, зудевшее, подобно воспаленной предстательной железе, хоть как-то, хоть бочком приблизиться к ней, вступить с властью в контакт, ощутить на себе ее благотворное тепло. То же самое жгучее чувство он легко угадывал и в других интеллигентах, известных писателях и актерах, то и дело мелькающих на телеэкране с умиленно-доверительным выражением на лицах. Слова, которые они произносили, не имели никакого значения. В сущности при любых обстоятельствах, молясь или поругивая, они все обращались к власти с единым заклинанием: поглядите на меня, какой я верноподданный, какой весь навеки ваш! Однако, увлеченные обыском, омовцы не вняли его прекраснородному настрою, и один из них, не оборачиваясь, рыкнул:

- Пошел прочь, ублюдок!

Тут бы внять, уйти, да где там! Уже больше от страха, чем от обиды, Лошаков возмущенно произнес:

- Ну зачем же так, братцы, какой же я вам ублюдок?

Тогда тот же самый, который рыкнул, все же оглянулся и с ленивым раздражением поинтересовался:

- Уймешься ты, наконец, жидовская морда? - и как бы для убедительности опоясал по черепу резиновым жезлом. От варварского обращения в башке Лошакова лопнули какие-то сосудики, там образовалась маленькая гематомка, и видимо, как раз в том месте, где находился мозговой узелок, управляющий всем его политическим задором. Лошаков побрел к метро, поскуливая, еле волоча ноги, но в то же время чудесным образом исцеленный...

- Что с тобой? - повторила Француженка, получше разглядев его. - Ты что, горькую запил, старый дурак?

- Что ты, Танечка, что ты, как можно! - забормотал Лошаков, виновато склоняясь перед ней. - Такая радость нежданная. Уж не чаял увидеть.

- А почему такой жирный и опухший?

Лошаков попытался объяснить, но не смог. Редкие визиты желанной гостии, и даже воспоминания об этих визитах, вводили его в грешный, почти мистический экстаз. В его бредовой, нынешней жизни ее присутствие было благословением Божьим, или сатанинским наваждением, - он давно запутался в этих понятиях, но твердо знал одно: рано или поздно она его оставит, зачем он ей, и тогда все его житейские хлопоты вообще утратят всякий смысл. Занятия наукой, грандиозные планы (прежние, разумеется), поползновения прославиться и разбогатеть - все это меркло перед неумолимым желанием обладать этой красивой, дикой сам-

кой, подчиняться ей, потакать ее страшным, патологическим прихотям, видеть ее чистое, нежное лицо и говорить с ней, заглядывая в лютую стужу глаз. Однажды он пошел к известному экстрасенсу и за сто долларов исповедался перед ним. Экстрасенс, пожилая, неопрятно одетая женщина с блуждающим взглядом, по имени Роза Даниловна, приняла его страдания близко к сердцу и призналась, что такой нетипичный случай нарушения кармы наблюдается впервые. Утешить его она ничем не сумела. Разрывы в его биополе, объяснила Роза Даниловна, столь велики, что понадобится не меньше двадцати сеансов, чтобы наложить хотя бы временные заплаты. Лошаков прикинул свои финансовые возможности и понял, что придется догнивать век с истерзанной кармой.

- Зато, - пообещала на прощание Роза Даниловна, устремляясь блуждающим взглядом в иные сферы, - ваши дети, дорогой, будут благополучнее вас. Вы купили грехи потомков на три поколения вперед.

К сожалению, детей у Лошакова не было, хотя когда-то он был женат.

- Раздевайся, живо в ванную и в постель, - все так же брезгливо распорядилась Таня. - У меня мало времени.

Лошаков обрел дар речи и привычно разнылся.

- Забегаешь раз в полгода, - захлопал он, - и оказывается на минутку. Мне так о многом надо с тобой условиться.

- Хватит бредить, - отрезала Таня.

Постельные услуги, которые ему приходилось оказывать свирепой вампирше, были довольно однообразны, и различались лишь количеством боли. Через час, искусанный, исцарапанный, в кровяных подтеках, но совершенно удовлетворенный, он лежал рядом с Таней, голова к голове, и блаженно шептал:

- Голубушка, что же это за рок надо мной? Почему я должен все это терпеть?

Таня тянула сигарету с травкой и мрачно глядела в потолок. Подопытный старый кролик продолжал шлепать распухшими губищами, и она с удовольствием лягнула его локтем под ребра. Лошаков охнул, сытно икнул и ненадолго затих. Таня пыталась представить себя глазами этого проклятого, самодовольного Мишки Губина. Кто она для него? Обыкновенная ненасытная курва, озабоченная сексом и добычей бабок? Только-то и всего? Да нет, похоже, хотя и использовал он ее именно в этом качестве. Надо признать, он выиграл первую партию, причем без особого напряжения. Он ее замонал. Он заставил ее испытать то, что обычно испытывали ее собственные жертвы: дикое унижение, замешанное на мазохизме и похоти. Ее самолюбие свернулось в змеиный клубок. Она готова была вывернуться перед ним наизнанку, лишь

бы не оставлял ее своим попечением. Такого с ней не бывало прежде. Губин был первым мужчиной, с которым она не совлала. Да что там - не совлала, она не обнаружила в нем ни одного уязвимого места, куда удобно было бы вцепиться зубами. Если назвать то, что она испытывала, любовью, значит эталоном влюбленности можно считать полураздавленную гусеницу, ползущую по веточке неизвестно куда и зачем, выкашливая зеленую слизь. Она и была такой гусеницей в ту багряную ночь, когда он уходил от нее, только ползла не по веточке, а по полу, и тянулась к нему ручонками: - Миша, останься, не уходи!

Он фыркнул, как маньяк.

- Мы же не договорили, Танюша. Жди, скоро позову.

Три дня уже не звал. За эти три дня он, конечно, выяснил, кто она такая. Да по сути она сама во всем призналась, и это было умно. Другого выхода у нее просто не было. Миша Губин был первый мужчина, который не только ее замонал, но вдобавок раскусил и выплюнул, как гнилой орех. За это его ждет суровая кара. И его, и Алешку Креста, и юродивую дурочку Настю. Она отработает свои денежки с лихвой. Благовестов останется доволен. Возможно, получится накладка со сроками, но это не страшно.

- Не хочешь ли кофейку, голубка? - заискивающе пролепетал Лошаков под боком.

- Одевайся, животное, поедем гулять.

- Ты возьмешь меня с собой?

Витенька Строгов удивленно хмыкнул, когда она впихнула на заднее сидение безобразного пузана. Лошаков любезно с ним поздоровался, но в ответ услышал лишь подозрительный звук, напоминающий скрежет напильника. Витенька Строгов не был хамом, но после его недавней позорной оплошности хозяйка в виде наказания запретила ему разговаривать.

- Он глухонемой, - пояснила Таня кавалеру, усевшись рядом и крепко ушипнув его за бок. - Зато очень сильный и смелый. Кого хочешь исколошматит, верно, Витюня?

Витенька Строгов не поддался на провокацию, хотя несколько раз она его уже подлавливала, и, естественно, за каждый промах наказывала. Особенно ему не понравилась последняя экзекуция прошлым вечером. На коварный вопрос: - У тебя есть сигареты, Витенька? - он простодушно ответил: - Так точно, Татьяна Ильинична! - спохватился, да было поздно. На ночной улице, недалеко от собственного дома Таня поставила его посередине шоссе, сама отъехала метров на двадцать и с хорошего разгона попыталась сбить бампером. Витюня отскочил в последний момент, чуть не поломав лодыжку. С испугу даже немного обмо-

чился, но был доволен, что угодил хозяйке, и с нетерпением ждал, когда она снимет запрет, чтобы выклянчить аванс.

Таня привезла Лошакова в малопримечательное казино на окраине города. Народец тут собирался непрезентабельный, в основном отечественное, раздобревшее на спекуляции мурло, зато барменом служил ее старый знакомец Лева Клоп. Она оставила Лошакова у игрового автомата, дала ему горсть жетонов и строго-настрого наказала, чтобы не вздумал проигрывать.

- За каждый проигранный жетон будет новый синяк, - предупредила она.

Лева Клоп хозяйничал в импозантном баре, декорированном под Дикий Запад - последний крик моды полуобморочного московского дизайнера. И сам Лева тоже был наряжен под ковбоя, в какой-то немыслимой кожаной амуниции, в шляпе-сомбреро и с ослепительной вставной челюстью, которую ему при каждом удобном случае выбивали. Сегодня она была у него на месте. Таню он приветствовал с подчеркнутой учтивостью, какую по его мнению, и должен был проявлять американский супермен, к которому заглянула на огонек богатая леди.

- Давненько вас не видно, мадам. Надеюсь, дома все в порядке?

Таня взобралась на высокий вращающийся стул.

- Дай-ка, Левчик, чего-нибудь покрепче. Только не эту свою гадость, которую ты называешь «Кровавой Мери».

- Обижаете, мадам. Для вас исключительно по особому рецепту - «Солнце Невады».

Все коктейли, которые Лева сбивал, состояли из рискованной смеси водки, коньяка и вишневого ликера. Для Тани он добавил каплю шампанского и бросил в фужер маринованную сливу.

- Что-то у вас сегодня пустоовато?

- Солидный клиент подгробет попозже.

Рулетка была установлена в отдельном круглом зале, и со своего места Таня видела, что там собралось пять-шесть игроков. Крупье был смуглолиций юноша в ярком блейзере.

- Новенький? Кто такой?

- Хозяин переманил из Харькова. Клевый мен, не гляди, что молодой.

- Химичит по-крупному?

- Что вы, Таня, у нас честная игра.

- Честной игры у вас быть не может, - Таня втянула через трубочку ароматную, крепкую жидкость. - Ты мне лапшу на уши не вешай.

Лева Клоп доверительно наклонился через стойку.

- Вчера заходили два босса, из этих, из азиатов, за час выложили лимонов по сто. Клянись, Тань! И глазом не моргнули. Замечательные парни. Сегодня опять придут.

- Почему так думаешь?

- Я их коктейлем угостил на посошок. Один сказал: ничего, Левчик, завтра вашу шарашку разденем. А мне-то что, я с центра крайний. Верно, Тань?

- Если ваш гастролер мухлевал, я ему не завидую.

- Одинаково понимаем, мадам!

Профессор Лошаков растопырился над своим автоматом, как старый сокол над поверженным куренком. У него в запасе осталось ровно три жетона.

- Как заговоренный, - в отчаянии пожаловался Тане. - Жрет и жрет, а назад не возвращает.

- Что ж, готовься, придурок. Сегодня тебе будет так больно, как никогда еще не было.

Француженка прекрасно знала, что в большинстве игорных заведений московские умельцы давно посрывали все пломбы и переделали автоматы на свой лад: теперь возможный выигрыш безрассудных, залетных игроков практически равнялся нулю.

Азиаты прибыли через полчаса. Двое узкоглазых молодцов в очень дорогих, модных костюмах и с ними человек пять охраны. Сразу в зале с рулеткой стало тесно, вся публика перетянулась туда. Таня потащила за собой упирающегося Лошакова, все еще не оставляющего надежды отыграться с «одноруким», которому он скормил уже тысяч пятьдесят из своих личных сбережений. «Будешь ставить по моей указке», - шепнула Таня. С появлением солидных клиентов смуглолицый крупье, до того как бы дремавший, ожил, заулыбался и сделал такое движение, будто смахивает соринки с волшебного колеса. Азиаты устроились напротив, и Таня прислонила своего кавалера рядом с ними.

- Давай мало-мало поиграем, - лениво процедил один из багровых, - но без наколки.

- Максимальная ставка - сто тысяч, - вежливо отозвался крупье.

- Такие правила.

- Эти правила дай своему дедушке, - пошутил азиат (казах или киргиз, черт его разберет), - мы отдыхать пришли к тебе, не яйца щупать.

Некоторое время игра шла ровно и в полном молчании, потому что тароватые гости предупредили, если кто-то зашумит, будет нехорошо. Они начали с малых ставок, укладывали фишки густо, в разброс, видно, по какой-то своей схеме, постепенно раз за разом прибавляли и сливали сотню за сотней. В промежутках между ставками они пили водку и оценивающе поглядывали на

Таню. Лошаков ставил помалу то на чет, то на нечет, и держался уверенно при своих. Зеваки обступили стол плотным кольцом.

- Много зря людей стоит, - сказал один азиат другому, - а вентиляции нету. Бедное заведение.

- Пускай стоят, - равнодушно ответил напарник, - потом прогоним.

К десяти часам игра обострилась. Крупье давно забыл про максимальную ставку и, вспотевший, но не утративший аристократического достоинства, все чаще мельком поглядывал на боковую дверь. Кульминация наступила неожиданно. Один из азиатов, выпив очередную чарку и благодушно переглянувшись с Таней, извлек из бокового кармана пачку долларов в банковской упаковке.

- Чего мелочиться, правда? - обратился он за советом к другу.

- У них не рулетка, а какой-то сортир. В одну сторону крутит. Давай разок по-человечески сыграем, как ты думаешь, Нартай?

Нартай достал из внутреннего кармана такую же пачку банкнот.

- Играем против казино, да? На полсотни тысяч, да? И разоидемся с любовью, да?

Телохранители азиатов словно по невидимому знаку, рассредоточились по залу, а двое заняли удобные позиции у стойки бара, где одиноко трясся над коктейлями Лева Клоп. Крупье немного изменился в лице и посуровел.

- Господа не возражают, если я приглашу хозяина?

- Конечно зови, - улыбнулся Нартай. В ту же секунду, точно подслушивал за той самой боковой дверью, в комнате появился Гоги Мерадзе, просветленный и невозмутимый. Был он так хорош собой, и так славно, добродушно улыбался сразу всем игрокам, что было понятно: ничего плохого не может приключиться в присутствии этого человека.

- Вот, - растерянно доложил крупье, - желают сыграть против казино.

Гоги не медлил ни мгновения.

- Но это не совсем по правилам, господа. Получится не рулетка, а разбой на большой дороге.

- Ничего не получится, - возразил Нартай. - До этого тоже была не рулетка.

- Кроме вас никто не ставит? - на всякий случай поинтересовался Гоги.

- Я ставлю, почему бы и нет, - засмеялась Таня Французенка, и вывалила перед собой грудку фишек, которые до этого, оказывается, прятала в сумочке. Гоги отвесил ей церемонный поклон.

- Вы играете с ними?

- Нет, с тобой, Гоги, будь что будет.

Колесо крутилось в мертвой тишине, как в вакууме, но все же чуть слышно покряхтывало, и при каждом загадочном звуке ба- тыры бросали на Гоги красноречивые взгляды. Он был по-прежнему безмятежен и странно задумчив, словно родные, цветущие долины издалека отбрасывали на его каменный лик благословенный отсвет. Целлулоидный шарик замер точно напротив крупье. По залу пронесся вздох умиротворения. Крупье зацепил лопаткой обе пачки долларов и поволок к себе. Самые предусмотрительные зеваки начали отступать к дверям.

- Теперь будем тебя убивать, Гоги, - с приятной улыбкой сообщил Нартай, и его напарник печально закивал бритой башкой: дескать, что поделаешь, другого способа восстановить по- правную справедливость уже нет.

Гоги ответил:

- Зачем убивать? Это рулетка. Сегодня тебе везет, завтра - мне.

- Ошибаешься, генацвале. Сегодня было тебе, и вчера тебе, и завтра будет тебе. Но это поправимо.

Два выстрела пукнули одновременно. Стреляли, конечно, телохранители, и оба выдали хороший результат. Гоги согнулся, схватясь рукой за плечо, где на белоснежную рубашку мгновенно выползло червячное пятно. Вторая пуля подсекла канатик, на котором висела люстра, и хрустальная громада, разбрызгивая разноцветные лучи, с грохотом обрушилась на колесо рулетки. Как по мановению волшебной палочки мирное помещение, обустроенное для задушевного отдыха, обернулось полем сражения и паники. Истошные крики, пальба, топот, смачные звуки ударов, звон стекол - все смешалось в единый невообразимый клубок. Сохранившие присутствие духа азиаты, окруженные дисциплинированной охраной, шаг за шагом пробивались к выходу. Нартай успел прихватить с собой Таню, волочил по полу, зажав ее голову подмышкой, уж больно она ему, видно, легла на душу. Таня мелко сучила ножками, как стреноженная козочка. Ей нечем было дышать. Теперь стреляли не только налетчики, били и по ним. Откуда-то насыпались в комнаты вооруженные хлопцы с разъяренными лицами. Уже двое, трое мужчин корчились на паркете, кто с пулей в боку, а один в изумлении разглядывал рукоять огромного ножа, вставленного ему прямо в брюхо. Мельтешил, визжал за стойкой Лева Клоп, которому в очередной раз вышибли вставную челюсть. Похоже, кто-то просто созорничал в общей неразберихе. Лева был абсолютно безвреден со своими «Кровавыми Мери» и «Солнцами Невады». У самых дверей отступающая группка наткнулась на Витеньку Строгова. Увидя, в каком плачевном положении очутилась его хозяйка, он преобра-

зился и совершил свой последний подвиг. По-бычьи взревев, ринулся в самую гущу схватки, его лихие колотушки замелькали со сверхъестественной скоростью, врубаясь в любое препятствие. Его поразительный напор, казалось, на мгновение приостановил всякое движение вокруг, и он прорвался-таки к Нартаю, и навесил ему чугунную блямбу в переносицу. Пахан закачался, заурчал и разжал руки. Таня ужом, между чьих-то коленей, скользнула к стене. В ту же секунду один из телохранителей обернулся, напружинил руку и выстрелил Витеньке Строгову в одышливо распахнутый рот. Тяжко всхлипнув, он повалился на бок, и его чистая, безалаберная душа без всякой натуги покинула бренное тело.

Едва азиаты выкатились за дверь, в разгромленном помещении, будто по звуку ангельской трубы, установилась гулкая, чуткая тишина. Да и некому было больше особенно шуметь. Кто мог, тот улепетнул, остальные жались по углам или зализывали раны. Таня положила мертвую кудрявую головку Витеньки Строгова к себе на колени и баюкала его, точно уснувшего ребенка. К ней прихромал Лошаков, невидимый и сосредоточенный.

- Черт знает что! - сказал расстроено. - Вавилонское столпотворение! Рукав вон, гляди, оторвали от пиджака. Может быть, нам лучше уехать отсюда? А что такое с Витюней?

- Хорошо держисься, - похвалила Таня. - Витюня получил полный расчет... Ступай к Гоги, забери мои денежки.

- Хорошо, - кивнул Лошаков. Сторонясь ползающих под ногами, стонущих, раненых людей, он вернулся в зал с рулеткой, где женщина в белом халате перевязывала Гоги Мерадзе плечо. По нему незаметно было, что он страдает. Напротив, Лошаков давно не видел человека столь явно довольного судьбой. Свободной рукой он с удовольствием оглаживал женщину по пышному заду, как добрый хозяин ласкает лошадь, прежде чем оседлать. Все, что происходило вокруг, казалось Лошакову вполне естественным и ничуть не удивляло. В первые секунды, когда началась пальба, он испытал приступ сверхъестественного, неведомого ему доселе ужаса, и был абсолютно уверен, что люстра, грохнувшаяся на стол, одновременно разможила и его собственную голову; но потом вдруг наступило просветление, он как бы переместился в иное измерение, где ни с ним самим, ни с кем-либо другим уже не могло случиться ничего дурного.

- Меня послала Таня, - почтительно обратился он к доблестному грузину. - Если вас не затруднит, не могли бы вы вернуть ее выигрыш?

Гоги Мерадзе повелительным движением бровей остановил какого-то свирепого джигита, нацелившегося вцепиться профессору в глотку.

- Сколько же ей причитается?
- Она не сказала, - огорчился Лошаков.
- Так сходи и уточни. Иначе получается беспредметный разговор. Ты согласен, брат?
- Разумеется, сейчас я выясню.
- Лучше позови ее сюда. Выпьем вина за счастливое спасение от варваров.

На обратном пути Лошаков наткнулся на Леву Клопа, который выполз из-за стойки.

- Эй ты, морда! - прощамкал он снизу. - Осторожнее шагай, протез раздавишь. - Профессор послушно сделал крюк. Таня звонила по телефону, висящему на стене у выхода из казино и чудом уцелевшему. На той стороне провода трубку снял Миша Губин.

- Мишенька, у меня неприятность, - пожаловалась Таня. - Можешь меня выручить?

- Что с тобой?

- Тут небольшая заварушка, и Витеньку Строгова кокнули. Приедь, пожалуйста, за мной.

- Где ты?

Таня назвала адрес: Коньково...

- Ты приедешь?

- Да, приеду.

Таня повесила трубку и взглянула на Лошакова так, словно увидела впервые. У нее было чудное лицо, какое-то подмокшее. Лошаков доложил, что Гоги затрудняется в размере суммы и приглашает ее выпить. По дороге они снова повстречали Леву Клопа, который уже добрался до противоположной от стойки стены.

- Мадам, - церемонно прогундосил он с пола. - Вам не попался на глаза мой зубной протез?

- Левчик, не переживай, купишь новый.

- Да, но это будет уже пятый по счету, - в отчаянии воскликнул бармен с Дикого Запада.

В зале женщина-врач уговаривала Гоги немедленно ехать в больницу, но сама была уже без халата и без платья, и Гоги, самодовольно похрюкивая, сосредоточенно прилаживал ее в какую-то хитрую позицию на рулеточном столе, с намерением заняться натуральным мужицким делом. Один из его подручных заботливо сметал веничком с сукна хрустальные осколки.

- Гони десять лимонов, Гоги, - объявила Таня, - и я испаряюсь, чтобы тебе не мешать.

- Как можно мешать красивой женщина, вай! - Гоги с сожалением поглядел на распростертую на столе врачу. - Не получится сейчас, дорогая, нет. Очень больно плечо. Ранил пулей гад.

Женщина приподнялась и села на столе, ничуть не обескураженная.

- Ну и нечего затеваться. Поедем в больницу, надо рентген сделать. Нельзя с этим шутить.

- Я жду, Гоги, - напомнила Таня. - Десять лимонов с тебя.

- Откуда я знаю, что ты не в доле с этими чурками.

- Я свои фишки ставила, ты же видел.

- А это кто с тобой? - Гоги ткнул пальцем в Лошакова.

- Мой друг и свидетель.

Гоги махнул рукой и двое крепких белобрых парней, подхватя Лошакова под локотки, мигом удалили его из зала.

- Зачем нам свидетель, вай?

- Гоги, не горячись!

- Кто горячится, Таня, детка! Я тебе в том году что предлагал, да? Ты очень гордая. Адрес мой помнишь? Завтра приходи. Гоги не жадный, нет. Гоги влюбчивый.

Тане он нравился: упитанный горный козел без всяких комплексов. Голый до пояса, с перебинтованным плечом, мускулистый, стоически перемогающий боль - хоть сейчас на случку. Но она никогда не играла по чужим правилам.

- Завтра приеду, - пообещала, - но бабки верни мне сейчас.

Мирный торг прервало появление двух милиционеров, сержанта и капитана. Увидя их, Гоги поморщился, что-то шепнул нукерам. Тут же на столе появился коньяк и тарелочки с закусками. Угощение доставил Лева Клоп.

Капитан, рослый детина лет сорока, почтительно пожал небрежно протянутую руку Гоги.

- Позвонили, стреляют. Я сразу кинулся. Какая помощь нужна, Гоги? Что за налет?

- Зачем помощь, дорогой!? Сами управимся. Ребята быстренько приберутся. Пей вино! Рад тебя видеть.

Лева Клоп разлил коньяк в хрустальные стаканы, с поклоном подал гостям. Капитан и сержант чинно выпили, дружно крякнули, кинули в пасти по лимонной дольке.

- Хватит! - вдруг завелась женщина-врачиха, успевшая облачиться в белый халат. - Немедленно в больницу, Гоги! Прошу посторонних покинуть помещение. Вы что, не видите, он еле живой?!

Гоги тоже хлебнул коньяку и закурил.

- Не верещи, Нинуля. Где здесь посторонние? Все свои... Левчик, пригляди тут за всем. Чтобы к утру было чисто. Откроем как обычно. Гость не должен страдать из-за каких-то хулиганов. Пусть приходит, отдыхает.

- Все будет чин-чинарем, хозяин, - прошамкал Лева, не открывая рта. Гоги, нахмураясь, потянулся к рубашке, и двое нукер-

ров помогли ему в нее влезть. В эту минуту прибыл Миша Губин. Он сзади подошел к Тане, тронул за плечо.

- Поехали отсюда. Витюню вынесли. Отвезут в морг.

- Кто такой? - спросил Гоги. - Почему командуешь?

Побледневший Лева Клоп что-то гукнул ему на ухо. Милиционеры невзначай заступили Губину за спину. Среди нукеров, а их было поблизости человек пять, тоже произошло какое-то передвижение, словно ветерком на них подуло. Было удивительно, что появление одного мужчины, невысокого, облаченного в тренировочный адидасовский костюм и в американские пехотные ботинки, вызвало такую нервозность. Гоги радостно воскликнул:

- Больше нет вопросов, узнал тебя, дорогой! Будь гостем, осуши чарку. Тут, правда, у нас маленькая неприятность. Дикий гунн налетел среди белого дня.

Губин смотрел только на Таню, все остальное его не касалось.

- Едешь или нет? - повторил он раздраженно.

Танино сердечко непривычно обмирало.

- Гоги зажал денежки. Пусть отдаст - и поедем.

Губин перевел пустой взгляд на хозяина. Гоги его укорил:

- Неучтиво, брат. Я с тобой разговариваю, ты со мной нет.

- Извини, не расслышал. Окажи любезность, рассчитайся с этой женщиной. Я очень спешу.

С минуту они не отрывали глаз друг от друга. Кажется, впервые за весь этот нелегкий для Гоги вечерок радушная улыбка медленно сползла с его лица. Словно укол, который сделала врачиха, вдруг перестал действовать, и боль вгрызлась в плечо раскаленным сверлом. На этой территории, в этом притоне Мерадзе был царьком, но в сложной подпольной иерархии, конечно, стоял неизмеримо ниже Губина, и оба это понимали. Однако, это не давало пришельцу права вести себя с такой подчеркнутой наглостью. Он не должен был ставить Гоги в положение, когда тот мог потерять свое лицо. Слишком много зрителей с любопытством прислушивались к их разговору. Гоги был на грани нервного срыва. Да и то, сначала первобытные степняки с бесспесивной пальбой, потом оборзевший русачок, хамоватый и спесивый, как все Иваны, но у которого в подчинении, увы, целая армия стрелков. Придавить бы гаденыша к ногтю, но как? Нервный срыв мог выйти боком.

- Спешешь? - переспросил Гоги, поднеся стакан к губам. - Вай, как обидно! В кои веки заглянул добрый человек, и сразу спешит. Выпей коньяк, Губин, хороший коньяк. «Митакса» греческий.

У Губина был свой резон: мелких паханчиков всех мастей набилось в Москву, как вшей, со всеми не перетолкуешь.

- Я на режиме, - сказал он. - Не пью и не курю. Гони башли, любезный, и мы отчалим. У тебя тут и без нас хлопот полно.

- Ты уверен, что я ей должен?

- Это тоже ответ, - Губин обернулся к капитану, который поудобнее передвинулся и расстегнул кобуру. - Не делай глупостей, мент, соплей не расхлебашь.

Он ухватил Таню за руку и потянул к выходу. Расстроенные нукеры надвинулись ближе. И тут Гоги, посеревший от оскорбления и боли, вдруг принял правильное решение.

- Постой, Таня, - в руке держал неизвестно откуда взявшийся пук ассигнаций. - На, бери! Аванс за завтрашнюю любовь. Гляди, не обмани.

Таня приняла деньги, спрятала в сумочку.

- Не обману. Приготовь побольше хлорки.

На крыльчке, на ступеньках сидел о чем-то задумавшийся Лошаков. Морда у него была как у утопленника.

- Меня били, Танечка, - пожаловался он, - но я не знаю, за что.

- Потому и били, что не знаешь.

- Ты ведь меня здесь не бросишь?

- Кто это? - спросил Губин.

- Кавалер мой, профессор математики. Невинная душа.

Губин засадил профессора в машину, пообещав завезти домой. Тронулись. Следом рванули две «волги» прикрытия.

- Быстро ты обернулся, - проворковала Таня. - Беспокоился, что ли?

Губин не ответил, обратился к Лошакову.

- Каким ветром вас-то сюда занесло, профессор?

Лошаков с наивным рвением ощупал кожаную обивку кресла, колупнул ногтем блестящую крышку пепельницы. Все ему было в диковину. Отозвался невпопад:

- Все-таки хорошо, что у нас демократия. А то разве поездили бы на таких машинах рядовые труженики.

- Профессор у нас герой, - похвалилась Таня. - Белый дом защищал вместе с президентом. Два танка взорвал.

- Зачем же так, Танечка, - мягко возразил Лошаков. - Танки я не взрывал. Это она шутит, молодой человек. Но разумеется, был там, как каждый порядочный человек... Солнце августа. Всеобщий подъем. Теперь, возможно, все выглядит иначе... Но...

После сегодняшних приключений мысли у него путались, ему вдруг остро захотелось что-то важное объяснить именно вот этому строгому и, похоже, добросердечному, умному молодому мужчине, который вызволил их из беды и теперь катил сквозь ночь в уютной серебряной торпедо. Очень приятно, что у Танечки такие надежные друзья.

- Видите ли, в этой стране ничего нельзя угадать заранее. Наш народ непредсказуем и по большей части, по определению Пушкина, безмолвен, а правители почти всегда оказывались прохвостами. Не захочешь, поверишь, что над Россией рок Господень. Возьмем хоть нынешнее время. Ну кто мог предположить два года назад, что опять восторжествует хам и узурпатор? Иногда хочется плюнуть на все. Уйти отшельником в глушь. Но и это не ново. Не знаю, понимаете ли вы меня?

- Подпольная кличка - сапер, - сказала Таня. - Вся квартира нашпигована динамитом.

- Вы действительно профессор? - спросил Губин.

- Непохоже? Почему вы спрашиваете?

- Непонятно, как вы могли связаться с такой дрянью.

- Кого вы имеете в виду, простите?

- Вот эту девицу, кого же еще.

Таня подавилась коротким смешком, как карамелькой, а Лошаков задумался.

- Видите ли, я не могу вполне разделить ваше мнение. Танечка бывает злой, взбалмошной, но в ней много хорошего, о чем она, может быть, сама не подозревает.

- Заткнись, кретин! - бросила Таня.

Возле дома Лошакова произошла еще одна неприятная сцена. Профессор вышел, а Губин начал следом выпихивать из машины Французенку, но это ему не удалось. Тогда он сам полез из машины, обогнул ее и, открыв дверцу, попытался вытянуть Таню за руку и за волосы, но не тут-то было. Она как-то заковыристо переплела ноги и вдобавок уцепилась свободной рукой за баранку. При этом так истошно визжала, пожалуй, весь дом переполонила. Вспыхнуло несколько окон. Губин негромко выругался и с силой захлопнул дверцу. Обернулся к Лошакову.

- Что ж, профессор, придется вам сегодня ночевать одному.

- Вам не кажется, что вы ей что-то повредили?

- Это вряд ли возможно. Спите спокойно. И за Россию не переживайте. Она вполне обойдется без таких печальников, как мы с вами.

Протянутой руки Лошакова он как бы не заметил...

Минут пять ехали молча, потом Губин спросил:

- Тебя куда?

- Руку мне вывернул, сволочь!

- Я спрашиваю, куда тебя везти?

- И волосы выдрал, гад!

Губин притормозил у тротуара.

- Ну?!

- Я поеду к тебе.

- В самом деле?

Губин открыл дверцу и, высунувшись, поднял вверх кулак - отпустил охрану.

Таня щелкнула зажигалкой, прикурила.

- В следующий раз спрашивай разрешения, - сказал Губин.

- Ага, вот и выдал себя, голубчик. Мечтаешь о следующих разах?

Она угадала: он не собирался с ней расставаться. Ни сейчас, ни позже. Он хотел ее прикарманить, приручить. Но хлопоты с ней предстали большие.

- Ты так и не сказала, зачем тебя подослал Елизар?

Таня прижала горячую ладонь к его щеке, и он не отстранился.

- Почему ты нервничаешь, милый? Ты же видишь, я в тебя влюбилась. Мне это так же чудно, как тебе.

- Нацелилась на Алешку?

- Да, - отозвалась с тяжким вздохом. - Теперь доволен? Но это все в прошлом, ты же понимаешь.

Он отвез ее на двадцатый километр по Ярославскому шоссе, в конспиративный финский домик. Прямо из машины ступили в лунную ночь. От земли парило, как перед грозой. Небо с одного бока волшебным отсвечивало серебром. Над садовым товариществом «Темп-2» сомкнулся шатер вечности. Тишина оглушала.

- Сейчас пойдем купаться, - сказал Губин.

- Как это, где?

- Тут пруд неподалеку, увидишь.

Небольшое озерцо открылось светящимся, чернильным оком. Берег был пологий, травянистый. Одинокий комар с жутким, ревнивым воем впился Тане в щеку.

- Ой!

- Не ойкай, рыбу распугаешь.

- Так мы еще и рыбу будем ловить?

Губин не ответил на незамысловатую шутку, быстро разделся догола, не оглядываясь, шагнул в блаженную, черную гладь. Нырнул, каждой клеточкой смакуя прохладные восковые объятия. Скользил под водой, царапая пальцами донный ил. Торфяное, родниковое озерцо, хоть и маленькое, в яминах опускалось на три-четыре метра в глубину. Нечаянный дар природы асфальтовым счастливым из «Темпа-2». Губин самозабвенно бултыхался, как в проруби, отмякая душой. Тани не видно и не слышно: вероятно, не рискнула сунуться в ночную купель. Он ей посочувствовал: окаянное дитя городских трущоб в прямом и переносном смысле. Развалился на спине, чуть покачиваясь в плотном мраке, очарованно разглядывал аспидно-влажное, истыканное оражневыми светлячками небо. О да, Господь создал человека по

ошибке, но весь остальной мир прекрасен. Сколько раз Губин убеждался в этом.

Неведомая сила увлекла его на дно, да так резко, что он с запасом хлебнул водицы. Возлюбленная для забавы надумала его утопить. Неслышно подкралась и ловко зажала его шею между ног, повисла свинцовым грузом. Губин не сопротивлялся, расслабился, спокойно ждал, пока у нее кончится кислород. Это промедление чуть не стоило ему головы. Обыкновенно он без особого напряжения выдерживал под водой до двух минут. Но сейчас что-то случилось с легкими, и дурнота качнулась в голову, точно оглушающий удар веслом по хребту. Губин трепыхнулся, но злодейка и не думала уступать, лишь крепче сомкнула бедра. Изловчась, Губин поймал ее талию и вдавил пальцы в подвздошь. На это усилие израсходовал последние, драгоценные крупинцы воздуха, черная пелена, как студень, потянулась под веки. Но чудовищный зажим ослабел и, в бредовом ощущении небытия, Губин вытолкнул себя на поверхность, успев напоследок заглотать половину озера. К берегу греб вслепую, извергаясь горькой пеной и утробной икотой. Еле-еле выкарабкался на травку и кое-как отдышался.

Наконец мир обрел устойчивые очертания и он увидел выходящую из воды красавицу, в блеске звездных капель похожую на русалку. Она присела рядышком, невинно осведомилась:

- Что же ты, Мишенька, голубчик, никак сомлел?

Губин выплюнул остатки рвотной тины.

- Тебе надо лечиться.

- От чего, родной мой?

- У тебя мания убийства. Это не доведет до добра.

Таня перевернула его на спину и уселась к нему на грудь. Он был беспомощен, как моллюск.

- Пошутить нельзя, да? Откуда я знала, что ты такой дохленький. Хочешь меня?

Самое чудное было в том, что Губин действительно испытал постыдное жжение в чреслах, одновременно почему-то представа двух мух, торопливо спаривающихся на потолке. Кому охота, пусть называют это любовью даже в духе шекспировской драмы, но лучше бы ему не доживать до этой мерзкой атаки природного естества, вырвавшегося из-под контроля, до этой банальной, гормональной вспышки похоти, совпавшей во времени с появлением красивой и, судя по всему, постоянно текущей сучки.

Таня передвинулась пониже к его паху, и уже делала разминочные, вращательные движения корпусом, раскачиваясь из стороны в сторону. Потихоньку загудела и постанывала, а потом распласталась на нем, мягко вдавая в землю. Вобрала его губы в свой, ставший вдруг безразмерным рот, и, покусывая, высасыва-

ла, вытягивала из него остатки озерной мути. Губин сцепил пальцы на ее мокрой, упругой спине. С каждым толчком она оседала на нем все глубже, все сокровеннее, все бережнее и ненасытнее. Дышать ему стало нечем, как под водой, но теперь он не прочь был сдохнуть, и продолжительный взрыв оргазма ощутил, как избавление от всех мук.

Таня нависла над ним торжествующим, смеющимся ликом:

- Все-таки я тебя изнасиловала! Ты понял это, негодяй!?

- И что ты с этого будешь иметь? - спросил он безмятежно.

12

Ваня Полищук начал службу курьером и работа ему понравилась. Ему выдали красивый пластиковый пропуск в префектуру, и еще один точно такой же в столовую, которую он имел право посещать от пятнадцати ноль-ноль до половины четвертого. В столовой кормили отменными блюдами из натуральных продуктов, и за полчаса там можно было так набить брюхо, что и ужина не требовалось. У входа в столовую дежурил забавный старик, который в первый день не хотел пропустить Ваню даже с пропуском.

- Откуда известно, что это твой пропуск? - резонно заметил старик, лучась приветливой улыбкой. - Вдруг ты его у кого-нибудь стырил?

- Что же делать? - огорчился Ваня. - Жрать-то охота.

- Здешних всех я по памяти знаю, - старик убедительно щелкнул себя по лбу. - А у тебя какая-то морда хулиганская. Ступай отсюда, завтра поешь.

Распоряжался старик беззлобно и было видно, что чем-то Иван ему приглянулся.

- Тогда хоть вынеси хлебушка горбушку, - попросил юноша.

- Что ж ты, парень, совсем что ли оголодал?

- Есть маленько. Я же детдомовский.

- А ну покажь паспорт!

Сличив фотографии, старик еще некоторое время кочевряжился, намекал на появление в округе какого-то террориста, личиной схожего с Иваном, потом все же пропустил.

Полный обед с порцией икры и с бутылкой пива обошелся молодому человеку в полторы тысячи.

Работать он поступил под начало Ирины Карповны Шмыревой, которая возглавляла административный отдел. У нее был солидный кабинет с финской мебелью, и вся курьерская шушера кучковалась в огромном помещении, напоминающем прихожую в богатом доме, со множеством стульев и с четырьмя столами.

Служба у всех была на подхвате: принеси, подай, отвези - и редко кто из начинающих клерков задерживался в комнате подолгу, поэтому трудно было даже сообразить, сколько их всего тут обретается. Постоянное движение, мельтешня молодых, веселых лиц создавали видимость обыкновенной досужей тусовки. Накурено в помещении было так, что хоть топор вешай, а иногда чуткие ноздри Ивана улавливали знакомый аромат марихуаны.

Ирина Карповна была унылая женщина лет сорока, плотного сложения, в очках, одетая в бесформенное платье тюремного покроя, но с озорным блеском в глазах. Примечательной особенностью ее внешности была высокая, даже, может быть чересчур высокая и большая грудь, которой было тесно под блузкой, и при каждом движении она дышала и пульсировала суверенно. С первого мгновения Иван был загипнотизирован ее таинственной грудью, как это происходило, вероятно, со всяким, кто встречал эту женщину впервые.

Вскоре он понял, что Ирина Карповна осведомлена, по чьей рекомендации он обустроился в префектуру, хотя мог и ошибиться: ни при знакомстве, ни в последующие дни имени Башлыкова она не упомянула ни разу.

Под ее присмотром он заполнил какие-то две анкеты, Ирина Карповна внимательно просмотрела их и устремила на него печальный взгляд из-под очков.

- Что ж, анкета есть анкета, а хотелось бы знать о тебе больше, дорогой Иван Федорович.

- Что именно?

- Ну, к примеру, что привело тебя сюда? Чем могла заинтересовать такого привлекательного юношу скучная, рутинная и, честно говоря, плохо оплачиваемая деятельность? Полагаю, у тебя были и другие возможности?

- Вы имеете в виду спекуляцию, бизнес?

- Почему обязательно бизнес. В наше время талантливый человек может проявить себя на любом поприще. Кстати, почему ты не поступил в институт?

- Еще не выбрал, в какой, - колыхание ее груди под платьем, подобное волнам, держало его в неприятном напряжении.

- Как-то ты ловко уходишь от ответа, Иван Федорович. Уж не прикидываешься ли передо мной дурачком?

Вот тут-то по интонации, по лукаво блеснувшему взгляду он и заподозрил, что она знает о нем больше, чем высказывает.

- Я не прикидываюсь, - обиделся он. - Зачем мне это?

- Тогда расскажи о своих убеждениях. Кто ты такой, хочу я знать?

- О каких убеждениях? О политических?

- Ну допустим.

- Нет у меня никаких убеждений. Откуда в моем возрасте, Ирина Карповна? Отец - фирмач, мать - спекулянтка, конечно, склоняюсь к демократии.

- Девушка у тебя есть?

Ивану все больше не нравился этот допрос.

- Есть. Невеста.

- И она кто?

- Проститутка. Но я ее постепенно от этой профессии отважу. Как только начну хорошо зарабатывать.

Ирина Карповна сняла очки и положила их перед собой на пачку бумаг. Без очков глаза у нее засветились веселой голубишной.

- Знаешь ли, Ванечка, ты ведь не так прост, как кажешься, верно? Пожалуй, мы сработаемся. Куришь? Пьешь?

- Только когда есть деньги.

К концу недели он уже со многими познакомился, а с одним шустрым пареньком по имени Булат немного подружился. Как-то оба задержались на работе и вместе вышли на улицу.

- Пойдем, что ли, шарахнем по маленькой? - предложил Булат.

- Почему бы и нет.

Зашли в ближайший питейный шалманчик и уселись за пластиковой стойкой. Булат заказал два крепких коктейля и по бутерброду с ветчиной. Тут же на них стали пялиться две девицы, сидящие неподалеку за столиком. На Булата вообще женщины заглядывались, да это и не мудрено: высокий, худенький, гибкий, он был одновременно похож на турка, на негра и на жителя Скандинавии. Экзотический цветок московских джунглей. Обычно он был благодушный и смешливый, сегодня он был зол. Он уже полгода вкалывал курьером, а повышения, как выяснилось в разговоре с «мадам», ему пока не светило. Причина была в том, что он отказывался «вздрючить» эту «старую извращенку».

- Брось, - не поверил Иван. - Она не такая.

- Не строй из себя дебила, тебе не идет. На тебя она тоже глаз положила. У нас все через это проходят. Да я не против, но пусть даст гарантии.

- А куда она тебя должна повесить?

Булат подмигнул турецким глазом.

- Поближе к кормушке, куда же еще.

В пустой болтовне курьерской мелюзги это слово мелькало часто, так или этак, как опознавательный знак приобщенности к некой опасной и сладкой тайне. Назывались фамилии, иногда очень известные, и фантастические суммы, сваливающиеся на счастливых прямо из воздуха; точно так же, думал Иван, в иные времена где-нибудь в барской прихожей слуги обсуждали

сокровенные делишки господ, со значительными и насмешливыми ужимками. Увы, мало что меняется в продажном мире.

Булат, разомлевший от коньячного коктейля, признался, что в ближайшее время надеется перебраться в отдел лицензий, а уж там... Пообещал и Ивана перетащить за собой, если тот окажет маленькую услугу.

- Какую? - спросил Иван с готовностью.

Услуга действительно оказалась пустяковой. Иван должен был оформить фиктивный брак с какой-то дальней родственницей Булата, которой срочно требовалось перебраться из Баку в Москву. Булат мог сам жениться на родственнице, но его родители были против, потому что были людьми заскоружлыми, с уклоном в маразм, и ни уха ни рыла не смыслили не только в бизнесе, но вообще в современной жизни. Родители, сказал Булат, были его ахиллесовой пятой, они мало того, что тайно симпатизировали коммунистам, но еще пошли и проголосовали за Жириновского. Булат тут же пожалел о своей откровенности и потребовал от товарища клятвы молчания. Если об этом станет известно на службе, объяснил он, мадам в ту же секунду вышвырнет его на улицу, хоть он будет дружить ее по десять раз на дню. Иван поклялся своими будущими детьми, что замкнет уста навеки.

- Ну, а как насчет фиктивного брака?

- Заманчиво, - сказал Иван. - Я подумаю.

- Тысченок десять зеленки она нам не глядя отстегнет, - пообещал Булат.

Иван заметил, что для него деньги не главное, а главное помочь в беде хорошему человеку.

- Ты настоящий друг, - сказал Булат растроганно. - Мы с тобой еще не такое провернем. Хочешь, этих телок снимем? У них наверняка хата есть.

Но Иван отказался. Он ехал домой с тревожным чувством, как обычно в последние дни. Дело в том, что Нина Зайцева, которую он подобрал в «комке», как-то так сноровисто обжилась, что кажется, никуда не собиралась больше уходить. Помогала матери по хозяйству, бегала по магазинам, прибиралась в квартире, перестала краситься, и они с Асей уже два или три раза вместе ездили на спиритические сеансы. По вечерам, если он усаживался у телевизора, в один голос его журили.

- Грех это, сынок, - наставляла маманя, впадшая в дурь. - Сатанинскими соблазнами тешишься.

И Нина, завязав губы бантиком, жеманно подуськивала:

- Ох, Ванечка, неужели тебе нравится эта срамота? Вон по учебной программе богослужение передают. Давай переключим.

Если же поздно возвращался, обе кукушки, молодая и старая, дожидались на кухне с горячим ужином. Пока ел, напевали с двух сторон:

- Сыночек, рази можно в лихое-то время по ночам гулять? Меня бы хоть пожалел.

- Именно, Ванечка, совести не бывает у тех людей, которые мать терзают.

По ночам он теперь запирался в комнате на ключ, но стоило задремать, как коварная лиса обязательно скреблась в дверь, а по утрам бросала на него презрительные взгляды. Однажды пришла крепко в углу. Так тискала, и на шее висла, и губы кусала, он чуть не обмяк. Мать, как на грех, заперлась в туалете.

- Все равно, Ванечка, - нашептывала меж поцелуев змея, - все равно, неприкасаемый мой, я тебя съем. Никуда не денешься.

- Зачем тебе это?

- Потому что обидно. Никто еще меня не отталкивал.

Пытался он мать урезонить:

- Она же прикидывается, мама, неужели не видишь? Ну проверь, дай ей денег, сразу уберется.

Куда там!

- Ой, сынок, не суди по себе об людях. У Ниночки судьба не заладилась, это да. Теперь она заново на свет Божий возрождается. Это, может, чудо нам явил Господь. Стыдно сомневаться.

Иногда по вечерам заживал Филипп Филиппович, нареченный Ванечкин отец. Вот уж кто точно за последний год заново народился. Большими капиталами ворочал. В Алешкиной Михайлова банде был мозговым центром. Он - да еще некий Вдовкин, бывший инженер-компьютерщик, которого никто никогда не видел трезвым, но которого, по словам матери, нельзя было за это осуждать, потому что он перенес большое горе. Достаточно было один раз на этого таинственного Вдовкина посмотреть - тюфяк с мутным взглядом, - чтобы понять, если у такого человека могло быть горе, то разве что не донес до дома ящик с пивом. Однако, оглядываясь на прожитую, собственную жизнь, Иван вынужден был признаться самому себе, что частенько спешил в выводах...

Как-то они с Филипп Филипповичем разыгрывали традиционную партию в шахматы и отчим неосторожно пожертвовал коня.

- Теперь тебе хана, - посочувствовал Ваня, принимая жертву, - как, похоже, и моей доброй, несчастной матушке.

- А что с ней?

- Сбрендила. Нинку-то хочет удочерить.

- Да? Что-то такое я тоже заметил нездоровое в их отношениях. Вроде вместе собираются в монастырь... А ты не вернешь мне этот ход?

- Тебе, отец, как новому русскому, даже стыдно об этом заикаться, мы же на деньги играем.

Через семь ходов Филипп Филиппович сдался. Редкие шахматные поражения он воспринимал крайне тяжело. Долго тер виски ладонями, делая вид, что болит голова. В матушкиной комнате Ася и Нина заунывно распевали пятый псалом Давида.

- Слушай, отец, заberi ее к себе. Ты же один живешь. Она готовить умеет, честное слово. Вообще услужливая.

- Разве она согласится.

- Да ты что! Она же знает, что ты миллионер.

- Хорошо, сыграем реванш, потом подумаем.

- Нет, сначала поговори с ней, потом сыграем.

Позвали Нину. Та вошла, потупив очи, голову перевязала черной косынкой.

- Вот зараза, монашку изображает! - не выдержал Иван.

- Ругаться грех, Иван Федорович, - смиренно произнесла Нина. Иван взял себя в руки и объяснил, что Филипп Филиппович, которому она чем-то приглянулась, готов оказать ей благоденствие и взять к себе на роль как бы домоправительницы, положив жалование в пятьсот долларов в месяц.

- О деньгах пока разговору не было, - поправил Филипп Филиппович.

- Но вы же один живете? Без супруги?

- Ну и что с того?

Нина вспыхнула алым цветом.

- Как не стыдно такое предлагать молодой девушке? Наверно, вам Иван Федорович что-то плохое про меня набрехал, так вы не верьте. Он ведь очень испорченный. Мы с Асей за него денно и нощно Бога молим.

Ася примчалась разгневанная.

- От тебя, Филипп, не ожидала! Как ты мог? Она же тебе во внучки годится!

- А ты не подслушивай, - сконфузясь, буркнул Воронежский.

Ночью Иван оставил дверь приоткрытой, и Ниночка явилась в свое обычное ведьмино время. Впопыхах, чуть не откусила ему ухо, но он не сопротивлялся, и она вдруг притихла, замерла.

- Я тебе противна?

- Не в этом дело.

- А в чем? Ты педик, импотент?

- Нет.

- Ты какой-то чудной. Другие все это любят, а ты как будто боишься. Может, у тебя никого не было до меня?

- Может быть.

- Так я тебе и поверила. Ты вообще с самого начала принял меня за дурочку, а я не такая.

- Все мы не такие, - согласился Иван. Ее белая призрачность, и тихий голос погрузили его в отчаяние. Он знал, что слишком рано повзрослел, а в душе остался несмышленышем, каким был и два года назад, когда убежал из дома, обрывая все концы, и еще раньше, много лет назад, когда отец был молодой, живой, и хоча, подбрасывал к потолку его маленькое, хрупкое тогдашнее тельце. Умом он многое постиг, а сердцем по-прежнему был закутан в пеленки.

- Ты думаешь, я стерва, да? - прошептала Нина, с ужасом ожидая ответа.

- Не хочу, чтобы было так.

- Как - так?

- Как у тебя было с другими.

- Вот оно что, - в ее голосе почудилась ему непонятная радость. - Вань, давай выпьем? По глоточку?

- Иди, выпей, ты же знаешь, где водка.

- А ты?

- С какой стати? У меня не горит.

- Ага! - она соскользнула с кровати и белой тенью мелькнула в дверях. Ночь набрякла колдовством. Он любил такие ночи, когда сон и явь перемешиваются в тягучий коктейль. Час волка - его любимый час. В этот час мысли ясны. Если сейчас задуматься о смерти, то покажется, что она давно позади, как и рождение. Но думал о Нине. Он не любил ее, зато она была ему мила. Она добьется, чего хочет. У нее озорная повадка. Она как безродная собачонка, ищущая хозяина. Она была желанна, как сотни других женщин, молодых и старых, желанны юноше в восемнадцать лет, но в отличие от других была рядом и в ночной рубашке. Он думал об опыте любви, который ему предстоит, и надеялся, что справится с этим, как справлялся с болью, когда испытывал себя, сжигая ладонь над пламенем свечи...

Нина принесла водки в стакане.

- Выпей, - потребовала, - и я тебе отдамся. Хватит дурака валять.

- Не сегодня, - сказал он. - Может быть, завтра.

Она отпила глоток, остальное плеснула на его голую грудь. Так он и уснул, вдыхая кислый запах спирта одеревеневшими ноздрями.

На другой день к ним наведалься Алеша Михайлов собственной персоной, и женщин будто подменили. Куда делся религиозный экстаз и заклинание духов. Матушка, помолодевшая, с накрашенными губами, с пылающим лицом, веселым колобком

перекатывалась из комнаты в кухню, а бледная, с распущенными по плечам волосами Нина Зайцева изображала из себя крутую фотомоделю, на пути в Париж по недоразумению попавшую в худую московскую лачугу. От ее нелепых потуг мурашки бегали у Ивана по коже, и сразу, как обычно в присутствии этого человека, он ощутил унижительную растерянность и напряжение. Полгода, не меньше, прошло с тех пор, как Михайлов последний раз к ним заглядывал. Полгода в возрасте Ивана - целая вечность, но ничего не изменилось. Любовь, восторг и ненависть - вот что он испытывал к побратиму покойного отца. И еще. Как задорному щенку в обществе матерого волчары, ему то и дело хотелось оскалить зубы. Ну уж нет, подумал Иван, больше у тебя не будет повода надо мной смеяться.

- Садись, ты чего, - пригласил Михайлов, словно это Иван пришел к нему в гости. - Рад тебя видеть. Хорошей девушкой обзавелся. Все забываю, как ее зовут.

- Нина, - сказала Нина таким тоном, точно решила на акт самосожжения.

- Вот я и говорю, хорошая девушка, но малость придурковатая. Тебе не кажется, Вань?

Иван промолчал. Ася уставляла стол все новыми закусками, невзначай прикасаясь к Алеше и жарко вспыхивая от этих прикосновений. Нет, с сожалением подумал Иван, не угорела в ней страсть. Он мать не осуждал, жалел. С Михайловым у нее, конечно, был давно просроченный билет, и она это понимала, но ничего не могла с собой поделаться. Слабая, несчастная, любимая мамочка!

- Слушай, Вань, - сказал Алеша. - Твои дамы уговаривают меня креститься. Ты как на это смотришь?

- Да, Ванечка, да, скажи ему, скажи, пожалуйста! - заполошилась Ася. - Он не понимает, что надо покаяться, причаститься, а как же! Иначе-то как? Его гордыня мучит. Скажи ему, тебе он скорее поверит. Я молюсь за него, каждый день молюсь, но этого недостаточно. Нужно, чтобы сам, сам!

Иван не желал участвовать в шутовской сцене, маялся, ерзал на стуле, и злился оттого, что Алеша, этот упырь, без сомнения видит, как его, опять же, по-щенячьи корежит. Мука была в том, что Михайлов за все время знакомства ни разу ничем прямо не выказал своего превосходства, но не было минуты, чтобы Иван почувствовал себя с ним на равных. Более того, возможно Михайлов и не подозревал, какая между ними тянется нешуточная, непримиримая борьба. Всегда держался с сыном покойного друга учтиво, чуть насмешливо и добросердечно. То есть, судя по всему, испытывал к нему такие же чувства, какие сам Ванечка испытывал, допустим, к озорной и коварной Нине Зайцевой, не

принимая ее вполне за человека. Но и это был всего лишь обман зрения. По представлению Ивана, грозный и пропащий Алеша Крест не мог вообще ни к кому питать человеческих чувств. Все люди делились для него на две категории: на тех, кто, хотя бы абстрактно, был ему чем-то опасен, и на тех, кого он уже полностью подмял под себя. Дорого бы дал Иван, чтобы знать, о чем они беседовали с отцом в долгие, беспросветные лагерные ночи.

- Говоришь, покаяться? - удивился Алеша. - Но в чем же мне каяться? Грехов-то на мне нету.

Он произнес это с таким просветленно-искренним выражением, и даже с обидой, что Нина не выдержала и прыснула в кулачок, точно ее ущипнули.

- Не кощунствуй, Алеша! - попросила Ася.

- Да нет, я правду говорю. Какие грехи? Бедных не грабил, слабых не обижал, воюю всю жизнь как раз с врагом рода человеческого. Твой Бог меня давно простил. Если он есть.

- Алеша! - воскликнула Ася. - Умоляю тебя!

- О чем умоляешь?

- Алексей Петрович в добром расположении духа, - заметил Иван. - Ему угодно порезвиться.

Алеша и на него поглядел с удивлением.

- Ты что же, Вань, тоже святошей заделался?

Ниночка хихикнула вторично, и уж вовсе неприлично.

- Вот истинная греховодница, - ткнул в нее пальцем Алеша. - Не была бы твоей невестой, Вань, ее бы завтра надо на костре сжечь. Тебя как зовут, девушка?

- Нина, - сказала Нина восторженно.

- Вот что, Нина, ступай пока на кухню, у нас будет небольшой семейный разговор.

Нина рванулась было прочь, чуть не опрокинув стул, но Иван поймал ее за руку.

- Сиди, не прыгай. Ты не кузнечик.

- Ничего не понимаю, - сказал Алеша. - Все какие-то возбужденные, может, перепились вчера? Давайте тогда перекусим да похмелимся.

Перекусывал и опохмелялся Алеша, по существу, в одиночку, зато с аппетитом. Метал все подряд: жаркое, осетрину, пирожки с капустой и пирожки с изюмом, и осушил бутылку сухого вина. Иван отказался поддержать трапезу принципиально, сославшись на режим, Нина и Ася поужинали раньше, да и не до еды им было. Нина, которая по Ванечкиному капризу как бы нарушила волю Креста, была в каком-то трансе, и уже не хихикала, а хохотала как безумная по всякому поводу; Ася со скорбной гримасой наблюдала, как управляется с яствами бывший суженый. Больше всего она поражалась тому, что Алеша совсем не меняется внеш-

не. Все старели вокруг, умирали и чахли, жизнь катилась под уклон, а он был все тем же неодолимо прелестным отроком, который однажды, в незапамятные времена вывалился перед ней у выхода из метро и с ангельской улыбкой, без предисловий попросил о любви. «Научи меня!» - потребовал он. Она и научила, не смогла отказать, хотя была мужней женой. Да и кто бы и в чем мог ему воспротивиться. Сегодня Алеша хозяином распоряжается по Москве, и не будет ничего удивительного, если завтра так же легко перешагнет через все океаны. Он был драгоценным подарком ее судьбы, но одного она так и не поняла: кто же он такой? Посланец ли небес, сошедший на землю с мечом, или исчадие тьмы. Впрочем, с годами этот вопрос потерял остроту. Он таков, каким уродился, если что-то с ним случится, мир для нее останется скучен и сер.

- Вот так-то, - Алеша удовлетворенно похлопал себя по набитому животу. - Спасибо, Ксенька. Хоть кто-то из женщин не разучился готовить.

- Кушай еще, ты салат не попробовал.

- Лучше сына покорми, он у тебя вытянулся, как глист.

Бедная Нина покатила со смеху, еле Иван успел ее подхватить, чтобы не свалилась на пол. Алеша взглянул на нее с осуждением.

- Все же, Иван, нам надо потолковать наедине.

Ася молча встала, взяла девушку за руку и увела из комнаты, хохочущую и повизгивающую.

Алеша долил в рюмку вина, закурил.

- Хорошая у тебя невеста, Вань, повезло тебе. Никому только не показывай, отнимут.

- Это мое личное дело, - сказал Иван.

- Конечно, конечно, - Алеша откинул голову, сожмурил веки, отдыхая, о чем-то задумался.

- Эх, Ванечка, грубишь напрасно. Норов прячь в рукаве, как нож. Это тоже наука.

Иван молчал.

- Мать сказала, ты на работу устроился. Куда, если не секрет?

- Это тоже мое личное дело.

- Не совсем, Вань, вот тут не совсем. В говно вляпаешься, вытаскивать мне придется.

- Да с чего вы взяли?! - вспылil Иван, аж побледнев. - Почему именно вам придется вытаскивать? Кто вы мне такой?

- Твой отец был мне братом.

- И все у вас было общее, - добавил Иван. - И нары, и женщина.

Алеша озадаченно почесал щеку.

- Ладно, мимо проехали... У меня есть к тебе предложение, но даже не знаю, говорить ли. Чего-то ты сегодня вертишься, как девка на колу.

- Не нуждаюсь ни в каких предложениях.

- Учиться поедешь в Англию?

- Чего?!

- Приглядели мы с Настей солидный частный колледж. С полным пансионом. Все расходы на мне.

- Кто такая Настя?

- Жена моя. Святая женщина.

Наконец-то Иван улучил минутку для маленького торжества.

- Не хочу.

- Почему? Получишь настоящее образование.

- Если и буду кому-то чем-то обязан в жизни, то только не вам.

Алеша притушил сигарету в пепельнице. Он не был огорчен, но на юношу смотрел с сожалением.

- Пора взрослеть, Вань. Занятия с октября, подумай. Посоветуйся с матерью, с Филиппом. Кстати, насчет матери. Мы ее с твоим отцом не делили, мы ее любили оба. Чувствуешь разницу?

Иван сидел красный, точно в бане. Минута торжества минула никем не замеченной. Алеша пошел на кухню попрощаться с женщинами. Он везде был в своем праве и на своем месте. Везунчик, которого природа наделила даром повелевать. Иван ему не завидовал. Каждому свое, сказано мудрецом. Он не хотел карабкаться вверх по чужим головам, как по ступенькам. Для настоящей свободы человеку ничего не нужно, кроме присутствия духа.

Когда Алеша ушел, пообещав: - Проголодаюсь, позвоню! - Нину окончательно скрючило от смеха, и пришлось отпаивать ее валерьянкой.

- Он не для тебя, - утешил ее Иван. - Не думай о нем.

- Я понимаю. Он как древний витязь, - сказала она напыщенно.

Ночью она опять пришла к нему, одинокая и покорная, и Ванечка потерял свою невинность.

Знаменитый журналист центральной газеты Ника Поливодов немало покуролесил в своей сорокалетней жизни, а теперь потихоньку собирал материал для сенсационного, разоблачительного материала на тему «Мафия и власть». Он часто ходил по лезвию ножа. В Абхазии снайпер прострелил ему левую руку

повыше локтя, чуть-чуть промахнувшись до сердца, и там же он подцепил чудовищный триппер от шалавой репортерши-француженки Мариам, которая вдобавок обвинила его самого. И это всего за одну командировку, а сколько их было. Для любимой профессии Ника себя не берег, лез всегда в самое пекло, и звезда его в период перестройки воссияла высоко. Это было чудесное время, полное страсти, напора, надежд. Все было ясно прицельному взору журналиста. Бей, круши, вали вчерашних идолов, и чем хлеще слово, тем ближе победа. Гола два все ходили, как пьяные, в веселом бреде разрушения, с ощущением причастности к высокой истории, которая творилась на их глазах и делалась отчасти их руками. Популярность журналистов заслуженно сравнилась с известностью кинозвезд и ведущих политиков. Вечером репортер засыпал никем, а утром, после выхода удачной статьи, просыпался знаменитым. Так было и с Никой. Он спроворил интервью с белобрысой путаной из Метрополя, а путаны, как и наркоманы, были тогда еще под запретом, и редактор тянул резину, недели две не решался печатать, но потом рискнул, - и какая же бомба разорвалась в Москве! Ровно через месяц в газету позвонили со Старой площади и Ника Поливодов был приглашен на приватную беседу к одному из самых значительных лиц в государстве, главному идеологу страны с незапамятных времен. Ника по застойной привычке попрощался на всякий случай с друзьями и с родней - и пошел. Значительное лицо, обликом напоминавшее образованного чукчу, встретило его так, словно Ника был его родным сыном, когда-то потерянным, а ныне счастливо обретенным. Государственный муж, облеченный колоссальной властью, поил его коньяком в своем огромном кабинете, и самолично порезал на блюде лимон. Он не учил ничтожного писаку уму-разуму, как это бывало раньше, а советовался с ним по важным мировым проблемам, почти как с ровней. Впрочем, была в этой задушевной домашней беседе одна досадная особенность, залетевшая из прежних времен: хотя влияние лицо и советовалось, и спрашивало у польщенного Ники его мнения, но отвечало тоже само на свои вопросы. Еле-еле удалось журналисту вставить две-три незначительные реплики, но какое это имело значение. Великий идеолог высказывал такие мысли, от которых сердце Ники взмывало в небесам. К примеру, идеолог признался, что придушить окончательно монстра системы, сокрушить империю зла без помощи четвертой власти невозможно; а дальше из его слов выходило, что под четвертой властью он подразумевал как бы именно Нику Поливодову, ну и еще с пяток человек, подобных ему, таких же отчаянных, талантливых, бескомпромиссных, молодых, беззаветно преданных идеям демократии и общечеловеческим ценностям...

Три, четыре, пять, шесть лет подряд Ника Поливодов со товарищи в разных газетах и журналах, на радио и на телевидении рубили наотмашь по системе, не оставляя от нее камня на камне, не щадя живота своего, дробя святыни в пыль; но постепенно некоторые из центровых нападающих притомились от непосильной работы и отбыли на заслуженный отдых в Америку и Европу. От краснопузого чудища остались рожки да ножки, у него были отбиты бока и выколоты зенки, но все же у Ники, да и не только у него, все чаще возникало подлое ощущение, что все они, и победители, и побежденные, и те, кто успел слинять, и те, кто заторчал в «этой стране», очутились у разбитого корыта, хотя прямого повода горевать вроде бы и не было. Меченого провидца, малость свихнувшегося от бесконечных речей, спихнул с престола его более солидный и расторопный собрат по партии, который привел за собой кучу молодняка из разных коммуначых конюшен. Ветер августа поддувал им в спину. Бесшабашные экономические недоросли повели дело так рьяно, что буквально за год, два от позавчера еще зажиточной страны осталась кучка пепла. Зато всех своих единомышленников они объявили средним классом, а наиболее близких корешей назначили миллионерами. Повсюду воцарилась реформа, народ ликовал в безмолвии, кое-где попискивал полуголодный обыватель, но общая картина была праздничная. Коммерческие банки, акционерные компании, брокерские конторы, частные лавочки, прилавки, заваленные импортным барахлом и гнилыми продуктами, счастливые лица москвичей, повсеместно спекулирующих разной мелочевкой, конкурсы «мисс Мытищи», круизы по Средиземному морю, сказочная реклама на экране - то есть все, как у них, все, как у нормальных людей. Казалось бы, начинать жить и радоваться, но радоваться стало опасно. На каком-то этапе что-то сломалось в реформе: то ли у молодых, заполошных рыночников не хватило азарта, то ли верховный владыка запил горькую, то ли, и это скорее всего, полупьяный, придурковатый народец в этой стране был не готов к истинным капиталистическим благодеяниям, а как был, так и остался совком; но произошла загадочная и печальная вещь: вместо милого, дружелюбного капиталиста с лицом Борового, раздающего направо и налево пряники обездоленным, изо всех углов, из подворотен и с трибун, из нарядных офисов и из управленческих штабов оскалилось вдруг на обомлевшего гражданина циничное, сытое рыло бандита. Политический концлагерь, в котором долгие десятилетия обживались несчастные россияне, и даже обустроились с некоторым удобством, в одночасье обернулся зловещей уголовной зоной, где каждому предстояло заново принаравливаться к свирепым причудам паханов. Социальная рокировка произошла так стремительно, что

многие, даже самые отпетые рыночники, успевшие настругать капиталы и пригреться возле монаршей печки, не успели за ней уследить. И с грохотом повывлетали из насиженных гнезд. Те же, кто уцелел, мигом облачились в бронежилеты и наняли для личной охраны половину бывшей Советской Армии. Пальба началась беспорядочная, и если поначалу в основном добивали старорежимных пердунов, то постепенно пули посыпались и на головы чистосердечных заступников демократии, преданных сподвижников международного валютного фонда.

Так и сошлось, что многие прогрессивные журналисты, вчерашние властители дум, а с ними и Ника Поливодов, вдруг оказались не у дел. Так называемая непримиримая оппозиция была загнана чуть ли не в районы вечной мерзлоты, разрушать больше было нечего, на бескрайних просторах тут и там едва дымились головешки проклятого, коммунычьего режима, а твякнуть громко на новых, изолгавшихся и проворовавшихся властьпредержателей уже не хватало ни мужества, ни сил, да вдобавок с таким же успехом можно было твякать на собственное отражение в зеркале. Точно пораженная внезапным мозговым недугом, демократическая пресса вдруг заговорила осевшим, простуженным голосом, путая слова и мысли. Кто-то по инерции чехвостили озверевших гекачепистов, приписывая им какие-то уж вовсе противостественные замыслы, кто-то занялся физиологическими изысканиями, кто-то вещал о скором восшествии на престол отрока Григория, и прочее, и прочее в том же духе, но широкая читающая публика заметно охладела к политическим темам, и газетные тиражи опасно пошли на убыль, рискуя повторить судьбу толстых литературных журналов, которые так и не сумели вовремя остановиться в своем заунывном интеллектуальном гробкопательстве. Немного оздоровила общественную атмосферу пущенная в оборот угроза «русского фашизма», подкрепленная замелькавшими на экранах каменноликами юношами с руническими нарукавными знаками и со свастикой, но ненадолго и далеко не повсеместно, а, пожалуй, только в Москве и в Санкт-Петербурге. Да и тут средний читатель больше интересовался простыми, натуральными вещами: схлопочет ли он, добропорядочный обыватель, случайную пулю где-нибудь на троллейбусной остановке, или ему удастся потихоньку, спокойно околоть от хронического недоедания.

Ника Поливодов был третьим газетным калачом, и давно научился различать, кто стоит за тем или иным политическим аттракционом, кто его финансирует, и кому он выгоден. К примеру, еще не набравший силу, но, судя по некоторым признакам, грандиозно затеваемый спектакль под названием «Русский фашизм», устраивал практически всех, и левых и правых, и комму-

нистов и демократов, и президента, и Зюганова с Гайдаром. В России фашизм вызывал у нормального человека отторжение на подкорковом уровне, благо никто толком не понимал, что это такое, у большинства (тех, кто старше сорока), в этой связи возникла единственная ассоциация - бесноватый фюрер, окруженный гестаповскими палачами; однако в борьбе с новоявленным страшилой каждая, борющаяся за власть группировка, при удачном стечении обстоятельств, могла нащелкать избирательные очки. По парадоксу российской общественной жизни это относилось и к самим «фашистам», популярность которых росла день ото дня. Все это не устраивало умного Нику. Массовость заброса при низком натуральном обеспечении неизбежно должна была обернуться очередным пропагандистским мыльным пузырем, и он не хотел засвечиваться в заранее обреченной на провал акции. Вдобавок крайне неудачно, с явным уклоном в водевиль были выбраны персоналии, которые представляли русский фашизм как бы воочию. И Баркашов с его опереточными чернопогонниками, и уж тем более Жириновский с его неопознанной родословной и тайными капиталами - словно сошли с подмостков провинциальной сцены, хотя, разумеется, это вовсе не значило, что кому-то из них не удастся в смуте принудительной капитализации выловить собственную золотую рыбку удачи.

Иное дело - мафия. Ее не надо было придумывать, наряжать в карнавальный балахон и накачивать воздухом, как ярмарочную куклу. Она сама который годок старательно впрыскивала трупный, паралитический яд в государственные структуры, и была многолика, изобретательна и, в сущности, неуязвима. Словечко, правда, неточное, плохое - мафия - из чужого обихода, сбивающее с толку, но что поделаешь, собственной лексики новое время еще не накопило, да и зачем копить, если все можно взять напрокат: убого, позорно, зато под рукой - Белый дом, мэрия, коррупция, демократия, мафия... Но наша мафия, конечно, была не их мафией с благородным Плачидой во главе, тут заблуждаться не приходилось. Что ей наркотики, контрабанда живым товаром и прочее, на чем нажили капиталы ее забугорные коллеги, она кроила так, чтобы савана хватило на всю страну. При этом у нее был ясный, страдальческий взгляд Богородицы-девы. изысканная речь партийного чиновника, и оснащение от автомата Калашникова до Конституции.

Около года Ника Поливодов исподволь собирал материалы, а когда нагреб достаточно на серию сенсационных статей, то сам ужаснулся. Точно в дурном сновидении, ему открылось, что все они, от мелкого рэкетира, берущего под свою «крышу» коммерческий ларек, до маститого ученого-экономиста, блудливо пережевывающего идейку о всенародном счастье поголовной прива-

тизации, повязаны кровью и корыстью в одну большую, дружную, блатную семью, подчиняющуюся единому центру, а кто выпал из лона семьи, как выродок, или кого в семью не приняли за отсутствием лишней миски с похлебкой, обречен на неизбежное и скорое вымирание. И у него, маститого журналиста, оказывается, есть в этой семье маленькая удобная ниша, откуда ему лучше уже никогда не высовываться. Те из его коллег, кому оказалось не по нутру бытование в уголовной семье, именно по этой причине торопливо отбуксовали за океан. Остальные, а имя им легион, перебивались подачками с барского стола и жадно лизали руки пахану, пытаясь угодить всем его прихотям. Была еще немногочисленная группка правдолюбцев, которые верили, что плетью можно перешибить обух, и, угревшись в газетных закутках, продолжали беспощадно разоблачать ужасы сталинского режима, но их жребий, по определению классика, был уже измерен. Голосить им осталось лишь до той поры, когда пахан мимоходом огрызнется.

Ника Поливодов не желал быть ни с теми, ни с этими, ни с другими, ни с третьими, а хотел быть сам себе голова. Он пришел к главному редактору и предложил цикл бесед с истинными хозяевами новой жизни. Главный редактор тоже был человек ушлый, настырный, с большими заслугами перед демократией, но тираж его газеты упал до роковой отметки, поэтому суть дела он ухватил на лету.

- Надоело ходить с ушами? - пошутил по-домашнему. - Хочешь, чтобы тебе их отрезали?

- Нет, - сказал Поливодов, - мы сделаем все аккуратно. Ведь все зависит от исполнения. Подадим этих ребят с вопросительным знаком.

- Объясни.

- Иван Иванович, да чего тут объяснять. Вот, дескать, читатель дорогой, перед тобой персоны необыкновенные, самый крупняк, тайная власть, а уж как они тебе понравятся - вопрос вкуса. Двух зайцев уьем, нам не впервой. Крестным отцам польстим, и читателя развлечем. Газету будут из рук рвать. Подписная кампания, Иван Иванович.

- Как бы вместе с газетой нам головы не оторвали. Не боишься, дружок?

- Нет, не боюсь. Паханы тоже люди, им свойственно тщеславие. Они много лет орудовали в темноте, им это надоело. Представляете, как им хочется заявить о себе громко, чтобы были аплодисменты, цветы, блицкамеры, благородный рев толпы...

- Что ж, действуй, - задумчиво благословил редактор. - Но в случае чего прикрыть не смогу. Это ты понимаешь?

- Конечно, понимаю, - кивнул Ника. - В конце концов, мы рождены, чтоб сказку сделать былью.

Жил Ника Поливодов в однокомнатной квартирке на Юго-Западе с кошкой Машкой и попугаем Гришкой. Жены и детей у него не было и иногда это наводило его на грустные размышления. Вечером он разложил на столе заготовки к теме «Мафия и власть», и долго изучал список фигурантов. Первоначально в нем было двенадцать человек, но теперь осталось восемь. Буквально за последние полгода двое убыли царствовать на чужбину, а двоих повалили в разборках, одного в Ростове, другого в Чернигове. Похороны павших бандитов, судя по газетным сообщениям, вылились во всенародное горе. Это было смешно, поучительно и гнусно. Среди оставшейся восьмерки первым в списке стоял Елизар Суренович Благовестов, живая легенда подпольного бизнеса, свирепый рыцарь плаща и кинжала. Его домашнего телефона Ника не знал, зато у него была визитная карточка Иннокентия Львовича Грума, крупного бизнесмена, владельца двух банков и биржевой конторы, который в прошлом сезоне баллотировался в парламент от партии «Экономическое процветание». Этот человек по Никиному досье уже лет десять работал на Благовестова, и, возможно, был его правой рукой. Познакомились они в кулуарах какого-то марионеточного фракционного съезда, пили кофе с коньяком в буфете, и Иннокентий Львович наговорил журналисту кучу комплиментов о его статьях. С искренней болью Иннокентий Львович сокрушался о том, сколько еще предстоит тяжелой работы по расчистке авгиевых конюшен, оставшихся в наследство от коммунячьего режима, но все равно это придется сделать, если не хотим до скончания века плестись в хвосте у цивилизованного мира. Вся надежда здесь на талантливых, честных людей, таких, как Ника Поливодов. Он пообещал Нике, что если ему понадобится хоть какая-то помощь на его благородном журналистском поприще, он будет рад ее оказать. Изошренное фарисейство матерого хищника в тот раз очень позабавило Нику.

Он набрал номер офиса Грума, и ему ответил нежный, певучий голос секретарши, которая попросила его представиться, объяснить по какому делу ему потребен Иннокентий Львович.

- Я из газеты, - сказал Ника. - Дело сугубо личное. Фамилия моя Поливодов. Иннокентий Львович меня знает.

- Минуточку, - прошептала секретарша, и почти сразу в трубке возник благодушный, вкрадчивый баритон банкира.

- Дорогой наш писатель! А я все гадаю, куда вы пропали? Ну уж видно не до нас. Большие проблемы, большие хлопоты. Читаем, гордимся знакомством. Чем могу быть полезен, уважаемый Ника?

- Как ваше здоровье, Иннокентий Львович?

- Какое уж там здоровье, милый вы мой! Трудимся не щадя живота, а кто оценит. Вы же видите, какая кругом неразбериха. Кстати, кто у вас рекламой заведует?..

Минут через пять хорошего, доверительного разговора Ника обратился со своей-просьбишкой.

- Хотелось бы встретиться с одним человеком, и я подумал, вдруг вы поспособствуете?

- Кто такой? Что за человек?

- Некто Благовестов Елизар Суменович.

В трубке наступило молчание, и после паузы Грум заговорил совершенно иным голосом, в котором и намек не осталось на родственные чувства:

- Кто же вам сказал, что я знаком с Благовестовым?

- Никто не сказал. Да я наугад позвонил. Помнится, в последнюю встречу вы это имя упоминали. Но возможно, я что-то перепутал.

Еще одна пауза, и в трубке возник посторонний фон. Ника улыбнулся своему отражению в настольном зеркале.

- Если не секрет, чем вас заинтересовал этот... хм... господин?

Поливодов охотно рассказал, что газета затевает опубликовать цикл бесед с видными политиками, учеными, бизнесменами. Цель такая: дать спектр компетентных мнений по самым острым, актуальным вопросам общественной жизни.

- У нас ведь как заведено, - сказал Ника. - По любой проблеме высказываются одни и те же лица. Что на телевидении, что в прессе. Налогоплательщику они все надоели. Просто физиономически неприятны. К тому же заранее ясно, что каждый из дежурных комментаторов скажет. Хотелось бы закинуть невод пошире, поглубже. Кстати, раз уж зашла речь, я бы и вас, дорогой Иннокентий Львович, хотел привлечь.

- Что ж, пожалуй, попробую связаться с Благовестовым. - Голос Грума опять теплел. - Действительно, есть кое-какой канал, общие, как говорится, знакомые. Давайте я вам перезвоню через некоторое время?

Повесив трубку, Ника пошел на кухню и поставил на огонь кастрюлю с водой. Достал пачку пельменей. Он не первый раз совал голову в логово льва, и всегда при этом у него появлялся зверский аппетит.

Иннокентий Львович перезвонил через час.

- Все в порядке, - сообщил бодро. - С вас причитается. Елеле разыскал вашего Благо... Благовестова. Вы правы, похоже, важная персона. Но я за вас поручился, вы уж не подведите.

Грум назвал ему адрес и сообщил, что Елизар Суменович примет его завтра в двенадцать ноль-ноль.

Обыкновенная контора из двух совмещенных квартир на первом этаже жилого дома в переулке Нежданова. Таких контор по Москве расплодилось тысячи, эта была примечательна тем, что у входа не было никакой таблички. Зато у двери, обитой зеленым кожзамснителем, сидел на табуретке усатый омоновец. Да и на улице Ника заметил две машины, набитые праздными молодыми людьми вполне узнаваемого типа. Выяснив, кто он такой, омоновец нажал на дверной звонок и что-то тихо произнес, склонившись над узкой, как для газет, щелью. Поливодов впустили.

Девушка в короткой черной юбке проводила его в приемную и, мило улыбнувшись, попросила открыть кейс.

- Террористов боитесь?

- Нет, журналистов, - отшутилась девушка. Нажала клавишу селектора.

- Из газеты, Елизар Суренович.

В ответ послышалось нечленораздельное кряхтение.

- Входите, можно, - пригласила девушка.

Кабинет - бывшая жилая комната - был меблирован двухтумбовым канцелярским столом, книжными стеллажами и несколькими стульями с темно-красной обивкой. Небогато, подумал Поливодов, принимают по десятому разряду. Хозяин кабинета - осанистый старик с лысым, породистым черепом, обрамленным темным пушком, с приятно пронизывающим, прокурорским взглядом - сидел не за столом, а у окна, под открытой форточкой, в черном дерматиновом, тоже сугубо канцелярском креслице. Навстречу гостю не поднялся, но руку сидя протянул. Поливодов поспешно приблизился и уважительно ее пожал, ощутив сухой жар старческой ладони.

- Располагайся вон там, - Благовестов указал пальцем на стул.

- А хочешь - там. Садись, где удобнее, а я уж тут на холодке побуду. Водку будешь пить?

- Спасибо, рановато вроде.

- Надо же, - удивился Благовестов. - Сколько вашего брата перевидал, никто от дармовой выпивки не отказывался. Ты, может, стесняешься, Ника?

- Печень пошаливает... - Поливодов открыл кейс.

- Диктофончик нам ни к чему, - остановил его Благовестов. - Зачем нам диктофончик? Хочешь поговорить, давай без диктофончика.

Поливодов послушно захлопнул кейс. Старик настроен был недружелюбно, с первых же слов пытался подковырнуть, но это Нику не смутило. Важно, не как встретят, а как проводят. Профессионально любезным, деловым тоном поделился своим замыс-

лом провести на страницах газеты встречи с влиятельными, известными людьми. Политика, этика, экономика, общий взгляд на положение дел в стране. Читателю будет любопытно из первых рук узнать, какой опыт еще над ним произведет в ближайшем будущем. Предполагается искренний, доверительный разговор, как бы у домашнего камина, без всей этой, набившей оскомину политической трескотни, от которой предостерегал еще вождь революции.

- И кто же у тебя в списокке? - спросил Благовестов.

- О-о, хотелось бы охватить круг пошире. Егор Гайдар, артист Ульянов, Аркадий Вольский, лидер центристов, может быть удастся заинтересовать самого президента.

- Действительно, серьезная публика, но ты ведь немного лукавишь, да, Ника? Там у тебя еще Алеша Михайлов, по кличке Крест, Омар Кавторадзе, грузинский папа, Сережа Антонов, ну и другие поделышки, верно?

Поливодов почувствовал себя так, будто его толкнули в спину и он очутился в ледяной проруби. Точность вопроса была сверхъестественной.

- Если даже так, какой в этом криминал?

- Да ты не тушуйся, что соврал. Все журналисты врут, вам за это платят. Важно, чтобы совсем не заврать. Вот тут может случиться и криминал.

Благовестов дернул шнурок над головой и в комнату вбежала девушка-секретарша.

- Принеси чего-нибудь, Катенька. Чего-нибудь покрепче, а то у молодого человека язык отнялся.

Через мгновение девушка, сверкая загорелыми коленками, подкатила столик на колесиках - водка, минеральная вода, кофейник, чашки. Попыталась и дальше ухаживать, ухватилась за графинчик, но Благовестов ее шуганул. Сам разлил по рюмкам, крякнул и выпил. Вопросительно смотрел на Поливодова. Ника к рюмке не прикоснулся. Его вдруг потянуло бежать, куда глаза глядят. Дымок опасности, почти осязаемой, проник в ноздри терпким запахом французского лосьона.

- Теперь выкладывай правду, - потребовал Благовестов. - Чего надо от меня? Хочешь денег? Могу дать.

- Я чего-то не понимаю. Не желаете давать интервью, зачем согласились?

- Действительно не понимаешь, - усмехнулся Елизар Суренович, - и это очень плохо. Я не Ульянов и не Гайдар. Надумай я выступить в вашей вонючей газетенке, то скорее всего сначала купил бы ее вместе с твоим Иваном Ивановичем и с тобой. Товар недорогой.

- Почему вы так упорно стараетесь меня оскорбить?

Елизар Суменович сделал вид, что ему скучно и что у него зачесалась нога.

- Оскорбить газетчика? Это что-то новенькое. Разве такое возможно?.. Вот что, паренек, у меня очень мало времени. Говори, чего ищешь и кто на меня науськал? Заодно назови цену. Тысячи зеленых хватит на новые штаны?

Ника Поливодов решил психануть. Вскочил на ноги, бледный, одухотворенный.

- Если бы не ваш возраст, милейший!..

Благовестов коротко хохотнул, как рыкнул.

- Ну-ка сядь, не трясись, тут тебе не дискотека. Хорошо, сам скажу, а ты послушай. Почуяли, крысы, что запахло паленым, новых хозяев ищите. Прежние уже не по нутру, демократы вы мои хрустальные. Поздно спохватился, Ника. Полгода назад я бы еще взял тебя на службу, сейчас своих борзописцев некуда девать. Вдобавок чересчур ты наглый и прыткий. Старина Грум сразу тебя раскусил. Но за наглость положено наказывать.

Загипнотизированный его отеческим взглядом, Ника промямлил:

- Да в чем же моя наглость, не пойму?

- Как в чем? Сунулся без вызова - это раз. Правды не сказал - два. И вообще весь какой-то ты изворотливый, скрытный. Водки даже не выпил со старичком. Нет, дорогой, все вместе тянет на высшую меру. Но мы не в суде, поэтому даю тебе две минуты для оправдания.

Страх Ники достиг высшей точки, голопузым детством вдруг потянуло из прошлого и в ту же секунду он обрел присутствие духа.

- Куражиться изволите? Ох, какие мы всемогущие! Но недалек день, когда и таких, как вы, размажут по стенке. На сей счет не заблуждайтесь, милейший.

- Пошел вон! - равнодушно бросил Благовестов. Он не дергал шнурок, никого не звал, но в комнате, как по гудку, возник омоневец, недавно дежуривший снаружи, бережно подхватил Поливода под локоть и помог ему выбраться из помещения. Все происходило как во сне. Девушка-секретарша болтала по телефону, и не обратила на них внимания.

Ника поехал в редакцию, и весь день провел тоже как бы в полудреме. Ничто его не огорчало и не радовало. Суматошная редакционная канитель текла мимо. В его крохотный кабинетик то и дело заглядывали друзья и сослуживцы, и выходили от него обескураженные. Общительный, всегда готовый поддержать добрую шутку и посудачить о новостях, Ника, похоже, заболел, или вложил деньги куда-нибудь не туда. Петро Захарчук, репортер спортивного отдела, не смог расшевелить его даже известием

о новых похождениях Марадоны, и, соболезнуя, предложил слезать в магазин за лекарством.

- Не мучайся, старина, - сказал он. - Похмелье - еще не конец света. Главное - постепенность на выходе. Принимаешь стопочку «Смирновской», пару пива, а потом обязательно девочка. Хочешь, пришлю Кирку Погребельскую.

Ника немного встрепенулся.

- Как Погребельскую? Да она второй месяц с Иофой! Нет, она не согласится.

- Старичок! - Захарчук обрадовался, заметя проблеск в потухших глазах друга. - Что значит с Иофой? С Иофой она по должности, он ее начальник, учитель, а с тобой будет из сострадания: Я же ей объясню, в каком ты состоянии. Она девица милосердная, чувствительная. Знаешь, где она хотела работать, если бы не газета?

- Где?

- В доме престарелых. Честное слово! Сама говорила. Она же наркоманка. Как раз тебе с похмельюги.

Под Киру Погребельскую, редакционную секс-бомбу, Ника подбивал клинья уже давно, но пока безрезультатно. Это задевало его мужское самолюбие, тем более, что Кира не слыла недотрогой. Теперь-то, задним числом, он видел, как в последнее время вокруг него накапливались разные мелкие неприятности, очевидные предзнаменования большой беды, вот она и грянула. Он сознавал, что влип крепко, сунул голову в петлю, но только не мог понять, где и какую допустил промашку. Отчего так вздыбился замшелый грозный подпольный властелин? Чем он его так насторожил? Старый шакал не дал ему рта открыть, и вот теперь надо уже думать, как уцелеть. Ничего путного не приходило в башку, и самое разумное, пожалуй, было оформить командировку и смотаться на пару недель из Москвы. Ника был газетчиком до мозга костей, препятствия лишь возбуждали его охотничий азарт, но сегодня был явно не тот случай, чтобы лезть на рожон. Некоторое время он раздумывал, не позвонить ли Груму, но и это оставил на потом.

В конце концов поперся к главному редактору и объявил, что собирается дней на десять, а может, и надольше поехать в Краснодар, а оттуда в Ростов. Он и тему придумал нормальную: среди донского казачества давно шло какое-то любопытное брожение, но Иван Иванович темой даже не поинтересовался.

- Надо, так и поезжай, - сказал он, чему-то словно обрадовавшись. - Командировочный фонд почти весь в целости. Заодно на подписку поработаешь.

«Ах ты, старый прохвост!» - подумал Ника. Нехорошее подозрение кольнуло его в сердце. Вспомнил странные слова Благо-

вестова: «Понадобится, я тебя с твоим Иван Ивановичем с потрохами куплю». Из пустоты такая обмолвка не вылетит.

Главный редактор против обыкновения прятал глаза в пол, или это чудилось воспаленному Никиному воображению. О недавних замыслах ни слова, будто их и не было.

- Иван Иванович, - Ника зашел сбоку, чтобы все же поймать взгляд человека, под началом которого проработал десять лет. - А почему вы не спросите, чего это я вздумал про казаков писать? Ведь позавчера...

- Дорогой Ника, - наконец-то редактор поднял глаза - честный, прямой взгляд Иуды. - Мне уже донесли, что ты вроде занедужил немного. Что случилось? На тебе и впрямь лица нет.

- Ничего не случилось. Так я оформлю командировку?

- Оформляй, конечно. Но может, лучше сперва врачу показаться?

Из кабинета Ника выкатился, точно оплеванный. Нина Сергеевна, секретарша шефа, пожилая гримза, пучила в сторону рыбы равнодушные зенки. Не было сотрудника в редакции, про которого она не знала бы всю подноготную, как не было человека, который знал бы толком что-нибудь про нее самое. Сплетничали, что в незапамятные времена шеф выудил, выманил ее из аппарата Чурбанова и таким образом спас от пожизненного заключения.

- Ника, мальчик, это правда? - спросила она бесцветным голосом.

- Вы про что?

- Опять собираешься на Кавказ?

- Собираюсь. Может, и куда подальше.

- Но это же опасно. Сколько можно рисковать? Такой известный журналист, золотое перо, и уже не совсем юноша...

- Все равно поеду, - сказал Ника. Про Нину Сергеевну было еще известно, что у нее дурной глаз. Стоило ей кому-нибудь посочувствовать, как с этим человеком непременно случалось несчастье: он ломал ногу или неудачно женился. Но это прежде, в поганые годы застоя. Теперь жизнь стала свободнее, веселее, и несчастья упростились: сегодня ты жив, а завтра придавят, как таракана.

С горя Ника заглянул-таки к Кире Погребельской, чтобы малость расслабиться. Секс-бомба сидела за заваленным кипой гагет столом и пудрила маленький изящный носик.

- Какой приятный сюрприз! - воскликнула она. - Я уж забыла, как ты выглядишь.

Кире Погребельской было двадцать четыре года, и все в ней было прелестно: и душа, и мысли, и тело. Увы, она слишком хорошо это понимала.

- Еще бы не забыть, - пробурчал Ника. - Когда за тобой ухаживает такой кавалер, как Иофа, мать родную не узнаешь.

Кира задумалась, изобразив сочными губками ни к кому не относящийся поцелуй.

- Хамите, парниша! - наконец оценила замечание Ники.

- Не хамлю, ревную. Давай ходим куда-нибудь вечером?

- Куда, молодой человек?

- Ну, к примеру, можно ко мне. Возьмем водочки, пивка - и поедем.

- И что будем делать?

- Телек посмотрим. Пластинки покрутим. Я блинов напеку.

- Ты очень безнравственный, Ника, а ведь я несовершеннолетняя. Но я понимаю, чего ты добиваешься. Ты хочешь меня развратить. Чтобы я стала похожа на всех твоих дешевых старых кобылиц. И тут у тебя выйдет осечка.

Развратить Киру Погребельскую пытались почти все мужчины в редакции и еще половина города, и некоторым это, по слухам, удалось. Но на самом деле, как призналась однажды Кира, пустые любовные интрижки не приносили ей удовлетворения. Она надеялась встретить настоящего мужчину, преданного друга, который возьмет ее на руки и понесет по миру, как прекрасную мечту.

- У меня паршивое настроение, - признался Ника. - Хоть ты-то не кривляйся.

- Это потому, что ни о чем не думаешь, кроме случки. Почему бы тебе не пригласить меня в театр?

- В какой театр?

- Да в любой. Это будет поступок с твоей стороны. Настоящий мужской поступок.

- Хорошо, пойдём в театр. Но завтра. А сегодня ко мне. О'кей?

Кира прогнулась, проведя ладонями по пухлым бокам, обтянутым полупрозрачным нейлоном, и у Ники болезненно сдавило в паху.

- Нет, милый, так не выйдет. Ты торгуешься, мне за тебя стыдно.

- Ну и спи со своим Иофой, - цинично вспыхнул Ника. - Только следы, чтобы он не окохурился.

Кире его слова не понравились.

- У тебя даже к старости нет уважения. Ты пропащий человек, Поливодов. Как хорошо, что я в тебя не влюбилась в прошлом году.

Из редакции Ника Поливодов завернул к матери на другой конец города, и у нее поужинал. Мать уговаривала его остаться ночевать, и это было разумно, да и навещал он ее за последний год считанные разы, больше поддерживал морально по телефо-

ну, но какое-то смутное чувство погнало его домой. Уже в метро, прикемарив от сытной, жирной материнской еды, он понял, что так сильно задело его в «беседе» с криминальным магнатом. За свою долгую журналистскую жизнь он встречался со многими начальниками высокого ранга, были среди них и умницы, и совершенные дикари, но впервые с ним обращались так, будто вообще не предполагали в нем человеческого сознания. Куда там упитанным боровам брежневской эпохи, или вертким, говорливым, мечтательным демократическим сановникам. И те и другие все же проявляли при любом раскладе хотя бы минимум служебной и просто человеческой корректности. Теперь он столкнулся с чудовишной, прямой волей, с неким Големом, для которого не представлял вовсе никакого интереса даже в качестве собеседника. Сакральная пасть лениво прикусила его на зубок, поленилась проглотить и выплюнула полуизжеванного. Вот, значит, кто пожинал плоды радостной, оптимистической прогрессивной рыночной утопии. Питекантроп, маргинал, Голем. Вот, значит, кто одержал победу в неслыханной, народоистребительной битве, которая тянется на Руси с одна тысяча девятьсот семнадцатого года. Уж и не мечтать о подвигах, о славе, все миновалось, молодость прошла...

Едва Ника притворил за собой дверь собственной квартиры, как навстречу ему в коридор вышел невысокий, сухощавый, в элегантном вечернем костюме господин лет пятидесяти. В его облике не было ничего угрожающего, хотя само появление было как-то нелепо.

- Добрый вечер, - поздоровался гость с приятной улыбкой. - Извините, что без спроса, но сейчас мы вам все объясним.

- Кто вы? - спросил Ника. - Как сюда попали?

- Да вы проходите, что ж нам топтаться в коридоре.

В комнате находился еще один человек, тоже интеллигентной наружности и тоже в вечернем костюме. Он сидел за Никиным рабочим столом и с сосредоточенным видом просматривал Никины бумаги. В знак приветствия важно склонил седовласую голову и так же, как его товарищ, любезно извинился за неожиданное вторжение.

Как обычно, предвкушение опасности оказалось страшнее самой опасности, и Ника даже почувствовал облегчение оттого, что дневные смутные тревоги наконец-то реально разрешились. В эту минуту его, как ни странно, более всего волновал чисто детективный вопрос: дверь была заперта, ключей он никому не давал, а визитеры - вот они. Он уселся в свое любимое «кресло отдохновения» и мрачно воззрелся на пришельцев.

- Не потрудитесь ли все же объяснить?

Мужчина за столом продолжал деловито перелистывать бумаги, а его коллега присел на стул напротив Ники и, потеряв ладошки, словно с мороза, благосклонно улыбнулся хозяину.

- Как вы, наверное, поняли, мы пришли по поручению Елизара Суреновича.

- И что вам нужно?

Мужчина захохотал, оскалив редкие, желтоватые зубы.

- Видите ли, шеф обеспокоен вашим неожиданным интересом к его делам. Он подозревает, что тут замешаны конкуренты. Вы же понимаете, время для бизнеса неустойчивое, борьба кланов, каждая пешка так и норовит пролезть в дамки. Приходится быть постоянно настороже. Кое-какие занимательные документы мы обнаружили, но, вероятно, не все. Для экономии времени, не будете ли вы столь любезны, дорогой Ника, предоставить остальные материалы?

- Не называйте меня, пожалуйста, Никой, меня зовут Николай Степанович.

Гость пообещал: - Да, да, разумеется, - и добавил, что его в таком случае зовут Степан Николаевич.

- Все, что вы несете, - сказал Ника, - это какой-то собачий бред. Не лучше ли вам убраться отсюда подобру-поздорову? Или мне вызвать милицию?

Степан Николаевич огорченно покачал головой.

- Вот и Елизару Суреновичу вы показались чересчур возбужденным, агрессивным. Нет, дорогой Ника, насчет милиции не затрудняйтесь. Если понадобится, мы ее сами вызовем. А уж матерьяльчики будьте добры, отдайте. Вам же самому меньше хлопот.

- Какие, к черту, матерьяльчики?! - завопил Поливодов, но голоса у него хватило лишь на подобие петушиного кукареканья. Первобытный, вязкий страх плотно охватил сознание. Обыденность происходящего напоминала какой-то отвратительный сюрреализм.

- Какие матерьяльчики?! Я хотел взять интервью, обыкновенное интервью, разве непонятно?

- Пусть не орет, - нехорошо скривился мужчина за столом, - мешает сосредоточиться.

Степан Николаевич (или дьявол в габардиновом костюме?) уложил ему на колено легкую ладошку, отчего Нику передернуло, как от прикосновения медузы.

- Интервью - это как раз мы понимаем. Тут никаких нет проблем. Сплошь и рядом журналисты берут эти самые интервью. Но нас интересуют исходные данные, только и всего. Первотолчок, так сказать. Вы же не пришли брать интервью у меня, или у

господина Пупкина, а направились напрямик к Елизару Суменовичу. Почему? Что вас надоумило?

Ника Поливодов глядел на него остолбенело, и вдруг почувствовал, как из глаз допросчика, дотоле светлых и как бы безразличных, устремились к нему в душу черные, волокнистые нити, тяжким холодом окатив мозжечок. Он попробовал двинуть рукой - и уже не смог. Теперь слова ужасного господина доносились к нему словно через плотную, дымную завесу.

- Ну хорошо, дорогой Ника, вы сегодня переутомлены, устали, вам хочется отдохнуть. Ступайте, прилягте на диванчик.

Ника послушно поднялся из кресла и переместился на диван, лег на спину и скрестил одеревенелые руки на груди. Гость склонился над ним, его взгляд излучал покоряющую, бесконечную приязнь.

- Значит, кроме того, что на столе и в ящиках, у вас ничего нет? Никакого больше компромата?

- Клянусь мамой! - радостно признался Ника.

- Зачем же клясться, любая клятва - грех. Я и так верю. Что ж, сделаем успокоительный укольчик - и вы сладко уснете. Пора, мой друг, пора.

С любопытством Ника наблюдал, как незнакомец достал из кармана шприц, наполненный голубоватой жидкостью.

- Ну-ка, протяните вашу ручку.

«Этого не может быть!» - подумал Ника, охотно подставляя руку. Он ощутил, как игла проткнула кожу, и последним его земным видением был кусочек маминой котлетки, нанизанный на вилку и поднесенный ко рту.

Знаменитый журналист и искатель приключений Ника Поливодов перестал существовать.

14

У ординарца Петруши, бритоголового осетина, мысли были незамысловатые, как у херувима, и в жизни он знал только две, но пламенные страсти: обожал своего хозяина Елизара Суменовича и постоянно хотел женщину. Дни он проводил или на службе, или в постели, или в тренировочном зале, где накачал себе мускулатуру, которой позавидовал бы Шварценеггер. Прикатив в столицу из горного аула с десятком ящиков хурмы, он за год сделал замечательную карьеру: от обыкновенного рэкетира поднялся до личного доверенного телохранителя великого владыки. Естественно, у него слегка закружилась голова, тем более, что по некоторым прозрачным намекам Благовестова он заподозрил, что вполне возможно, является никем иным, как внебрачным сыном

властелина. Его не смущало, что его натуральные родители, мать и отец, которых он нежно любил и почитал, мирно доживали век на Кавказе, и за всю жизнь не выбрали дальше родимых ущелий. Жизнь сложна, философски думал Петруша, и в ней всегда найдется место чуду. Внимательно изучая себя в зеркале, он находил в своем лице немалое сходство - губы, очертания скул, сияние круглого черепа - с прекрасным, одухотворенным обликом Благовестова. Разумеется, Петруша ни с кем не делился счастливой догадкой, но все чаще улыбался красноречивой, победительской улыбкой.

С женщинами отношения у Петруши складывались на особинку и беспощадно: он еще не встретил ни одной, молодой или дряхлой, которую не возжелал бы немедленно заключить в неистовые объятия. Большинство из них сразу понимали, и либо охотно откликались на его немой призыв, либо убежали, куда глаза глядят. С теми, кто откликался, он бывал предупредителен, заботлив, щедр, но, удовлетворив свою страсть, быстро в них разочаровывался и прогонял прочь. Тех, кто в испуге убегал, он считал ненормальными, обделенными природой, и вдогонку им вчуже сочувствовал.

Появление в доме голой женщины Маши Копейщиковой крепко его растревожило. Он не сразу сумел сообразоваться с пикантной ситуацией. С одной стороны, он, естественно, мгновенно влюбился, и потянулся к ней с такой силой, словно до этого провел десять лет на необитаемом острове. Вероятно, иначе и быть не могло: Маша воплощала в себе высокий идеал любви, который прежде лишь грезился Петруше в смутных предутренних снах. Каждая жилочка ее пышного, созданного для безумных нег тела трепетала в ожидании восторженного соития, и это было свято для чистого сердцем горца. Ему не хотелось даже думать, как воспримет обожаемый владыка его греховные поползновения, в которых, учитывая их предполагаемое близкое родство, явственно звенел оттенок кровосмешения.

Нервы у Петруши были на пределе. Несколько дней подряд он до изнеможения, до седьмого пота изнурял себя на спортивных снарядах, совершал по утрам многокилометровые кроссы, а потом взял и убил невзначай какого-то зазевавшегося ночного пешехода. Тот ничем ему не угрожал, брел, понураясь, по своей стороне тротуара, серая городская мышка, но внезапно почудилось Петруше, что тайно показал ему кукиш. Черная кровь кинулась в голову, с ревом он подскочил к прохожему, прихватил за хлипкий пиджачок и с такой яростью шархнул о стену, что у бедолаги кочан лопнул, как орех, и на асфальт высыпались гнилые мозги. Тут-то и понял Петруша, что натуру не переможешь,

и что если он дальше будет себя искусственно смирять, то недалеко до какой-нибудь настоящей беды.

Утром он заступил на дежурство, и первым делом перехватил Машу в коридоре:

- Слышь, красавица, загляни в библиотеку, чего-то тебе скажу.

Маша несла хозяину завтрак, и не обратила на его слова никакого внимания, но все же, как ему показалось, одним глазом подмигнула. В это утро она была особенно соблазнительна: от спутанных темных волос на голове до изяшных загорелых лодыжек сияла неземным, перламутровым светом. И запах от нее тянулся восхитительный, как от доброй скаковой лошади на проминке. В библиотеке Петруша прождал два часа, покусывая ногти, изнывая от предвкушения, но она не пришла, то ли оробела, то ли набивала себе цену. Около полудня владыка, как обычно, прошествовал в ванну, и Петруша самолично наведаясь к Маше на кухню. Она заправляла дымящееся варево на плите травами из яркого пакетика. Ее атласная спина и нежный, выпуклый зад подействовали на него так, что он забыл всякую осторожность. Приблизясь, положил одну руку ей на талию, второй ласково обхватил тяжелые, чуть обвисшие груди и трепетно прогудел в ухо:

- О, богиня красоты, как ты прелестна!

Маша Копейщикова хладнокровно досыпала специи в кастрюлю, помешивая клубящуюся жидкость расписной деревянной ложкой на длинном черенке, а потом, оборотясь, этой же ложкой наотмашь хлестнула его по лицу, да не один раз, а несколько, уверенно целя по его крупному, многожды перебитому носю. Но этого ей показалось мало, и вдобавок она ухитрилась заехать ему в промежность литым, круглым коленом. Петруша со стоном отвалился к стене и рухнул на оттоманку, стараясь все же производить как можно меньше шума. Его озадачила дикая гримаса, которая исказила ее милое, девичье личико.

- Ублюдок! - прошипела Копейщикова. - Еще раз протянешь грязные лапищи, и тебе каюк!

Петруша ловил ртом воздух, но нашел-таки в себе мужество отшатнуться.

- Не волнуйся, красавица, моего каюка нам хватит на двоих.

- Убирайся отсюда, дерьмо!

Петруша не был обескуражен, такое мнимое сопротивление в принципе соответствовало правилам любовной игры: чем дольше тянешься к запретному плоду, тем он слаже бывает напоследок.

Случай предпринять вторую попытку представился ему после обеда, когда хозяин отлучился на сторону, а его оставил сторо-

жить дом. Некоторое время он сидел на своем обычном рабочем месте под вешалкой и прислушивался, что делает Маша. Она затихла в комнате, и похоже было, что легла подремать. Собственно, она всегда спала, когда владыка отсутствовал. Однако на сей раз, когда Петруша с задорным гиком ворвался в спальню, оказалось, что Маша не спит, а сидит на кровати и целится в него из огромного газового пистолета типа «Кольт». С пистолетом в руке она была вдвойне прекрасна.

- Еще шаг, ублюдок, - предупредила она, - нахлебаешься газу до кишок.

- Зачем так!? - изобразил он обиду. - Давай поговорим.

- Ты что же думаешь, козел, поманил - и я твоя? Обознался, гаденыш. А если Елизару доложу?

- Зачем докладывать, - расстроился Петруша. - Зачем огорчать? Сами разберемся.

- В чем разберемся? Ты чего липнешь?

- Влюбился, - просто признался Петруша. - Как тебя увидел, так и защемило в груди.

- Не в груди у тебя защемило... Говорю тебе, парень, обознался ты. Я дорогая штучка, с челядью не сплю.

Вот тут Петруша и бухнул, доведенный любовью до крайности:

- Какая же я челядь, Маша? Сынком ему прихожусь.

Красивые, злобные Машины глазки выпучились от удивления.

- Ты его сын?!

- Это большой секрет, учти!

Маша долго смотрела на него молча, и Петруша смущенно прикрыл руками ширинку.

- Да ты еще больше кретин, чем я думала, - сказала она наконец. - Придется, наверное, все же тебе когда-нибудь дать, но не сегодня. Сегодня я не в настроении.

- А когда? - Петруша судорожно сглотнул слюну. Пышная растительность у нее на лобке доходила почти до пупка.

- Отдельно узнаешь. А куда пошел вон, сынок.

Потянулись тягостные дни ожидания. У Петруши пропал аппетит, и он весь стал, как пружина на взводе. Те женщины, которых по привычке к себе приводил, больше его не возбуждали, и любовь с ними была похожа на отбывание трудовой повинности.

Не склонный к вину, он зачастил в маленькую пивную неподалеку от Елизарова дома, и там, среди пьяного, гомонящего сброда немного отмякал душой. Первый раз в жизни нелюдиный горец почувствовал потребность поделиться с кем-нибудь сердечными переживаниями, но он был одинок в Москве, как могучий дуб в пустыне. Даже в вонючей пивной, где люди быст-

ро братались друг с другом перед тем, как затеять драку, к нему никто не обращался и не искал с ним знакомства, видимо, было что-то в его дюжмем облике, предостерегавшем даже захмелевших мужчин от поспешного приятельства. Но однажды к нему за столик подсел высокий, крепенький молодой человек с трехлитровым графинчиком пива и с креветками, и, одарив бесшабашной, синеглазой улыбкой, добродушно спросил:

- Что, тяжело с бодуна, брат?

Насупясь, Петруша что-то буркнул сквозь зубы, чего и сам не понял. Молодой человек ничуть не смутился.

- Я тоже вчера налимонился будь здоров. Ничего, сейчас поправимся. Коля Фомкин, гинеколог. Тебя как величают?

- Петруша, - по-прежнему сквозь зубы процедил Петруша, но неожиданный собутыльник ему сходу понравился. Особенно, конечно, заинтриговала его профессия. Гинеколог - это тебе не сапожник и даже не мент. Это человек, которому женщины добровольно открывают самые сокровенные тайны. К тому же видно было, что малый прост, прямодушен, и не гоношится своей счастливой долей. Через пару, тройку кружек они уже непринужденно болтали, и давным-давно Петруша не чувствовал себя таким свободным, раскованным и остроумным. По натуре он был застенчив и подозрителен, да и ответственная служба наложила тяжелый отпечаток, но этого веселого, общительного парня трудно было заподозрить в каком-нибудь коварстве. К тому же сразу чувствовалось, что он глуповат, хотя и гинеколог. Про себя Петруша немного над ним посмеивался и прикидывал, что если знакомство упрочится, то впоследствии можно будет употребить его и по прямому назначению, такого кругленького, аппетитного петушка. Забавно будет отдраить гинеколога. Разговор их, естественно, все время крутился вокруг женщин, и Коля Фомкин успел уже много рассказать поучительных случаев из своей медицинской практики, прежде чем Петруша наконец решился с ним посоветоваться. Но начал издалека.

- Вот скажи, Коля, как врач, - спросил он, починая третий графинчик, - неужели все женщины шлюхи? Или это только так кажется?

Фомкин скорчил обиженную гримасу.

- Распространенное заблуждение. Среди женщин встречаются чистые, возвышенные создания, которые и нам с тобой не уступят в благородстве.

- Ну да уж, - усомнился Петруша.

- Чего далеко ходить. Недавно у меня была библиотечкаша какого-то института. Обслужил ее прямо в кресле, так она, пове-ришь ли, сама десять штук отстегнула, как за консультацию. Хочешь, познакомлю?

Петруша не всегда понимал, когда новый друг шутит, а когда нет, и на всякий случай рассмеялся.

- Познакомь, буду обязан, хотя мне ихние бабки до лампочки. Своих хватает... А вот объясни тогда такой курьез. Если женщина все время ходит голая по квартире... Она кто такая? Шлюха или нет?

- Необязательно. Комплекс эксгибиционизма. Вполне может быть порядочная, целомудренная дама, но себе на уме.

- Что такое - эксгибиционизм? Еврейка, что ли? - нахмурился Петруша.

- Наука относит эксгибиционизм к легким половым извращениям, но я с этим не согласен. Что же извращенного в желании человека вернуться к природе, к своему натуральному облику? Я бы даже сказал, что скорее уж этакая, знаешь, истерическая стыдливость свидетельствует о психическом надломе.

Научное объяснение, в котором он ни бельмеса не понял, так понравилось Петруше, что он торопливо заказал триста грамм водки. Только когда выпили и закусили, и в глазах у обоих заслезилась истинно братская приязнь, он вернулся к начатой теме.

- А вот как ты со стороны посмотришь, Коля, как гинеколог? Вот есть одна красотка, и вижу, тянется ко мне, а не дает. И при этом все время голая, как гесионистка. Вот куда ее можно отнести?

Коля Фомкин озадаченно пережевывал кусочек копченой колбасы.

- Голая - почему? Ты ее раздел?

Петруша разозлился.

- Сама разделась, сама! Я тебе про что толкую? И не дает. Нормальная она?

- Другой мужик у нее есть?

- Это вряд ли.

- Может, она девушка?

- Да ты что, Коль? Ей за тридцать. И все время голая.

- Не больная? Я имею в виду триппер?

- Здоровей нас с тобой.

- Любит, - твердо сказал Коля Фомкин. - Любит и стыдится признаться. Других объяснений нет.

Петруша не поленился встать.

- Дай тебя обниму и поцелую, друг!

Застигнутый врасплох столь горячим проявлением чувств, Фомкин судорожно прижал подмышкой кобуру, чтобы ее невзначай не нащупал Елизаров ординарец...

Вечером по телефону доложил Башлыкову:

- Сделано, шеф. Обезьяна на поводке. Подробности - письмом.

- Чтобы никакой инициативы, Коля! Гляди у меня!

За два года Коля Фомкин выработался в первоклассного гончака, неутомимого, сметливого, с индивидуальным почерком, и Башлыков им гордился. Но был у Фомкина недостаток, который мог стоить ему головы, - чрезмерная самоуверенность. Сам Башлыков, после неудачного покушения на Благовестова, плотно держался в тени. Отчасти он был доволен, что старик воскрес из мертвых. Психологическую сверхзадачу Башлыков выполнил, подбросил сухое полешко в костер страха, подозрительности и вражды. Драчка между подпольными синдикатами затеялась смертельная и быстро переместилась в верхние слои власти. С удовольствием он наблюдал по телевизору и по газетам, какие там завязывались узелки. Все эти «новые русские», награбив больше, чем могли унести, пока еще на глазах у изумленной публики денно и ночью обливали друг друга грязью, но уже готовы были приступить к взаимному истреблению. Враг приоткрыл лицо, оно было безумным. Хасбулатовы и Гайдары, продолжая по инерции цокать языками о светлом рыночном рае, на самом деле приутожились к последнему единоборству на узкой площадке между вчерашней победой и завтрашним небытием. Кто посметливее, грузил чемоданы и исчезал за горизонтом, подавая издали торжествующие клики. Неслыханный разлад начался и среди тех, кто управлял правительственными марионетками. Мудрые финансовые воротилы, повелители людских судеб, уже не думали о наращивании капитала, о сверхприбылях, а мечтали лишь о том, как бы половчее замочить конкурента. Заокеанские братья с ужасом взирали на русскую смуту, в которой невозможно было что-либо понять. Особенно сокрушались те, кто успел закинуть в это болото долларový крючок. Со слезами на глазах они наблюдали, как русское ворье перегрызало этот крючок голыми зубами.

Башлыков вернулся на кухню, где Людмила Васильевна угощала чаем Ваню Полищука, вызванного на инструктаж.

- Ну давай, - сказал Башлыков, доверительно прикоснувшись ладонью к плечу замечательного юноши. - Все подробно, изо дня в день: как работаешь, с кем познакомился. Вот тебе бумага, нарисуйешь расположение комнат на втором этаже. Сможешь?

- Смогу, - Иван застенчиво поглядел на Людмилу Васильевну.

- Ее не стесняйся, - понял его взгляд Башлыков. - Это могла. Единственная женщина, которой можно доверять. Чуть пикнет - и нет ее на свете.

Подробный, со множеством остроумных наблюдений Ванечкин доклад Башлыков выслушал с чувством глубокого удовлет-

ворения. Он в нем не ошибся. В белокуром юноше было много такого, что вселяло надежду. Он был порождением Москвы, чумного города, но тлетворное влияние времени его словно не коснулось. Умен, скрытен, изящен, не по годам проникателен, да главное, давненько Башлыков не встречал человека, в котором так пронзительно торжествовала природная склонность к справедливости. Одним своим таинственным явлением этот мальчик как бы отрицал победительную силу грязи и подлости жизни. Он был явно из тех, кого так не хватало сейчас в России, кто ради благородной идеи готов был пожертвовать молодостью и кровью. Когда Башлыков понял это, ему самому стало легче жить.

- Хотя я полностью доверяю Людмиле Васильевне, - сказал он, - но кое-что хочу сказать тебе по секрету.

Людмила Васильевна молча удалилась, не поднимая глаз.

- Она тебе нравится? - спросил Башлыков.

- Она красивая, в ней много печали.

Как приятно разговаривать с этим мальчиком, подумал Башлыков.

- Тебе говорит что-нибудь фамилия Мещеряков?

Иван напряг память.

- Да, есть такой. У него кабинет на втором этаже. Кажется, специалист по межмуниципальным конфликтам.

- Предатель и сволочь. Бывший генерал особист. Сдал нашу агентуру в Болгарии. Скажи, Вань, ты мог бы убить человека?

Ни одна черточка не дрогнула на ясном лице.

- Не знаю. Я должен убить Мещерякова?

- Понимаешь, Ванюша, в этой игре пощады никому не будет. Ни тебе, ни мне, ни им. Да это и не игра вовсе. Это война. Если ты это не осознал, самое время тебе вернуться на школьную скамью.

- Школу я окончил, - улыбнулся Иван. - Григорий Донатович, значит вы предлагаете террор? Но я в него не верю. Террор - бессмысленное кровопускание. Занятие для недоумков из красных бригад. Те, кто с помощью террора пытался переделать мир, оказывались в конце концов обыкновенными убийцами.

- Не совсем так. Видишь, все же ты не доучился. К семнадцатому году народовольцы отстреляли около двенадцати тысяч человек. Царь рухнул не потому, что на него надавили большевики, а потому, что его некому было поддержать. Он остался одиноким. Лучшие кадры монархистов выбили, как мишени в тире. История, братец.

- Эта победа нам сегодня и аукнулась.

Башлыков устало потер лоб ладонью.

- Выходит, я в тебе ошибся, Вань?

Он встретился с ним взглядом и увидел в глазах тоску, которая была старше мальчика на целый век.

- Похоже, у меня нет выбора, - мягко заметил Иван. - Так и что там с этим Мещеряковым?

- Палач и вор. Больше ничего. Но тебе не придется его убивать. Попугать надо, Вань. Очень надо их попугать. С перепугу они сами себя переколотят.

С Мещеряковым он познакомился через два дня в туалете. Тучный мужчина, со спины похожий на моржа, долго колупался возле умывальника, полез за платком и выронил ключи. Иван ключи поднял.

- Пожалуйста, Павел Демьянович!

Генерал уставился на него совиным взглядом.

- Кто такой? Откуда меня знаешь?

- Иван Полищук, курьер... А вас кто не знает, все знают, и я знаю.

- По каким каналам?

- Из газет, Павел Демьянович, откуда еще. Я лично горжусь, что работаю с вами в одном здании.

- Вон как? - генерал поглядел на него с благодушным прищуром. - Почему гордишься?

- Да вот, помните, как у Маяковского: если делать жизнь с кого, так только с товарища Дзержинского!

Иван выпалил это с таким молодецким задором, что генерал невольно оглянулся. Тут как раз в туалет заглянули двое посторонних.

- Ну-ка, пойдем отсюда, - пробасил Павел Демьянович. - Для беседы место не самое удачное.

Привел юношу к себе в кабинет, усадил за стол.

- Нуте-с, господин курьер, чем же вам так дорог товарищ Дзержинский?

Иван объяснил, что Дзержинский сам по себе ему, конечно, не дорог, пропади он пропадом, но в данном случае подходит как символ. То есть, как символ человека, целиком посвятившего себя служению идее, хотя и ошибочной. Точно таким же человеком и гражданином он считает Мещерякова. Стальным, непреклонным, истинным рыцарем демократии.

- Много у тебя в голове чепухи, юноша, но в чем-то твоя горячность мне по душе, - генерал угостил его «Мальборо» из серебряного портсигара. - Честно говоря, редко нынче встретишь молодого человека со столь возвышенным образом мыслей. Похвально, похвально... Но ты, полагаю, и сам не только о курьерской карьере мечтал?

Иван покраснел.

- Да это так, временно, оглядеться немного.

- Хорошо, я тебя запомню. Пока ступай...

Ближе к вечеру его вызвала Шмырева, заведующая отделом. На ней было новое темно-синее платье, добытое, судя по покрою, из бабушкиных сундуков - с многочисленными оборочками и бисерной отделкой. Это платье ее бабушка скорее всего носила, когда была на сносях, но и оно не могло смирить могучую грудь Ирины Карповны, грузно покачивающуюся над столом.

- Ну-ка, чем это ты так очаровал господина Мещерякова? - без всяких предисловий спросила заведующая.

- Я?! - удивился Иван, привычно заигнотизированный ее сексуальной мощью, на которую ему открыл глаза друг Булат.

- Не прикидывайся, мальчишечка. Он только что звонил.

- Да мы сегодня только познакомились. Поговорили минут пять у него в кабинете. Конечно, я не знал, как себя вести. Великий человек! Как он разоблачил всех этих вонючих гебистов. Ничего не боится. Я перед такими людьми преклоняюсь. А чего он от меня хочет?

Ирина Карповна сняла очки и положила их перед собой. У Ивана не первый раз возникло подозрение, что она их носит для маскировки. Без очков глаза у нее были молодые, ясные, открытые.

- Хочет тебя к себе забрать. Тебе это надо?

- Мне у вас хорошо.

Ирина Карповна вылезла из-за стола и прошлась по комнате, как бы прогуливаясь. В кабинете сразу стало тесновато. Иван сжался на стуле, стараясь занимать как можно меньше места. Ее роскошное, до пола платье при каждом шаге потрескивало, как небо перед грозой. Начальница явно была чем-то взвинчена. Если друг Булат не врал, то вероятно, замысливала какую-то непристойность. Иван приготовился защищать свое человеческое достоинство, но сомневался, что это ему удастся.

Она остановилась прямо перед ним и важно огладила ладонями тугие бока.

- Может быть, я совершила глупость, когда приняла тебя на работу, - задумчиво произнесла она. - Надеюсь, впоследствии мне это зачтется.

- Вы о чем, Ирина Карповна?

Она почти прислонилась к его коленям, от нее исходил чарующий, свежий аромат лаванды.

- Со временем, я думаю, у тебя, мальчик, отрастут огромные клыки, как у рыси. Ты действительно относишься к Мещерякову так, как говоришь?

- Я никогда не лгу.

Ирина Карповна вернулась за стол, и это его огорчило.

- Странный ты юноша, однако. Любопытно бы знать, какие мысли бродят в этой невинной головке... Да, Ваня, да. Все, что происходит в этом доме, да и во всей стране, - это лишь прелюдия к главным событиям, которые скоро грянут. Придет кто-то неизвестный, кого мы не знаем, и начнет нас всех судить. Но уверяю тебя, это будет не Мещеряков. Кстати, если перейдешь к нему в отдел, жалование у тебя повысится ровно вдвое.

- Я за длинным рублем не гонюсь.

- Хорошо, так ему и передам.

Жизнь у Мещерякова складывалась по пословице: хоть горшком назови, только в печку не ставь. В тридцать девять лет, при Андропове получил генеральские погоны. В органах ему было хорошо, но профессионалы его не жаловали. Да он и сам вполне трезво оценивал свои способности. Верный ленинец, сын верноподданных родителей (отец высокопоставленный чиновник МИДа), он горбатил карьеру на преданности начальству, но был себе на уме. С приходом Горбачева одним из первых почувствовал, что пора делать финт ушами. Отходный маневр исподволь готовил давно, и перестройка не застала его врасплох. Еще многие коллеги, которые привыкли смотреть на него свысока (разведчики, мать их за ногу!), в тревожном изумлении протирали глаза, а Мещеряков уже дал два огромных разоблачительных интервью журналу «Огонек», где объявил, что наконец-то прозрел. Откупной (от прогнившего режима) материала он накопил изрядный, но в первых публичных выступлениях отделялся общими фразами и пышными декларациями (нарушения прав человека, общечеловеческие ценности и прочая чепуха), подобно тогдашним народным витиям. Из партии выскочил лихим чертиком, с опережением даже известных актеров, и не путем уклончивой неуплаты членских взносов, а с помпой, с открытым забралом, с публичным преданием анафеме проклятых большевиков. Он крупно рискнул и крупно выиграл. Ставкой была голова, в награду получил всенародное признание. Следующие два-три года прошли в счастливом угаре: в непрерывном мотании по заграницам, под вспышки телекамер, в цветах и шампанском. Вдобавок Мещеряков передружился, считая, со всеми фаворитами заядлого суматошного времени, начиная от важного, философски накачанного Гаврюхи Попова, с его абсолютным, завораживающим цинизмом, и кончая неистовым Гдяном, которого опасался по наитию. Хлебнул, хлебнул праздника по уши, но где-то к девяностому году настороженным хребтом почувал знобкий ветерок новых перемен. Слава Богу, делать еще один акро-

батический кульбит не понадобилось, на что у него, обласканного фортуной, пожалуй, не хватило бы сил. На ту пору случай вывел его на человека, в котором он прицельным взглядом партийного службиста сразу угадал окончательное, благополучное обеспечение судьбы. На одной из пышных презентаций в Доме кино его познакомили с известным спонсором и покровителем искусств Елизаром Суруновичем Благовестовым, и тот пригласил его на уик-энд в свой загородный дом, где после небольшой, приватной беседы, похожей на конкурсный экзамен в аспирантуре, предложил обыкновенную деловую сделку: ты мне информацию, а я тебе денег столько, сколько сумеешь потратить.

- Причем, - благодушно заметил на памятной встрече Благовестов, - учти, Паша, ты столько не стоишь. Я мог бы купить тебя в десять раз дешевле. Считай, это мой дачный каприз.

Мещеряков не обиделся, он давно не придавал значения оскорбительным словам, памятуя все ту же поговорку о горшке. С тех пор лишь один единственный раз он попытался послушаться навсегда обретенного благодетеля. Как-то через своего человека Благовестов передал ему указание, чтобы он затаился, не мозолил глаза людям, не лез в телевизор и газеты, а жил смиренно и незаметно, как сверчок. Как раз началась августовская дележка, всходили новые имена, в политическом театре кукол менялись декорации. Мещеряков и сам понимал, что следует переждать. Поддался все же на уговоры очаровательной трешотки, курочки с телевидения и выступил в какой-то модной демократической тусовке. Ничего особенного не говорил, лишь скупососетовал на разброд и шатания в общественном организме, но - высветился, нарушил приказ. Расплата была быстрой и немудреной. Вечером два дефективных подростка подстергли в подъезде и так наломали бока, что целую неделю отлеживался на полатах. Позвонил Благовестов и посочувствовал:

- Ах, Паша, слышал, приболел ты чуток? Как же так не бережешь себя! Немолодой ведь уже человек.

- Бес попугал, Елизар Сурунович. Больше не повторится.

Действительно, не повторялось. Да и черт с ней, со славой, с публичностью. Есть вещи более значительные, и даже более привлекательные для нормального человека. Дом, семья, любовь. Все это требовало постоянных подпиток. Семья у Мещерякова к шестидесяти пяти годам образовалась не одна, а три, и это если не считать озорных молоденьких сожительниц, которым он любил пощипывать перышки. Все, кому он покровительствовал, были обуты, одеты и жили припеваючи. Дети получали образование в самых престижных учебных заведениях, двое сыновей уже управляли собственными фирмами, старшая дочь вышла замуж за англичанина и укатила в Ливерпуль, другая крутилась под

его крылышком в отделе лицензий, и у нее был открыт собственный счет в Женеве; любимому внучку Петрику он спроворил американское подданство, - и все это обходилось недешево, но он был чадолобивым отцом, и ему было чем гордиться. Случился, правда, горчайший прокол с младшей дочерью от третьей жены, семнадцатилетней красавицей Жаннет, в которой он души не чаял. Бедняжка отравилась героином и в одночасье померла. Он не простил недосмотра ее матери, распустехе и засранке Дарье Дмитриевне, озабоченной только светскими развлечениями, и резко сократил ей содержание до пятисот долларов в месяц. Вдобавок решил с ней развестись и прикупил резервную двухкомнатную квартиру на Садовом кольце.

Исподволь, потихоньку, как истинный патриот отечества, начал Мещеряков задумываться о том, какое духовное наследство, кроме материального, оставит он своим детям, внукам и правнукам. Так уж повелось на Руси, что единым хлебом сыт не будешь, и уж кому-кому, а Мещерякову было что завещать потомкам. Интересных мыслей и наблюдений накопилось предостаточно, и было бы обидно, да и безнравственно уносить их с собой в могилу. Постепенно в нем выросло решение, что он должен, и не просто должен, а обязан написать книгу воспоминаний, книгу-заповедь, в которой все его дела и свершения предстанут в истинном историческом аспекте. Конечно, сейчас этим занимались многие столпы общества, но все они поголовно преследовали корыстные цели, и читать их лживые, претенциозные книжонки было отвратительно. Правды о нашем бурном, сложном времени еще не сказал никто, и Мещеряков чувствовал, что призван восполнить этот пробел. У него был уже составлен план книги, и даже разбивка по главам (юность, отрочество, политическая зрелость, восхождение на Олимп власти), но дальше этого не пошел. Загвоздка была небольшая, но чувствительная: Бог не дал ему писательского таланта. Как и все, кто управлял страной, при составлении служебных справок, не говоря уже о больших программных выступлениях, он пользовался сноровкой штатных помощников, всей этой писучей нагловатой государственной челяди, которая умела нанизывать слова как-то так ловко, что получалось впечатление ума и значительности. Тут была какая-то роковая загадка, которую нелегко было разгадать. Сами по себе эти никчемные людишки не представляли ничего путного, серая, гомонливая, канцелярская и журналистская шушера, падкая на деньги и хозяйскую ласку, но вот поди ж ты: на бумаге ухитрялись из любой брехни слепить конфетку. Разумеется, Мещеряков им не завидовал и не воспринимал их таланты всерьез: каждому свое, одним властвовать, другим вести летопись их деяний, - беда была в другом. Ни к кому из штатных умельцев он не

мог обратиться за помощью, потому что это непременно стало бы известно Благовестову. Одного урока с тремя переломанными ребрами генералу вполне хватило.

Появление в их смрадной конторе впечатлительного, скромного белокурого юноши Мещеряков воспринял, как перст Божий. В последующие встречи прошупал его основательно и убедился: да, это то, что нужно. Грамотный, покладистый, книжный мальчик, из него можно веревки вить, к тому же пописывает стишки. Мещеряков заставил его почитать: что-то невразумительное про луга, поля и долины, но трогательно и складно. Именно, литературно. Наконец, он взял быка за рога, запер дверь в кабинет, угостил мальчика сигаретой и сказал:

- Вот ты все отказываешься, Ваня, перейти ко мне в отдел, не пойму почему, но предложение, которое хочу сделать, тебя, полагаю, все же заинтересует. Ты умеешь хранить секреты?

- Еще бы! - сказал Иван.

- Но все-таки сначала ты должен поклясться. Это дело государственного масштаба.

- Клянусь жизнью своих детей, - торжественно произнес юноша. Мещеряков поморщился. Он не терпел этой современной развязной моды о самых серьезных вещах говорить с этакой незамысловатой иронией, но ничего не попишешь. Теперь все надо всем гогочут, и пошла эта зараза, конечно, с телевидения. Сперва это было идеологически оправдано, лучшим способом развеять нелепые романтические коммуниады мифы была издевка, сарказм, но впоследствии, к сожалению, глумливая манера все высмеивать начала как ржавчина разъедать и высшие принципы человеческих отношений, к примеру, уважение к старшим по званию и по возрасту. От этого теперь приходилось страдать не только на службе, но и в семье. Не далее как вчера десятилетний Петрик огорошил его невинным вопросом:

- Дедуля, а ты не совок?

Пришлось выпороть малолетнего остроумца, хотя это далеко не лучший метод воспитания.

Иван Полищук, которого генерал намерился к себе приблизить, был далеко не худшим экземпляром подрастающей смены, но и в его речах нет-нет, да и проскальзывала искорка цинизма. Однако, когда Мещеряков поделился с ним задумкой и объяснил, какую роль тому предстоит сыграть в благородном начинании, на чистом юношеском лице отразилось искреннее восхищение.

- Достоин ли я, Павел Демьянович?! Справлюсь ли? - вымолвил он, раскрасневшись.

- Ничего сверх сложного, - успокоил его Мещеряков. - Работать будем по такой схеме. Я наговариваю мысли, рассказываю

всякие эпизоды, а ты записываешь на диктофон. После немного обработаешь, придашь тексту, так сказать, литературную оправу, на то ты и поэт, - и готово! Учти, заодно подработаешь. Заплачу аккордно.

- Бог с вами, Павел Демьянович, - воскликнул юноша. - Какие могут быть деньги. Почту за честь прикоснуться... Это я вам должен платить за то, что учите, обратили внимание...

Вечером пожаловался матери и Нине.

- Мамонты не вымерли, они правят миром в новом обличье.

Домашняя обстановка была нездоровой. Матушка, как обычно после Алешиного визита, денно и ночью молилась и плакала, и Нина Зайцева замкнулась в себе и даже по магазинам перестала ходить. Целыми днями бродила по квартире нечесанная, неприкаянная, и дожидалась ночи. Ночью приходила и пила его кровь. Она сказала, что заставит его полюбить или умрет.

- До меня же ты как-то продержалась, - возразил Иван.

- Неужели у тебя нет ни капли сочувствия, чудовище?

Такое упрямство его удручало.

- Но ты же не можешь жить у нас вечно? Вдруг кто-то спохватится.

- Скажи, чем я тебе не подхожу?

- Почему не подходишь? Ты красивая, добрая, веселая. Я о такой девушке всегда мечтал. Это я тебе не подхожу. Тебе нужен другой мужчина. Постарше возрастом, более солидный. Чтобы тебя обеспечивал.

- Ты думаешь, я дрянь?

- Почему обязательно дрянь? Сейчас ни в ком не разберешься.

- Тебе не нравится, что я с другими спала?

- Почему не нравится? Сейчас все друг с другом спят. А чего еще делать?

- Попробуй выгони, увидишь, что будет!

Она терзала его сердце.

15

В конце августа Сидоров прислал досье, не все целиком, а небольшую часть, ту, что касалась Благовестова: три толстых папки с копиями документов, писем, фотографиями и выписками из прокурорских дознаний. Полночи Алеша Михайлов наслаждался занимательным чтением. Материалы были систематизированы по периодам, самый мощный и активный этап деятельности Благовестова падал на семидесятые годы, когда Алеша еще пешком под стол ходил. Комментарии, сделанные на тетрадных странич-

ках дотошным Сидоровым, напоминали кровавый криминальный роман. Благовестов предстал перед восхищенным Алешей как человек с тысячью лиц, наподобие Аркадия Райкина, неутомимый, коварный, мудрый, беспощадный собиратель подпольной империи. С ним никто не мог тягаться. Всевышний его хранил. Из каждой свары, после очередного нашумевшего уголовного дела, когда головы авторитетов лопались, как гнилые тыквы, и взволнованные народные судьи объявляли сокрушительные приговоры, Елизар Суменович поднимался еще более могущественный и целеустремленный. Это был паук, который из каждой порванной ячейки ухитрялся вытягивать еще более тугую и прочную сеть. К восьмидесятым годам его благоденствие стало непоколебимым, а липкой паутиной подкупа и шантажа были повязаны не только крупные финансовые воротилы (якутские алмазы, рыбные промыслы, Сахалин-нефть), но и государственные чиновники первого звена в разных республиках, чьи имена не сходили со страниц газет...

К середине ночи Алеша отложил папки и задумался. Он курил и глядел в окно на звездное небо за приподнятой малиновой шторой. Старый пес Сидоров оказал ему великую услугу, развеял его наивные иллюзии. Никому не справиться с Елизаром при жизни. Его и мертвого трудно будет одолеть. Он из тех редких людей, кого раны омолаживают.

Насте тоже не спалось и она принесла мужу кофе. Они часто так встречались среди ночи у него в кабинете для самых задушевных разговоров. Алеша усадил ее рядом с собой.

- Я долго смотрела на тебя, - сказала Настя, а ты меня не замечал. Не люблю, когда у тебя такое лицо. О чем ты думал?

У Алеши был счастливый брак, он женился по любви, и ему встретилась женщина, каких на земле больше нету, но была в этом прекрасном браке одна несуразность: он не мог быть откровенен с женой. Это мало его заботило, потому что он вообще не знал, что такое быть откровенным с другим человеком.

- Ты что-то хочешь сказать? - спросил он.

- Хочу, но боюсь. Это очень важно.

- Я догадываюсь.

- Конечно, догадываешься. Но дело в том, что я больше не буду делать аборт.

- И когда?

- Совсем скоро, через шесть месяцев.

Была и вторая несуразность в их счастливом союзе: они спали вместе, при случае ели из одной тарелки, но он был не властен над ее душой. В сущности, их отношения ничуть не изменились с той давней автобусной остановки, где они познакомились, и

где Настя в раздражении толкнула его на мостовую под летящий грузовик.

Алеша нагнулся и поцеловал ее теплые губы.

- Что ж, ты будешь хорошей матерью.

- Но будешь ли ты хорошим отцом?

- Никогда об этом не думал. А что такое - хороший отец?

- Наверное, это у всех по-разному. Заранее не угадаешь.

- Зато в себе ты уверена?

- Что ты, совсем наоборот.

Он снова потянулся к ней с поцелуем, но она его отстранила.

- Ты чего?

- Ничего, - ее улыбка была настороженной.

- Кстати, - сказал он, - раз уж заговорили о пустяках. Когда мы в последний раз занимались любовью? Чего-то я не помню.

- Спихватился! Года полтора назад.

- А чей же ребенок?

- Ребенок твой. Ты как-то забежал в спальню между двумя налетами.

Алеша отпил кофе, потянулся к сигаретам.

- Что-то тебя беспокоит, кроха, а что - не пойму? Кончились карманные денежки?

- Все в порядке, все хорошо. Но думаю, на какое-то время нам, наверное, лучше расстаться.

- Не возражаю, - сказал Алеша. - Меня удивляет другое. Семейная сцена ночью. На тебя не похоже.

- Когда выполнишь свое обещание, я вернусь.

- Какое обещание? Обвенчаться?

Настя поправила свесившуюся на лоб прядь.

- Ребенок не должен знать, что его отец бандит.

- Я разве бандит? Ты действительно чем-то взволнована. Я обыкновенный бизнесмен, почти как Артем Тарасов.

- Уже поздно, три часа ночи, - сказала Настя. - Пойдем спать. Или тебе еще надо подумать, как расправиться со следующей жертвой?

Алеша собрался с мыслями.

- Кроха, ты же знаешь не хуже меня, каким человек родился, таким подойдет. Я же не прикидывался овечкой.

- Ты родился обыкновенным мальчиком, умным, добрым и немного своенравным. Но однажды тебе показалось, что ты сильнее всех, и имеешь право диктовать остальным свою волю. Я все ждала, пока ты поймешь, что это не так. Теперь обстоятельства изменились. У меня будет ребенок.

- У нас, не у тебя, - поправил Алеша. Он встал и с сигаретой подошел к окну. Любимая Москва пялилась в темноту оранжевыми глазками. Из нее сделали притон, но в этом притоне он

чувствовал себя, как рыба в воде. Как крупная щука, гоняющая стайки карасей. Бунт жены его расстроил. На нее накатывало время от времени, но никогда прежде она не бывала так по-деловому собранна. Всерьез ему и в голову не приходило, что он может ее потерять. Конечно, ее могли убить, похитить, изувечить, все люди смертны, но чтобы она вдруг покинула его по доброй воле - это вряд ли. Это же не кино с Караченцевым в главной роли. В жизни все проще. Женщины не уходят от мужчин, которых любят. Сам он проживет и в одиночку, ничего страшного, даже удобнее, но она-то как будет век куковать?

- Я слышал, беременность влияет на женскую психику, - заметил он. - Но не до такой же степени. Ты прямо как с цепи сорвалась.

- Скоро нам обоим будет не до смеха, милый.

- Мне давно не до смеха. Давай покажем тебя психиатру? Или еще лучше. Давай на недельку куда-нибудь смотаемся. Куда-нибудь в Европу. Отдохнешь, наберешься новых впечатлений, а там уж можно и рожать, если подзалетела. Правда, не пойму, чего тебе так приспичило. Кто сейчас рождает, когда война на носу? Только сумасшедшие.

- Бедный Алеша! Чего я от тебя жду? Спокойной ночи!

Он проводил ее растерянным взглядом: бежевый, полупрозрачный халат, длинные ноги гимнастки, походка манекенщицы, гордо вскинутая головка. Единственная женщина в мире, но он почему-то действительно редко с ней спал. Скорее всего оттого она и взбеленилась. То и дело подворачивались под руку какие-то одичалые наяды и высасывали из него все соки. Но он ей ни разу не изменил. В этом был сексуальный парадокс его жизни. Всех остальных женщин, рьяных, изошренных, предприимчивых и безутешных, он воспринимал как ее естественное продолжение. У них было множество обличей, но все они были безымянные.

Где-то в одной из комнат валялся на кушетке пьяный Вдовкин. Вечером он долго мелькал по квартире с огромной, трехлитровой бутылкой водки. Изящную китайскую оттоманку Настя вручила ему в вечное пользование, и Вдовкин таскал ее за собой из угла в угол. Алеша сходил на кухню, прихватил графинчик коньяка и два стакана, и разыскал Вдовкина в чуланчике с разным барахлом, где, кроме всего прочего, на антресолях лежал автомат Калашникова с двумя запасными дисками. Алеша засветил тусклую лампочку над дверью. Вдовкин спал одетый, в брюках и пиджаке. Под головой скатанный рулоном старый ватник. Алеша примостился в ногах и зазывно позвенел стаканами. Вдовкин спросил, не открывая глаз:

- Водка или пиво?

- Коньяк, - отозвался Алеша. - Пора тебе становиться культурным пьяницей.

Вдовкин протянул руку, Алеша вложил в нее стакан, наполненный на треть.

- Это мало, - сказал Вдовкин. - Не дразни.

Алеша добавил до половины. Вдовкин, по-прежнему не просяпаясь, устроился поудобнее, и выцедил желтую гадость.

- Дай покурить!

Алеша сунул ему в губы сигарету, щелкнул зажигалкой.

- Ну чего ты приперся? - пробурчал Вдовкин. - Такой славный сон снился.

- Цистерна со спиртом?

Инженер наконец-то продрал зенки. Мутный взгляд остановился на Алеше.

- Уже утро?

- Нет еще. Ночь.

- И чего тебя черти ломают?

- От постоянного запоя ты очень душевно огрубел, Евгений Петрович. Старший товарищ, духовный наставник приносит опохмелиться прямо в постель, и что он слышит вместо слов человеческой благодарности?

- А сам почему не пьешь?

Алеша отпил глоток, графинчик поставил на пол.

- О чем вы с Настей вечером спорили?

- Я? С Настей?

- Весь дом слышал.

- А-а... Вспомнил... - Вдовкин заметно воодушевился и сел почти прямо. - У твоей жены, Алексей, какая-то навязчивая идея, что мне алкоголь вреден. Но это ладно, чисто женское, клиническое заблуждение, но вчера она набросилась из-за Елочки. Дочери моей. Я же сделал страшную глупость, как-то их познакомил. Действительно, что ли, был пьян. Теперь они перезваниваются и перебивают мои косточки. Я вот одного не пойму, Алексей, почему твоя жена не уходит в монастырь? Ей там самое место.

- А что с твоей дочерью?

- Да ничего особенного, кажется, села на иглу. Но не в этом дело. Настя твоя совсем свихнулась. Сказала, что из всех преступников, убийц и маньяков самые отвратительные - это такие отцы, как я, которые оставляют невинных детишек без присмотра. Не хотел говорить, но она так разошлась вчера, даже я испугался. Она же драться начала. Вон чем-то заехала по уху, оно теперь оглохло. Скорее всего, кастетом. Налей, пожалуйста, еще полстаканчика.

Алеша выполнил его просьбу. Перед тем, как выпить, Вдовкин выковырнул пальцем из стакана несуществующую соринку.

- Ты же знаешь, как я отношусь к Насте. Она святая. Святая в логове злодеев. Впрочем, для России это нормальная бытовая ситуация. Два раза, фигурально говоря, вытягивала меня из петли. Я горжусь знакомством с ней, ее дружбой. Но побои - это уже чересчур. Как я буду теперь с одним ухом? Да и было бы из-за чего драться. Нет, я не жалею, не пойми превратно, но все же как-то обидно.

Алеше всегда нравилось разговаривать со спившимся гением, а среди ночи - особенно.

- Да, у нее бывают странности, - согласился он. - Но ты не бери в голову. Мне она вообще чернуху лепит. Требуется, чтобы я отошел от бизнеса и устроился слесарем на завод.

Вдовкин уже было поднес стакан к губам, но заранее поперхнулся.

- Ты - слесарем?!

- Ну да. Иначе грозит разводом. Я-то подумал, это ты на нее дурно влияешь.

- На нее нельзя повлиять, - напыщенно заметил Вдовкин. - Она живет божественной идеей. Верит, что можно облагородить племя приматов.

- Эти приматы ее и сожрут, если я не приглажу.

- Давай за нее выпьем, - предложил Вдовкин. Чокнулись, выпили, и Алеша пошел спать. Недопитый графинчик оставил Вдовкину, чтобы тому лишний раз не шляться на кухню. Улегся бесшумно, стараясь не разбудить Настеньку. Но она и во сне за ним наблюдала неустанно.

- Девочку назовем Машей, а мальчика - Ленечкой, - сказала она. - Но если хочешь, можно назвать Петрушей, как твоего папу. Петр Алексеевич - просто и красиво.

16

Миша Губин не знал, как от нее отвязаться и что с нею дальше делать. Он оставил Таню в Петровском пассаже, у прилавка с драгоценностями, где глаза ее разгорались, как свечи, а через час наткнулся на нее возле своего дома. Он уговаривал ее уехать в Таганрог к своему дальнему родичу, побыть там месячишко, но Таня восторженно лепетала:

- Никуда не поеду, слышишь, никуда! Погибнем вместе, оба содохнем - больше мне ничего не надо.

Он хотел отправить ее в Таганрог к родичу, последовательно дао, своему ученику, чтобы тот подержал ее на цепи. На цепи ей

155

будет лучше, чем на воле, и она, возможно, образумится. Мания убийства такая же болезнь, как любая другая, как воспаление легких. От нее можно излечиться. Еще Губин уговаривал ее пойти на прием к известному психиатру, который брал за визит двести долларов.

- Не пойду к психиатру, - вопила Таня. - Ты дерьмо, Мишка, ты меня боишься. И правильно, что боишься. Я тебя изнасиловала и еще изнасилую. Сто раз изнасилую, а потом выкину на помойку, потому что ты такое же дерьмо, как все они.

Все они - было человечество, с которым Таня много лет до встречи с Губиным сражалась в одиночку. Она почти вышла победителем в неравной схватке, пока не влюбилась. Теперь она содрогалась в припадочном, диковинном, любовном клинче почти ежечасно. Она ходила за Губиным по пятам и норовила лягнуть коленкой в пах. Он лениво уклонялся и чувствовал, что если не поспит толком хоть одну ночь, то ему действительно хана. Осапаневшая фурия его додавит. По телефону он условился с врачом о встрече и пошел к нему один, Таня осталась в прихожей, злобно сверкая глазами.

Пожилой, утомленный большими гонорарами доктор, похожий на Моисея, бредущего по пустыне, внимательно выслушал откровенный Мишин рассказ и печально склонил голову.

- Собственно, почему бы не устроить вашу подопечную в приличный стационар? Судя по тому, что вы говорите, она опасна не только обществу, но и себе самой.

- В принципе, она совершенно здорова, доктор, - сказал Губин. - Просто немного избалованная.

- Тогда зачем вы пришли ко мне?

- Видите ли, доктор, с моей собственной психикой что-то неладно. У меня ответственная работа, я должен быть всегда на чеку, а последнее время только и думаю, как бы ее трахнуть. Мы этим занимаемся десять раз в сутки. Я почти надорвался. Пропишите, что ли, какие-нибудь успокаивающие капли.

- Где она сейчас?

- Здесь в приемной, где же ей быть еще. Ждет, когда я сломаюсь, чтобы перерезать мне глотку.

Моисей Моисеевич, прихрамывая, осторожно подошел к двери и выглянул наружу. Француженка, вероятно, подстерегала этот момент, и с хохотом шарахнула стеклянной пепельницей с другого конца комнаты. Но доктор успел захлопнуть дверь.

В задумчивости вернулся за свой стол.

- Что ж, молодой человек, как я уже сказал, только стационар. Амбулаторное лечение бессмысленно.

- А со мной что?

- С вами все в порядке. Можно, конечно, прописать физиотерапию. Она красавица и у нее мощное отрицательное поле, вот вы и влюбились, но это пустяки. Рано или поздно ситуация разрешится сама собой.

- Поскорее бы, - сказал Губин. Денег доктор с него не взял.

После обеда у него была назначена встреча с Башлыковым на нейтральной территории, в кафе «Ландыш». Таня, разумеется, потянулась за ним и осталась сторожить на улице. По пути, в машине, пока он крутил баранку, попыталась спроворить ему французскую любовь, и под этим свежим впечатлением он вошел в кафе.

Башлыков ждал его в отдельном кабинете, и встретил приветливо, хотя отношения у них были натянутые. Башлыков так и не смог решить, кем ему приходится Губин, врагом или другом, но допускал, что из тех негодяев, которые повязали, держали за горло Москву и страну, Губин был один из самых опасных и непредсказуемых. Со своей стороны, Губин определял самонадеянного Башлыкова, как крутого мента, у которого на каком-то заковыристом отрезке ментовской судьбы просто-напросто поехала крыша, и теперь во всех своих действиях он руководствуется неким овчарочьим, сыскным инстинктом, а не нормальной человеческой мыслью. Однако, вынужденные обстоятельства тянуть, в сущности, один и тот же воз, они искренне уважали друг друга, и надеялись, что пасьянс судьбы ляжет так, что им не придется столкнуться лбами.

- Что-то, Миша, ты осунулся немного? - заботливо спросил пронизывательный Башлыков. - Не заболел часом?

- Не выпался, но это ничего.

- Давай тогда пожрем хоть как следует? Я заказал бифштексы с картошкой и по солянке. Ты как? Подходит?

- Кофейку бы покрепче.

Оба избегали спиртного, но Башлыков покуривал по настроению. Он и сейчас задымил «Явой» и, видя, что Губин упорно молчит, понимающе улыбнулся.

- Я проверил, Миша, все чисто. Можно разговаривать.

Губин, как и Башлыков, доверял только собственным проверкам, но согласно кивнул. Им предстояло обсудить два чрезвычайно важных вопроса. Первое: о координации действий в случае прямого столкновения с кавказскими группировками. В принципе, тут все было ясно: четыре группы, в том числе чеченскую, где верховодил заполошный Осман, брал на себя Губин, остальные, включая смешанную, самую неуправляемую, Люберецкую, контролировал Башлыков, но это были, конечно, общие прикидки, писанные вилами по воде. Действовать придется по обстановке, изощренно лавировать, мгновенно перегруппировыв-

ваться, создавать фантомные союзы то с одним, то с другим главарем, и лучше бы до этого не дошло, потому что успех в такой массивированной акции был призрачным, и мог обернуться огромными потерями. Тем не менее, как профессионалы, они обязаны были, хотя бы вчерне, рассчитать, предусмотреть нулевой вариант одновременной разборки, при которой на первое место выходили проблемы оперативной связи и обеспечение тылов для летучих отрядов.

Часа два, вперемежку с обедом, бились над графиками, внося согласованные поправки. Работали без напряжения, понимая друг друга с полуслова. В конце концов пришли к выводу, что сдать можно, но риск колоссальный. Если даже удастся обеспечить нормальную работу центрального пульта, то все равно в большой заварухе возникнет множество ситуаций, которые невозможно предвидеть.

- Нет уж, - заметил Башлыков, вздохнув, - лучше бы не доводить до греха.

- Алеша вообще человек миролюбивый, - сказал Губин. - Он против насилия.

- Это всем известно, - ухмыльнулся Башлыков.

Второй вопрос, который следовало уточнить, был деликатного свойства, и касался Благовестова. Старик был, в сущности, приговорен, оставалось решить, кто займется ликвидацией. Не далее как вчера, начинающий впадать в детство Серго, намекнул майору, что не понимает, за что платит ему жалование, равное двум министерским окладам.

- Но он же инвалид, - заносчиво ответил Башлыков. - У него оторваны руки, ноги и голова. Я все надеялся, пожалеете дедушку.

Серго давно притерпелся к хамоватости своего силовика, но на сей раз пригрозил:

- Напрасно залупаешься, майор. Дело есть дело, за него ты отвечаешь. Голова у тебя одна.

Башлыков потрогал свою единственную голову за уши и с обидой возразил.

- Как я для тебя стараюсь, хозяин, а в благодарность только одни попреки.

За последние месяцы он душевно потеплел к этому деревенскому пеньку, возомнившему себя крупным гангстером, и в длинном списке врагов отечества тот стоял у него где-то посередине.

- Я мог бы заняться Елизаром, - сказал он Губину. - Мне не трудно. Но ведь у Креста, как я понимаю, к нему свои претензии.

Губин скривил губы: вопрос был чисто ментовский.

- Старик почуял опасность, может опередить.

Изобразив какую-то масляную, неприятную ухмылку, Башлыков поинтересовался:

- Слыхал я, Миша, ты на Елизара много лет батрачил? В любимчиках у него ходил. И ничуть не жалко кровососа-долгожителя?

- Иногда ты человек человеком, Башлыков, - поморщился Губин, - даже приятно с тобой беседовать. А иногда корчишь следователя Порфирия. С чего бы это?

- Кто такой Порфирий?

Так и расстались взаимно озадаченные.

Таня сидела в машине, по салону густо сквозило «косячком». Встретила его возбужденно.

- Миш, поедem скорее к тебе. Перерыв большой получается, я вся упрела.

Губин включил двигатель, вырулил на Кировскую. Старался не глядеть на соседку, но блеск ее полоумных, зеленовато-серых глаз отражался в лобовом стекле. Хитрой ручонкой сноровисто скользнула к нему в карман.

- Перестань! - взмолился Губин. - Или выкину из машины.

- Попробуй! - пропищала Таня. - Ой, сейчас кончу.

Губин перехватил ее локоть и сжал. От боли Таня утробно, сладострастно заурчала, ненадолго притихла. В конторе его ждал Михайлов. Были и другие срочные дела, которые он запустил. Вторжение Тани невыносимо осложнило его жизнь. Отпускать ее в одиночное плавание тоже было неразумно. Сгоряча могла натворить черт знает что. Вечером по телефону она при нем отчитывалась перед Грумом, вешала ему лапшу на уши. Грум стыдил, Таня оправдывалась. Пока они бранились, Миша вздремнул минутку.

- Небольшие осложнения, не скрою, - верещала Таня, косясь на спящего Губина. - Договор в силе, Иннокентий Львович, но неделька еще понадобится. Что?.. Да нет, просто один фраер вертится под ногами, настырный такой. Ничего, справлюсь сама... Губин по фамилии, может, слышали? Что?..

Губин отвез Таню домой и поднялся с ней наверх.

- Кофе или сразу в постель? - деловито спросила она.

- Ложись, я пока позвоню.

- Какие еще там звонки, не сходи с ума...

В ванной она пробыла минут пять и, закутанная в махровое полотенце, важно прошествовала в комнату. Губин по телефону предупредил Михайлова, что задерживается на полчаса. Потом сходил на кухню и попил воды из чайника, прямо из горлышка. С отвращением прислушивался к себе. В паху так припекало, словно ужалила пчела. Он не мог допустить, чтобы кто-то взял

над ним такую власть, будь то красивая самка, истекающая соком, или сам дьявол.

Таня распласталась на верблюжьем одеяле в немыслимой позе. В откинутой руке драгоценный косячок.

- Любимый, - проскрипела жестяным голосом, - где ты все бродишь целую вечность.

Губин подошел к ней и ловко пристегнул ее запястье к стойке кровати металлическим браслетом.

- Что-то новенькое, - счастливо загудела она. - Так я еще не пробовала.

- Отдыхай, - сказал Губин. - К ночи постараюсь вернуться.

На ее нервное, изумительное лицо налетело облачко сомнения.

- Не посмеешь, гад!

Губин принес из ванной эмалированный тазик.

- Это тебе судно, если потянет облегчиться.

Таня попыталась в него плюнуть, но не попала. Ее блестящий взгляд увлажнился.

- Подонок! Ты за это ответишь.

Он помешкал в дверях, глядя на нее с сожалением. С таким же чувством, наверное, Тамерлан глядел на свой, выпавший из рук меч.

- Дождись меня, милый друг, - попросил он. - Никуда не уходи.

Михайлов сидел в кабинете один, разбирал какую-то схему на компьютере.

- Привет, пехота! - приветствовал весело. - Разведка доклады-вает, ты женился? Кто такая? Почему не познакомишь?

Губин опустил в кожаное кресло - и молчал.

- Ты чего, Миша? Какой-то смурной!

- Не выспался, не обращай внимания.

- Что за девушка, чего темнишь, в самом деле? Тебя ведь обыскались.

Это было вранье, рация в машине Губина работала исправно. Но все же разыскать Губина действительно было непросто, потому что он сам заплутал в трех соснах.

- Девушка хорошая, боевая. Немного я с ней зашился. Что-нибудь срочное?

- Ты встречался с Башлыковым?

- Обедали вместе. Час назад.

Алеша вырубил компьютер, закурил, подошел к холодильнику, встроенному в стену, достал жестянку пива для себя и бутылку топленого можайского молока для Губина. Распорядился по селектору:

- Лена, кофе!

Сел, протянул бутылку другу. Губин скovyрнул пальцем фольгу, сделал пару крупных глотков. Это было то, что нужно: ледяное, свежее молоко в обществе умного, надежного мужчины.

- Ну и что Башлыков?

- Как обычно. Готов действовать, но себе на уме. Скользкий, прожженный ментяра.

- Елизара берет на себя?

- Берет. Думаю, это он его в тот раз не добил.

- Ты же его проверял?

Губин еще глотнул молока, смахнул пленку с губ.

- Думаю, он не тот, за кого себя выдает. Серго - это его крыша.

- Кто же он по-твоему? Одинокй убийца-романтик?

- Мы внедряемся к ним, они к нам. Тень КГБ.

- Он никогда не скрывал, что оттуда.

- Не оттуда, а там. Оперативник на задании.

- На каком задании?

- Он почему-то скрывает.

Стройная девица принесла кофе на подносе, робко улыбнулась Губину.

- Печенье без соли.

- Спасибо, - кивнул Губин. Когда она ушла, Михайлов сказал:

- Конечно, ты прав, Мишель. Ментовские уши у него торчат. Этого только слепой не заметит. Да еще наш милый Серго, потому что придурок. Башлыков - агент-двойник, но он наш человек. Мы его с тобой уважаем, верно?

- Верно. И это очень странно.

- Ничего странного. - Алеша сходил за второй банкой пива. - В мире сместились все понятия. Мне Вдовкин на днях здорово все объяснил. Не про Башлыкова, а вообще. В мире смещенных понятий все привычные человеческие ориентиры утрачены. Черное есть белое, и наоборот. Отец ненавидит сына, жена обязательно живет со свекром. Ну и так без конца. Всякая определенность - всего-навсего мираж. Полагаться можно лишь на чутье.

- С Башлыковым как быть?

- Пока он полезен, мы его любим. Заартачится - прищемим хвост.

Губин плеснул в кофе каплю можайского молока.

- Я не такой циник, как ты, - заметил задумчиво. - Я сочувствую Башлыкову, но у меня нет его тайной веры в высшую справедливость.

Внезапно комната в его глазах накренилась и потемнела, Алеша раздвоился и смешно зашлепал расплюснутым двойным ртом:

- Иди-ка, приляг вон на диванчик. Ишь, как себя загонял...

Очнулся Губин в том же кабинете, но один. Он лежал на диване, укрытый пледом. Горела настольная лампа, за окном темнень. Взглянул на ручные часы - половина одиннадцатого. Выходит, проспал около восьми часов. Спал он в носках, но не помнил, как снял ботинки. До такой опасной усталости, граничащей с небытием, он доходил всего раза два-три за всю жизнь.

Прямо в носках прошлепал до двери и выглянул в приемную. Секретарша Лена склонилась над книжкой за письменным столом.

- Эй! - окликнул Губин. - У тебя есть что-нибудь пожевать?

Лена подняла голову, виновато сказала:

- Только бутерброды и печенье. Как вы себя чувствуете?

- Нормально, - Губин сходил за ботинками, радуясь, что Алеша подбирает для работы таких опрятных, любезных девушек, не похожих на шалав, и уж никак не похожих на ту...

Лена накрыла стол в приемной, и уже заваривала чай в расписном фарфоровом чайнике, когда он вернулся. Губин опустился в удобное, высокое кресло и расслабился, ощутив себя на грани медитации.

- Жених у тебя есть, Леночка? - спросил по-хозяйски.

- Что вы, Миша, какой жених, - смутилась девушка. - Видите, как работаем. Днем и ночью.

Лукавство ее глаз было цвета спелого крыжовника. Она все больше нравилась Губину: тихая, смиренная девочка, и ножа нет за пазухой.

- Зарплата-то хорошая?

- О да! Жаловаться не приходится... Вы так крепко спали, прямо как убитый.

- Я и есть убитый. На невидимой войне.

На большом фаянсовом блюде аппетитно развалены бутерброды с ветчиной, сыром и бужениной, и Губин начал их методически поедать, один за другим, пока не съел с десятков. Лена время от времени подливала ему в чашку крепко заваренный чай.

- А почему вы не женитесь, Миша? - спросила девушка, в очередной раз смутясь.

- Что ты, детка, куда мне жениться. Да и кто за меня пойдет. Вот ты пошла бы?

- Пошла бы, - ответила Лена. - Но вам нужна не такая.

- Какая же?

- Ну, наверное... - вспыхнула, отвела глаза. - Ну, какая-нибудь особенная.

- Почему?

- Вы сами человек необыкновенный.

- Я? С чего ты взяла?

- Вас все боятся, - выпалила она.

- И ты тоже?

- Я - нет. Понимаю, вы надо мной подсмеиваетесь, но я знаю, вы добрый, страдающий человек. Не думайте, что я такая уж дурочка. Мне двадцать лет, у меня были мужчины. Но они были злые, а вы - нет.

- Знаешь, Лена, я всегда мечтал о такой сестренке, как ты.

Она подумала над его словами, фыркнула и отвернулась.

- Обиделась?

- Вот ни капельки.

Губин взял ее руку, погладил нежную ладошку.

- Послушай, девочка. Я скину кое-какие дела и приглашу тебя в ресторан. Согласна?

- Да, согласна. Я могу прямо сегодня поехать с вами.

- Никогда не спешите с этим.

- Хорошо, я подожду. Только не забудьте.

Неожиданное, безоговорочное признание в любви не тронуло его, он почувствовал только терпкую горечь во рту, словно проглотил подгнившую сливу. Давно минуло время, когда он радовался чувствам, выказанным бескорыстно. Женская любовь была одной из самых крупных и необъяснимых иллюзий, которыми утешало себя человечество. Наряду с ней существовали, конечно, и более нелепые вещи, к примеру, наивная, тайная вера в бессмертие на виду у постоянной, неклонимой смерти. Человек слаб и панически боится правды о себе. Бодро и во всеуслышание изображая стремление к ней, он только тем и занимается на веку, что убегает от правды, куда глаза глядят. Женщины отличались от мужчин лишь тем, что искренне принимали за любовь скупую муку совокупления.

Через час он подрулил к Таниному дому и быстро поднялся на этаж. Открыл дверь ключом, который прихватил с собой. В квартире темно, но в ней были люди. Он почувствовал запах незнакомых сигарет, Таня такие не курила. Запах сильный и едкий, перебивавший сладковатый аромат травки. Губин неслышно притворил за собой дверь. В ту же секунду повсюду вспыхнул свет. Двое рослых мужчин стояли в проеме кухни и целились из пистолетов. У одного «парабеллум», у другого полицейский «пугач». Оба насуспенные и сосредоточенные.

- Здорово, ребята, - поприветствовал их Губин. - А где Танечка?

- Проходи в комнату, но без резких движений, - приказал один из мужчин. Губин повиновался. Таня сидела на кровати, бледная и необыкновенно красивая. Третий мужчина, тоже изрядный «качок» с туловищем тяжеловеса, но со смуглым, нежным лицом, курил у окна.

- Вот ты и влип, милый, - улыбнулась Таня. - При этом сам виноват. Ишь, какой султанчик выискался.

- У тебя что же, телефон под кроватью?

- Ты лучше спроси, что с тобой сейчас будет.

- Что со мной будет?

- Тебе будет очень больно, дружок, - она вдруг задохнулась и погладила рукой живот. - Может быть, мне это дорого обойдется, но я это сделаю.

- Что сделаешь-то, Танюша?

- Мои ребятки тебя опустят, а я порадуюсь.

- Твои ребята - вот эти, что ли, трое?

- Они тебе не нравятся?

- Они не смогут, Тань. Да и зачем тебе?

Глаза ее, полные безнадежных слов, сияли так чудно, что смотреть бы и не отрываться.

- Зачем не поверил мне? Зачем унизил?

- Перестань дурачиться. Отпусти дебилов. Сами с тобой разберемся.

- Поздно, голубчик. За все приходится платить на этом свете... Приступайте, мальчики. Занавес поднят.

Мальчики, которые ждали сигнала, ринулись с боков, но Губин еще быстрее упал на пол и катнулся упругим калачиком. Ему нужно было небольшое пространство для маневра, и он его получил. Одного подрубил по коленкам, но второй оказался проворней. Отпрыгнул к стене и шмальнул из пистоля. Три раза бабахнул, пока Губин пересек комнату в «крутую раскачку» и выбыл у него пистолет, но пропустил свирепый удар в печень. Парень махал колотушками где-то на уровне красного пояса, целых полминуты понадобилось Губину, чтобы его угомонить. Он сломал ему руку и для верности перекрыл сонную артерию. Третий мужчина и не думал ввязываться в потасовку, затыкивался сигаретой и с любопытством наблюдал.

- Не хочешь размяться? - дружелюбно пригласил его Губин.

- Не для этого меня позвали, - презрительно заметил смуглолицый красавец. - В такие игры не играю.

- А-а, - догадался Губин, - ты бычок-производитель?

- Хочешь побаловаться, пожалуйста, - согласился гордец.

- В другой раз. Сейчас поработаешь. Убери эту падаль из квартиры. В ближайшие десять лет я не должен никого из вас видеть. Как понял?

Красавец-интеллигент понял его хорошо. Тяжко вздохнув, потушил сигарету, прилачился к одному из лежащих на полу мужчин, удобно захватил его ноги себе в подмышки и поволок из комнаты.

Таня горько плакала. Одна из шальных пуль продырявила ей плечо. Всюду была кровь: на стене, на подушке, и сочилась сквозь пальцы руки, которой она прижала рану.

Прежде чем с ней заняться, Губин позвонил по телефону и вызвал подмогу.

- Врача захватите, Савву Спицына, - сказал он в трубку и назвал адрес.

Таня опрокинулась на спину и тихонько выла. В глазах такая мука, точно ее четвертовали.

- Миша, скажи по-правде, я умираю?

Губин разорвал на ней блузку и обнажил плечо. Чтобы не слишком дергалась, попутно вклеил пару легких оплеух. По первому впечатлению рана была неопасная, сквозная, но с избытком крови. Пула вошла чуть ниже ключицы и вышла под лопаткой.

- Где бинты, йод?

- Миша, ты любишь меня?

- Заткнись, идиотка! Где аптечка?

- В ванной, на полочке.

Смуглоликий вернулся за вторым подранком. Был весь в поту, словно из парилки. Не привык, видно, к честной мужской работе.

- Тебя как зовут? - спросил Губин.

- Измаил.

- На кого пашете?

- Ни на кого. Мы сами по себе. Подражаемся по вызову.

- Кто главарь?

- Ты не знаешь. Мы все иногородние.

- Фамилия, кличка?!

Измаил вроде сделал попытку замкнуться в себе, но, встретив Мишин взгляд, не посмел уклониться от ответа.

- Федя Босх, из Балашихи.

- Все, свободен. Эх, Измаил, поставь вечером свечку своему Богу.

- Я уже понял. Пушку можно забрать?

- Оставь здесь.

Второго бойца Измаил тем же манером, за ноги выволок из квартиры, и Губин запер за ним дверь. Потом с бинтами и йодом вернулся к Тане.

- Не надо, Миша, не трогай меня. Хочу умереть.

- Это не тебе решать. Ну-ка сядь прямо. И не корчи рожи, терпи.

Пока промывал рану теплой водой, заливал йодом и заклеивал пластырем, она не издала ни звука. Он обращался с ней, как

с куклой, поворачивал и мял безжалостно, и наконец на ее губах проступила бледная улыбка.

- Все-таки я тебе угодила, да, Мишенька?

- Чем угодила?

- Страданием своим, чем же еще?

- Это не страдания, это царапины. Все страдания у тебя впереди.

- Что-нибудь особенное для меня придумал, родной мой?

- Зачем устроила это похабище? Чего хотела добиться?

- Дай вон ту коробочку коричневую, пожалуйста!

Он дал ей коробочку. В ней лежали искусно свернутые пухленькие «косячки». Один она прижгла, жадно затянулась.

- Хочешь? Хорошая травка. Совершенно безвредная.

Взгляд ее прояснился, вдруг она захихикала, заерзала.

- Ты чего?

- Эти-то, эти, нарвались. Сволочи! Еще аванс требовали, представляешь? Я ведь знала, что погорят, знала! Хрен вам в глотку, говорю, а не аванс. А этот-то, этот, Измаил...

Губин забрал у нее косячок, аккуратно притушил, спрятал в коробочку, а коробочку убрал в тумбочку, и тумбочку запер на ключ. Таня следила за ним, склонив голову набок.

- Ты спросил, чего я хочу добиться? Ты сам чего от меня хочешь? Только не ври, ладно? Тебя поршень выдает.

- Я не могу тебя полюбить.

- Почему?

- Ты извращенка, в тебе нет души.

- Врешь! - завопила Таня. - У меня есть душа. Вчера не было, зато сегодня есть. Послушай, как плачет! Иди сюда, негодяй! Обними меня.

Возможно, Губин так бы и сделал, но в дверь зазвонили. Приехал Савва Спицын, философ и врач.

- Что случилось? - спросил с порога недружелюбно, заранее морщась.

- Девку одну подстрелили, больше ничего, - сказал Губин.

Савва пошел в ванную мыть руки, бормоча на ходу глухие проклятия. Можно было разобрать: - Чтобы вы все перебили друг дружку, бесы неугомонные!

Кто Савву знал, тот его любил и почитал. Ему было тридцать с небольшим, но худоба и морщинистый лоб, и сероватая, нездоровая кожа делали его похожим на вечного скитальца, обремененного поиском утерянной могилы. Семь лет подряд он отрубил на «скорой помощи», и не ушел бы оттуда никогда, если бы не инфаркт, после которого ему словно в насмешку выписали инвалидность второй группы. Он не был инвалидом, напротив, был деятельным, предприимчивым человеком, но энергия жиз-

ни пробуждалась в нем лишь в тех случаях, когда его вызывали к больному. Все остальное время он сидел у телефона в своей квартире и производил впечатление невменяемого. Губин был уверен, что если бы такие забавные люди, как Савва, не рождались изредка на свет, то замысел Творца был бы и вовсе нелеп. По разумению Саввы, все человечество делилось на две категории: временно здоровых, чья жизнь была совершенно бессмысленна, и временно больных, чье существование становилось разумным, потому что надежда на скорое избавление от мук облагораживала их дух. Болезнь, по его мнению, была знаком благодати, только через нее, как через мостик над бездной, человек устремлялся к познанию истины. Чтобы определить, насколько далеко он продвинулся на этом пути, Савве Савицкому достаточно было беглого взгляда. Танин вид его обнадежил, в ее глазах он прочитал безысходность.

- Рано ты, девушка, скакнула под пули, - упрекнул он. - Вот какой-нибудь небольшой брюшной тифчик был бы тебе в самый раз.

Таня его не поняла, но не охнула, когда он заново отдирал наложенные Губиным тампоны.

- Неплохо, неплохо, - заулыбался Савва. - Недельки полторы, две придется помяться. При условии, что не будет заражения.

Губин с восхищением наблюдал за его точными, ухватистыми манипуляциями. Через десять минут туловище девушки было перехвачено тугой, пухлой «восьмеркой», вдобавок Савва вкатил ей три укола, один в вену, и два в задницу. Таня лишь монотонно покрхтывала.

- Давай ее госпитализируем, - предложил Савва.

- В больницу не поеду, - вскинулась Таня.

- Тебя никто не спрашивает, - обиделся Савва. - Твое дело - молчок. Слышишь, Губин, ее надо госпитализировать. Или пригласить опытную сиделку для ухода. Но в этом случае я ни за что не ручаюсь.

- Если сдохнет, - сказал Губин, - никто не заплачет. С перевозкой больше хлопот.

- Тогда зачем я вообще перевязывал? Усыпить ее и точка.

- Вы оба ненормальные, - заметила Таня беззлобно. - Но погоди, Мишенька, не все тебе куражиться над сиротой.

Савва померил ей давление. Так долго и ласково прилаживал руку, что она задремала.

- Лекарство подействовало, - услышала уже сквозь дрему. - Бедная девочка. Хрупкая, красивая - и такая скверная аура. Она права, Губин, и за нее, и за многое другое тебе придется отвечать. Когда-нибудь вы все поймете, что живые люди - не мишени в тире.

Разговор они продолжили на кухне за чаем.

- Когда-нибудь и ты поймешь, - сказал Губин, - что люди делятся не только на здоровых и больных. Совершенно дилетантский подход.

- Ну-ка, ну-ка!

- Если брать за ориентир неандертальца, то от него отпочковались две линии развития вида. Одна потянулась вверх, к духовности, к идеалу, другая обернулась вспять к эпохе динозавров, где все вопросы решались исключительно с позиции силы, то есть, благоденствовал тот, кто первый вырывал сородичу зубы. Составилось два племени, но они перемешаны, живут кучно, поэтому чем дальше, тем противоречия между ними все яростнее. В упрощенном христианском представлении это называется борьбой добра со злом.

- К какому же племени принадлежишь ты?

- К промежуточному. Я дитя случайного, смешанного брака.

- А эта девушка?

- Чистейшее воплощение зла. Разве не видишь?

Савва густо намазал сливочное масло на хлеб и аккуратно подровнял края бутерброда. Он ко всему относился предельно серьезно.

- Твоя скороспелая метафора, Губин, ущербна и несостоятельна. Из нее следует вывод, что человеческий род обречен на самоистребление, а это не так.

- Докажи, что не так.

- Доказательство лежит в соседней комнате.

Губин на всякий случай поднялся и прикрыл дверь.

- Не беспокойся, она проспит до утра... Ты запутался, Губин, но я открою тебе глаза. Эта девушка не исчадие ада, - о, нет. Это сложная, нестабильная биологическая структура, и ты можешь помочь ей сформироваться окончательно, если поверишь в свое чувство. Все дело в том, что нет преступника, который не мог бы осознать свое преступление и искупить его. Борьба добра со злом идет не на полях сражений между двумя твоими придуманными племенами, а в сознании каждого отдельного человека, и каждого зверя, и каждой веточки на дереве. Это азбука жизни, плохо, Губин, если ты до сих пор этого не понял.

Савва Спицын разозлился и Губин поскорее подлил ему свежего чая.

- Хорошо, хорошо! Но что ты можешь знать про Таню, если видел ее всего десять минут.

Савва красиво уложил на хлеб с маслом четырехугольный ломь ветчины. Скромно объяснил:

- Не обязательно знать, достаточно чувствовать. Твоя Таня не от мира сего.

Когда Михайлов нанял (по просьбе Насти) доктора-инвалида на работу, а потом купил ему квартиру, Губин удивился, но это было давно. С тех пор он радовался встречам с Саввой и для его охраны выделял надежных парней, чтобы его невзначай кто-нибудь не покалечил.

Вдвоем они пошли поглядеть на Таню. Она лежала на боку, поджав колени к животу. Щеки порозовели, из-под опущенных век, казалось, проглядывала гримаска боли. Раненое дитя.

- Хороша, когда спит, - заметил Губин с печалью. - Но в ней нет ничего человеческого, поверь мне, Савва. Досадная ошибка природы. Она не подходит ни под какую классификацию.

- Не будь чересчур самонадеянным, Губин. Природа не делает ошибок. Явления, которые кажутся нам таковыми, всего лишь выше нашего понимания. В том-то вся и штука. Именно когда человек начал исправлять ошибки Создателя, он очутился в нравственном тупике.

Савва заботливо поправил Танину перебинтованную руку.

- Самая лучшая для нее санитарка - это ты, - сказал напоследок.

- А так же - могила, - гнул свое Губин.

Пожали друг другу руки, и доктор откланялся, а Губин остался наедине со своей любовью.

17

Башлыков передал Ивану пакет из вошеной бумаги, перевязанный шелковой, алой лентой, как рождественский подарок, и сказал, что это бомба. Велел оставить гостинец в кабинете Мещерякова, сунуть куда-нибудь незаметно, проследить, когда Павел Демьянович уйдет с работы, и по телефону уведомить Башлыкова. Позвонить он должен был из автомата и сказать одну фразу: «Птичка в клетке».

- Ну что, сделаешь? - спросил Башлыков.

- Сделаю. Это нетрудно.

Иван уместил пакет в кейс и поехал на работу. До обеда, как обычно, выполнял разные курьерские поручения, смотался с казенными бумагами в две префектуры, а ближе к вечеру заглянул к Мещерякову. По договоренности с Ириной Карповной от четырех до шести он помогал генералу с переводами статей из информационных вестников, но на самом деле уже вторую неделю они корпели над книгой.

Иван уселся за журнальный столик, открыл кейс и достал диктофон системы «Грюндик», который Павел Демьянович ему презентовал в знак начала совместной работы. Мещеряков по

старой чекистской привычке запер дверь, предварительно взглянув в коридор, и вынул из сейфа две толстых, в коленкоровых переплетах тетради и шкалик французского коньяка.

- Жаль, что не употребишь, Ванюша, - посетовал в десятый раз. - Хорошо мозги прочищает.

- Это когда они есть, - пошутил Иван. В их отношениях установилась теплая доверительность хозяина и удалого подмастерья, и он мог себе это позволить.

Для разгона Мещеряков осушил чарку.

- Так на чем вчера остановились?

- На техникуме, Павел Демьянович.

Мещеряков откашлялся и не спеша повел рассказ, поначалу с трудом раскатывая слова, но постепенно увлекся, раскраснелся. Тон его стал слегка мечтательным и наставительным, как у многих пожилых людей, сознающих свою значительность, когда им подворачивается молчаливый, благодарный слушатель. Иван следил за исправностью диктофона да изредка вставлял почтительные, уточняющие реплики. Говорил Мещеряков хорошо, складно, без всякого словесного мусора, но, разумеется, со множеством второстепенных, лишь ему представляющихся важными подробностей.

Впрочем, и этим подробностям Иван внимал с искренним любопытством, его молодой, быстрый ум с удовольствием впитывал любую информацию. Время, которое открывалось в обстоятельных воспоминаниях Мещерякова, было вовсе не похоже на то, каким он представлял его по книжкам, и, в общем-то, мало чем отличалось от нынешнего. Оно не смердило тухлятиной, как с пеной у рта уверяли сегодняшние телевизионные мемуаристы, и общество не было разделено на тюремные камеры. Как и ныне, как во веки веков, смекалистый человек, подобный Мещерякову, с тараканьим упорством стремился обустроить свое личное счастье, и бич коммунального надсмотрщика не охаживал ежеминутно его плечи. Пожалуй, сместились лишь цели, к которым поспевали тщеславные юноши: вчера это была власть, общественное положение и прочее в том же роде, сегодня - золотая кубышка и банковский счет. В ценностях, которые доминировали в минувшую эпоху, юный Паша Мещеряков разобрался быстро, и к третьему курсу техникума был уже комсомольским секретарем; и выбрали его опять же не за какие-то подлые доносы на товарищей, а исключительно за принципиальность и порядочность. Для примера Мещеряков припомнил, как однажды выступил на собрании против самого директора техникума, который внедрял казарменную дисциплину, студентов держал за скотину, и вдобавок по всякому поводу (за зачет, за диплом) требовал от них подношений в виде коньяка. Вскоре злосчастный

директор угодил-таки под следствие и загремел в места отдаленные, к чему Мещеряков тоже приложил руку, но как раз тут от пересказа существенных деталей он как-то хитро уклонился.

Внимательно слушая наставника, Иван не забывал ни на минуту о том, что ему предстоит. Он уже и местечко приглядел за книжным шкафом, и грозный пакет в кейсе был под рукой, оставалось выждать мгновение... Зачем он это сделает, ему тоже было ясно, как и Башлыкову. Карфаген, который возвели на пепелище древней столицы нынешние власть имущие, и среди них этот седой, обаятельный генерал-оборотень, должен быть разрушен. Как его разрушали во все века. Как недавно было разрушено могучее гнездовье красномордых истуканов, семь десятилетий мордовавших народ политическим надзором, превращая его в скопище дебилов. От дебилов, увы, не рождаются гении, поэтому так легко в новом Карфагене воцарился наглый пахан со своим воровским законом, и жить под его пятой нормальному человеку стало, конечно, нелегко. Значит, опять оставался единственный выход: сегодня маленькую, игрушечную бомбочку за шкаф, завтра - многотонный заряд тротила под каменное сиденье пахана. По молодости лет Иван не задумывался над тем, сколько может длиться череда ужасных разрушений, да хоть триста, хоть тысячу лет, пока наконец из-под обломков и гари не проглянет просветленный лик свободного человека. С зубовной оскоминой повторялось: жаль, только жить в эту пору прекрасную, уж не придется ни мне, ни тебе...

Мещеряков набуравил третью чарку, а это значило, что урок подходил к концу.

- Не устал, Ванюша, слушать старика?

- Как можно, Павел Демьянович. Сейчас вот только машинку перезаправлю...

- Да нет уж, - засмеялся генерал. - Хорошего помаленьку.

Встал, подошел к окну и отворил форточку. Времени Ивану хватило, чтобы сунуть пакет за шкаф.

- Ты чего в субботу делаешь?

- Ничего, - Иван убрал диктофон в кейс.

- Как посмотришь, чтобы на дачку ко мне подскокить? Река там, купание. И отдохнешь, и поработаем. Хотя не настаиваю, у тебя, полагаю...

- Буду рад. Спасибо, - сказал Иван.

- Тогда пиши адрес...

Не заходя к себе, Иван выкатился на улицу. Подошел к газетному стенду. Ждать пришлось недолго: Мещеряков минуты не пересидел на службе. Ровно в шесть сел в черную "Волгу" и укатил. От метро Иван позвонил Башлыкову. «Птичка в клетке», - сказал - и повесил трубку.

Он переступил черту, но на душе кошки скребли. Как в тумане поужинал и лег. Ночью явилась Нина, но была против обыкновения нетребовательная. Как-то нехотя сунулась с дежурными ласками, но сразу угомонилась, и мирно прикорнула у него подмышкой. Ночью он ни о чем не думал, но вроде бы и не спал. Взрывное устройство за шкафом настойчиво тикало в голове. Такой у них получился неравнозначный обмен: старик пригласил на дачу искупаться в реке, а он ему - бомбу за шкаф.

Утром позавтракал и кое-как допил до работы. Много людей толпилось около здания, точно на митинге. Тучи милиционеров, служебные машины - уже издали было видно, что настроение праздничное. К Ивану кинулся друг и сослуживец Булат, возбужденный сверх меры. За руку оттащил в сторону.

- Шмонают всех подряд, Ваня! Дом заминирован. Ночью был страшный взрыв. Говорят, хотели твоего дружка кокнуть. Старого педика.

- Он не педик, - возразил Иван.

- Чего теперь будет, Вань?! Совки смотри как обнаглели, а? Не надо было гекачепистов выпускать, не надо было. Передавить всех в камерах, как крыс, и дело с концом. Но у наших пердунов кишка тонка, а, Вань?

- Почему ты думаешь, что это обязательно гекачеписты?

- Кто же еще, Вань, кто еще? Не мы же с тобой?

Тем временем сотрудников аппарата потихоньку начали запускать в здание, причем у входа каждого тщательно досматривали. Дюжий омоновец вырвал у Ивана кейс, отковырнул крышку и высыпал содержимое на пол.

В курьерской комнате он пробыл около часу, но его неудержимо тянуло наверх, на место преступления. Работать, видно, никто не собирался, в помещении было не протолкнуться.

К Ивану, притулившемуся в уголке на стуле, чуть не плюхнулась на колени забалдевшая, обкуренная девица, больно цапнула за плечо, радостно проворковала:

- Ну что, скромник, как тебе наше кино? Двадцать человек одним махом к Богу в рай!

Этого он не выдержал, отпихнул девицу, вышел из комнаты и поднялся на второй этаж. Коридор был странно пустынен. Иван добрал до кабинета Мещерякова, оглянулся по сторонам - никого. Заглянул в приемную - тоже ни души, но никаких следов взрыва: на столе секретарши даже букетик гвоздик в хрустальной вазе.

Вздохнув, он пересек приемную и толкнул дверь в комнату, где они вчера так славно беседовали. Обломки шкафа всером раскиданы по полу, оконная рама перекосилась, но все остальное в прежнем виде, разве что массивный письменный стол ге-

нерала был передвинут от стены на середину. На месте Мещерякова сидел средних лет мужчина непримечательной наружности, который приветливо ему улыбнулся.

- Здравствуйте, молодой человек! Немного вы припозднились. Я ведь вас с утра жду.

- Именно меня?

- Вы - Иван Федорович Полищук?

- Да.

- Значит, вас, кого же еще. Да вы располагайтесь поудобнее.

Вон стульчик, на него и сядьте.

- А где же сам, Павел Демьянович? Я слышал...

Мужчина предостерегающе поднял руку, призывая к молчанию.

- Жив, жив, слава Богу, наш генерал. Чего-то у вас там путаница вышла. Кто же это, дорогой вы мой, ночью людей взрывает?.. Не надо, Иван Федорович! Не надо этих гримас. Разговор у нас душевный, домашний. Вы мне быстренько все обрисуете, как и что, и с кем, подпишите бумажку, и выйдете отсюда живой и невредимый, как и вошли. Понимаете меня?

- Не понимаю, - сказал Иван.

- Ах, не понимаете? - мужчина поднялся из-за стола и оказался росту невысокого, на полголовы ниже Ивана. Прошел к двери и, как давеча Мещеряков, выглянул в приемную. Потом остановился перед юношей, все так же приветливо улыбаясь.

- Ах, значит, не понимаете? - почесал в недоумении за ухом и затем эту же пятерню, широкою, как у гиппопотама, вмазал Ивану в лицо, да так прикладисто, что мальчик шлепнулся аж у противоположной стены. Мужчина подошел к нему, лежащему, и, укоризненно покачав головой, в третий раз удивленно заметил: - Так, выходит, не понимаете? - и узким носком ботинка, с футбольной отмашкой несколько раз подряд засандалил в живот, отчего во внутренностях Ивана что-то хрустнуло и лопнуло.

Довольный собой, мужчина вернулся за стол, закурил и добродушно окликнул.

- Ступайте на стульчик, Иван Федорович! На полу-то недолго застудиться. Теперь-то, надеюсь, вы начали кое-что понимать.

Иван набрался силенок и от двери, словно преодолев пустыню, перебрался на стул, где его затошнило, но не вырвало.

- Больно-то как, - сказал он. - Наверное, вы каратист, дяденька?

- Теряем время, террорист вонючий, - совсем иным, ледяным тоном произнес мужчина. - Коли я возьмусь за тебя всерьез, от тебя останется мокрое место, сплошная кровоточащая рана, и все равно ты скажешь все, что я хочу знать. Выбирай. Подумай минутку. Но не дольше.

- Что вы хотите знать?
- Пока только одно. Чье поручение ты выполнял?
- Какое поручение?

Мужчина разглядывал его молча, и видно было, что ему скучно.

- Неужели ты такой дурак? - сказал он наконец. - Те, кто тебя послал, очень подлые люди. Вместо себя подставили сопливого юнца, который, скорее всего, даже не сознавал, чем рискует. Сейчас ты кажешься себе героем, но завтра будешь умолять, чтобы тебя прикончили. Поверь, мальчик, человек слаб, и быстро ломается в опытных руках.

- Ага, - отозвался Иван. - Теперь я действительно понял. Вы меня просто с кем-то спутали. Вам нужен кто-то другой, а не я.

- Черт тебя поberi, - грустно заметил мужчина. - Откуда вы только беретесь такие задиристые на нашу голову?

Опять он встал и обогнул стол, но Иван тоже вскочил и обежал стол с другой стороны.

- Что же мы, в салочки станем играть? - удивился мужчина. - Да вразумись ты, дурачок, что я тебе предлагаю. Потихоньку все мне расскажешь, и об этом никто не узнает. Видишь, я же ничего не записываю.

- Все скажу, только не деритесь!

Мужчина опустился на стул, на котором до этого сидел Иван, а юноша уместился в черном крутящемся креслице Мещерякова, в котором давно мечтал посидеть.

- Давай быстро, только без лапши!

Иван наклонился над столешницей и пальчиком поманил допросчика, чтобы тот придвинулся поближе.

- Эх тебя ломает, придурка, - буркнул мужчина, но послушался, вместе со стулом подался вперед, и сделал непростительную для бывшего следователя ошибку. Да уж больно невинно и трусливо блестели глазенки на бледном лице худенького подростка. На столе Мещерякова с давних пор и неизвестно для какой надобности торчал тяжелый, бронзовый подсвечник с тремя кокетливыми рожками, и вот теперь он пригодился. Иван сгреб подсвечник в горсть и саданул в придвинувшуюся любопытную харю. Так ловко это у него получилось, что все рожки впечатались в податливую плоть прихотливым узором, как в тесто. Иван уже помчался к двери козлиными прыжками, только зря спешил. В приемной его приняли в объятия двое милиционеров, заломили руки к затылку и впихнули обратно в кабинет. Увидя, какое печальное зрелище сотворилось с их начальником, распластавшемся на столе и слабо подрыгивающем ножками, оба милиционера, не сговариваясь, приподняли Ивана над полом и так сгоряча шмякнули оземь, что почти вышибли из него дух.

Очнулся он на лежаке в маленькой каморке без окон и с железной дверью. Под потолком мерцала тусклая лампочка. Иван поворошился и сел. Чувствовал он себя так, словно тело было невесомым, а голова, напротив, удерживалась на тонкой шейке, точно чугунный шар, грозя надломиться. Он взглянул на наручную «сейку», часы стояли. Проведя в неподвижности какое-то время, может быть, минуту, а может быть, часа три, Иван подошел к двери. Его трясло то ли от холода, то ли от побоев. На его стук дверь сразу отворилась. Он увидел хмурого немолодого мужчину в темно-синем заляпанном жирными пятнами халате, как у грузчика в мясном отделе.

- Ну вот и хорошо, - сказал грузчик. - Пойдем, отведу куда следует.

Иван заложил руки за спину, как делали заключенные во всех фильмах, и пошел за ним по длинному, подвальному коридору. Идти пришлось недолго. В конце коридора перед неприметной дощатой дверью грузчик остановился и постучал в нее костяшками пальцев.

- Давай, давай! - раздался сиплый голос изнутри.

Комната, в которой Иван очутился, была прежде, видимо, кладовкой. Кроме деревянного лежака, здесь стоял стол и две табуретки. За столом сидел мужчина, до изумления похожий на того, который допрашивал Ивана в первый раз. Он был одет в такой же серый костюм и так же приятно улыбнулся, увидя юношу. Похоже, это был родной брат того, первого, пострадавшего от подсвечника. Без спроса Иван опустился на табуретку.

- Что ж, Ванюша, теперь тебе так и так хана, - сочувственно заметил мужчина. - Ты ведь Семеныча покалечил, а вполне возможно, убил. Откуда в тебе такая свирепость?

- Он наверное ваш родственник? - любезно спросил Иван. - Вы прямо как близнецы.

- Это я тебе после расскажу. Пока давай, выкладывай все, как на духу. Один шанс у тебя остался спастись, но совсем крохотный.

Иван беспокойно оглянулся: человек в синем халате, который его привел, застыл у стены, скрестив руки на груди.

- Что я должен выкладывать?

- Да хватит тебе, Вань! Сколько можно целку строить. Ну будут тебя бить день, два, руки, ноги оторвут, кишки выпустят, чего ты этим добьешься?

- Я и без битья все скажу. Только вы объясните, о чем речь?

- Речь о том, мальчик, что вляпался ты в скверную историю. Такую скверную, что не приведи Господь. Замахнулся на самое святое, что есть у человека, на его жизнь. Но твоей вины тут только половина. Сосунков, как ты, вечно бросают на растерза-

ние... Ну давай, Вань, давай! Фамилию, адрес, а я со своей стороны постараюсь тебе помочь.

- Как помочь?

Двойник покалеченного Семеныча не нервничал, как его коллеги, никуда не торопился, и было заметно, что даже получает удовольствие от беседы с несмышленищем.

- Тут ты, пожалуй, прав. Помочь тебе действительно почти невозможно. Ты ведь уже как бы не существуешь на свете. Мамке скажут, пропал без вести, а больше никто и не поинтересуется. Ну кому ты нужен, Вань? Тем, кто тебя использовал, вообще на людей наплевать. Кому еще? Семей не обзавелся. Но все же помочь можно. И знаешь почему?

- Почему?

- Нам ты можешь пригодиться живой. Вот тебе бесплатный совет: всегда делай ставку на тех, кому можешь быть полезен. Никогда не ошибешься.

- Чем же я могу быть вам полезен?

- Ой, Вань, да как чем! Поработаешь на нас. Парень ты, видно, боевой, отчаянный, хотя и без мозгов в голове. Но мы их тебе постепенно вставим. Со временем большим человеком будешь, а все, что сегодня случилось, забудется, как дурной сон. Решайся, Вань, по-хорошему, а? По-плохому будет только больнее. Ну же, Вань!

- На что я должен решаться? Вы же ничего толком не объясняете.

Мужчина сделал неувимый знак человеку в халате, и в ту же секунду Иван был сброшен с табуретки на пол и перегнут в три погибели: шея вывернута назад, а согнутые в коленях ноги туго прихвачены к кистям рук. В таком положении ему был виден угол комнаты, две ножки стола и кусочек пола перед носом. Голоса теперь доносились сверху, как из репродуктора.

- Пусть пока отдохнет, а ты, Степаныч, сходи за каким-нибудь инструментом, - произнес сиплый голос, принадлежащий следователю. - Здесь же ничего не приспособлено для нормального дознания.

Отворилась и щелкнула, закрывшись дверь. Следователь закурил, чиркнула зажигалка.

- Эх, паренек, и жалко тебя, да ничего не поделаешь. Истина, как говорится, дороже. Начнем тебя потихонечку убивать. Рыхлости в тебе нету, кость легкая, ничего, денька полтора выдержишься. Только не пойму, на кой хрен тебе это?

Иван молчал.

- Вот и я думаю, - продолжал сипеть ржавый репродуктор. - Какая корысть тебе тут околевать? Была бы хоть идея, а то ведь ее нету. Ну пошалил, поозорничал, сунул бомбу доброму челове-

ку под шкаф, ну и покайся, опомнись. И нам руки об говно не пачкать, и тебе - шашть на волю. Денек сегодня светлый, слышь, Вань, птички поют. Пивко на каждом углу. Любишь пивко-то? Я в твои годы любил. Теперь больше на крепкое тянет. Служба нервная.

У Ивана затекла спина, и дышать стало трудно, точно сузился горловой проход.

- Слышь, Вань? Может, чего передать кому, близким или родным? Говори, передам. Похоже, последняя у тебя возможность. Степаныч иногда ни в чем меры не знает.

Иван молчал и ни к чему особенному не готовился. В нем не было ни злобы, ни страха, ни сожаления - тишина. Еще раз обозначилась дверь, и вошедший мясник ногой перевернул его лицом вверх. Уселся перед ним на карачки. В руках держал обыкновенный молоток, которым забивают гвозди. Следовательно распорядился:

- Ну давай, поработай малость, а я пойду подышу. В буфет, что ли, схожу, рюмочку приму. Тебе принести чего, Степаныч?

- Не извольте беспокоиться.

Только дверь закрылась, Степаныч прижал Ванину руку, естественно вывернутую, к полу, приступил на нее башмаком и аккуратно тюкнул по мизинцу. Хрустнули хрупкие косточки и огненный столб расколел мозг.

- Один ноль в нашу пользу! - благодушно заметил Степаныч. На четвертом пальце Иван отключился. Когда очухался, сидел прислоненный к стене. Следовательно устроился напротив на табурете, курил и осудительно качал головой. Иван покосился на свою левую руку, откуда стекали в сердце раскаленные иглы.

- Да, Вань, а ведь это только начало, - взгрустнул мужчина, чье лицо обросло теперь какими-то розовыми, висячими складками. - Степаныч за проводами пошел. План у нас такой. Будем тебя к току подключать. После Степаныч тебе яйца оторвет, это его любимая процедура. Ну и так до бесконечности, сколько сдюжишь. Полагаю, часа на два тебя еще хватит, но не больше.

- Что вы от меня хотите?

- Да все то же. Фамилию, адрес. Или наоборот: адрес и фамилию.

- Чью фамилию?

- Кто тебя послал, Вань?

- Куда послал?

Вернулся Степаныч в самом деле с мотком двужильного провода. Оголенный конец ловко закрутил Ивану за ухо, другой сунул в розетку...

Опять он лежал на топчане, но в камерке был не один. В ногах сидела, пригорюнясь, миловидная женщина в белом хала-

те. Сознание на сей раз возвращалось туго, и поначалу он решил, что это скорее всего не женщина, а мимолетный фантом из продолжающегося кошмара. Для проверки он поднес к глазам левую руку, которая, как ни странно, двигалась, и была от пальцев до кисти перебинтована - белая, пухлая французская булка.

- Вы кто? - спросил Иван, не узнав свой голос.

- Лежи, лежи, миленький... Я врач, обыкновенный врач. Зовут Елена Павловна.

- Вы почему здесь?

- Дежурю... Тебе было очень плохо... Какие звери, Боже мой, какие звери!

Женщина кого-то ему напоминала: то ли матушку, то ли Нину Зайцеву. У нее был сочувственный взгляд, но тон она взяла фальшивый, чрезмерно сострадательный. Этот тон не для подвала.

- Елена Павловна, вы не могли бы дать водички попить?

- Водички нельзя, миленький! Запретили водичку. Какие звери, Боже мой! Ты же совсем мальчик!

Она пересела поближе, склонилась над ним и провела пальцами по щеке. От нее пахло духами.

- Больно тебе?

- Нет, ничего. Который час?

- Вечер уже, поздний вечер, - она достала из кармана халата шоколадку «Сникерс» в надорванной обертке. - Вот, покушай, тебе станет легче.

Иван покорно принял шоколадку, сунул в рот, откусил, но разжевать не смог, закашлялся. Кашель вывернул его наизнанку, и тут же наступило окончательное просветление. Он дергался на топчане, как в падучей, а Елена Павловна бережно обнимала его за плечи, гладила по спине и наконец прилегла рядышком.

- Вот и хорошо, миленький, вот и славненько. Дай тебе губки вытру. Обними меня. Успокойся, закрой глазки. Боже мой, какой же ты хрупкий, мягенький! Хочешь, сниму халатик?

От слез и кашля Иван плохо ее видел, но чувствовал плотно. Она как-то почти на него взгромоздилась.

- Мы можем вообще раздеться, миленький, - горячечно прошептала. - Вряд ли нас потревожат до утра.

- Пока не надо, - сказал Иван. - Если бы водички попить, тогда другое дело.

- Чего они, звери, к тебе привязались? Чего от тебя требуют?

- Если бы я знал!

- Я слышала про какую-то бомбу. Они тебя подозревают? Но это же глупо. Разве можно подозревать такого милого, хрупкого мальчика. Тебе сколько лет?

- Восемнадцать.

- Боже мой! Да ты скажи им все, скажи. Даже соври. Иначе не отстанут. Я их знаю. Они хуже зверей. Мы для них не люди. Они такие ужасные. Будут по косточке ломать, живого не отпустят. А у нас такие сладкие, нежные косточки...

Она была, конечно, намного опытнее Нины Зайцевой, и ее поглаживания, потискивания, ее возбужденное дыхание все-таки пробудили в нем ответное напряжение.

- Вам очень хочется, да, Елена Павловна?

Она вдруг села, судорожными движениями освободилась от халата, распахнула кофточку. Тяжелая, розовая, живая выпрыгнула наружу грудь, точно два светящихся, волшебных шара. Глаза лучились безумием похоти.

- Не бойся, миленький, не бойся! Хоть будет чего вспомнить перед смертью.

- Вы умираете?

Елена Павловна сдавленно хихикнула, но не успела ответить. Дверь отворилась и в каморку влетели двое мужиков: давешний мучитель Степаныч, в том же темно-синем замасленном халате, а второй незнакомый, но тоже какой-то неприятный. Вдвоем выдернули Ваню с топчана, как репку с грядки, и швырнули на пол. Молчком, дружно посапывая, взялись месить его ногами, перепинавая друг дружке, точно отработывая футбольный пас. Но били вполсилы, не трогая лица. Экзекуция продолжалась недолго. Иван даже не успел отключиться, хотя было как-то муторно. Так же быстро футболисты сгнули, не произнеся ни слова. Елена Павловна помогла ему перебраться обратно на топчан. Ее обнаженные полные груди пылали солнечным светом.

- Зверье, истинное зверье! - бормотала она сквозь слезы. - Никакой на них нет управы. Как распоясались, а? Убийцы проклятые! А ты возьми и открой им, чего хотят. Ну не всю правду, краешек. Пусть подавятся гады!

Каждая жилка у Ивана молила о покое.

- Да я разве против? Из одной благодарности, как ко мне все здесь относятся, но чего они хотят? Вы хоть объясните, Елена Павловна.

Опять ее сноровистые руки тискали его бока, игриво проskalзывали к паху.

- Скажи им про бомбу, скажи, миленький... Скажи, кто на правил, подучил. Небось такие же негодяи, как эти. Все они одинаковые, все окаянные. Дай губки твои разбитые поцелую, дай!

Поцелуй был так же пылок, как прикосновение к раскаленной плите.

- Скажи им про бомбу, миленький!

- Конечно, скажу, - пролепетал Иван, погружаясь в обморочную одурь. - Но про какую бомбу? Мне же никто не объясняет. У меня мозги отсохли. Попить бы водички глоточек...

На сей раз ее трепетные усилия почти привели к победному концу. Она заботливо приспустила ему брючата, самозабвенно любуясь несчастной, восставшей плотью. Иван наблюдал за происходящим как бы со стороны, немного стыдясь и тихо горюя.

- Изверги, палачи! - стенала Елена Павловна, отчего-то запутавшись в собственной юбке. - Сейчас тебя утешу, миленький, потерпи немного. Леший заberi эту бомбочку...

Но опять не успела с утешением. Ворвались мужчины, дико гогоча, сдернули с топчана, шмякнули об пол. И так им было привольно, весело (да и можно понять), что Степаныч не удержался и со сладострастным хряком саданул ему каблуком в причинное место. Спасительная небыть обрушилась на Ванечку черным взрывом.

Когда очнулся, то был один, и дверь в каморку чуть-чуть приоткрыта. Резко тряхнул головой: нет, не снится, действительно щель в двери, и оттуда, снаружи, яркий свет.

Иван полежал немного, ожидая в истоме, какую очередную подлянку ему приготовили, какая новая мука впереди. Но мир словно вымер, ниоткуда ни звука, ни шороха. Иван осторожно ощупал себя правой рукой, приподнялся и заправил рубашку в штаны. Попробовал сесть, и это ему удалось. Через сколько-то времени уже доковылял до двери и выглянул в коридор. Никого, пусто. «Где-то они непременно ждут, но надо идти», - подумал Иван. Шаркающим, стариковским шагом, стараясь не шуметь, миновал коридор и знакомую дверь, за которой его допрашивали. А вот и обыкновенная лестница, как в любом подъезде, ведущая наверх. В полном недоумении начал по ней подниматься. Он задыхался, живот распирало так, что ноги приходилось ставить в раскорячку. Но дошкандыбал до первого этажа и вскоре очутился на улице. Ночной простор открылся перед ним. Тесная улочка, обставленная приземистыми особняками, запихнутыми вглубь домов. Возле домов кованые, высокие ограды. Место где-то в центре Москвы. Или в Петербурге. У обочин припаркованы в основном иномарки и несколько «жигулят». Один из «жигуленков» - метрах в двадцати от Ивана, вдруг помигал фарами. Больше никого на улице не было, значит, именно его подманивал. Иван огляделся: бежать некуда. Что вправо, что влево - машина в два счета догонит. Да и зачем бежать?

«Жигуленок» просигналил еще и еще раз. Иван побрел к машине, гадая, какую особую казнь ему так изысканно готовят. Кокнут прямо в машине или куда-нибудь отвезут? Но его ждал

приятный сюрприз. В салоне сидел только один человек за баранкой, и этот человек был - Башлыков.

- Садись, Вань! Ты чего, как вареный?

Иван еле впахнул на сидение свое новое, стопудовое тело.

- Добрый вечер, Григорий Донатович.

- Добрый вечер, сынок!

Башлыков включил зажигание и медленно сдвинул машину. Минут пять они в полном молчании колесили по каким-то переулкам, пока не съехали на набережную, где Башлыков удачно вписался в черный треугольник под липами, и заглушил мотор.

- Что с рукой? - спросил он.

- Пальцы разmozжили. Попить у вас нету?

Башлыков перегнулся на заднее сидение, разворошил там какие-то тряпки и достал литровую бутылку «пепси».

Жидкость, прохладная и жгучая, потекла в глотку упругими слитками, и пока Иван давился, чмокал и обливал себе рубашку, Башлыков поддерживал бутылку за донышко.

- Не торопись, Вань. У меня вторая в запасе.

Юноша отдышался, смахнул с глаз слезинки.

- Теперь можно жить.

- Сигарету хочешь?

- Хочу.

Башлыков сунул ему в губы зажженную сигарету. Иван прижимал к груди недопитую бутылку.

- Прости, Вань, за недосмотр, - сказал Башлыков.

- Какой же это недосмотр. Вы же понимали, что они меня сразу вычислят.

Башлыков хмыкнул недоверчиво.

- Так ты полагаешь, я все это специально подстроил?

- Как вы здесь оказались? И почему меня отпустили?

- Ага, значит, ты думаешь, я тебе устроил что-то вроде проверки? Так?

- А как иначе?

- Ошибаешься, Вань. Я с кадрами иначе работаю. Они тебя не вычислили, только заподозрили наравне со многими. Потом, откуда же я знал, что ты с этой гнидой, с Мещеряковым, книжку затеял писать? Ты же ничего не говорил.

- Не успел, - Иван вторично, с наслаждением присосался к бутылке.

- Накладка другая. С Мещеряковым слышал что приключилось?

- Нет.

- Дуба дал предатель.

- Как это? Вы же говорили...

- На дачу ему позвонили ночью, сообщили, что кабинетик отбомбили, он и сомлел. Ринулся на кухню за каплями, по дороге и претавился. Сердечко отказало. Изработался мотор.

- Павел Демьяныч?

- Ты какой-то чудной сегодня, Вань. Вроде не все слова до тебя доходят. С чего бы это? Напугался сильно?

- Но как же так, пошел за каплями?..

- Бывает, сынок. Жадность твоего наставника погубила. У него, оказывается, в сейфе чего-то было захоронено ценное. Валюта или камешки. Еще не знаю. По оплошности легкую смерть послал ему Господь.

Иван допил бутылку и поставил себе под ноги.

- Открыть вторую?

- Не надо. Мне что теперь делать?

- А ничего. Сейчас отвезу тебя к доктору, руку полечим. Потом месячишка на два упрячу тебя, пока все уляжется. Кстати, знаешь во сколько обошлась твоя свобода?

- Во сколько?

- Десять тысяч зеленых. Сработаешь, надеюсь?

- Отработаю, - сказал Иван.

18

Случай всемогущ, но Елизар Суренович в него не верил. Жизненный опыт убеждал его в том, что надежда на случай - это уловка бездельников, чей разум вечно в полудреме. Сила желания - вот что определяет поступь судьбы. Отнюдь не случай дал ему власть над людьми. А природная, неукротимая жажда повелевать. И уберег от смерти на узкой, загородной дороге тоже не случай, а умение взлетать.

Он не верил и в старость. Само по себе это пустое слово. Что такое старость? Физиологическое увядание, чреватое необратимостью? Но где доказательства этой роковой необратимости? То есть доказательства, разумеется, были, и самые очевидные: хотя бы наличие кладбищ, куда ежедневно свозили бранные останки изжившихся людей; но Елизара Суреновича это не убеждало. Чем в сущности отличается старческая, вековая немощь от обыкновенной усталости крепкого человека к исходу рабочего дня? Разве что протяженностью во времени. Восстановительные процессы, энергия пробуждения так же неисчерпаемы в человеческом организме, как весеннее обновление в природе. В этом он убедился на себе. После аварии, когда все внутренние органы, изуродованные злодейской встряской, отказались служить, он все же перемогся, перетерпел, и дождался дня, когда вдруг начал

заново неудержимо молодеть. Вернулись истомные ночные грезы, поредел пульс, налились новой крепостью мышцы. Чтобы проверить себя, Елизар Суменович согласился на доскональное обследование. Изумленные врачи лишь разводили руками: суперсовременные аналитические приборы давали такие показания, по которым выходило, что ему никак не может быть более пятидесяти лет.

Никто из приближенных не замечал, что с ним происходит, кроме голой Маши Копейшиковой. Задолго до обнадеживающих признаков она угадала в нем возобновление мужской доблести, и однажды, приметя его полыхнувший озорным огнем зрак, не чинясь, и не откладывая на завтра попросту нырнула к нему под одеяло. Елизар Суменович не супротивничал, и простодушно, играючи выполнил незатейливую мужскую повинность. Потом, правда, слегка посетовал:

- Ты все же, Маша, дисциплину какую-то соблюдай. Не лезь без команды. Я же не отрок сизокрылый.

Маша уже бодро устанавливала поднос с завтраком у него на пузе, но видно было, что чем-то ошарашена.

- Хотела как лучше, - извинилась она. - Для здоровья полезно.

- Чего полезно, чего нет, не тебе решать. Ишь, тоже лекарь нашелся! Ступай отсюда и жди вызова, срамница!

Нет, думал Благовестов, покойную Ираидку эта пышнотелая молодка не заменит. Вот, пожалуй, единственная окаянная примета старости, которую не сбросишь со счета. С возрастом все труднее подобрать дубликаты тем, кто когда-то был дорог, а после скрылся с глаз навеки. Каждое новое лицо заведомо вызывает неприязнь. Сравниваешь с прежними, дорогими и ясными лицами, приноравливаешься к нему и все кажется, что у подмены бельмо в глазу. Маша Копейшикова всем хороша: голая, расторопная, кряжистая, любезная, - да чужая. Что-то есть в ней стылое, даже опасное. Зачем прислал ее Грум? Откуда выкопал?

Разумеется, он давно ждет случая, чтобы вцепиться в ляжку, хотя ближе его по духу, по разуму, не осталось у Благовестова человека. В том прельстительно-зловещий парадокс жизни, что смертельный удар всегда наносит ближний: сын, брат, жена, друг. Была бы охота, а у Грума она есть. Не таким он уродился на свет, чтобы до скончания века играть вторые роли. Однако особенно остерегаться его не стоит. При всех своих незаурядных способностях не хватает бедолаге решающего качества, которое отличает владыку от простого смертного: не умеет ради пустяка, ради каприза, поставить на кон собственную жизнь. Чужие жизни, пожалуйста, сколько угодно, но не свою. Береженого Бог бережет - вот его главная заповедь, а по этому правилу крупных вы-

игрышей не бывает. Ну и другое, не менее важное: ключик от его души, как сердце Кашея, надежно упрятан в малахитовую шка-тулку, а где та шкатулка - ведает один Благовестов. Оба они об этом знают. Случись что с хозяином, и грешная тайна визиря в ту же секунду всплывет наружу. Тайна же эта такого свойства, что лучше о ней не вспоминать, особенно перед сном.

И все же, как писал советский поэт, и все же! Зачем Грум подослал Машу Копейщикову? Вряд ли просто для косвенного надзора. Для чего же тогда? Не иглу ли с цианидом приблизил к его боку в ожидании благоприятного момента?

На кухне изнывал в лютой похоти верный телохранитель Петруша. Вернее, не на кухне, туда ему ход Маша давно перекрыла, из темного коридора донесся скорбный плач униженного любо-вника:

- Все видел, Машка, все видел! Как с хозяином кувыркалась. Ему, значит, можно, а мне, значит, нет!

Маша снизошла до ответа:

- А ты как хотел, обезьяна? Хотел наоборот?

- Зачем наоборот? Не надо наоборот. Больно смотреть мне.

Ревную я.

- Так не подглядывай!

- Не могу не подглядывать. Это любовь!

У Маши было хорошее настроение, смеясь, она сунула в ко-ридор, в темноту руку.

- На, целуй, любовничек!

Петруша так страстно лобызал ее пальчики, по одному загла-тывая, что постепенно вытащился целиком на кухню. Черные очи его отливали багрянцем.

- Хватит, хватит! - Маша вырвала руку. - Ишь обжора какой. Ну ладно, присядь, нацежу стаканчик.

От неожиданного благоволения, и от кошмарной близости вожделенной, царственной плоти, Петруша, примостясь на сту-ле, впал в каменное оцепенение. Поднесенную стопку проглотил чуть ли не с лафитником.

- Хороший, Петруша, хороший! - Маша, дразнясь, погладила его по бритой головке.

- Не мучь меня, женщина! - прохрипел он.

- Я бы, может, и рада, да как же хозяина обманывать? Стыдно ведь.

- Он мне хозяин, не тебе, - бухнул Петруша.

- Ты про что? - косоватые глазки под спутанной челкой вдруг остро, ярко блеснули, как два жала.

- Сама знаешь.

- Ага, выходит, не только подглядываешь, но и подслушиваешь? - Маша уперла руки в бока, куда девалось минутное благорасположение. Разъяренная фурия, готовая к прыжку, оказалась перед ним. - И что же ты еще вынюхал, мразь козлиная?!

Петруша внутренне напрягся, но не смалодушничал.

- Лучше нам не ссориться, - сказал он. - Лучше полюбовно.

Маша нагнулась к нему, прошипела:

- Запомни, вонючка, твоя жизнь теперь, как тонкая ниточка.

Дерну - и оборвется. Пшел вон, пес!

Уходя, он получил коленом под зад, но из коридора огрызнулся:

- Зачем дерешься - вай?! Сама пожалеешь.

Часа через два, подмененный другим охранником, Петруша встретился в пивной с Колей Фомкиным, с которым их дружба крепка: они пили вместе пиво уже третий раз и почти побратались. Петруша понимал, как ему повезло. Впервые его глухое одиночество в чужом городе рассеялось солнышком приязни. Коля, хотя и был обыкновенным русским «ваньком», но понимал страдания влюбленного сердца с полуслова, потому что сам много страдал. Он поведал побратиму жуткую историю своей любви. У Фомкина была невеста, которую он боготворил. Она была дворянского рода, балерина и фотомодель. Конечно, родители красавицы были против ее выбора, потому что для них он был пустым местом. Там и другие женихи, покруче его, нередко получали отлуп. Среди них был даже один техасский магнат, сорокалетний плейбой. Но Фомкин со своей невестой преодолели все препятствия, в том числе свирепое сопротивление родителей, купили себе обручальные кольца и обговорили день тайного венчания. О дальнейшем Фомкин рассказывал, не сдерживая рыданий, и перемежая трагическую исповедь солидными порциями спиртного. За день до венчания он нагрязнул к невесте без предупреждения, чтобы похвалиться свадебным нарядом, который справил себе в московском филиале Кардена. Костюм обошелся ему, к слову сказать, в восемьсот баксов. Каков же был его ужас, когда он застучал прелестную избранницу в объятиях негроидного типа с золотой серьгой в ухе. Но самое неприятное случилось потом. Когда он взащей вытолкал развратного негра из квартиры, надавав ему затрещин, и потребовал у невесты хоть каких-то нормальных объяснений, несчастная девица, вместо того, чтобы покаяться, набросилась на жениха с немислимыми упреками. Обозвала его животным, деревенским пеньком и держимордой, который из-за дурацкой мужской ревности разрушил ее карьеру. Оказывается, поганый африканец с серьгой был бродвейским продюссером, знаменитым шоуменом, и приехал к ней единственно затем, чтобы заключить выгоднейший контракт на

летние гастроли в Панаму. Обескураженный Фомкин ехидно поинтересовался, что неужели для того, чтобы заключить контракт, обязательно надо ложиться в постель? После чего с любимой невестой случилась натуральная истерика, и она чуть не выцарапала жениху глаза, обозвав его при этом хамом.

Для Фомкина эта трагедия, как он объяснил другу, была не столько любовной, сколько мировоззренческой. Все его прежние представления о морали рухнули в одночасье, и он разуверился вообще в женской добродетели. Разумеется, он не был тупым, упрямым Отеллой, и смог бы простить избраннице случайный сексуальный вывих, но не мог принять ее принципы. Просто на некоторые важные вещи они смотрели совершенно по-разному. Для него любовь была святым чувством, как и для Петруши, а для нее всего лишь одним из способов достижения материального благополучия. Этого разрыва во взглядах он не перенес и расстался с ней. С кровью оторвал от сердца. После этой истории Петруша окончательно убедился в том, что имеет дело с полным идиотом, которому можно доверять во всем. «Резать обоим надо, - заметил он сочувственно. - Прощать нельзя». «Нет, - возразил пьяный, рыдающий Фомкин. - Пусть живут. Их жизнь за меня накажет».

...Петруша обрадовался, увидя друга за их как бы уже узаконенным столиком.

- Еле место устерег, - раздраженно заметил Фомкин, когда они обменялись крепким рукопожатием. - Вишь сколько народу. Какие-то фраера нарывались на неприятность.

У Петруши сейчас не было охоты разбираться с фраерами. Едва опорожнив полкружки, он поделился с Колей сокрушительной новостью.

- Любит, падла! Хочешь верь или не верь, но любит. Сегодня точно узнал. Любит, но чего-то боится, сучка!

- Ну-ка, ну-ка! - встрепенулся Фомкин.

Петруша, посверкивая белозубой улыбкой и сладострастно закатывая белки, поделился сегодняшним любовным приключением. Некоторые пикантные подробности приходилось опускать, ничего не поделаешь, но из его слов выходило так, что Машка обезумела от страсти, и еле сдерживает себя, чтобы не отдаться. Иначе чем объяснить, что затащила на кухню, поила водкой и велела лизать руку, при этом была, как обычно, безо всякой одежды. Фомкин вник в ситуацию и вторично пожал другу руку, поздравив с нелегкой победой.

- Но все же не понимаю, - спросил он, - в чем заминка?

- Говорю же, боится!

- Чего боится? Может, она девушка?

Петруша заржал, показывая, что оценил шутку, выпил пива, а заодно откупорил принесенную с собой традиционную поллитру.

- Хозяин очень вспылчивый, - приоткрыл он завесу. - Проведает - нам обоим хана.

Фомкин сходил на кухню, где у него завелась подружка среди поварих, и принес две тарелки горячего мясного рагу под водку.

- При чем тут хозяин? Объяснить надо по-человечески. У вас же не просто шуры-муры. Не убьет же он вас.

Петруша посмотрел на него, как на малое дитя.

- Эх, Коля, не знаешь, о ком говоришь. Убьет - не то слово. Макарон нарежет.

- Тогда надо бежать. Могу дать адресок. Там отсидитесь.

- Ладно, Коль, осади. Ты тут не сечешь.

Фомкин вроде обиделся, И оба ненадолго загрустили. Выпили водки, принялись за мясо. Уютная пивная огораживала их от мира незлобивым мужским гомоном. Петруша первый нарушил молчание.

- Главное, что обидно, любит, Коль!

- Это точно?

- Да ты что, Коль! Вся потекла, пока руку целовал.

- Тогда так, - сурово произнес Фомкин. - Познакомь меня с ней.

- Зачем?

- Я обхождение знаю. Мне она скажет такое, чего тебе постесняется. Я со своей стороны передам, как ты страдаешь. Пристыжу ее. Это верняк. У меня не отвертится. Не таких ломали.

Петруша задумался, мысль ему понравилась.

- Конечно, неплохо бы... Но как сделать? На улицу она не выходит, в дом тебе попасть трудно.

- Почему?

- Охрана свирепая. Приколют за милую душу. Разве что, когда хозяин в отлучке...

С увлечением они взялись обсуждать детали, и не на шутку поспорили, как лучше Фомкину объявиться: с букетом роз или с коробкой конфет. По мнению Фомкина, это была немаловажная психологическая окраска. Он должен был произвести впечатление не какого-то ухаля с горы, а respectable молодого бизнесмена, озабоченного печальной судьбой лучшего друга. У Петруши все же оставались некоторые сомнения, под конец он не удержался, предупредил:

- Но если, Коль, сам на нее зыришься, не обижайся - убью!

- Это само собой, - согласился Фомкин.

Ближе к вечеру Елизара Суреновича навестил Грум. Они вместе поужинали. Маша Копейщикова запекала телятину в духовке и подала с тушеными грибами. Вдобавок соорудила грандиозный салат из сырых овощей с натуральным подсолнечным маслом. Иннокентий Львович ел, как всегда, с аппетитом, от души нахваливал Машину стряпню, но видно было, что озабочен какой-то думой. Иногда на его круглое, симпатичное личико накатывала хмурая гримаска, как от сквозняка. Маша, за ради гостя обмотавшая пышные чресла оренбургским платком, к чаю выкатила на стол румяный пирог с вишневой начинкой, испеченный по собственному рецепту. От пирога по кухне поплыл ядовитый дымок, словно от ночного костерка.

- Ну чего маешься, Кеша? - спросил Елизар Суренович. - Выкладывай, чего там у тебя за пазухой?

Грум давно перестал удивляться мистической проницательности владыки, но каждый раз его смущало, что перед непостижимым стариком он всегда оказывался целиком на виду. Это обстоятельство понуждало его к особой осмотрительности в размышлах.

- Действительно, есть маленькая заковыка, - распаренный от обильной еды и продолжительной беседы Грум и сам стал похож на пирог, скинутый с горячего противня. - В некотором я затруднении.

- Поделись, обсудим.

Грум поделился. Накануне один из осведомителей (эта служба была у него налажена не хуже, чем на Петровке) донес, что Таня Французенка, подрядчица по шекотливому дельцу, на всю катушку крутит любовный роман с Губиным, первым человеком при «Кресте». Сам по себе это был изящный агентурный ход, не вызывающий протеста, если бы не некоторые обстоятельства. Во-первых, сроки контракта недопустимо просрочены, а во-вторых, Губин был не тем человеком, который мог без ума клонуть на женские прелести очевидной подсадки. Французенка, без сомнения, была классным «чистильщиком», вероятно, единственным в своем роде, но все же первоначально она была женщиной, красивой, алчной и тщеславной. К тому же психически неуравновешенной, если не сказать больше. Все это вместе взятое наводило на подозрение, что они с Губиным по обоюдному согласию могли поменяться ролями, и теперь удалая киллерша вместо того, чтобы выуживать рыбку, сама превратилась в наживку.

- Все это вполне реально, - поддакнул Елизар Суренович. - Какой же предлагаешь выход?

Разговор они продолжали в библиотеке, куда Маша подала кофе, вино и фрукты. С удивлением Грум отметил, что девица

замотала волосы алой лентой, а шаль с чресел переместила на плечи.

- Какой выход? - переспросил он. - Выход напрашивается только один.

- Но как же ты допустил такой недосмотр, старый ты хрыч?!

Грум равнодушно пожал плечами.

- За всем не углядишь.

- Небось и аванс уплатил?

Грума умиляло бережное отношение владыки к каждой потраченной копейке: он сам был таким.

- Аванс aukнулся, - согласился он. - Придется списать на утруску.

Елизар Суменович просмаковал глоток итальянского «Кларета», вдохнул его тонкий букет. С каждой минутой он чувствовал себя все крепче, и не совсем понимал, что ему делать с возвращенной молодостью.

- Кеша, у меня к тебе просьба. Поручи Француженку вот этому вояке из органов, вот его визитка. Надобно его повыше продвинуть. Позвони, дай делу официальный ход. Ему за Француженку, глядишь, не то что звездочку - орден привесят.

- С Губиным как?

- Губина отсеки. Вояке передай, чтобы отсек.

- Ваша воля, - кивнул Грум, - но если Губин в курсе, если докопался...

Благостов неприятно почмокал губами.

- Чего никогда не мог понять, так это твоей кровожадности. Ты же добрый человек, а никак не можешь успокоиться, если одним трупом меньше выходит, чем предполагал. Откуда в тебе такая жестокость?

- Извините великодушно. Хотел как лучше.

- Да не обижайся, ты же мне роднее брата. Но твоя неукротимость иногда просто пугает. Сообрази дурной башкой, если Губина сейчас ликвиднем, на кого Алешка кинется? Вот и потянется пустая заварушка. Перегрыземся все, как волки.

- Но как же, с Михайловым вроде уже все решено?

- С Михайловым, но не с Губиным.

Иннокентий Львович отпил вина, хотя обычно ограничивался чашечкой кофе. Владыка все чаще выводил его из себя своими старческими выкрутасами. Склеротические бляшки ощутимо подтачивали его некогда могучий интеллект. Грум частенько спрашивал сам себя, сколько еще сумеет выдержать этот унижительный, мелочный надзор. В который раз давал себе слово, что если Маша выведает, где старик хранит проклятые документы, отольет ей памятник из золота. Или удавит золотой петлей.

И все же не стоило обманываться. Вынужденный год за годом плестись в хвосте Благовестова, терзаемый муками оскорбленного самолюбия, Грум тем не менее по-прежнему искренне, глубоко восхищался необыкновенной изворотливостью, сверхъестественным чутьем и неодолимой хваткой владыки. Многократно убеждался, что если иногда по видимости Благовестов допускал нелепый просчет, то вскоре, как правило, кажущаяся ошибка оборачивалась прозрением, которое нельзя было объяснить ничем иным, как Господним наущением. Недавно внучек подsunул Иннокентию Львовичу забавную книжонку некоего восточного мистика Гурджиева; и вот если приложить к Благовестову рассуждения автора о человеческой сущности, то выходило так, что в личности владыки все сколь-нибудь известные пороки постепенно переродились в одну большую добродетель. Происходило чудо мистической трансформации, когда злоба, страх, алчность и бессердечие, переплавленные в тигле души, давали вдруг благой результат. В сущности, если отбросить второстепенное, у Грума была лишь одна серьезная претензия к владыке: слишком долго тот задержался на свете, задаром коптя небо и оскверняя ниву жизни тлетворным дыханием. Примерный семьянин и покровитель искусств, спонсор многих культурных программ, Иннокентий Львович в недоумении останавливался перед загадкой бытия человека, который сколотил гигантский капитал, возглавил финансовую империю, но не оставил после себя живого семени.

- Пойду пожалуй, - сказал он. - Надо ехать. Еще дел сегодня невпроворот.

- Ехай, конечно, - улыбнулся Благовестов, - но не забывай о главном.

- О чем это?

- Не всех можно губить, кого хочется.

Уже в коридоре, под пристрельным оком какой-то незнакомой кавказской морды (нового телохранителя, что ли?) плюнул с досадой на пол. Обмолвился словом с подкатившей под руку Машей.

- Чем обрадуешь, сударыня?

- Пока нечем, сударь. Одно точно: в доме захоронки нету.

- Ищи, нюхай, входи в доверие, псина! Уговор помнишь?

- Лишь бы вы не забыли.

- Богатой будешь, вольной будешь, виллу в Неаполе переведу на твое имя. Не сомневайся.

Сверкнула из-под челки жадным взглядом, наклонилась, таясь кавказского пригляда, по-воровски чмокнула в руку...

Таня Французенка то спала, то просыпалась, но сон и явь были одинаково тягостны. Плечо горело и распухло, но не боль ее мучила. Чудные видения являлись ей. Из горячей кровати-печки уводили в иные края и в иные времена. Она пеклась на травке в жаркий полдень на лесной поляне, но была не девочкой, и не взрослой женщиной, а сусликом. Шмыгала в узкие норки и поедала коренья. Так славно что-то похрустывало на желтоватых, сусликовых зубах. Она все глубже вгрызалась в земную твердь, пока не погрузилась в абсолютную, липкую влажную тьму. Толкнулась туда-сюда, а ходу уже нет. Закопал себя маленький суслик, захоронил и начал гнить. Отвалились пушистые лапки, выпали хрупкие зубки и головка беспомощно откинулась в мягкую ложбинку земли. Тане стало смешно. Она помнила, что она не суслик, а совсем другое существо, но никак не могла освободиться от желания перетереть выпавшими резцами прогорклые ошметки. Очнулась в постели, шумнула слабым голосом: - Миша! Мишенька!

Но явился на зов не Миша, а чужая женщина в белом халате с унылым лицом.

- Ты кто? - спросила Таня в испуге.

- Сиделка твоя, Калерия Ивановна. Попей-ка водички, деточка, и снова уснешь. Ночь на дворе.

- Где Миша?

- Миша тоже спит, все спят. Усни и ты. Хочешь, укольчик сделаю?

- Какой укольчик? - взъерилась Таня. - Я тебе дам укольчик, стерва. Убить хочешь? Позови немедленно Мишу.

Женщина послушно поднялась, по-русалочьи взмахнув белыми рукавами, но Таня не уследила, куда она направилась. Сразу открылось другое видение, вязкое, как печеное яблоко. У ней в ухе застрял сверчок. Сначала баловался, поскрипывал, чирикал, после взялся долбить лунку в черепе. Продолбил далеко, до самого мозжечка. Остановить, усмирить сверчка Таня не могла, у нее руки были примотаны к туловищу. Больно ей не было, но она боялась, что упорный трудяга что-нибудь повредит в голове, и она станет еще более безумной, чем была. - «Миша, - позвала жалобно, - помоги мне, Мишенька!». Губин подошел спесивый, надутый и почему-то в японском кимоно. Не говоря худого слова, сунул ей длинный палец в ухо и выковырнул оттуда сразу половину мозгов. Самодовольно ткнул под нос окровавленные сгустки. «Спасибо, Мишенька! - поблагодарила она. - Но сверчка ты не вынул. Он все равно там шебуршится». Губин разозлился, выпучил бельмы: «Ах, не вынул! Да тебе не угодишь. Что ж,

тогда не взыщи!» По его глазам Таня угадала, что он задумал что-то ужасное. И точно. Из складок кимоно выудил блестящую спицу, на конце которой было приспособлено что-то вроде ложечки, и, не мешкая, вонзил ей в ухо. Коленом надавил на грудь и выскреб из ее бедной головушки все, что там еще оставалось, кроме сверчка. «Теперь доволен, милый?» - заплакала Таня. Губин, приплясывая, гоголем прошелся по комнате, кимоно на нем разлетелось. Грудь и ноги черные, волосатые - жуть! У того Губина, которого она прежде знала, кожа была гладкая, атласная, как у девушки. «Миша, это ты или не ты?» - спросила Таня осторожно. Да и чего было спрашивать, когда и так ясно видно, что это не Губин, а убиенный ею «хачик». Но Боже мой - в каком виде! Растелешенный, бодрый, счастливый. Как же, отомстил, подстерег беззащитную, выстудил ложкой череп, теперь сверчок на свободе колотится, как бешеный, от уха к уху, от затылка к глазам. «Миша, Миша! - стонала Таня, силясь прогнать мучителя. - Помоги, Мишенька!».

Губин действительно пришел и помог, как всегда приходил в тяжкую минуту. Сел на кровать в нормальном обличье, опустил прохладную руку на лоб. Еще в комнату прибежали сиделки Калерия Ивановна и насмешливый доктор по имени Савва.

- Что с ней делать? - поинтересовался Губин у доктора. - Она совсем пустая. Одна оболочка.

- Надо бы в морг переправить, - ответил доктор озабоченно. - Вскрыть бы надо. Поглядеть, чего внутри.

- Чего там глядеть, - возразил Губин. - Солитер у ней в кишках. Вон головка изо рта торчит.

Калерия Ивановна переполошилась.

- Именно в морг, именно в морг. Не нами заведено. Все же живая душа.

- Какая душа, опомнись, Калерия! - одернул ее доктор. - Погляди, это же гадюка лесная.

Будучи гадюкой, Таня обвилась вкрут губинской руки.

- Голубчик, миленький! Не отдавай в морг. Положи за пазуху.

Губин хотя и поморщился, не бросил в беде: смял в комок и сунул в карман. В кармане было хорошо, тепло, темно и сверху продувало. Но не успела Таня отдышаться, отдохнуть - другая напасть. Неугомонная Калерия Ивановна кинулась со шприцем. Метила, видно, в плечо, а попала в глаз. Таня сидела в стороне ослепленная, как циклоп в пещере, и горько хныкала.

- Ну чего реवेशь, чего? - усовестил Миша Губин, который опять сидел на кровати у нее в ногах. - Реветь надо было раньше, когда к Елизару нанималась.

- Ты почему знаешь, что нанималась?

- Сам звонил, упредил. Такой добрый человек. Сказал: остерегайся - это смерть твоя.

Таня не поверила.

- Врешь, Мишка! Зачем ему звонить? Он мне денежек за тебя дал.

- Не за меня, за Алешку. И сколько, если не секрет?

Договорить не успели, хотя разговор склонялся к ласковому примирению. Уже из дверей спешили Савва с сиделкой Карелией, и в руках растопыривали огромный полотняный мешок, в каких грузят картошку.

- Заходи сбоку, сбоку заходи! - командовал доктор. - Сперва голову, потом ноги. Что не поместится - отчекрыжим. Миша, тащи пилу!

Мешок попался безразмерный, она легко упряталась в нем целиком, да помешала оказия: на дне открылась дырка, и Танина голова просунулась наружу. Тут уж все, кто с ней занимался, пришли в игривое настроение. Кто-то ухватил за уши, кто-то потянул, а Губин самолично приладил пилу.

- Ну и ладушки, - обрадовался он. - Теперь-то укоротим до нужного размера.

Пилил Губин сосредоточенно, ритмично, чуть ниже загровка - и это очень возбуждало. «Вжик-вжик! вжик-вжик!» - поскрипывало железо в умелых руках, аккуратно расчлняя хрящики и сухожилия.

- Сейчас кончу! - всхлипывала Таня. - Сейчас кончу, любимый! Только не останавливайся, пили поглубже...

И вдруг наступило утро, когда все видения растаяли. Комната покачнулась и мебель встала на привычные места. Солнечный свет томился в занавесках. У Карелии Ивановны, дремлющей в кресле, было утомленное, обыкновенное лицо пожилой женщины.

- Где Миша? - спросила Таня. Видно, она столько раз задавала этот вопрос, что Карелия Ивановна не смогла сразу понять: бредит или нет. По губам скользнула тревожная гримаска. Чтобы ее успокоить, Французенка добавила:

- Черт с ним, с этим Мишкой! Дайте лучше чаю.

- Хочешь кушать?

- Еще как!

Женщина поправила одеяло, потрогала лоб.

- Ну и слава Господи! Какая тебя всю ночь лихоманка била. Хотели в больницу везти.

- Только одну ночь?

- А ты думала - сколько?

Таня изумленно улыбалась, чувствуя странное в себе обновление. Вместе с жаром и болью некая черная часть ее естества за

ночь вытекла на пол. На душе просветлело, как в оконных шторах. И позже, когда жадно ела с подноса, принесенного Карелией Ивановной, новое ощущение света и покоя никуда не делось, а только, кажется, укрепилось. Она боялась его спугнуть неосторожным движением.

Миша Губин пришлепал из соседней комнаты, зорко глядя сверху.

- Ну как?

- Мишенька, надо нам поговорить.

Губин опустил на стул - спина прямая, руки на коленях сжаты в кулаки, в глазах не поймешь что. «Мой суженый, - расстроганно подумала Таня. - Единственный, неповторимый! Такой же убийца, как я».

- Слушаю тебя, - сказал Губин.

- Ты куда-то спешишь?

- ?

- Мишенька, как ты не поймешь... Куда нам спешить, раз уж мы встретились.

- Это все?

- В каком смысле?

- Все, о чем ты хотела поговорить?

Карелия Ивановна, неслышно ступая, покинула комнату.

- Поцелуй меня, любимый!

Губин не нашелся с достойным ответом. За ночь он принял окончательное решение. Выбор был невелик. Несчастную маньячку, приворожившую его сердце, следовало или убить, или этапировать куда-нибудь на окраину необъятной родины, где посадить под замок. В Таганрог или на Кушку - это неважно. Первый вариант был радикальный и справедливый: Танино появление на свет было заведомым браком; кто-то все равно, рано или поздно, должен был взять на себя труд и исправить зловещую ошибку природы. Губин мог это сделать. Ему и прежде случалось брать на себя роль прокурора, судьи и палача одновременно. Он относился к этому философски. Кто взял в руки меч, тот должен им владеть. Но убить Француженку, похоже, значило то же самое, что вырвать собственную печень. К такого рода героизму Губин не был внутренне готов. Даже ночью, когда она металась по постели, взмокая, в лиловых пятнах, изуродованная лихорадкой, он тянулся к ней и желал ее со всей силой молодой, неизрасходованной страсти. После смерти она, конечно, вернется к нему и потребует недоданной любовной доли.

Второй вариант (этапирование под замок на окраину) ничего, в сущности, не решал, загонял психологический нарыв вглубь, зато отпускал резерв времени, необходимый сейчас Губину. Он остановился на ссылке.

- Поцелуй меня! - капризно повторила Таня. - Тебе противно, что ли?

Молча Губин поднялся и пошел на кухню, но по дороге его перехватил зуммер радиотелефона. На связь вышел Гриша Башлыков, оголтелый контрразведчик. То, что он сообщил, было неприятно. Только что Башлыкову по его каналу стало известно, что особая опергруппа МВД получила задание ликвидировать некую террористку при задержании. Но не это было обидно. Башлыкову, как ни странно, было известно и то, что знаменитая киллерша каким-то образом связана с Губиным. Сколь ни были в его глазах высоки профессиональные качества Башлыкова, выходит, он все равно их недооценивал.

- Когда намечена операция? - спросил Губин.

- Полчаса, думаю, у тебя есть. Помощь нужна?

- Справлюсь. Спасибо. До свидания.

- Держи меня на контроле.

- Хорошо.

Карелия Ивановна готовилась к перевязке.

- Нет, - сказал Губин. - В другой раз. Сейчас быстро ее оденьте. Мы уезжаем.

- Куда, любимый? - поинтересовалась Таня. - Я ведь еще не совсем выздоровела.

- Три минуты - и выходим, - по его лицу Таня поняла, больше задавать вопросы пока не нужно. Вместо этого она с головой укрылась одеялом и затаилась, как невидимка. Губин грубо сорвал с нее одеяло.

- Я с тобой чикаться не буду! Не оденешься, голую отнесу в машину.

- Карелия Ивановна, - взмолилась Таня. - Вы женщина добрая, спасите меня! Вы же видите, любимый озверел. Хочет увезти в лес и без свидетелей надругаться.

Кос-как вдвоем с сиделкой Губин натянул на нее юбку и шерстяную кофту.

- Любимый, - ворковала Француженка, умело выворачиваясь. - Ну почему ты не хочешь сделать это здесь? Почему обязательно в лесу? Карелия Ивановна, миленькая, это он вас стесняется. Отвернитесь, пожалуйста.

- Михаил Андреевич, - сказала женщина, - надеюсь, вы отвечаете за свои действия?

- Я за все отвечаю.

По рации он связался с Михайловым и предупредил, что исчезает на сутки. Алеша уловил в его голосе какую-то незнакомую нотку.

- Ты не заболел?

- Нет, я здоров. Личные дела.

Потом позвонил в офис и распорядился, чтобы две машины с боевиками через час подстраховали его на Минском шоссе. Подошел к окну. Его «вольво» стояла впритык к телефонной будке, вокруг пусто.

Калерии Ивановне он велел остаться в квартире и ждать. Если кто-нибудь придет и станет ее расспрашивать, надо сказать, что молодая хозяйка звонила в аэропорт, интересовалась рейсами на Сочи.

- Я врать не умею, - отнекнулась женщина, погруженная в тяжкое раздумье.

- Соври разок, - попросил Губин, - для общей пользы.

- А что ответить доктору?

- Савве я сам позвоню.

В лифте он поддерживал Таню за талию, а она постанывала, как деревце на ветру.

- Мишенька, ты любишь меня?

Глаза у нее были жутковатые, точно успела насосаться травы. Он ее не совсем как-то узнавал в это утро, но задумываться об этом было некогда.

Успели сесть в машину, и движок захрюкал, когда в переулочке вымахнули две «волги» с ментовскими номерами, набитые стрелками под завязку.

- Нагнись! - бросил Губин, и для верности тяжелой рукой придавил ее голову к панели. Таня жалобно ойкнула и обмякла. Губин аккуратно развернулся и к Садовому кольцу вырвался без приключений, но в зеркальце заметил, что одна из машин, видно, по наитию, все же села на хвост. На Комсомольском проспекте на ходу прищелкнул на крышу милицейскую мигалку. Правил движения больше не соблюдал: хотел оторваться от преследования до окружной. Москва была перегружена транспортом и слегка дымилась. Возле Лужников дорогу перегородили столкнувшийся грузовик и «жигуленок», образовали солидную «пробку». Губин обогнул «пробку» по тротуару и ухитрился выскочить прямо перед светлые очи капитана-гаишника. Черноровое, багровое лицо капитана осветилось улыбкой удачи. Увидя просунутую в окошко двадцатидолларовую купюру, даже не стал читать наставления, схватил денежку и доброжелательно махнул жезлом: проезжай, соколик!

Таня очнулась на метромосту, потянулась, как со сна, укоризненно заметила:

- Любимый, ты хотел убить раненую девушку? От кого мы удираем?

- Ни от кого. Подремли еще немного.

- Зачем ты так хряснул меня головой о панель? Мне же больно. Вот и вторая рука теперь тоже отнялась. Как я буду тебя обнимать?

Губин никак не мог понять, сбросил ли он «хвост». На проспекте Вернадского разогналса за 100, мчался, сопровождаемый гудками разгневанных водителей, знакомая «волга» давно исчезла, но это ничего не значило. У оперов из спецгруппы были свои, особые приемчики дорожного выдавливания. На охоту, подобную этой, они выходили в несколько «застав», с отлаженной системой страховок, передавали объект с рук на руки по принципу «домино». У них были очень высокие показатели по конечному результату. Преимущество «чистильщиков» перед остальными оперативными службами было в том, что у них не было нужды стесняться в средствах. Большой гон был для них развлечением, чем-то вроде рулетки с обязательным кушем в конце. Эти ребята никогда не торопились ставить точку: сам процесс преследования доставлял им массу удовольствия. Хорошо натасканные, тренированные, двуногие борзые, которые получали премиальные с каждого снятого скальпа. Высшим шиком среди этой отчаянной братии считалось повалить жертву как раз в ту минуту, когда она возомнит себя недосыгаемой.

Подполковник Веня Суржиков, два года назад продавший душу дьяволу и получавший паек сразу в трех местах, «принял» машину с преступниками возле кинотеатра «Звездный», куда добрался из центра на своем мощном «мустанге», одному ему известными просеками. Теперь, сидя в уютной кабинке «тойоты» рядом с матерым сержантом-афганцем Власюком, он испытывал то желанное опустошение, освобождение от серых пут обыденки, которые приносила только бешеная погоня за ускользающей мишенью.

- Что, Власюк, достанем гадов?! - Суржиков возбужденно посмеивался.

- Куда же они денутся, шеф, - ответил сержант.

Когда серая «вольво» вырулила на Минское шоссе, стало ясно, что деться беглецам действительно некуда. Дожим объекта на загородном шоссе - забава для новичков, вроде охоты на кролика. По рации Суржиков вызвал на подмогу вертолет, а также предупредил о повышенном внимании милицейские посты. Парня, который крутил баранку убегающей «вольво», по указанию заказчика следовало почему-то не трогать, а отсечь. «Умники дерьмовые, - смешливо подумал Суржиков. Придумают же такое - отсечь! Тыквы бы вам всем отсечь вместе с куриными мозгами!»

Смутное время, которое корежило страну, вполне устраивало подполковника, словно для него было обустроено. В этой лихой ломке он чувствовал себя, как рыба в воде, а раньше прозябал, и

еле сводил концы с концами. Теперь он размахнулся на полную катушку. Ему нравилось догонять, рвать в клочья, цедить сквозь зубы команды, отстегивать крупные бабки красивым шлюхам и выколачивать гонорар сразу из трех контор. За буйство и удале ему платили наличными, а не пугали служебным расследованием. Все, что раньше было противозаконным, стало естественным, как дыхание. Множество былых, нелепых ограничений и установок, путавших ноги и руки, рассыпалось в прах, и жизнь для быстрого, сметливого человека засверкала всеми цветами радуги. Наконец-то укоренилось так, как и должно быть, как заведено от века: нытику и рохле выпали слезы, а вольному и неустрашимому - победа.

Подполковник спросил у Власюка:

- Тебе такая фамилия - Губин, ничего не говорит?

Сержант ухмыльнулся:

- Наверное, шибко губастый, раз Губин. Нет, товарищ подполковник, про такого не слышал.

- Палить не разучился?

- Обижаете, гражданин начальник.

- Этого Губина, если что, возьмешь на себя. Но только когда рпнется.

- Понятно, - кивнул сержант. Жар погони томил его не меньше, чем командира, он беспрестанно курил.

На тридцатом километре Губин свернул на боковое шоссе, проскочил деревню Юзовку и направился к песчаным карьерам, до которых еще было минут десять езды. Он сознавал, что мясорубка предстоит нешуточная. Давно вычислил упорную «тойоту», умело следующую на одном и том же расстоянии, и неожиданно спланировавший на шоссе ментовский вертолет. Два «жигуленка» с его собственными бойцами прилипли к потоку на выезде из Москвы, и Губин по радию послал их вперед на лесную развилку возле карьеров; и затем намеренно сбрасывал скорость, чтобы дать им время для маневра. По общей раскладке выходило, что перевес сил пока на его стороне, но долго это не продлится. Он понимал, что обложен со всех сторон, и уходить придется внатяжку.

Тане приходилось туго, хотя она крепилась из последних сил. На Минском шоссе, отутюженном немецкой техникой, еще было терпимо, но на разбитой асфальтовой колее ее вытряхивало на всех колдобинах, и перед глазами разрывались оранжевые круги.

- Не гони, негодяй, - сказала она. - Убей прямо здесь, дальше спайся один. У тебя есть лопатка?

- Зачем тебе лопатка?

- Сама вырою могилку. Останови, вон хорошая полянка. Цветочки.

- Послушай, Таня, - голос у Губина странно мягок. - Соберись немного. Видишь машину сзади?

- Ничего больше не хочу видеть.

- Увязались какие-то мерзавцы. Черт знает, что у них на уме. Когда тормозну, ляжешь на сидение - и носа не высовывай. Хорошо?

- Я знаю только одного мерзавца.

Скоро узнаешь и других.

Уже они скакали по грунтовке, впереди - широкая развилка. Оба «жигуленка» светились голубыми капотами из зарослей бузины. Чуть левее почти неподвижно, низко, как люстра, раскачивался в небе вертолет. Диспозиция хорошая: ребята успели замаскироваться, рассредоточась среди деревьев вдоль обочины. Губин остановил машину, и не стал разворачиваться.

- Прошу тебя, - сказал он. - Не дури.

Ее глаза полыхнули, как две зеленуватые плошки. Губин достал из бардачка «люгер», сунул под рубашку.

- Миша, обними меня!

Он дотянулся, поцеловал сухие, воспаленные губы. Конечно, это бред, наваждение, но желание пронзило его с такой же силой, как если бы они лежали дома на постели.

- Видишь, - заметила Таня самодовольно, - любишь меня.

Природу-то не обманешь.

- Грош цена такой любви.

Он распахнул дверцу и выпрыгнул. «Тойота» застопорила шагах в двадцати. Оттуда шли к нему двое мужчин: один повыше, коренастый, средних лет, другой - в самом соку, гибкий тополек с льяными кудрями. У обоих в руках короткоствольные, с округлым цевьем автоматы - новейшая модификация Калашникова, отличные, безотказные игрушки. Губин предостерегающе поднял руку.

- Стой, мужики, поговорим!

Мужчины послушались, остановились. Старший засмеялся:

- Губин, мы тебя знаем. Беги в лес, никто не тронет. Нам девчонка нужна.

- Кто вы?

- Особый отдел. Подполковник Суржиков. Хочешь, документы покажу? Шагай сюда.

Мужчины синхронно сдвинулись. Губин снова поднял руку.

- На месте, я сказал! Зачем тебе девчонка, Суржиков?

- Ты любопытный, Губин!? Путевку на курорт ей выпишем. В Минводы. Доволен?

Губин видел, что опасаться надо не подполковника, тот вполне владел собой, а вот его молодой напарник так и дергался со своей скорострельной машинкой. Вертолет завис над головой и

так гудел, что приходилось кричать, надрывая связки, но можно было уже и не кричать, потому что все было сказано.

- Девчонку не получишь, - проорал Губин, - но уцелеть еще можешь.

Первый стрелять, как и следовало ожидать, начал молодой, и одновременно Губин кувырнулся в кювет, на лету рванув из-за пояса «люгер». Схватка получилась короткой. Мгновенно ожили деревья, и двух одиноких стрелков на дороге скосило, как деревянные столбики. Они не успели толком ничего понять. Из подкравшегося вертолета потекли на землю стальные, смертельные нити. Губин, лежа на спине, выпустил весь заряд, целя в топливные баки. Бойцы тоже с азартом пуляли из укрытий. Кто-то попал удачно. Вертолет, словно в раздумье, закашлялся, и резко взмыл в высоту. Но и там, пока был на виду, продолжал перхаться, харкать и недоуменно раскачиваться. Губин подошел к лежащим в живописных позах подполковнику Суржикову и его подпаску. По тому, как изумленно они улыбались, было понятно, что оба не ожидали, что вся эта катавасия, которая называется жизнь, так быстро и нелепо закончится. Сержант в смерти не успокоился, горбился над своим автоматом и продолжал посылать короткие очереди в грудь свирепому врагу, зато его старший товарищ только прикидывался мертвым. Губин угадал это по легкому трепетанию сомкнутых ресниц на заиндевавшем суровом лице. Он нагнулся, высвободил автомат из теплых, расслабленных пальцев, посоветовал:

- За мной больше не гоняйся, вояка. Шею свернешь.

За спиной Лева Чмок, командир «пятерки», деликатно напомнил о себе.

- Прибраться здесь, или как?

Губин пожал ему руку.

- Хорошо поработали, спасибо... «Тойоту» где-нибудь захорони. Я уйду на твоей машине. Доберетесь до точки, замрете наглухо.

- Будет сделано.

Неподалеку топтались еще четверо бойцов, стеснялись подойти. Их Губин тоже поблагодарил.

- Премияльные по гранду на рыло. Чмок рассчитается. До встречи, ребятки.

Ребятки радостно загудели. Все четверо впервые видели своего легендарного командира.

Губин вернулся к «тойоте», пересадил Таню в «жигуленок». «Люгер» сунул в бардачок, не перезаряжая.

- Горжусь тобой, любимый! - жеманно пролепетала Француженка. - Ты - настоящий воин. Как сиганул в канаву - уму не постижимо.

Губин развернулся и погнался к карьерам. Путь предстоял неблизкий.

- Как самочувствие? - спросил у Тани.
- Миш, чего от нас хотели менты?
- Откуда я знаю. Бесятся с жиру.
- Они за мной гоняются?
- Возможно, и так.
- Миш, ты меня не отдашь?
- Будешь слушаться, не отдам.
- Я люблю тебя, Губин.
- Это как вам угодно.

Песчаные карьеры не разрабатывались лет десять, но в одном из вагончиков тут обретался на покое древний житель планеты Кузьма Кузьмич Захарюк. От государства он получал хилую пенсию и зарплату сторожа, и Алеша Михайлов пересылал ему ежеквартальное пособие, которое с лихвой хватало на все его незамысловатые потребности. На иждивении у старика были три немецких овчарки, день и ночь злобно завывавшие в деревянном загоне, и приходящая бабка Матрена. Алеша платил деньги за то, чтобы он, не жалея сил и времени, распутивал окрестных обитателей, и с этой задачей Кузьма Кузьмич справлялся успешно. В близлежащих деревнях песчаные карьеры почитались гиблым местом, куда нормальный человек рисковал сунуться разве что с диковинного перепоя.

Губин подрулил к вагончику и погудел. Старик вышел на металлическое крылечко и, заслоня ладонью от солнца, сверху разглядывал пришельцев. Губин его не торопил, потому что знал, что выйдет только хуже. Кузьма Кузьмич был сутуловат, приземист и с возрастом весь ушел в густую, до пояса бороду и яркие, пронзительные глазки, стальные, как у совы. Постепенно он спустился с крылечка и приблизился к Губину.

- Выходит, от Алешки прибыл? - спросил замогильным голосом.

- Так точно, - ответил Губин.
- По какому делу?

Губин протянул старику стопку десяти тысяч ассигнаций.

- Вознаграждение за минувший квартал, Кузьма Кузьмич. А так же есть особое поручение.

Старик принял деньги и, не пересчитав, сунул куда-то под бороду.

- Какое поручение, говори! Замочить кого?

По прежним временам Захарюк переменял много профессий, среди которых бывали и экзотические.

- Видишь, дедуль, дамочку в машине?
- Еще не ослеп.

- Надобно ее срочно переправить в деревню и определить на постой. Как бы под видом племянницы или внучки.

Старик обогнул Губина, передвигая ноги как-то навскидку, и заглянул в салон. Таня ему улыбнулась, подмигнула и показала язык. Захарюк отшатнулся.

- В деревне прятать хлопотно. Зарыть бы вон в песок, никто сто лет не хватится.

- Велено пока в деревню. С Алешкой не поспоришь.

- И когда ехать?

- Прямо сей минут.

- Бензинцу хватит на дорогу?

- Хватит, дедушка.

Старик смачно харкнул себе под ноги и поковылял к загону. Отворил щеколду - три громадные овчарки с ужасающим рыком вымахнули на волю. Дружно, в несколько скачков преодолели расстояние до Губина, и старик от острого любопытства даже присел на корточки. Но собаки не причинили зла замершему в неподвижности Губину, понюхали его колени и, точно по сигналу, завыв на три голоса, умчались в сторону леса. Кузьма Кузьмич с кряхтением поднялся на ноги и вернулся к машине.

- Я готов, - сказал с оттенком удивления в голосе. - За имуществом Матрена приглядит. Не понимаю только, почему тебя псы не сожрали?

Губин подергал старика за бороду.

- Оставь шуточки для праздника, дед. Сегодня других дел полно.

Ехать им предстояло до Калуги, и немного подалее, но главное - благополучно пересечь Минское шоссе. Тронулись объездной дорогой на Юго-Запад, и уже через пять минут наткнулись на милицейский дозор: две машины с мигалками и много вооруженных людей в форме. Только тут Губин вспомнил о своей поразительной оплошности: «люгер» невинно дремал в бардачке. Однако, обошлось: доверенность на машину была в порядке, как и водительское удостоверение, да и вид опрятного старика, сопевшего на заднем сидении, внушал доверие. К тому же улыбающаяся, красивая девица натурально была очарована строгим майором, командующим дозором.

- Айда с нами, господин милиционер, - прошептала она беззаботно. - С этими чурбанами поговорить не о чем.

Все же Губину велели выйти и открыть багажник. Там лежали запаска и разное тряпье.

- Куда едете? - спросил майор.

- Старикана везу в больницу, - и потише добавил. - Боюсь, загнется по дороге.

- Что с ним?

- Черт его знает! Всю ночь верещал, как резаный. Чего-то с брюхом. Да ему же сто лет в обед.

- Откуда едете?

- Из Семеновки.

- Выстрелов не слышали?

- Каких выстрелов?

- Ладно, отправляйся. Спасай должника.

Таня через стекло послала майору воздушный поцелуй.

- Какая она у тебя озорная, - позавидовал Кузьма Кузьмич, когда отъехали. - Поблядушка, что ли?

Таня к нему обернулась.

- Дедушка, как вам не стыдно!

- У тебя что с плечом-то, шалунья?

- Миша прокусил, когда насильничал.

- Вона как! Ну ничего, терпи. Бабка Таисия подлечит.

Вскоре дед задремал, укрывшись бородой. Таня курила, мечтательно глядя прямо перед собой. Машина весело летела через солнечный день по Калужскому шоссе, подминая под себя пузырящийся асфальт.

- Миш, а ты кто по профессии? Ну, по нормальной профессии?

- Программист... А ты?

- Я думала - ты из военных... А я никто, пустое место. Из пеленок - в дамки. Глупо, да?

- Печальный случай, - Губин обогнал чернокрылую «волгу».

- Миша, ты ничего не заметил?

- Куришь много.

- Нет, не это... Первый раз говорим с тобой по-человечески. Что бы это значило?

...Таня вспомнила, как это было. Она была сопливой девчонкой и училась в седьмом классе. У нее была чудесная мама, хлопотливая, умная, но любящая всех мужчин на свете, ни перед одним не могла устоять. Кто на нее заглядывался, тот и брал. Всех мужчин, кому понравилась, она вела в дом и незамедлительно укладывала в постель. Иные даже не успевали осушить положенный для любви шкалик. Таня прощала мамочке забавную, житейскую слабость. В их забытом Богом поселке, где жили шахтеры и уголовники, мамочку звали не иначе, как Люська-оторва, или Люська-проститутка, но девочка знала, что бедная женщина никакая не проститутка, а всего лишь смиренная, домашняя квочка с голубоватым от постоянного любовного томления лицом. Она не была вольна в своей судьбе, как не вольна текущая река повернуться вспять. Разумеется, некоторые из гостей, особенно спьяну, обращали внимание на пухленькую дочку своей подружки, и пытались на скорую руку приспособить и ее

для мужских надобностей. Но на этом обжигались. Девочка была скоро на руку, и коли подвертывался кипятик на плите, не раздумывая, выплескивала его в морду ухажеру; а коли в пальцах оказывался тесак для мясной разделки, с озорным смехом норовила выпустить кишки галантному гостю. Мужчины с опаской отступали, когда натыкались на разъяренную вакханку, и только жаловались матушке, что у нее не дочь, а исчадие ада, совершенно неуместная в мирском обиходе, где так много улыбок, радости и счастья. Уже в ту пору Таня научилась относиться к мужчинам так, как они того заслуживают: прохиндеи, похотливые самцы, полулюди. Но это свое знание она так и не сумела передать матери, неприхотливой жрице любви, искренне верящей в то, что бесконечные оргастические судороги служат добродетели ничуть не хуже, чем умерщвление плоти. Вскоре зачастил к ним некий приезжий с Сахалина, совсем уж мерзопакостный. У него были оловянные глаза, глиняный, потный череп, и во время любовных упражнений он хохотал, как оглашенный. У него была кличка Борик-хуторянин. Неведомо на каком хуторе он обретался дотеле, но в их тихом, рабочем поселке обосновался, как султан. Его боялись женщины, дети и даже мужчины, расконвоированные после многих лет заточения. Он был по-обезьяньи волосат и неустрашим. Его несколько раз пытались укокошить, но об его череп, хотя и слепленный из глины, ломались, не причиняя вреда, древесные стволы, а подручные инструменты, навроде ножей, топоров и вил, он перекусывал гнилыми зубами, как спички. С первого захода в дом он положил глаз на светленькую девочку, и долго сосал толстый палец, изучая ее оловянным взглядом. Борик не скрывал своих намерений. Перед тем, как удалиться с матерью в комнату для совершения ритуального, брачного обряда, он выпивал из горлышка единым духом поллитру водки и счавкивал горшок щей. При этом обязательно приоткрывал для трепещущей от отвращения девочки завесу будущего.

- Скоро буду ломать тебе целку, малявка! Готовься и жди.

Таня предупреждала:

- Прогони его, мама! Разве не видишь, какой он? Он принесет нам горе.

Но несчастная жрица любви была заколдована непомерной мужицкой силой Борика-хуторянина, и угадывала в нем черты прекрасного рыцаря, одинокого скитальца.

- Он с виду только грубый и злобный, - уверяла она дочь, светясь жертвенной тоской. - На самом деле Борик мухи не обидит.

Настал день, знойный и черный, когда добрый Борик-хуторянин наведался в отсутствие матери. Таня кропала уроки на

кухне. Против обыкновения гость был серьезен и сосредоточен, печально заметил:

- Пора, малявка!

- Что - пора? Мама скоро придет, - Таня побледнела от страха. Борик взял ее на руки и отнес на мамину постель. Сдернул юбочку, аккуратно приспустил трусишки, и уже начал сипло похихатывать, но девочка изловчилась и вонзила в мохнатое брюхо маникюрные ножницы. Там они и повисли, раскачиваясь на жестких волосиках. Борик удивился, вынул ножницы из брюха и зачем-то их понюхал и лизнул. Воспользовавшись его задумчивостью, девочка соскользнула с кровати и шмыгнула к входной двери, но там он ее настиг. Схватил за худенькие плечи, поднял и швырнул о стенку. Потом пинками закатил обратно в комнату. Таня долго не теряла сознание, и сквозь кровавую муть успела разглядеть надвигающийся на нее чудовищный, в сиреневых прожилках, глиняный оскал.

Очнулась в больничной палате, где провела скучную, безысходную неделю, не желая ни умирать, ни пробуждаться. Боли постепенно утихли, но хрупкий, душевный клапан был в ней поврежден. Домой из больницы она не вернулась, ударилась в бега...

Под самой Калугой Кузьма Кузьмич проснулся и грозно спросил: - Где мы?! Куда нас черт занес?

Губин заново все ему растолковал: дескать, Таня его родственница и надо ее определить на постой денька на три-четыре. Разумеется, за ночлег выйдет особая плата, как за гостиницу. Старик вдруг заартачился и велел везти его обратно домой, где у него некормленные собаки и сожительница Матрена. Пришлось Губину напомнить, что они не на прогулке, а выполняют деликатное поручение хозяина, причем тоже за отдельное вознаграждение.

До деревни Опеково добрались в сумерках, плутали часа два проселками, пока Кузьма Кузьмич приходил в соображение. Таню на ухабах совсем разморило, она жалобно охала и умоляла выкинуть ее на обочину. Деревня открылась перед ними двумя рядками хилых изб, да блестящими проплешинами прудов, раскиданных там и тут по травяному настилу. Странное, сухое безмолвие царило здесь, словно помыкавшись по непролази, они выбрались в сопредельное государство, откуда указом Господним начисто вымело живой дух. По заросшей бурьяном улочке подкачтели к серой избе, свесившейся особняком на взгорке, не встретив на пути ни одного человека.

Навстречу из дома спустилась старая женщина в сером шерстяном платке, замотанном до бровей. Опираясь на клюку, долго

молча разглядывала неожиданных гостей, не произнося ни слова, с выражением глубокой думы на худеньком бледном лице. Наконец негромко спросила:

- Кузьма, ты что ли?

Старик подошел к ней и обнял. Это была трогательная сцена, от нее веяло иными, более счастливыми временами. Кузьма Кузьмич нежно поглаживал старухину голову, сминая платок, жалостно приговаривая: - Таисья, надо же, Таисья, дурочка! - а женщина, запутавшись в его бороде, вздрагивала плечами и хныкала.

Потом они отстранились друг от дружки и оба заулыбались.

- Маленько постарела, греховодница, - буркнул Кузьма Кузьмич.

- Да и ты не помолодел, старый бродяга.

Через час все четверо сидели за накрытым столом в опрятной светелке. По дороге, в каком-то безымянном селении Губин заскочил в магазин и набрал полную сумку еды и питья. Таисья Филипповна только очарованно ойкала, когда он выкладывал на стол нарядные заморские жестянки, палки копченой колбасы, оковалок сыра и бутылки. Со своей стороны хозяйка тоже не ударила в грязь лицом, и подала к пиру чугунок разваристой, белой картошки и большую глиняную миску с солеными огурцами.

Все кроме Губина, который собирался попозже поворачивать в Москву, причастились водочкой и сладким, иноземным вином, закусили неслыханными лакомствами, и пришли в счастливое расположение духа от случайного застолья. Разговор вели в основном старики, Таня клевала носом, а Губин никак не мог толком осмыслить, где очутился. Уж чересчур разителен был контраст этого призрачного сидения под тусклой, деревенской лампочкой Ильича со всем тем, как он жил последние годы. Из слов Таисьи Филипповны постепенно выяснилось, что жить в деревне стало несравнимо лучше и свободнее, чем в прежние времена, потому что никто теперь не бесится с жиру. Ослабевшие околели прошлой зимой, кто порезвее, помоложе разбрелись в разные стороны, и ныне, надо полагать, в деревне Опеково установился истинный рай, когда никто не догадывается, что принесет завтрашний день и не заботится об этом. Духарил, правда с той Пасхи, какой-то лихой человек, прозывавший себя фермером, баламутил вымирающих жителей, но по декабрю и сам угорел в кленовой баньке, которую собственноручно сколотил себе на утеху. Прибрал Господь ухаля. Фермер был последним, кто наводил на мирян ужас, и после его отбытия установилась в деревне окончательная благодать.

- Даже не понимаю, как ты нас обнаружил, Кузьма, - подивилась Таисья, с удовольствием прихлебывая из чашки янтарный португальский портвейн. - Мы же тут, как в бездне, ни с кем не общаемся.

- Ну уж так-то? - усомнился старик. - Положим, почта в Опеково ходит, и телек фурычит. Это и есть натуральная связь с подлунным миром.

- Вот и нет, - задорно поправила Таисья. - Почту весной прикрыли, что ей у нас делать-то? Газеты не берем, дорогие больно, писем некому писать. А телевизор просто так остался, для красоты.

- Не работает что ли?

- Может и работает, да не для нас. Мы в ихних передачах ничего не смыслим.

- Ну почему же, - солидно возразил Кузьма Кузьмич, - есть хорошие передачи, к примеру, «Просто Мария». Я сам, бывает, расслаблюсь от трудов праведных, погляжу одним глазком, какие там проблемы в их зарубежной жизни. Любопытно другое, чем вы тут кормитесь в годину бедствий?

- Земля кормит, воровать негде.

Надо заметить, старик со старухой в какой-то момент вовсе перестали обращать внимание на молодых гостей, и исключительно между собой вели задушевную беседу.

- Вот что, братцы, - прервал тихий праздник Губин. - Мне пора собираться, а надо бы Таню перевязать, да спать ее уложить.

Кузьма Кузьмич пробурчал:

- Куда спешить, коли ночь на дворе. Оставайся, утром вместе поедем.

Таисья Филипповна сразу пригорюнилась.

- Ты-то куда наострился, Кузьма? Я-то чаяла насовсем воротился. Может, неча за морем счастья искать?

Старик окинул подругу презрительным взглядом.

- Молчи уж, кадушка деревенская. Не хватало с вами тут в землю зарыться.

- Господи, да сколь можно шляться! Уж не такой молодой ты, Кузя.

- Молодой или нет, на печку с вами не полезу.

Сокрушенно покачивая головой, Таисья повела Таню в закуток, где была отгорожена лежанка. Вскоре оттуда послышались причитания. Таисья вышла из-за перегородки, попеняла Губину:

- До чего девку довел, парень! Рази можно.

Пошла на кухню готовить снадобье, и Кузьму поманила с собой. Губин остался за столом один. Темное окошко, затороченное белым холстом, тиканье часов с кукушкой, первобытная,

колдовская тишина. Чудная мысль пришла в голову: не достиг ли он предела, за которым ничего больше не будет? Ощущение было сродни медитации. Отсюда, из глухой ночной прогалины, невероятным казалось, что днем был бой у песчаных карьеров, была погоня, и два трупа раскорячились на разбитой колее. Не верилось и в то, что всего лишь в ста километрах раскинулся гигантский город, скопище призраков, где люди большей частью оборотились в хищников с окровавленными клыками, занятых жутчайшим пищеварительным процессом, перевариванием своих обнищавших собратьев: город пещерного бреда, где инстинкт выживания возведен в желанную норму жизни...

- Миша, Мишенька! - детским голоском позвала Таня из-за занавески. Губин поморщился, но пошел к ней. Голая до пояса, с посиневшим, восковым плечом, с потухшими глазами, она, казалось, постарела лет на двадцать. Синюшная бледность наполнила на впалые щеки.

- Мишенька, если сейчас уедешь, я умру.

- Не умрешь, Таисья подлечит.

- Миша, правда умру!

- Это было бы слишком просто. Я думаю, еще покуролесишь.

- Миша, поцелуй меня!

Он прикоснулся губами к прохладному влажному лбу. С неожиданной силой она обвила его шею здоровой рукой.

- Мишка, что же нам делать? - шепнула в ухо.

Губин еле вырвался, все же стараясь не причинять ей боль.

- Ты о чем?

- Мы любим друг друга, дорогой мой! Но ты никогда мне не поверишь.

- Во что я должен поверить?

- Я другая, Мишенька. Утром проснулась другая. Мне не страшно умирать, жить страшно.

Посиневшая, истрепанная, растерзанная, с вечной ложью на устах, она все равно была ему желанна.

- Другой ты будешь в гробу, - сказал он. - Да и то непохоже. Слезы текли по ее щекам.

- Прошу тебя, любимый, останься на ночь! Только на одну. Прошу тебя!

- Останусь, - буркнул Губин. - Не ной ради Бога.

Таисья Филипповна принесла тазик горячей воды и склянку с какой-то черной мазью.

- Кыш, кыш отсюда, женишок, - прогнала Губина. - Ты свое дело сделал, не уберег красну девицу.

За столом одиноко сутулился над рюмкой Кузьма Кузьмич.

- Ну какую с ними кашу сваришь, с деревенскими оглоблями, - пожаловался Губину. - Как уперлись сызмалу носом в кучу навоза, так и разогнуться некогда. Какую жизнь они видели? Но беда не в этом. Им ниче и не надобно, кроме навозной кучи, да вот этой курной домишки. Им даже телек лень глядеть. Ох, пустые людишки, пустые! Рази с такими-то сладишь обновленную Россию?

Губин не удержался, съязвил:

- Ты, дедушка, выходит, на песчаном карьере разогнулся?

Старик недобро зыркнул глазами.

- Ты, парень, моих забот не ведаешь. Ваше дело молодое, озорное: бей в лоб, пуляй в спину. Вы-то, пожалуй, похуже будете, чем несчастные старухи.

Заинтересованный Губин подлил в чашку остывшего чая.

- Просвети, пожалуйста, молодого дурака.

- Наверяд ли ты поймешь.

- Почему?

- Порчу на вас напустили. По научному понятию - закодировали. У вас теперь все шестеренки крутятся в одну сторону: деньги, деньги, деньги. Ты парень смышленный, но и с тобой не о чем говорить, коли у тебя карманы от денег топырятся.

- Смотри как получается, дедушка, - улыбнулся Губин. - Со мной тебе не о чем говорить, как бессребренику с капиталистом. Таисья Филипповна тебя тоже не устраивает, потому что в навозе зарылась. Кто же у тебя остается равный собеседник?

Старик почмокал губами и опрокинул заждавшуюся стопку.

- Верно подметил, сынок, очень верно. Собеседников почти не осталось. О том шибко печалюсь. События чересчур круто повернулись. Сегодня собака больше понимает, чем русский человек. Чистоган вышиб людям последние мозги. Но это временная беда. Зрячих-то всегда было немного по сравнению со слепыми. Но ихними усилиями бережется тайна бытия.

- В чем же эта тайна?

Кузьма Кузьмич глядел с веселым прищуром, и поразительно было, как он вдруг зажегся.

- Хотя бы в том, сынок, как тебя мутит. Ты над стариком посмеиваешься, а все равно спрашиваешь, интересуешься. Червь сомнения тебя точит. Выходит, не совсем пропащий. Даст Бог, и

спасешься. Не до конца душу продал. Вот она и тайна. Дьявол тебя полонил, искорежил, а ты все одним глазком в поднебесье тянешься. Как же не тайна, еще какая тайна! Все у тебя, допустим, имеется: деньги, почет, красавицы писанные с простреленной грудью, а покоя нету. Почему? Я тебе ответа не дам, ты сам его найди.

Попозже Губин вышел на волю, чтобы подогнать машину поближе к крыльцу. И враз оторопел от могильной, сладкой тишины. Деревеньку не видно: ни в одном окошке ни огонька, зато звездное небо и иссиня сумеречное земное пространство надвинулись тяжелым, черным столбом. Словно в ухо дохнул незримый великан. Губин почуял, как коленки подогнулись под грузом нежных великаньих лап. Еле-еле добрал до машины, вскарабкался на сиденье и включил движок. Но тут же и вырубил затрясшуюся жестянку. Куда ехать, зачем? - все глупо, нелепо, тошно. Перебрался на заднее сидение, кое-как, скорчась, улегся - и уснул. Спал недолго, показалось, не больше минуты, но отдохнул изрядно, из машины вылез бодрый, точно Иванушка из бочки с кипятком.

Старики при свечке беседовали на кухоньке, склонясь друг к дружке головами. Таисья Филипповна его окликнула.

- На полу тебе постелила, Миша. Ничего?

- Ничего, спасибо, - он прошлепал в закуток. Тут тоже теплился свечной огарок, и Таня, укрытая одеялом до кончика носа, сияла недреманными очами.

- Не обманул, любимый! Ложись рядышком, места хватит.

- Зачем я с тобой лягу, с калекой?

- У меня плечико раненое, все остальное цело.

- Головенка у тебя раненая, причем, давно.

- Миша, обними меня - вместе уснем. Я так хочу, чтобы нам приснился общий сон. Вот увидишь, во сне будет лучше, чем наяву.

Ее слова, беспомощные, зыбкие, обволакивали, точно вата, и, не вполне сознавая, что делает, он послушно разделся, подвинул Таню к стенке и прилег, прикрыв ноги одеялом.

- От тебя дегтем воняет, как из конюшни.

Таня счастливо засмеялась.

- Бабушка мазью всю измазала. Хорошая мазь, крепкая, горькая, со змеиным ядом.

- Ты что же, ее лизала?

- Ага, попробовала. А сейчас тебя лизну. Покажу, какая я калека.

- Не дури, - попросил он, - а то уйду.

Они действительно вместе уснули, но общего сна не увидели.

В понедельник вечером Настя не вернулась домой. За разъяснениями Алеша обратился к Вдовкину, но тот ничего не знал.

- Она тебе ничего не сказала? - не поверил Алеша.

Вдовкин был хотя и трезв, но как раз собирался опохмелиться после дневного отдыха. Он сидел на кухне возле любимого холодильника, и уже потянулся было к дверце.

- Почему она должна передо мной отчитываться?

- Вы же друзья. А я ей кто?

Вдовкин все же достал из холодильника бутылку пива, откупорил консервным ножом, налил стаканчик и выпил, прикрыв глаза как бы в изнеможении. Ему было неудобно от тяжелого, пристального Алешиного взгляда.

- Чего гадать, - сказал он. - Надо искать. Который сейчас час?

- Половина двенадцатого... Женя, если хитришь... - Договаривать Алеша не стал. Вскоре явился парень, который днем сопровождал Настю. Это был крепкий, смышленный человек лет тридцати, один из лучших губинских боевиков - Мика Золотарев. Алеша беседовал с ним в присутствии Вдовкина.

- Ну-ка, Мика, повтори еще раз, как ее потерял?

- Дело было так. Из дома Настя поехала на кафедру, где пробыла минут сорок. Потом завернула в благотворительный комитет, и там пообедала. Мика Золотарев, как положено, вел наружное наблюдение, не выходя из машины. Настя путешествовала по городу в своем двухместном «фольксвагене». Из комитета отправилась в центр и припарковалась на Петровке, в очень неудобном месте. Мика на своем «жигуленке» приткнулся сзади. Настя подошла к нему и попросила зажигалку.

- Зачем ей зажигалка? - перебил Алеша. - Она же не курит.

- Этого не знаю, шеф, - улыбнулся Мика смущенно.

Настя сказала, что заглянет в Пассаж ненадолго. Спустя ровно час Мика, следуя инструкции, вызвал подкрепление, и вдвоем с Костей Шмаровым они прочесали магазин сверху донизу, на что ушло довольно много времени. Затем он попытался связаться с Губиным, но это ему не удалось.

- Тогда позвонил вам, Алексей Петрович...

- Заметил что-нибудь подозрительное?

- Ничего.

Вдовкин уже перешел с пива на водку, настругав на закуску мороженой семги. Предложил выпить за компанию и Мике с Алешей.

- Конечно, выпей, - благодушно заметил Алеша охраннику. - Когда еще придется. Если за сутки Настя не отыщется, я тебя, приятель, собственноручно пристрелю.

Мика побледнел, но стопарь принял с благодарностью. Выпив, попросил разрешения удалиться.

- Землю носом рой, - напутствовал его Алеша.

- Найдем, шеф, не сомневайтесь. Женщина не иголка.

Когда он ушел, Алеша пожаловался Вдовкину.

- Платишь им, а толку чуть. Потому что совести нету ни у кого. Ты как считаешь?

- Выпей, не сходи с ума.

С полчаса Алеша разыскивал Губина, но тщетно. Тот как в воду канул. Вдруг, в одну минуту мир опустел.

- Женя, она правда ничего не говорила?

Вдовкин выпил уже не меньше бутылки. Глубокомысленно обьявил:

- Надобно обзвонить больницы. Или заявить в милицию.

Михайлов набрал номер Башлыкова.

- Настя куда-то пропала. Не знаешь, где она?

Башлыков ответил после долгой паузы.

- Такое - первый раз?

- Да.

Оба думали об одном и том же. У Благовестова разведка налажена не хуже, чем в КГБ. Нанести превентивный удар в самый неожиданный момент - это его почерк.

Башлыков прогудел в трубку:

- Если это Елизар, то должны на тебя выйти, выставить какие-то условия.

- Пока маринуют.

- Ночью или утром позвонят. Жди. Я отработаю сыскные варианты.

- Будь добр, Гриша!

- Губин чем занят?

- Губин тоже исчез.

- Как исчез?

- Друзья всегда исчезают, когда нужны. Прячутся в норе и оттуда подглядывают.

- Жди, - повторил Башлыков. - Преждевременно не паникуй.

- Если до завтра не прояснится, копнем Елизара.

Опять Башлыков молчал дольше, чем позволяли приличия.

- Остынь немного, Алеша. Здесь горячку пороть нельзя. Ты же понимаешь.

Алеша посмотрел на трубку, встретился взглядом с растерянным Вдовкиным.

- Башлыков?

- Да.
- Завтра сыграем Елизару отходняк.
- Хорошо. Завтра так завтра.

Больше звонить было некуда, и Алеша выпил водки.

- Женя, чего тебя давно хочу спросить. Ты насовсем к нам переселился? Или у тебя своя квартира?

- Хочешь, чтобы я ушел?
- Ни в коем случае. Я к тебе привык. И Настя к тебе привыкла. Это я так, к слову.

- Настя найдется. Ей-богу найдется. Я чувствую.

- Ты прав. Куда ей деться в Москве. Это же не джунгли какие-нибудь. Ну что, пойдем спать?

- Может, покушаешь чего?

- Это ты ешь. Вон отощал совсем. Все же надо тебе потихоньку завязывать с пьянкой.

- В одном стакане водки столько же калорий, как в килограмме мяса, - сказал Вдовкин.

- Ну-ну...

В спальне, когда разделся и откинул одеяло, увидел около подушки лист бумаги, исписанный каллиграфическим почерком. В письме было сказано вот что: «Дорогой мой! Мы обо многом переговорили с тобой за эти три года, но иногда мне кажется, ты ни разу меня не выслушал. Нет заповеди, которую ты не нарушал бы ежедневно, и нет числа молитвам, которые я возносила Спасителю, умоляя наставить бедного грешника на путь истинный. Увы, Господь не внял моим просьбам. Значит, так надо. Значит, Зверь, овладевший твоим естеством, слишком силен и еще не насытился; а тот истинный «ты», которого знаю только я, по-прежнему смиренно ждет своего часа. Этот час, я верю, рано или поздно наступит, но в светлый миг перевоплощения меня уже не будет рядом. Излишне говорить, как я люблю тебя, ты сам прекрасно знаешь. И сейчас, когда пишу эти строки, плачу от любви и жалости к тебе, единственный мой! Как безмерно одинок ты в этом мире, и за чьи прошлые грехи должен нести крест, даже не осознаваемый тобою? Но я ушла, мой милый! Оказывается, есть долг превыше долга земной любви, и я его исполню. Не ищи меня, Алеша. Я не бросила тебя, не изменила, я всегда с тобой, и вернусь к тебе в положенный срок. Не говорю - прощай! До свидания, родной мой! Твоя Настя».

Прочитав послание, Алеша снова надел штаны, вернулся на кухню, где задумчивый Вдовкин угрюмо горбился над початой бутылкой.

- На, читай! - Алеша уселся напротив и плеснул себе водки. Вдовкин пробежал глазами первые строчки и отложил письмо.

- Но это же не мне.

- Читай, прошу тебя!

Вдовкин обиженно засопел, водрузил на нос очки и внимательно прочитал записку от начала до конца.

- Ну и что ты об этом думаешь? - спросил Алеша.

- В каком смысле?

- Может, фальшивка? Не могла же Настя сочинить весь этот бред.

- Но почерк ее?

- Откуда я знаю, чей почерк.

Алеша выглядел чересчур рассеянным, и это насторожило Вдовкина.

- Чем-то ты ее растревожил, - сказал он.

- Растревожил? Еще бы, конечно растревожил. Она же беременная.

- Тогда все понятно, - обрадовался Вдовкин. Наспех добавил водки в стакан и, чокнувшись с Алешей, выпил.

- Что тебе понятно?

- Когда женщина в положении, у нее бывают разные капризы.

- Так ты думаешь, это все же она написала?

- Похоже, она. Кто же еще?

- И куда она ушла?

У Михайлова было такое лицо, как у мальчишка, у которого отняли дорогую игрушку. Это производило страшноватое впечатление, потому что неизвестно, был ли Алеша вообще когда-нибудь ребенком.

- Куда же она ушла? - повторил он с настойчивостью идиота.

Вдовкин широко развел руками.

- Губина нет, - сказал Алеша. - Губин где? Что же вы все разбежались, как крысы?

- Выпей снотворное - и поспи. Утро вечера мудренее.

- Ты хоть понял, о чем она пишет?

- Ну, в общем, обижается на тебя. Не согласна с твоим образом жизни.

Алеша печально передразнил:

- Образ жизни! Ах вы, интеллигенттики. Какой ей нужен образ жизни, когда весь мир как тюремные нары? Думаешь, она такая смиренница? Да она прикидывается. На самом деле у нее в каждом рукаве по кинжалу. Вот один и воткнула в меня. Знаешь, Женя, я, пожалуй, когда ее встречу, сразу прибыю. Незачем ей жить. Мне тоже, правда, незачем, но ей особенно. Она меня предала, не я ее. Я никого не предавал, нет. Убью гадину, так ей и передай. Пусть лучше не попадается на глаза.

Вдовкин вспылал:

- Так ты зря говоришь, Алеша. Если ты так говоришь, значит Настя права. Зверь тобой помыкает.

Алеша хотел возразить, но не нашел слов, поднялся и ушел к себе. Ему не спалось в эту ночь. И вспоминалось почему-то далекое, неизбывное. Зона, тусклый мрак барака, лютая стужа. Но там он не был одинок, как сейчас. Федор был молчун, но если говорил, то всегда справедливо. У них была общая, простая и ясная цель: выйти на волю и наломать дров. Пусть не сладились их мечты, и дрова он ломал в одиночку, но Федора помнил. Тот так говорил: баба предаст, и родичи отступятся, зато вольная воля не обманет.

Обманула и воля, думал Алеша, глядя в пустой потолок бессонными глазами, где она - воля? В чем она? В крупных бабках, в погоне за удачей, или в этой, полыхнувшей к горлу тоске?

Утром, еще не было шести, обзвонил несколько мест, где надеялся обнаружить хоть какой-нибудь следок, - везде было глухо. Заранее морщась, набрал номер Тины Самариной, ближайшей подруги жены. Если был на свете человек, с которым ему меньше всего хотелось сейчас разговаривать, то это была как раз Тина, маленькое, затюканное существо, питающее к нему какую-то патологическую неприязнь. С первого раза, когда Настя их познакомила, бедная Тина почему-то так перепугалась, что впоследствии, если доводилось встречаться, никогда не поднимала глаз, и он даже не знал, какого они у нее цвета. Однако, несмотря на то, что Тина была затюканным существом и не поднимала глаз, у нее был ядовитый язычок и быстрый, как летящий шмель, ум. И собой она была недурна, хотя росточком не вышла. Грациозная, миниатюрная красотка с обманчивой повадкой. В прошлом году Тина окончила консерваторию и преподавала в каком-то хитром колледже музыкальную грамоту. С Настей они были близки, как бывают близки две пушинки, слетевшие в бурю с одной веточки. Их разбрасывало, катило, волокно по земле, а они все тянулись друг к дружке, вспоминая, как были счастливы рядышком в безопасной зеленой норке.

Узнав, кто звонит, Тина закашлялась, и Алеша живо представил, как она уткнулась взглядом в пол, чтобы не смотреть на трубку, откуда ворвался в ее хрупкое убежище ненавистный голос.

- Извини, что разбудил, - приветливо сказал Алеша. - Но дельце безотлагательное.

- Слушаю вас, Алексей Петрович.

- Ты сама-то как? Все играешь на скрипке?

- Да, играю, спасибо. Вы лучше скажите про дельце. Что-нибудь с Настей случилось?

- Нет, ничего не случилось. А что с ней может случиться? Кстати, ты не знаешь, где она?

Тина помедлила с ответом, и он прямо воочию ощутил, как вращаются в ее прелестной головке ехидные шурупчики.

- Алексей Петрович! - твердо, не пискляво, видно, окончательно проснулась. - Что с Настей? Почему вы меня о ней спрашиваете?

Не скажет, огорчился Алеша. Даже если что-нибудь знает, не скажет. Проклятая, маленькая ханжа. Да что Тина! Никто ему не скажет про Настю ничего путного, пока он сам не поймает ее за подол.

- Тина, деточка, давай на минутку забудем, как ты ко мне относишься. У меня неприятность. Настя куда-то пропала. Помоги ее найти.

- Пропала? Как это пропала?

- Да вот так. Оставила какую-то дикую записку - и сбежала. Вполне возможно, с молодым, красивым поручиком.

Тина вздохнула, и Алеша догадался, что за этим последует. Так и вышло. На том конце провода народился суровый, непрекаемый судья, невменяемый, как все судьи на свете.

- Значит, все-таки довели?! Что ж, неудивительно... Незадачливая моя подружка! - Тина неожиданно всхлипнула. - Признайтесь, вы убили ее, Алексей Петрович?

Алеша ляпнул лишнее:

- Чем это я ее по-твоему довел?

- Как раз вот этим.

- Чем - этим? Тина, соберись, пожалуйста, с мыслями. Ты же не с композитором разговариваешь.

- Отлично понимаю, с кем разговариваю, - вспыхнула девица.

- Хотите, расскажу, как мы поссорились с Настей? Единственный раз в жизни поссорились. Хотите знать - почему?

- Наверное, Настя ноты запачкала?

- Когда я узнала, что она собирается за вас замуж, я высказала ей все, что думаю по этому поводу. Хотите знать, что я сказала?

Алеша терял терпение.

- Тина, дорогая, хоть раз постарайся быть нормальной. У меня пропала жена. Она и тебе дорога. Помоги ее найти. Хоть где она может быть, подумай?

- Я рада за нее, - холодно ответила Тина. - Наконец-то она решилась.

Алеша молча повесил трубку.

Вдовкин ночью перетащил оттоманку под вешалку. Это было одно из его излюбленных мест, где он чувствовал себя изолированным от мира. Алеша слегка потряс его за плечо.

- Слышь, солдатик! Я поеду, а ты никуда не уходи, будь на связи. Да ты спишь, что ли?

- Нет, - глухо отозвался Вдовкин. - Я думаю.

- И чего надумал?

- Настя правильно ушла. Чего она хорошего видит в этом логове? Тут даже поспать нельзя, всегда какой-нибудь хам разбудит.

Алеша поехал в психушку, где горе мыкала Мария Филатовна, Настина матушка. Он ночью прикинул, что если Настя отлучилась надолго, то матушки никак не минует. Обязательно заглянет попрощаться.

Небольшая частная клиника располагалась неподалеку от Люберец, окруженная дубовой рощицей и высоким забором. Этакое престижное, чрезвычайно дорогое заведение для «новых русских», успешных сбрендить. Живописный дом с мезонином, где немногочисленные пациенты за оплату в твердой валюте получали все, что душа пожелает, кроме здоровья.

Несмотря на ранний час - около девяти - директор бодрствовал в своем кабинете на втором этаже, и встретил Михайлова так, словно именно его тщетно дожидался все последние годы. Павел Павлович Вершинин, ретивый питомец института Сербского, высокий, средних лет мужчина, одетый с иголочки, в накрахмаленном, ослепительно свежем халате и с умным, печальным лицом великомученика, был неизвестно каким врачом, об этом знали больные, но учтивой повадкой и любезными манерами он вряд ли уступал любому своему коллеге хоть из Калифорнии. Увидя в дверях Михайлова, выскочил из-за стола и затрусил, побежал к нему навстречу, растопыря руки для дружеского объятия.

- Ая-яй, батенька вы мой! Что ж так редко навещаете, рад, рад чрезмерно!.. Гм, извините, запамятовал имя-отчество?

Алеша от объятий уклонился.

- У вас тут лечится моя теща, Великанова Мария Филатовна. Хотелось бы узнать, не навещала ли ее вчера ее дочь? Выясните это, будьте добры.

Сбитый с толку его странным тоном, Павел Павлович тем не менее обходительно подхватил его под руку и подвел к окну.

- Какая природа, а?! Благодать какая, а?! Постоишь вот так у окошка часок, другой - и душа, право слово, отмякает. Как вас зовут, дорогой, извините, не расслышал?

Алеша назвался, чувствуя, как его обволакивают, размягчают незримые токи, исходящие от доктора и сонным маревом зависшие в кабинете. Он и не заметил, как очутился в кресле, за низеньким столиком, накрытым для кофе, напротив лучезарно улыбающегося Павла Павловича, и рядом суетилась крупнотелая

женщина, тоже в белом больничном халате, и тоже с отрешенным смеющимся лицом.

- Вот, извольте, свежайшие булочки, - угощал доктор. - Медок, извините, с Алтайских предгорий - лучшее лекарство от неврастении... А это - Кира Семеновна, добрый ангел здешних мест. Кирочка, не будете ли столь любезны организовать уважаемому гостю встречу с его любимой тещей, госпожой Великановой... Кстати, дорогой Алексей Петрович! Почему бы и вам не пройти курсик оздоровительной терапии? Знаете ли, этакую необременительную смазку нервной системы?

- Не надо смазок, - отказался Алеша. - Проводите к теще.

- Проверьте заодно, Кирочка, в бухгалтерии, как там с оплатой - виновато обернулся к Михайлову. - Знаете ли, благословенные рыночные отношения, никому нельзя доверять. Каждый, знаете ли, так и норовит подлечиться на халяву. А овес-то нынче дорог!

Павел Павлович так сишло и громко вдруг захохотал, что Алеша опешил.

- Ты вот что, доктор, - бросил хмуро. - Хватит театра. Если тещу уморил, так и признайся, облегчи душу.

Через двадцать минут он вошел в комнату с зарешеченным окошком, где четвертый год выздоравливала прекрасная горбунья Мария Филатовна. Сидела она на кровати, поджав под себя ноги, запеленатая в цветастый халатик, и места занимала ровно столько, сколько подушка.

- Оставьте нас одних, - попросил Алеша. Кира Семеновна предупредила:

- Так-то она спокойная больная, но иногда плюется.

- Ничего, оботрусь.

Последний раз он видел тещу около года назад, когда вместе с Настей заезжал поздравить ее с днем рождения. С тех пор Мария Филатовна ничуть не изменилась, и кажется, так и просидела на кровати, не вставая, в этой же самой позе. На худенькой мордочке лукавые, светящиеся бусинки глаз. Выражение полной сосредоточенности, словно прислушивается к какому-то тайному звуку. Горбика, когда сидит, не видно: она вся как небольшой бугорок с радостной, птичьей головкой. Как всегда, Алеша поразился тому, что нет в ее облике ни единой черты, напоминающей Настю, и опять грустно усомнился - ее ли это мать?

- Мария Филатовна, вы меня слышите?

Женщина раздраженно махнула ручонкой: не мешай, дескать, разве не видишь, я занята. Настя навещала мать раза два, три в неделю, и по ее словам Мария Филатовна бывала иногда совершенно нормальная, и разговаривала с ней. Этому Алеша не верил. Собственно, он заглянул в палату по инерции, ни на что не

надеясь. Все, что надо, он уже знал: вчера Настя сюда не заезжала. Не оставила следов.

- Хорошо вам тут, - сказал Алеша. - Ниоткуда не дует, чисто, светло. А тут носишься целыми днями неизвестно зачем, да еще теперь и Настенька куда-то подевалась.

Услышав имя дочери, Мария Филатовна встрепенулась, вытянула шейку и попыталась поймать гостя прицельным взглядом, но это ей не удалось. Взгляд скользнул мимо, ему за спину, как неудачно пущенная стрела.

- Если бы знал, где она, обязательно к вам бы привез, - посулил Алеша.

- Змеи кругом, змеи, - прошамкала старуха беззубым ртом. - Гляди, ужалят доченьку. Змеи и выдры. Вон под шкафом сидят.

В комнате не было шкафа: стол, кровать и две тумбочки - одна у кровати, другая под окном. Меблировкой не баловал больших Павел Павлович.

- Пойду, пожалуй, - сказал Алеша. - Отдыхайте, Мария Филатовна, а то мы чересчур разболтались.

- Змеи! - завелась сумасшедшая. - Длинные, черные... Много змей.

- И еще выдры.

- Всех не перетопчешь. Нет, не перетопчешь. Ползают, ускользают. Доченьку ловят. Как уберечься?

- Мы ее спрячем, - успокоил Алеша.

Павел Павлович перехватил его на первом этаже.

- Случай безнадежный, батенька вы мой, но делаем все возможное. Современная методика, прекрасный уход, наилучшие медикаменты. Ей здесь хорошо, поверьте. Как она вам показалась?

- По-моему, абсолютно здорова. Можно выписывать.

Без затей сунул доктору в кармашек халата стодолларовую купюру.

- Великая просьба к вам, Павел Павлович. Не сегодня-завтра к ней заедет дочь. Пожалуйста, позвоните вот по этому телефону. Получите сразу пятьсот баксов.

Доктор покраснел.

- Дорогой вы мой, да за милую душу... Ради одного дружеского расположения...

Из машины Алеша связался с Вдовкиным.

- Женя, что нового?

Разбуженный банковский гений был немногословен.

- Ничего.

- Что же, вообще никто не звонил?

- Нет, не звонил.

- Хорошо, сиди дома, никуда не уходи.

- Да мне и некуда идти.

Алеша смотался в офис, где его ждала неотложная встреча. Сизокрылый француз мсье Дюбуа, бывший Гриня Толубеев по кличке Рикошет, бывший валютчик, бывший лагерный порученец кайфовал в кабинете, дымя толстой гаванской сигарой и с брезгливой grimасой листая подшивку газеты «Президент». Десять лет назад, освободившись, Гриня удачно женился на французской подданной, беспечной туристке Натали Дюбуа и отбыл в свободный мир, но ни на минуту не разрывал коммерческую пуповину с родиной. Много воды утекло с тех пор, ныне Рикошет ворочал крупными капиталами по всему франкоязычному региону. Банковские сделки, трастовые операции - солидный бизнесмен с солидным акционерным обеспечением. Кто бы узнал в слегка обрюзгшем, элегантно одетом господине с барской повадкой лагерного живодеpa, смугьяна и прошельгу. Но Алеша узнал, и они братски обнялись посреди кабинета.

- Люди меняются, - улыбнулся Гриня, сверкнув безупречной вставной челюстью, - а ты все такой же, Леха. Почему нынче «салатик»?

- По две шайбы за пару, - ответил Алеша, вспомнив, что натуральные зубы вышиб Рикошету невзначай Федор Кузьмич при первом неудачном знакомстве, когда тот попытался затырить у новичков лисью шапчонку.

Минувшей осенью мсье Дюбуа спроворил из Парижа поставку пяти вагонов марочного итальянского вина для нужд нарождающейся российской аристократии, но это была, конечно, мелочевка, хотя операция дала чистую прибыль в пятьсот тысяч долларов. Сегодня им предстояло вчерне обсудить наиважнейший вариант создания постоянных инвестиционных фондов прикрытия, но с самого начала разговор как-то не заладился.

- Да что с тобой? - не выдержал Рикошет, заметя, как Алеша в очередной раз дернулся то ли к двери, то ли к окну. - Может, я не вовремя приехал?

- Почему не вовремя? Ты что, Гриня? Откладывать-то уж куда? - горячо возразил Михайлов, деловито передвинул поближе разложенные на столе бумаги, и в ту же секунду почувствовал, что действительно неспособен заниматься никакими делами. Круглая, благообразная, подлая рожа старого бандита неизвестно зачем маячила перед глазами. Алеша расслабленно откинулся на стуле, мечтательно произнес:

- Впрочем, ты прав, братишка. На хрена нам сдались все эти вонючие фонды? Расскажи лучше, как у тебя с Натали?

- Что - Натали?

- Ну все же француженка, капиталистка - мылом не воняет, нет? Как с ней справляешься-то?

Мсье Дюбуа задумался, попыхивая сигарой и вежливо улыбаясь. Поведение Креста было подозрительным, но это могло объясняться несколькими причинами. К примеру, Алеша был с крупного бодуна, что было на него непохоже. Второе, где-то ему прищемили хвост, что тоже вряд ли. Судя по сведениям, которые удалось собрать Рикшету перед поездкой, Крест оставался в Москве одним из ключевых финансовых авторитетов. Самым вероятным было то, что по каким-то своим соображениям Алеша разочаровался именно в нем, в мсье Дюбуа, и за его спиной вел переговоры с более выгодными партнерами. В любом случае выяснять истинную причину следовало с предельной осторожностью: это тебе не Америка, это - родина.

Мгновенно сбросив груз забот, мсье Дюбуа радостно оскалился.

- Натали, говоришь? Да ничего, контактная бабенка. С меня пылинки сдувает. Но насчет ихней сексуальности - большое преувеличение. Скажу ответственно: любая наша краснопресненская телка любой француженке сто очков форы даст в постели. С англичанками еще хуже: те забухают в цикле. Одна утеха на Западе - метиски. Это - да, кайф. Подцепишь такую ягодку возле метро, как следует отпаришь, отмоешь...

- Я не про это, - перебил Михайлов. - Дети у вас есть?

- Представь себе - двое. Два пацаненка. Дань традиции. Дети, семья, респектабельность - все способствует бизнесу.

- Ну и как оно там, в родильных домах? Какие условия против наших? Говорят, не сравнить?

Рикшет по-настоящему испугался, подмышками просквозило. Дело оборачивалось серьезнее, чем он сперва подумал. Пора было уносить ноги. И лучше всего уносить их прямо в Париж. Шутки у Креста известные, после них ему одному бывает смешно.

- Хорошие условия, - сказал он. - У них вообще медицина на высоте.

- В чем это выражается, - еще ненатуральнее оживился Алеша. - Что же у них там лежаки какие-нибудь модернизированные? Или клизмы с анашой?

Мсье Дюбуа сорвался. Побледневший, отложив сигару на краешек пепельницы, тихо произнес:

- Не крути, Крест! Если есть ко мне претензии, объясни. Я же все-таки не фраер.

- Ты не так понял, - огорчился Алеша. - Мне действительно интересно. Я слышал, лекарство изобрели, совсем без боли баба рождает. Впендюрят в вену пять кубиков, очнется, а перед ней младенец гугукает.

Рикшет обессилено сник в кресле.

- Скажи честно, Леха. Тебе Герка Шмудель на меня капнул? Да он же, сука продажная, сам на сто лимонов облажался и фирму подставил. Я там в доле не был. Хочешь, позвони прямо сейчас. Я ничего не боюсь, я чистый.

Алеша поглядел в окно. Денек развернулся сияющий, пронзительный. Такая сушь внезапно установилась по Москве, хоть плачь.

- Видишь ли, Гриня, у меня кое-какие неприятности. Давай вечерком посидим? Ты как? Давай поужинаем вместе. «Шанхай» тебя устроит?

«Неужели отпускает!» - с огромным облегчением Рикошет наспех покидал в портфель бумаги.

- Оставь, - сказал Алеша. - Документы оставь. Может днем выдаю часок, прогляжу.

Старый товарищ по зоне послушно вывалил портфель на стол. Из кабинета выбрался будто на цыпочках.

Алеша набрал номер Башлыкова.

- Не только Насти нету, но и Губин жопой накрылся, - сообщил без всяких предисловий. - На тебя одна надежда, Башлыков. Поможешь, навеки твой слуга.

Башлыков со вчерашнего дня был в тягостном раздумье.

- Что предлагаешь? - спросил он.

- Елизара надо утихомирить. Пока он в дупле копошится, у нас спина открыта.

- Но где же все-таки твой Губин? Залудить-то вроде не мог?

- Губин объявится. Действуй, Башлыков.

- Помни, Алеша, за такую рыбку щедро платить придется.

- Не груби, Башлыков. Действуй.

Из офиса Алеша сорвался домой. Пролетел по Москве, как на крыльях. Город в середине дня опустел, и Алеша ощущал себя невесомым. На ходу у светофоров перечитал Настину записку, потом порвал на клочки и белым веером выпустил в окошко. Упали дурные слова под колеса. Зачем она это затеяла, думал он. С ребенком понятная блажь, но зачем убежать? Мир так сер без нее.

Вдовкин сидел на кухне в привычном окружении - бутылка, закуска, стакан. Постаревший, опухший. Загадочная фигура. Когда-то поставил на орла, а выпала решка. С тех пор подохнуть не может, и жить не в настроении. Один раз ему улыбнулась судьба, сдала козырного туза - Таню Плахову, да и ту смело в мусоропровод небития. Кореш по несчастью. Алеша зажег газ, поставил чайник.

- Думаю, Женя, еще немного покеросинишь - и жди Кондратия.

- Никакого Кондратия. Очочурюсь враз.

- Не надейся на это. Будешь лежать истуканом и мычать. Ово-шем будешь.

- А сейчас я по-твоему кто? - с тяжким вздохом Евгений Петрович потянулся к родной бутылке. - Что ж про Настю не спросишь?

- Звонила?

- Только что, перед тобой.

Алеша почувствовал, как жилы напряглись.

- Где она?

- Не сказала.

- А что сказала?

Вдовкин нацедил себе грамм пятьдесят.

- Женя, не испытывай судьбу!

- Я ей передал, что ты переживаешь. Даже злишься немного.

Вдовкин наконец решился, опрокинул в раскаленное нутро первую дневную дозу. Сожмурил глазки, прислушался, куда юркнула. Алеша успокоился, больше не спешил, спешить было некуда.

- Первая рюмка, как первый поцелуй, - объяснил Вдовкин. - Каждый раз не знаешь, чем кончится. То ли оплеухой, то ли любовью... Ты страдаешь, Михайлов, это хорошо. Возможно, скоро у меня появится приятный собутыльник.

- Наливай, - сказал Алеша. Выпили вместе водочки. Вдовкин заметил:

- Вот ты меня ругаешь за пьянство, а ведь я не пьяница.

- Кто же ты?

- Я честный русский интеллигент, не принимающий мерзостей вашей жизни. Но у меня нет сил бороться с вами. В каком-то смысле я хуже, чем алкаш. Мое пьянство - это бегство от борьбы. Своего рода дезертирство.

- Плюс к тому, что ты честный русский интеллигент, ты еще обыкновенный грабитель. Но и это не все. Вдобавок ты убийца. Зачем Пятакова убил? Чем ты лучше нас? Тем, что больше книжек прочитал.

Вдовкин поднялся и выключил пофыркивающий чайник. Немного он был озадачен поворотом разговора. Сколько раз убеждался, что с Алешей лучше не связываться, даже в споре. В любую минуту, не задумываясь, он наносил удар ниже пояса. И тем не менее, чего греха таить, Вдовкин крепко к нему привязался. Таинственная Алешина сущность манила, притягивала его, как ребенка манит темный зев пещеры. Без Алеши он теперь дня не мог прожить, как без чарки. Это диковинное, отчасти унижительное состояние сам себе Вдовкин объяснял распадом личностных структур на фоне социальных потрясений и запоя.

- Я Пятакова не убивал, - возразил он. - У нас была дуэль.

- Ага, конечно. Затолкали с Губиным в глотку ампулу - вот и вся дуэль. Заодно Петуха кокнули. Интеллигент! С вашим братом особенно надо держать ухо востро. Чуть зазеваешься - и нож в брюхе. Твой дружок Губин - тоже интеллигент? По уши в крови. Два сапога - пара. Если хочешь знать, Женечка, когда ты тут у меня неизвестно на каком основании поселился, я ведь ни одной ночи спокойно не спал. Уж думаю, не от страха ли и Настя сбежала. Тогда ее осуждать нельзя.

Вдовкин молча разлил водку.

- Кстати, о Насте, - Алеша улыбался, но взгляд был бесноватый. - Раз уж у вас завязались секреты, передай ей кое-что, когда встретитесь.

- Мы не собираемся встречаться.

- Да ладно тебе. Собираетесь - не собираетесь, я не в обиде. Ты только передай.

- Что передать?

- Скажи так. Если после того, как позвонит, через час не явится домой, перережу вены.

- Черный юмор, Алеша!

- Я по мелочевке не играю. Это ведь ей захотелось потягаться, кто кого крепче достанет.

Вдовкин махом опрокинул рюмку, сунул в губы сигарету. Растерянно моргал. В общем-то он не сомневался, что Алеша сделает, что обещает. Он всегда держал слово.

- Глупость какая-то несусветная...

- Не скажи, интеллигент. Это ты за свою поганую пьяную жизньшку цепляешься, как за мамкину титьку, мне своя недорога. Игровая, давно на кону...

Алеша самодовольно представил, как поддыхает, истекая кровью, и освобождается от всего земного. Вот он выход, вот оно счастье с белыми окнами в сад. Представил еще, как Настя жутко содрогнется.

- Что с тобой, Михайлов? С одной рюмки повело?

- Надоела мышьяная возня. Скучновато мне с вами, Женек. Наливай, не дрожи!..

Операцию Башлыков подготовил наспех, но больше всего его настораживал щенячий азарт Фомкина. Салага рвался на «мокрык» как на праздник. Башлыкову это было неприятно. Дурь из Фомкина поперла не ко времени. Убивать бандитов ему доводилось и прежде, но сегодняшний случай был особенный. Будучи романтиком, Коля Фомкин не считал бандитов вполне за людей,

глубоко презирал всю нынешнюю обнаглевшую, воровскую вооруженную шушера, державшую масть по Москве, как на именинах у Пронькина, но одно дело влить веселую пулю между глаз прущему на тебя озверевшему дебилу с калашниковым в руках, и совсем иное - пойти и хладнокровно укокошить доверчивого старикана, будь он хоть грешен, как сам сатана. Казалось, Фомкин не чувствовал разницы, и это было плохо. Опасная душевная разболтанность. Когда обсуждали детали, паясничал и ерзал, точно девственница на медосмотре. Башлыков не выдержал:

- Честно скажу, Коля, было бы кем тебя заменить, заменил бы. Но заменить некем.

- Да не волнуйтесь так! Замочу старичка за милую душу.

- Еще раз так скажешь, вообще погоню из отряда.

Фомкин посерьезнел.

- Григорий Донатович, клянусь, все понимаю!

- Чего понимаешь?

- Какого зверя берем.

- Не зверя, Коля, человека. У него папка с мамкой были, как и у тебя.

У Фомкина от удивления глаза полезли на лоб, но он и тут не сплеховал.

- Если так, давайте его усыновлять.

Дальше разговаривать с ним на моральные темы Башлыков посчитал излишним.

- Звони, - сказал он.

Фомкин набрал номер, и на том конце задумчивым баритонном отозвался телохранитель Петруша.

- Это я, - поздоровался Фомкин. - Ну чего, Петя, изменения есть?

Изменений не было. Условились так, что во время прогулки Елизара Суреновича, Петруша впустит его на минутку в дом и познакомит с Машей Копейщиковой. Фомкин подарит ей букет алых роз и невзначай замолвит словечко за побратима. И уж задно оценит опытным взглядом гинеколога всю ее богатую фактуру.

- В семь часов, - подтвердил Петруша. - С охраной договорено. Там мой кореш Митька. Ты же навряде мой племяш из Махачалы.

- Маша в курсе?

- Ты что, парень? Это ей сюрприз. Она-то думает, я совсем дикий с гор спустился.

- Если сегодня тебе не даст, значит, я вообще в женщинах не разбираюсь, как гинеколог.

- Что ж, поглядим...

В семь вечера Елизар Суменович выходил из дома, садился в машину и в сопровождении охраны (обычно две «вольво», набитые головорезами) выезжал на природу, где его прогуливали, как домашнюю собачонку. Но места, куда его вывозили, часто менялись, и зависели, вероятно, от настроения владыки, поэтому Башлыков отбросил заманчивый план засады в какой-нибудь дубовой рощице. Вдобавок этот план предполагал много шума, грохота и пальбы, чего Башлыков не любил. Он предпочитал ювелирную работу с одним единственным трупом фигуранта. Вариант со снайпером, казалось бы, вполне реальный, он тоже по зрелому размышлению оставил как запасной. Дом Благовестова снаружи был оборудован суперсовременной искусной светомаскировкой, и не меньше десяти профессионалов бдительно контролировали все мало-мальски пригодные для снайперского «гнезда» точки в окрестностях, включая канализационные люки. После чудесного спасения на загородном шоссе Благовестов начал новую полнокровную жизнь и не собирался с ней расставаться из-за чьей-нибудь глупой неосмотрительности.

В таких обстоятельствах затея Фомкина, при всей ее наивности и вопиющем налете любительства, как ни странно, казалась перспективной и могла сработать. В сыском ремесле, как в разбойничьем, успех иногда достигается не точностью предварительных расчетов, а дерзостью и ситуационной смекалкой; и тут на Фомкина, конечно, можно было положиться.

В начале восьмого он приблизился к гнездовью владыки - пятиэтажному дому сталинской постройки, массивному, как гроб Святогора, с выступающим над подъездом каменным дворцовым козырьком. Вид у Фомкина был невинный, походка пижонская. Сторожа Благовестова «повели» его в переулке, и около подъезда его остановили двое мужчин непримечательной наружности, от которых за версту разило родной ментовкой.

- Не спеши, паренек, - сказал дружелюбно один из оперов. - Скажи-ка лучше, куда направляешься?

Фомкин не выказал ни раздражения, ни испуга.

- А то вы не знаете?

- Мы, может, знаем, но ты проясни.

Второй опер заступил ему за спину и сноровисто прогладил пальцами по всему туловищу. Фомкин хихикнул.

- К Петруше я, к Долматову. Земляк мой. Он сам пригласил.

- Цветы тоже Петруше?

Фомкин любовно огладил букет алых роз, упакованный в целлофан.

- Хороший горский обычай - цветы, женщина, шашлык.

- На горца ты похож, как моя бабка на футболиста, - улыбнулся первый опер, и на его лице Фомкин прочитал заветное

желание для первого знакомства отвернуть непрошенному гостю башку. Это был очень ответственный момент. Если он вызовет у бугаев хоть малейшее подозрение, они обязательно доложат Елизару, когда тот вернется. Впрочем, они и так это сделают. Важно, с какой подачи. Фомкин использовал домашнюю заготовку.

- Не мудрите, хлопцы. Хозяин не одобрит. Вы что думаете, Петруша меня без его ведома позвал?

- Мы вообще не думаем, мы ноги ломаем, - сказал тот, который был сзади.

- Да ладно, - возразил напарник, - пусть шагает. Это Митькина забота. Он разрешил.

Митька встретил его возле роскошного лифта с инкрустированной под серебро дверью. Это был солидный, крепкий мужчина, на голову выше Фомкина, и пиджак у него красноречиво топорщился на боку. С самого начала вся эта операция, разработанная лично Фомкиным, была классическим блефом, рассчитанным на придурков, поэтому он особенно ею гордился. Он убедил Башлыкова, что именно невероятная простота и наглость дают ему верный шанс. Изюминка заключалась в том, чтобы каждый шаг был дурнее предыдущего. Башлыков согласился с тяжелым сердцем, буркнув себе под нос: «Черт его знает, вид у тебя действительно идиотский, может, купятся». - «Если не купятся, - смеялся Фомкин, - поколотят да выкинут. Зачем я им нужен? Петрухин кореш - какие с меня взятки?»

Митька оглядел его презрительно:

- Ишь какой петушок! Вправду что ли гинеколог?

- Диплом показать?

- Ты вот что, сявка, учти. Барин осерчает, я-то отопрусь. Отвечать вы будете. Гони двести баксов!

Фомкин аж позеленел:

- Ты что, Митяй, охренел! С меня-то за что? Это мне Петруха должен за консультацию.

- Кто из вас кому должен, сами разберетесь. Гони бабки. Или уматывай!

Первое неожиданное препятствие Фомкин преодолел с честью. Порылся в кармашке куртки (заначка!) и достал две, сложенные конвертиком пятидесятитысячные ассигнации.

- Вот все, что имею. На старость копил.

Деньги охранник принял с какой-то детской стыдливостью, развернул, разгладил на ладони - и вдруг так рассвирепел, что Фомкина бычьим взглядом отбросило к стене.

- Ты что же, погань, милостыню подаешь?!

- Никак нет! - взмолился Фомкин. - Остальные у Петрухи займу. Отдам, когда уйду. Честное слово!

Митька уселся с ним в лифт и доставил на четвертый этаж. Но все никак не мог успокоиться.

- Нельзя с вами по-хорошему, с поганками, - бормотал ожесточенно. - Делаешь одолжение, рискуешь карьерой, вы там бабу будете накачивать, и все, выходит, на халяву. Ну жлобы! Ну сволота!

- Понадеялся на земляка. Извини, браток.

- Не затевайся надолго. Через сорок минут хозяин вернется.

- В крайнем случае Петруша в чулане схоронит. Попозже выпустит.

- За каждую минуту простоя - полтинник! - предупредил громила, сплюнув Фомкину на ботинок.

Петруша впустил, не дожидаясь звонка, видно, стерег под дверь. Был он взбудоражен и мелко тряся, то ли от страха, то ли от возбуждения. Запер дверь и потянул Фомкина за руку куда-то в темноту.

- Не желает тебя видеть, - горячечно забурчал в ухо. - Я сказал, друг, родич, гинеколог - ни в какую! Грозит шефу пожаловаться. Что делать?

- Теперь только вперед, - ответил Фомкин. - До победного конца. Ну-ка отвори пасть.

- Чего?

- Открой пасть, говорю. Витамину дам, для аромата. Американская штучка по лицензии. Бабы не выдерживают.

Машинально Петруша разинул рот, Фомкин сунул туда парализующую ампулу. Сгоряча бандит хрумкнул - и мгновенно обмяк, повалился Коле на руки, и тот заботливо опустил его на пол. Далеко шагнула наука, желатиновая карамелька - и три часа отключки. Но не из Штатов гостинец, из заповедных лабораторий КГБ.

Фомкин прислушался - тишина. Заглянул в одну комнату, в другую, побывал на кухне - никого. Прошел через роскошно меблированную гостиную, толкнулся еще в одну дверь - заперто. Машу Копейщикову обнаружил в спальне. Фомкин предстал перед ней улыбающийся, с букетом роз, но и женщина ждала его во всеоружии - голая и с пушкой в руке. Вольно расположилась на широкой, с изумрудным покрывалом кровати, и ствол навела прямо в живот. Палец на спусковой собачке. Голос у Маши хриплый, выразительный.

- Присаживайся, голубок. Но без резких движений.

Фомкин (в прикидках) обмозговывал и такой оборот событий, но в более пристойном варианте.

- Мадам! - воскликнул, прикрывая ладонью глаза. - Поражен, повержен! Вполне понимаю Петрушу. Как устоять против такой красоты.

- Кривляться будешь на шампуре! Сядь, говорю, и замри!

Фомкин опустил на стул, букет на колени. Вот тебе и Маша! По внешности, правда, она соответствовала восторженным описаниям Петруши - голая, нечесаная, с обезьяним личиком, - но манеры, манеры и, главное, речь! Изысканная, точная, без всякой примеси кретинизма. Видно, что и стрельбе обучена.

- Петруха! - шумнула на всю квартиру. - Иди сюда, придурок! Ты где?!

Никто на зов не явился.

- Ага, - сказала удовлетворенно, - значит, с Петрушей уже разобрался? Молодец, быстро. Теперь говори, кто такой и зачем пришел? Только правду. Будешь ваньку валять, для начала прострелю колено. Вот, гляди, - вскинула руку, нажала курок. Хлопок получился негромкий, а в портрете Льва Толстого на стене, на лбу образовалась дырочка.

- Целкость замечательная, - одобрил Фомкин. - Что вы хотите узнать, мадам?

- Кто ты? На кого работаешь? Живо! Времени у тебя осталось с гулькин нос.

Усилием воли Фомкин изобразил на лице затравленность.

- Не совсем понимаю... Я обыкновенный гинеколог... Петруша пригласил для консультации. Цветы для вас... Разрешите преподнести?..

Вторая пуля цвиркнула над его головой, опалив темя. Дамочка была нервная.

- Смотри сюда, - показала на стену. - Видишь кнопку? Если нажму, через секунду ворвутся головорезы. На кусочки распилят. Пожалеешь, что от пули не подох. Понял меня?

- Конечно, понял. Но что я должен сделать, чтобы избежать страшной участи?

- Ладно, пока замри... - Все у Маши было под рукой, и телефонная трубка тоже. Не спуская глаз с Фомкина, накрутила номер, он не углядел - какой. Заговорила, не назвав собеседника по имени. Классный оперативный кадр.

- Да, да... Явился Петрушин знакомец, я вам сообщала. Петрушу сразу завалил... Да, понимаю... - Слушала она довольно долго, попутно развлекаясь тем, что прицеливалась Фомкину то в лоб, то в глаз, то в пупок. Мало того, что нервная, она была еще и озорная. Фомкин вынул розы из целлофана и сделал Маше знак: нельзя ли, дескать, поставить в вазочку? - на что она скорчила такую гримасу, от которой, вероятно, бедный Петруша и приходил в половой экстаз.

- Поняла, все поняла, - сказала она в трубку. - Хорошо, перезвоню попозже...

- Ну вот, голубок! - положив трубку, воззрилась на Фомкина, как ему показалось, с сочувствием. - Маленький шанс у тебя появился отсюда выбраться. Крохотный такой шансик. Но соображать должен очень быстро.

- Постараюсь, - ответил Фомкин. - Единственно, чтобы вам угодить.

- Как собирался кончить старика? Неужели голыми руками?

- Какого старика? Петрушиного хозяина?

- Не дури, парень. Соображай. Или я тебя сейчас кокну, или уберешь старика, а я прикрою. Ну, что?!

- В жизни пальцем никого не тронул. Профессия у меня миролюбивая, гинекологическая... Да зачем кого-то убивать? Вам-то зачем? - В задумчивости Фомкин потянулся к нагрудному карману.

- Руки!

- Платочек хотел достать, - пояснил Фомкин, опустя руку обратно на колено. - Сопельку высморкать.

- Болван ты, гинеколог! На что рассчитывал? Елизар парно ходит, ишейку вперед пускает. Или ты камикадзе?

- Мадам, мне страшно!

- Ничего, вдвоем справимся. Справимся, не дрожи. Я открою дверь, и ты его завалишь. Согласен?

- Нет, - сказал Фомкин гордо. - Я его убью, потом меня убьют. Резона нет подставляться. Так бизнес не делают.

- Заблеял теленочек. На кого же все-таки работаешь? Теперь-то чего темнишь?

- К Петруше я пришел, с вами познакомиться. Цветы принес. Между прочим сорок штук отстегнул.

- И где же Петруша? Чем ты его саданул?

Фомкин и сам чувствовал в своей версии некоторую неувязку, как раз заключающуюся в таинственном отсутствии Петруши, но это его не волновало. Он видел, что женщина чуть-чуть расслабилась и лихорадочно прикидывал, как до нее добраться. Но тщетная, видно, была надежда: не на ту напал.

- Вы упомянули про какой-то шанс. Шутили, наверное?

- Скажи, кто послал, будет шанс.

- Если вы за Петрушу переживаете, так он в магазин побежал. Конфет прикупить к чаю.

Маша хотела засмеяться, но, похоже, не умела этого делать, вместо смеха зашлась в каком-то визгливом кудахтанье.

- Господи, и таких уродцев посылают на крупняка, - передразнила она. - За конфетами побежал! Да с него за одно то, что тебя впустил, шкуру живьем спустят. Эх вы, вояки! Вам бы с Петрушей телок у метро снимать, а туда же, лезете в пекло...

Ладно, вот твой шанс. Замочишь пахана, чердаком уйдешь. Дам ключ. Там пожарная лесенка...

- Спасибо! А у лесенки мужик с топором, да?
- Поторгуйся, поторгуйся... Минут десять есть в запасе.
- Чем же я его оглошу? Кулаком, что ли?

Маша свесила ноги на пол: огромные груди колыхнулись, как белые волны. Слов нет, чертовски соблазнительна.

- А как намеревался? Задушить?
- Не надо, Маша. Ты же правильно сказала, куда мне замахиваться на пахана.

- Как раз скороспелки всегда и шустряк не по уму... - Достала из ящичка тумбочки миниатюрный - с ладонь - дамский пистолетик. - Значит так. Слушай внимательно. Я открою, впущу Елизара. Ты стоишь сбоку, у вешалки, покажу где. Одна пуля в ствол. Как войдет, приставишь дуло к уху и - оп-ля! Сможешь?

- Вы же говорили, он не один.
- Если я открою, охрана не сунется.
- Ага, останется снаружи. Как же я попаду на чердак? С дыркой в калгане?
- Ну ты и зануда, голубок!
- Какой же я зануда? Обыкновенный советский гинеколог, которому помирать неохота.

В машине Башлыков снял наушники, положил на сидение, обернулся к Людмиле Васильевне:

- Пора, матушка!

Людмила Васильевна погляделась в зеркальце, нервным движением поправила прическу.

Капитан Треух, из давних, еще по Никарагуа, соратников, включил зажигание, ждал. Надежный был напарник, вышколенный, сосредоточенный, ему не надо было каждый раз напоминать, в какую сторону двигаться. Башлыков спросил женщину:

- Не боишься?
- Еще как, Гриша!
- Ничего, поначалу все боятся. Вспомни, как девушкой была.
- Это когда было!

Башлыков сказал в микрофон:

- Внимание! Готовность - ноль. Будем Колю выручать. Пошли, ребята.

Пять легковых машин, расположенных примерно в трехкилометровом периметре, одновременно тронулись с места и заняли исходные позиции, припарковались каждая в отведенной ей точке. Из машин посыпались крепкие, подбористые мужички в одинаковой униформе - плотные джинсы и спортивные, широкие

куртки, под которыми незаметно можно было пронести хоть ба-зуку. У некоторых в руках объемистые сумки со штурмовым снаряжением. Если бы досужий наблюдатель разглядывал картину своеобразного десанта сверху, с вертолета, то увидел бы, что переулоч схвачен в тесные клещи, свободным остался только въезд со стороны набережной, откуда должна была появиться кавалькада Благовестова. В тихий, сумеречный час предночной снесты прохожих в этом элитарном закоулке почти не было.

Жигуленок Башлыкова уперся рылом в переулок со стороны трехэтажного банковского офиса. Капитан Треух вылез из машины и немного размялся, сделал два-три приседания и небольшой комплекс дыхательных упражнений. Последние два месяца он не посещал спортзал, а рывок, судя по всему, предстоял беспощадный. Треух опасался, что дышалка подведет. Одет он был щегольски: вязаный роскошный джемпер и малиновые, в обтяжку, бархатные штаны - эстрадная супер звезда на вечернем променаде. Через открытое окошко приободрил поникшую Людмилу Васильевну:

- Не волнуйся, сестренка. Гриша все просчитывает, как на компьютере. Осечки не будет.

«Если бы так!» - раздраженно подумал Башлыков.

- Последний, личный вопрос, - сказал Коля Фомкин. - Почему ты все время голая?

Маша любезно ответила:

- Такой имидж, дурачок.

- И не мерзнешь?

- Я же сибирячка.

Благовестову пора было уже прибыть. Фомкин стоял под вешалкой, почти зарывшись в овчинный, пограничный тулуп, а Маша Копейщикова - в отдалении, с двумя пушками в руках - обнаженная и прелестная.

- Вот, к примеру, - сказал Фомкин. - Старикан позвонит, ты кинешь мне пистолетик, но второй-то останется у тебя. Что он подумает? Не оробеет?

- Он привык. Я всегда его так встречаю.

- Ну да, это ясно, - глубокомысленно заметил Фомкин.

- Не умничай! Слышишь?

За дверью явственно, глухо зарокотал лифт. Фомкин понимал: жить ему оставалось минуты две. Это немного, но и немало. Не хватит, чтобы исправить ошибки грешной молодости, но вполне достаточно, чтобы собраться с духом.

- Ты мне нравишься, Маша, - сказал он искренне. - У тебя хватка железная.

- Ты тоже мне по душе, голубок. Гляди, не замешкайся.

Лифт поднялся, с тягучим скрипом разошлись створки. Маша шагнула к двери. Швырнула ему пистолет, как кость собаке, потянулась к цепочке, щелкнула замком, потянула дверь на себя. И тут же крутнулась вбок, перенося ствол парабеллума в сторону вешалки.

Фомкин тоже не зевал, как она и советовала. Пистолетик ловить не стал, вырвал из нагрудного кармана блестящий стержень авторучки с кнопочным спуском. Гулкий хлопок парабеллума и сухой свист оперенной металлической стрелки прозвучали одновременно. Пуля царапнула ухо упавшего на колени Фомкина, зато стрелка вонзилась удивленной Маше в лоб. В обморочном забытии она попыталась еще разок пульнуть в скрывающуюся вдруг из глаз мишень, но паркет уже катился ей навстречу, и тяжесть сердца стала невыносимой. Густая челка прыгнула на щеку, и колени подогнулись к животу, точно она готовилась совершить акробатический кульбит. - Сволочь, - прошептала синими губами. - Какая же ты сволочь, гинеколог! - и больше уже ничего не видела, не слышала и не понимала.

Когда первая из трех машин - эскорт Благовестова - только сунулась в переулок, из тупичка, как из леса, вышел капитан Треух в обнимку с Людмилой Васильевной. Парочка была на загляденье. Высокий, поджарый плейбой, наряженный, как павлин, и его изящная спутница в платье от Кардена, прильнувшая к мужчине, точно гибкая лоза к могучему дубу. За версту было видно, что невменяемая парочка выползла откуда-то с большого бодуна, и скорее всего направляется к какому-то следующему бодуну. Благовестов, сидящий во второй машине, залюбовался живописной картинкой, и даже немного позавидовал. «Ишь ты! - подумал с досадой. - Переплелись как, мерзавцы! Никакого стыда нет. Прочитать бы говнюков, чтобы не шатались, где не положено».

Но эта мысль была скучной, как и все предвечерние мысли. Ему хотелось поскорее лечь в постель, выпить стакан вина и попросить Машу, чтобы растерла поясницу. О Маше он думал с приятностью: пожалуй, со временем она в чем-то и заменит несравненную Ираидку. Но, конечно, далеко не во всем.

Когда он скрылся за дверью подъезда, предупредительно распахнутой перед ним нукерами, гуляющая парочка - капитан Треух и Людмила Васильевна - как раз приблизились к дому. Пока что резервная схема, разработанная Башлыковым, выполнялась с точностью до секунды. Расклад был такой. Пятеро охранников Благовестова сгруппировались у подъезда, остальные - восемь

человек - сидели в машинах. Один из снайперов следил за улицей с крыши противоположного дома, и еще двое стояли в распахнутом окне квартиры на третьем этаже, держа на изготовку армейские карабины. Сколько еще головорезов затаилось во дворике и прилегающих сквериках, определить было трудно, но по прикидке Башлыкова обычно не больше шести-семи человек. В общем, народу хватало на небольшую уличную бойню, которой так хотелось майору избежать, да вот, видно, не удалось.

Капитан Треух еще раз споткнувшись, и чуть не повалив на землю свою милую, тоже, судя по походке, в дупель пьяную подружку, был плотно взят в кольцо ухмыляющимися дозорными. Времени на ориентировку и выбор чуть-чуть более удобной позиции у него не оставалось. Впрочем, и эта была хороша.

- Заблудились, детки? - гоготнул один из окруживших. - Может, проводить?

К сожалению, это были последние слова, которые он произнес на белом свете. Из-под полы куртки Треух деловито извлек автомат Узи-узи и, оттолкнув Людмилу Васильевну, двумя плавными очередями, крутнувшись на каблуках, веером обвалил всех пятерых на землю. На секунду глухая, мертвая тишина установилась на улице. Только один из боевиков, не доглотав смерти, попытался открыть ответную стрельбу из положения лежа, но Треух его опередил добавочным, одиночным выстрелом, разmozжившим ему челюсть. Умирая, он злобно клацнул зубами, пытаясь выплюнуть залетевшего в глотку стального шмеля. Целую вечность Треух не мог почему-то оторваться от потухающего, укоризненного мальчишеского взгляда, затем в два прыжка достиг подъезда, где ухватистая Людмила Васильевна придерживала открытую дверь. Ворвавшись внутрь и ослепнув со свету, Треух начал палить наугад, густо поливая свинцом пространство перед лифтом, и прихватывая ведущую вверх лестницу; но Митек, который показался недавно Фомкину неуклюжим и чересчур осанистым, его перехитрил. Услышав шум на улице, он ринулся вниз и укрылся за каменной стойкой, отгораживающей спуск в подвал. Теперь он оказался сбоку и чуть сзади Треуха, намертво вцепившегося в изрыгающий погибель автомат. Спокойно подняв свой кольт, Митек два раза подряд выстрелил ему в голову. Первая пуля разворотила капитану затылок, произведя там необратимые разрушения, а вторая по странной прихоти траектории полета лишь спилила верхнюю губу и разнесла вдребезги мраморную скобу над почтовыми ящиками. Остаток жизни Треух истратил грамотно. Падая, ломаясь в коленях, он развернулся и опоясал обидчика свинцовой лентой. Потом автомат вырвался из его рук и зацокал по каменному полу в нервической чечетке. Митек опустился рядом, сначала на карачки, а после, прижав-

шись к Треуху спиной, как к доброму товарищу. Их непритязательные души взмыли в небеса грустной парочкой, недоумевая оттого, что так быстро кончилась для них вся эта заваруха.

Башлыков, пристроив винтовку на угловой кирпич, аккуратно снял в открытом окне противоположного дома двух снайперов, которые так и не успели поймать в прицел расторопного Треуха. И сразу в переулок, как горох из прохудившегося мешка, посыпались бойцы Башлыкова. В мгновение ока мирная улочка превратилась в поле боя, покрылась множеством раненых, стонущих, дерущихся, стреляющих людей. У нападающих было колоссальное преимущество, их здесь никто не ждал в таком количестве. Но все равно Елизарова команда защищалась вдохновенно. Никто не хотел умирать, не задав напоследок остратки врагу. Дюжий детина по кличке Вепрь с громкими проклятьями вымахнул из-за серой тойоты на середину мостовой и с какой-то сверхъестественной сосредоточенностью выкосил из ручного пулемета всю левую сторону улицы, не разбирая, кто ложится под его пули. Осатанев, с разбитой грудью, он вдруг саданул заглохший пулемет о стену дома и, не пригибаясь, не прячась, проревел: - Выходи, суки, падлы! Выходи, кто не сыт!

Его вызов принял молоденький сержант с ласковым именем Мика, ближайший дружок Коли Фомкина. Он поднялся из-за мусорного бака, за которым укрывался, и пошел навстречу громиле. Стрельба прекратилась, и вся улица онемела, наблюдая за странным поединком. Даже тот, кто умирал от ран, и думал уже о чем-то постороннем, с любопытством наострил мутнеющий взгляд. Сержант Мика был мал ростом, но ловок и чрезвычайно самолюбив. Самолюбие иногда делало его невменяемым, и как-то на тренировке, в коварном клинче он чуть не сломал руку Фомкину, хотя тот подал знак, что сдается. Вепрь был свиреп, огромен и неуправляем, а в последние полгода, после того, как кто-то увел у него невесту, даже самая отпетая братва чуралась его компании. Сломать хребет собутыльнику, заподозрив его в коварстве, было для него то же самое, что для мирного обывателя сходить за уголок. Он возбужденно вглядывался в приближающегося маленького верткого человечка, потому что догадывался, что это, возможно, последняя жертва, с которой он может посчитаться за все горькие обиды, нанесенные несправедливой судьбой. У Вепря в груди застряло две пули, и обе обосновались близ сердца. Мика заметил его плачевное состояние.

- Ты же и так подыхаешь, - заметил сочувственно. - Зачем безумствовать. Ляг, отдохни.

С хриплым стоном Вепрь кинулся на наглеца, норовя захватить клешнями и раздавить, как ракушку. Но Мика отклонился, нырнул ему под руку и без всякого труда впихнул десантный

тесак под самое ребро. Это было не совсем культурно, Вепрь был безоружен, но Фомкин учил его, что озверевшего бандита, когда он оказывает сопротивление, надобно давить без пощады, как волка, всеми возможными способами. Вепрь скорбно вздохнул, ощутив в кишках железо, и, убывая в неизвестность, успел вцепиться пальцами в Микино запястье, и переломил его, точно сухую палочку.

Башлыков воспользовался затишьем, чтобы добраться до подъезда и нырнуть в него невредимым.

Он уже прикинул в уме утраты, которые принес этот налет, и был слегка озадачен. В подъезде наткнулся на Людмилу Васильевну, которая сидела на корточках, прислонясь к батарее, возле поверженного капитана Треуха. Она плакала, но лицо ее было безмятежно.

- И этот туда же, - огорчился Башлыков. - Уж на него-то я рассчитывать. Какая-то шайка дезертиров.

- Хочу домой, - сказала Людмила Васильевна. - Ты не предупредил, что это так страшно.

- На улицу не вылезай. Так и сиди здесь.

Башлыков нажал кнопку лифта, и когда тот загудел, осторожно, по лесенке, по стеночке начал подниматься...

Дверь была наполовину распахнута, но никто в квартиру не входил. Фомкин ждал. Он слышал, рядом кто-то сишло дышит. Нагнувшись, нашарил на полу дамский пистолетик. Беспорядочная пальба на улице его обнадежила. Он снял с вешалки овчинный тулуп и выставил в дверь. Раздалось чавканье, будто лягушки заквакали, тулуп задергался у него в руках и, как живой, опустился на пол. Таким беспомощным Коля себя никогда не чувствовал, сколько не жил. Что лучше: стоять истуканом или проскочить в комнаты? Задача элементарная, но он не мог ее решить. Крохотная пукалка в руке - это кур смешить. До парабеллума не дотянуться. Завороженный, он проследил, как из-за двери вкатилась круглая противотанковая мина, покрутилась волчком и улеглась Маше под бочок, плоская, как блин. Вот оно и решение. Фомкин в два прыжка перемахнул коридор, но возле ванной его догнали взрыв и осколки.

Этот взрыв, отвлекший внимание, позволил Башлыкову с лестничного перехода спокойно, почти в упор расстрелять двух рослых башибузуков, но лысый старичок проворно юркнул в дверь, прямо в дым и грохот, и Башлыков еле успел сунуть ногу в щель, не дав ее захлопнуть.

- Входи, - пригласил Елизар Суменович, более не прячься. Он неловко перешагнул дымящееся, скользко-багровое месиво, бывшее недавно голой Машей Копейшиковой, и направился вглубь квартиры. Башлыков потянулся следом, бросив мимолетный взгляд на Колю Фомкина, который был неподвижен, но как бы имитировал движение, загибая пол вытянутой левой рукой. «Ладно!» - сказал себе Башлыков.

Елизар Суменович уже сидел в кресле в расслабленной позе.

- Чего-то притомился к вечеру, - пожаловался Благовестов, и вдруг встрепенулся, узнавая. - Ах, это ты, землячок? Ну что, больше не работаешь электриком?

- Нет, теперь я ассенизатор. Помои разгребаю.

- Самогонцу не прихватил?

Башлыков медлил с выстрелом, и это было зря. Каждая секунда сейчас работала против него. Но так дивно, счастливо светилось лицо могучего старца, что он не чувствовал охоты нажать курок.

- Назови цену, - сказал Благовестов. - Миллион? Десять миллионов? Валюта в сейфе. Взамен только одно: кто тебя послал? Алешка? Грум?

- Отечество, - ответил Башлыков, - которое ты разорил.

- Эка вспомнил не к месту. Не спеши, подумай, земляк. Предлагаю хорошие деньги. Они тебе заменят отечество. Сплошной зеленый цвет, как весна.

Башлыков выстрелил. Пуля вошла Елизару Суменовичу в сердце. Он грустно склонил голову на грудь и закрыл глаза. Ему было хорошо. Сознание больше не цеплялось за брентную оболочку и качнуло его под розовые облака, на поляну цветущих магнолий. Там он уселся на поваленное дерево и множество милых девушек и прелестных юношей с венками на головах расступились перед ним...

Башлыков поднял Колю Фомкина на руки и транспортировал в лифт. Коля не подавал признаков жизни, но на мертвого был не похож. У него было такое выражение лица, будто он собирается что-то сказать. Может быть, объяснить каким-то лихим словом все накладки операции.

Внизу Людмила Васильевна помогла Башлыкову нести озорника: полумертвый Фомкин был необыкновенно длинен, тяжел и неуклюж.

- По-моему притворяется, - с сомнением сказал Башлыков. - Ему так выгоднее.

- Сегодня я наконец узнала, кто ты такой.

- Ну и кто же я?

- Безжалостный убийца, вот кто!

- Ошибаешься, Люда. Это война. Меня тоже на ней когда-нибудь убьют.

Он выглянул на улицу. Его люди одержали полную победу: догорающие иномарки, скорченные в утихшей боли трупы. К подъезду подкатил джип и молчаливые пехотинцы загрузили туда Фомкина, который вдруг открыл один глаз и подмигнул Башлыкову.

- Все по машинам, уходим, - приказал майор.

Людмилу Васильевну он за руку отвел к жигуленку, который сторожил в тупичке. Когда свернули на кольцо, обратился к ней с командирским напутствием:

- С крещением тебя, солдат. Хорошо поработала. Я доволен.

- Зачем все это, Гриша? Ведь придется отвечать.

- Отправлю тебя в санаторий на недельку. Нервишки подлечишь.

- Ты не ответил. Зачем весь этот ужас?

Башлыков на нее не сердился, жалел бедняжку.

- Хватит! - цыкнул он. - Разболталась некстати. Делай, что прикажут. Отвечать не тебе.

- Не хочу любить убийцу.

- Не хочешь, высаживайся. Вон метро, - Башлыков притормозил, но Людмила Васильевна виновато коснулась его плеча.

- Куда же я теперь высажусь, Гриша? Поехали лучше домой.

- Тогда не обзывайся убийцей.

- Хорошо, милый. Буду называть тебя цыпленочком.

...Милиция в этот день работала отменно, и на место погрома прибыла через сорок минут...

22

Алеша Михайлов узнал о побоище из утренней программы «Вестей». Сообщение было коротким. Красивая дикторша с блудливо-загадочным лицом радостно объявила, что накануне вечером на Садовом кольце произошла очередная перестрелка, которую неизвестно кто затеял. Привычно намекнув на происки свирепых коммуняк, она вдохновенно зашептала о шикарной презентации фирмы «Пепси-кола», которую (фирму или презентацию?) выбрало новое поколение.

Михайлов попытался разыскать Мишу Губина, но, как и вчера, неудачно. Он позвонил Башлыкову. Тот был на месте.

- Ну? - спросил Алеша.

Башлыкову не понравилась его категоричность.

- Ты бы поздоровался для приличия, - заметил он благодушно.

- Что с Елизаром?
- Приказал долго жить.
- Это точно?
- Сходи посмотри.
- Наследили много?
- В меру...

Алеша прислушался к себе. Если Башлыков не блефует, а он, конечно, не блефовал, то с сегодняшнего дня в жизни многих людей, причастных к их бизнесу, наступила новая эра; и именно с этой минуты следовало действовать быстро, точно, решительно, осторожно и во многих направлениях. Но эта мысль показалась заполошной, пустой. Ему не то что действовать, одеваться было лень.

- Чудно как-то, - сказал он. - Всякой ерундой готовы заниматься, а у меня жена пропала.

- У Елизара ее не было.

- Знаю, что не было. Вот и не надо было его трогать пока.

Башлыков насторожился.

- Не совсем тебя понимаю. Акция, кстати, влетела в копеечку.

- Это в бухгалтерию, к господину Воронежскому. Или обсудим на правлении. На ветер бабки кидать, сам знаешь, не в моих привычках.

- Та-ак, - скучным тоном отозвался Башлыков. - Что если я к тебе сейчас подскочу, Алексей Петрович?

- Нет, не подскочишь.

- Почему?

- Приезжай в контору к четверем.

- Хорошо, понял, - сказал Башлыков и первым положил трубку.

Алеша тут же снова набрал его номер.

- Скажи, Башлыков, на ком лично Елизар повис? Обстоятельства - потом.

- Не знаю, - ответил Башлыков.

- Спасибо. До встречи.

Ему было приятно, что удалось малость взвинтить законспирированного чекиста, но удовольствие тоже было какое-то ненатуральное. Детские забавы на лужайке. Проторенной тропкой он добрался до оттоманки, где почивал безмятежный Вдовкин. Привычно потеснил его к стене, уселся в ногах.

- Эй, соня, похмеляться пора!

- Чего тебе? - буркнул Вдовкин.

- Ночью никто не звонил?

- Вроде нет.

- А точнее?

- Я после третьего стакана гложу. Да чего волноваться. Один раз позвонила, и второй позвонит.

- Помнишь, что ей сказать?

- Что?

- Не явится через полчаса, пусть едет в морг.

Вдовкин потянулся, вылез из-под одеяла и со скрипом сел. Пошарил где-то под собой сигареты.

- Похоже, нет такой дурусти, какую не измыслит русский человек, когда в оказии.

- Если поинтересуется, какие были мужнины прощальные слова, передашь: тварь поганая.

Не умываясь, не позавтракав, накинул вельветовый пиджачок - и вышел. На улице дежурили двое, еще ночных сторожа - Чук и Гек. С ними Алеша так распорядился:

- Сменщикам передайте и сами запомните. Придет Настя, из дома не выпускать. Хоть силой держите.

Чук и Гек дружно закивали, остерегаясь подходить ближе, чем на вытянутую руку. Среди охранной челяди со вчерашнего дня прошел нехороший слухок, что у хозяина крыша поехала.

Алеша напрямик двинулся к Тине Самариной, в далекое Митино. Гнал так, что гаишник на Каширке еле успел свистнуть вдогонку. Но за ним не увязался. Не зря он выложил десять лимонов за спецномера.

Ближайшая Настина подруга была дома, но собиралась на работу. Алешу впустила в квартиру больше от изумления, чем от радости.

- Собери чайку, - попросил он. - Ты же видишь, я два дня не ел.

- На меня твои штучки не действуют, Михайлов. Мне в школу пора.

В сером, строгого покроя костюмчике, гладко причесанная, в больших, немодных очках, Тина Самарина была человеком из другой, сопредельной жизни, с которой Алеша редко соприкасался. Разве что через Настю. Эта жизнь была для него выморочной, призрачной. В ней люди не только бесконечно талдычили о каких-то принципах, о борьбе добра со злом, но и пытались как бы следовать этим принципам. Забавные канарейки, расппевающие свои нелепые, наивные песенки в окружении змей, крокодилов и шакалов. И квартирка у Тины, естественно, напоминала птичье гнездо: крохотная, на последнем этаже двенадцатиэтажного крупнопанельного дома.

Алеша прошел на кухню, огляделся и поставил чайник на плиту. Тина укоризненно замерла в дверях.

- Предложение такое, - сказал Алеша. - Я твою школу покупаю и дарю тебе. А ты говоришь, где Настя прячется.

- Торгаш, - брезгливо процедила Тина. - Вот это и есть твое истинное нутро. Нечего было притворяться.

- Кем же я притворялся?

- Ну как же! Романтический герой в духе средневековья. Тайный мститель. Зеро. Робин Гуд. Это ты бедной Настеньке можешь втирать очки, я-то тебя всегда видела насквозь.

- Ты - да! Ты - великий психолог. Потому, наверное, и живешь без мужика. Все мужчины грязные самцы, верно? Не удивлюсь, если окажешься девушкой.

- Убирайся!

Алеша достал из настенного шкафчика чашку и заварной чайник, а из холодильника масло и сыр.

- Хлеб-то хоть у тебя есть?

- На каком основании ты тут хозяйничаешь?

- Не надо, Тина. Я не ссориться приехал.

Он поднял глаза и она увидела в них что-то такое, что заставило ее опуститься на стул. Алеша и ей дал чашку, и свежий чай заварил из пачки «Цейлонского».

- Я не знаю, где Настя, - сказала она.

- Неправда. Ты знаешь. Или догадываешься.

- Хорошо. Может быть, догадываюсь. Но почему я должна тебе говорить, если она сама не захотела. Алеша, она ушла от тебя. Это самый разумный ее поступок за последние три года.

- Она не может уйти.

- Почему?

- Мы же любим друг друга.

Он ожидал, что Тина хотя бы улыбнется после такого признания, но вместо этого она достала с окна, из-за шторы пакет с хлебом и начала готовить бутерброды. Вид у нее был неприступный.

- Ты хорошенькая. Умная девушка, - мягко сказал Алеша. - Прости, что иногда над тобой подшучивал. Если бы не было Насти, я бы на тебе женился.

- Ой, спасите меня! - наконец-то она смягчилась. - Ты хоть догадываешься, почему она сбежала?

- Догадываюсь. Она записку оставила.

- Ну и в чем дело?

- Приступ шизофрении. Это у нее наследственное. Мать полумная, отец алкоголик. Но для меня это не имеет значения. Какая ни есть, а все жена. И потом - я кое-что понял...

- Что же именно?

- Мне без нее кранты.

Тина пододвинула ему бутерброд с сыром.

- Помоги, Тина! Где она?

- Она мне не простит.

- Простит. Она же понимает, что передо мной никто не устоит.

Алеша пережевывал хлеб и не чувствовал вкуса, словно тряпку жевал.

- Помоги, Тина. Или будет беда. Небольшая, правда.

- Какая беда?

- Я умру без нее.

Тина увидела в ясных Алешиных глазах отблеск слез - и оторопела.

- Или ты великий актер, или...

- Где она?

- Возможно, я полная дура... Точно не уверена, но предполагаю...

В Балашихе живет старый художник, у него дача...

- Почему ты думаешь, что она там?

Тина не выдержала его прямого взгляда, в котором загорелся странный, тусклый огонь. Сняла очки и протерла сухие стеклышки платочком.

- Тина, я жду!

- Настя звонила утром...

- Адрес!

Тина ушла в комнату и вернулась с клочком бумажки. Прежде чем отдать, потребовала:

- Поклянись, что ее не обидишь!

Алеша сказал:

- Ты действительно дура. Как же я могу ее обидеть, если она мне как дочь? Вдобавок, она беременная.

- Алеша, а ты сам не того?..

Михайлов вырвал у нее бумагу. Он уже был на ногах и в дверях.

- Ты под моей защитой, девочка! Запомни на всякий случай.

...По дороге в Балашиху прихватила гроза. Посыпались с неба потоки, плясали перед глазами желтые молнии. Весело было ехать. Хотел думать о главном, о том, как оборотиться с Елизаровым наследством, а думал все о Настеньке. Сознание чудно двоилось, трюилось, как струи воды на стекле.

Старый художник был похож на согнутое, безлиственное деревце в палисаднике, где он стоял и из детской леечки задумчиво поливал грядку. Алеша окликнул его с дорожки:

- Эй, хозяин!

Мужчина неторопливо развернулся, и Алеша с огорчением отметил, что хотя художник, конечно, хилловат и обтесан жизнью до краев, но не так уж и дряхл, чтобы при случае не обеспечить чужую жену.

- Чем могу быть полезен, сударь?

- Заказы принимаете?

- Какие заказы?

- Хочу, чтобы немедленно нарисовали девушку по имени Настя. Она в доме?

Художник опустил лейку на землю и, бережно ступая по узкому проходу между грядок, вышел на дорожку.

- Надо полагать, вы ее муж? Алексей... извините, не знаю по батюшке?

У него было хорошее, тихое лицо человека, давно ничему не удивляющегося. Взгляд задорный, осмысленный. Как у ежика.

- Да, я ее муж. А вы, по всему выходит, похититель.

- Не желаете ли пройти в дом? Там будет удобнее разговаривать.

Алеша понятия не имел, о чем им нужно разговаривать, но в дом вошел, и даже не остановился в прихожей, а юзом прошмыгнул по всем комнатам первого и второго этажа, которых насчитал пять. Но Настя нигде не было. Хозяин спокойно дожидался на застекленной веранде, усевшись в плетеное кресло.

- Молочка не хотите? Вот свежее в кувшине. Стаканы чистые, не сомневайтесь, - мужчина говорил с ним приветливо, но с каким-то сожалением.

- Где она?

- Да вы не волнуйтесь, посидите минутку, отдышитесь... С ней все в порядке.

Алеша сел, закурил. Ему хотелось взять любезного старикана за шкуру и вышвырнуть через стеклянную стену, с таким расчетом, чтобы тот долетел до леса, но это было бы глупо.

- Я не художник, - сказал хозяин, как бы оправдываясь. - Это Настя величает меня художником. Она видела кое-какие мои работы, но это все в прошлом. Зарыто и посыпано пеплом, знаете ли. Увы! На самом деле я обыкновенный российский интеллигент-неудачник. Работал всю жизнь, чего-то добивался, о чем-то мечтал, и незаметно дожил до пенсии. Причем, один-одинешенек. Ни жены, как говорится, ни детей. Теперь выращиваю цветочки, чтобы как-то подработать на хлебушек.

- Очень интересно, - заметил Алеша. - И куда вы дели Настю?

Старик разлил из кувшина молоко в два стакана и из одного отпил, отчего кадык на белой, мучнистой шее скакнул взад-вперед как резиновый.

- Вы торопитесь, Алексей?

- Я - нет. Это вы торопитесь.

- Куда? - удивился художник.

- Видимо, на тот свет.

- Ах, вот вы о чем! - старик радостно закудахтал, что, скорее всего, означало смех. - Знаете ли, Алексей, я ведь именно таким

вас и представлял по Настиным рассказам. Целеустремленным, отчаянным, упрямым. Но легковерным. Сколько вам лет, простите?

- Тридцать пять. А вам?

- Шестьдесят восемь... Пожалуй, в вашем возрасте уже пора понять, что не все в мире берется с бою. Некоторые вещи приходится вымаливать у судьбы. Их надо выстрадать.

- Какие именно вещи?

- К примеру, любовь, дорогой мой! Вы знаете, как мы познакомились с Настей?

- С ней все знакомятся одинаково. Глянет своими лживыми глазами - и ты спекся.

- Да вот и нет! - старик со вкусом отхлебнул из стакана. Солнце било Алеше в правый глаз, и он чувствовал, как его одолевает чертовщина. Ему тоже захотелось молока.

- Ваша супруга прекрасна, спору нет. В ней есть чудесная, колдовская сила, тоже верно. Но на меня она не глядела, когда мы познакомились. Она сидела на скамеечке в скверике у Большого театра - и плакала. Вы знаете, какие женщины там собираются? Но я сразу понял, она не из их числа. Подошел, чтобы утешить. Иногда обязательно надо, чтобы кто-то подошел и утешил...

- Почему она плакала?

- Это было три года назад, весной... С тех пор она всегда плачет, когда навещает меня.

- Жалее вас, что ли?

- Не надо, Алексей. Давайте поговорим по-человечески. Вам ведь редко удается с кем-нибудь поговорить просто так, без всякой задней мысли.

- Чего вы от меня хотите? Денег? Чтобы я купил ваши цветочки?

- Помогите ей, Алеша. Это в ваших силах. Если вы это сделаете, вам многое искупится.

Алеша задумался. То есть, не то чтобы задумался, а внимательно следил за черной жирной мухой, которая настырно сновала по краю кувшина, норовя туда свалиться. Ему еще ни разу в жизни не понадобилась мухобойка. И сейчас он не сплеховал, словил муху на взлете в ладонь, но не знал, куда ее деть.

- Отпустите ее, - посоветовал художник. - Пусть резвится.

Алеша оторвал мухе голову и щелчком отправил за окно.

- Если вы держите Настю в подвале, - сказал он, - то напрасно. Нет такого подвала, откуда я ее не выну.

- Есть очень глубокие подвалы. Они в человеческой душе. Загляните в свою, молодой человек. Иногда это необходимо.

В который раз Алеша подивился тому, по какому чудному признаку Настенька выбирает себе друзей. Чем дальше человек от мира сего, чем неприспособленнее, тем ей ближе. Лишь бы умел хныкать и с умным видом произносить дурные, многозначительные фразы.

- Покажите ваши картины, - попросил он.
- Вы правда хотите посмотреть?
- Зачем же я приехал?

Старик поднялся, куда-то сходил и вернулся с двумя небольшими холстами. Поставил их так, чтобы солнце падало сбоку. Картины были писаны маслом. Одна изображала деревенскую улочку, с нарядными избенками, с лужей, со скошенными изгородями и с невысокой церквушкой на заднем плане. Композиция производила впечатление театральной декорации. Аляповатые, яркие краски, добросовестно прописанные детали. На какой-нибудь выставке детского рисунка у старика были бы все шансы получить премию за старательность. Вторая картина - портрет женщины в домашнем интерьере. Небогатая комната со стандартной мебелировкой - кровать, застеленная клетчатым пледом, шкаф, тумбочка, на стене коврик с плывущими лебедями, - и смазливая дамочка в розовом пеньюаре, причесывающаяся перед зеркалом. В поднятой к распущенным рыжеватым волосам руке, и на смуглом лице, и во всей позе - выражение растерянности и ужаса. Ей было от чего растеряться. В зеркале, перед которым она сидела, ничего не отражалось, оно было пусто и темно, как черная дыра. Картина называлась «Первый раз себя увидела».

- Покупаю обе, - сказал Алеша. - Назначайте цену, маэстро.
- Зачем они вам?
- Насте подарю. Прямо сейчас.
- Вы очень ловкий молодой человек, - с оттенком уважения заметил художник. - Вам, наверное, кажется, вы все способны купить?

- Да что вы, маэстро! Совсем нет. Есть много вещей, которые не продаются. Жизнь, например. Правда, ее легко отнять.

- Господи, как же не повезло бедняжке!

- Вы имеете в виду Настю?

- Красивый, сильный человек - и такое абсолютное презрение к другим людям. Патологическая глухота к чужому существованию. Как же она выдержала так долго? И вы еще спрашиваете, почему плачет?

- С чего вы взяли, что я презираю людей?

- Презираете - слабо сказано. Они для вас просто не существуют. Вот маленький красноречивый штрих. Мы с вами здесь битый час беседуем, но вы даже не поинтересовались, как меня

зовут. Действительно, зачем вам? Кто я такой? Нелепое препятствие на пути героя. С такой же легкостью, как мухе, вы оторвете голову и мне, если понадобится. Верно?

- Более того, - согласился Алеша. - Получу от этого удовольствие. Вот вам еще один красноречивый штрих. Это не я прячу вашу жену, а вы мою. И это не я вываливаю перед вами интеллигентскую блевотину, а вы передо мной. А я вынужден терпеть, потому что не знаю, где Настя... Не доводи до греха, старик!

- Ух, какой великолепный зверь! - искренне восхитился художник и отодвинулся вместе со стулом. Он еще владел собой, но Алешина улыбка помертвела, и художник сознавал, что его самообладания не хватит надолго. Он прожил трудную, но честную жизнь, полную размышлений о путях Господних, и надеялся встретить смерть в благолепии, но вот на склоне лет к нему на пороге заглянул страшный гость, в облике которого было что-то такое, что ломало все его прежние представления о человеческой сущности. Потускневший взгляд молодого человека был равен приговору судьбы. Художник почувствовал, как все внутри его съезжилось, онемело, и лишь слабо шевельнул рукой, то ли прося пощады, то ли в знак протеста.

- Потек, писака, - брезгливо усмехнулся Алеша. - Не дрожи, не трону. Говори, где она?

Старик промычал что-то нечленораздельное. Алеша подал ему недопитый стакан. Молоко оживило старика, чуть не впавшего в столбняк.

- Вы гипнотизер? - спросил он.

- Конечно, а ты как думал? С вами иначе нельзя.

- Настя позвонила домой... Там ей кто-то что-то сказал, она тут же собралась и уехала. Честное слово, это правда.

- Вижу, что правда, - Алеша поднялся, - сожалею, что напугал. Сам виноват... Имени твоего мне действительно не нужно, потому что его у тебя нет... Где телефон?

- В комнате, налево...

Алеша дозвонился до Вдовкина. Тот был похмеленный, но не сильно.

- Жду, - доложил он. - С минуты на минуту приедет.

- Смотри не выпусти. Я скоро.

- Алеша, она поверила.

- Правильно сделала. Покажи ей бритву на полочке в ванной...

Художник потянулся его провожать, семенил следом по дорожке, точно побитая собака.

- Алексей, почему вы сказали, что у меня нет имени?

- Это уж у Насти спроси.

Сел в машину и укатил.

Несколькими часами раньше, а именно в семь утра, Иннокентий Львович проводил экстренное совещание с двумя сотрудниками. Совещание проходило в его домашнем кабинете. Лишь часа назад ему доложили подробности погрома на Сивцевом Вражке, но это печальное известие не застало его врасплох. Он был собран, строг, подтянут, и даже успел облачиться в темно-синий двубортный костюм с серебряными часами-луковкой в жилетном кармашке.

Двое гостей, напротив, выглядели так, словно еще не совсем проснулись после тяжелой, ночной попойки. Впрочем, так оно и было. Костю Шмыря, сорокалетнего мужчину монголоидного типа, звонок шефа вырвал из объятий славной и добросердечной потаскушки Любы, которая усердно ублажала его до рассвета, не давая ни минуты передышки. Перед тем в ночном клубе «Бродвей» Костя Шмырь просадил в покер несколько сотен долларов залетному купчишке из Ашхабада, а также принял на грудь несметное количество крепчайшей смородиновой настойки, фирменного напитка, приготавливаемого в этом заведении по древнему рецепту алтайских схимников. Таким образом Костя Шмырь был не то чтобы переутомлен, но как-то не слишком отчетливо представлял, какое нынче столетье на дворе. Деликатная красotka Люба наблюдая, как он сослепу, после звонка шефа попытался напялить на себя ее прозрачные, нейлоновые трусики, хихикнула в кулачок и заметила:

- Может быть, Костик, солнышко, тебе сегодня пока никуда не ехать, а сначала поспать?

Это был дельный совет, но к сожалению, Шмырь не мог ему последовать. По тону Грума он уяснил, что случилось что-то из ряда вон выходящее, невероятное, и если он заартачится, то вряд ли будет правильно понят. Пятый год он командовал службой безопасности у Благовестова и Грума, и не собирался рисковать ответственной и, главное, высокооплачиваемой работой ради лишнего часа сна. Послужной список у него был впечатляющий. Если исключить пять лет, проведенных в тюрьме (вооруженный грабеж, неловкий, плохо подготовленный каприз оголтелой молодости), то все остальные годы он старательно, упорно, со ступеньки на ступеньку перебирался все выше и выше в подпольной иерархии авторитетов, пока не достиг нынешнего благополучного и твердого положения. По характеру Костя Шмырь был немногословен, угрюм, отчасти даже застенчив, но обладал редким даром убеждения, и умел держать в узде самую разношерстную, отпетую публику, искусно направляя стихийное буйство громил в русло четко продуманных, иной раз удивительно изящных карательных акций. Никогда он не останавливался перед внезапными крайними мерами, но также не было в его практике

случая, кроме того первого, неудачного налета, чтобы он действовал наоборот. Тот, кто знал Костю Шмыря достаточно близко, рано или поздно (чаще рано) приходил к досадной мысли, что с этим, обыкновенно хмуро улыбающимся человеком надо не то чтобы постоянно держать ухо востро, но лучше всего вообще не попадаться ему на глаза без крайней нужды. При этом за ним не водилось ни особой жестокости, ни склонности к изощренному, немотивированному злодейству. Просто это был человек, чьим ремеслом было наводить ужас, и выполнял он свою работу с ясным умом и с искренним удовольствием.

Вторым человеком, кого пригласил в такую рань Иннокентий Львович, был тридцатипятилетний Митя Кизяков по кличке Калач. Свое прозвище он получил скорее всего за сдобную, лучезарную внешность: кругленький, обтекаемый, небольшого роста, с пухлым тельцем, с пухлым личиком, на котором остро поворачивали масляные, голубые глазенки. Калач на всех производил впечатление безобидного добряка, которому так и хотелось отвесить щелбана по его глянцевои, лысоватой тыковке. В сущности, своим приятным обликом Калач удивительно напоминал самого Грума, если снять с последнего очки и переодеть в шерстяную фуфайку. Не случайно среди Елизаровой челяди бытовало мнение, что бедный Калач уродился внебрачным сыном хозяина, но скрывает это обстоятельство благодаря природной скромности. Грум знал об этом диком предположении, и оно его раздражало, особенно когда на него глумливо намекал Елизар Суренович. Митя Кизяков был личным снайпером владыки, сменив на этом посту знаменитого Гришу Губина, принявшего мученическую смерть четыре года назад. Талант у Калача был от Бога. Своими пухлыми, короткими ручонками он управлялся с любым оружием, как опытный карточный шулер управляется с крапленой колодой, но конечно, предпочитал иметь дело с карабином «Степ» английского производства, оснащенным японской выделки оптическим прицелом. Их у него было три, и все дареные за подвиги. В бытность ясноглазым девятнадцатилетним отроком, призванным по разнарядке в армию, он на первых же полковых учениях, без натуги выбил норму международного мастера, через год был включен в олимпийскую сборную, где на него делали ставку, как на неожиданно воссиявшую звезду первой величины, но - увы! - этих ожиданий он не оправдал. Митя подвел командование, выдавшее ему путевку в жизнь. На предварительных сборах в местечке Комарово под Питером, тайком глотнув самогона, Митя вдруг расстрелял в упор собственного тренера, заподозрив его в неуважении то ли к нему лично, то ли к своей престарелой матушке, крестьянке Орловской губернии. Протрезвев в КПЗ, он ничего не помнил и искренне уверял сле-

дователя, что за всю жизнь мухи не обидел, а тем более не способен на такое страшное злодеяние, как убийство любимого наставника. После трехмесячного обследования, сначала в обыкновенной клинике, а впоследствии в институте Сербского, ему поставили редкий и сложный диагноз, который на простой язык можно было перевести так: неадекватная, психопатическая реакция на спиртное. Иными словами, выпив чарку водки, Митя Кизяков мгновенно превращался в неукротимого дикаря. Через шесть лет его выпустили на волю, как выздоровевшего и отбывшего наказание, но предупредили, что, если он хоть раз нарушит табу на алкоголь, то заберут в психушку уже навсегда. Запрет на спиртное он принял беззаботно, но никак не мог смириться с тем, что его лишили оружия. Не имея никакой специальности, подрабатывая то тут, то там, лишь бы не околеть с голоду, все свободное время Митя околачивался в тирах, где прославился тем, что за многие годы ни разу не промахнулся по бегущим зайчикам, и где ему давали стрелять лишь при условии, что он не потребует никаких призов. В одном из тиров его как-то и отловили вербовщики Благовестова, и с этого момента началась его новая, счастливая жизнь...

Услышав о гибели владыки, Костя Шмырь насупился, а Каляч горько заплакал.

- Папа! Папочка дорогой! - пролепетал сквозь слезы.

- Какой я тебе папа, - не сдержал утреннего раздражения Иннокентий Львович. - Сколько раз повторять, не отец я тебе. Это нелепая, мерзкая сплетня.

- Он тоже был папа, родной, единственный, - безутешно всхлипывал Митя. - Замочили папочку, падлы!

- Молчать! - рявкнул Грум. - Да, убили папочку, не пожалели. Теперь твой сыновний долг - отомстить негодяям. - Грум повернулся к Косте Шмырю. - С тобой что такое, Костя? Чего-то ты мне сегодня не нравишься.

- Да нет, ничего. Голова немного болит... Ну и кто же постарался?

- Не догадываешься? Его превосходительство Крест. Пока мы с ним в бирюльки играли, он и подсутился.

Костя Шмырь с удивлением отметил, что Грум вдруг начал как-то неуловимо подражать Благовестову - в манере говорить, в знакомом резком вскидывании подбородка, и даже в интонации. Но выходило это у него не грозно, а забавно. «Нет, Кеша, - подумал Шмырь, - далеко тебе до Елизара. Замах не тот». Тут же он проклял и Любку с ее вечной ненасытностью, и вчерашнюю пьянку. Денек, видно, предстоял хлопотный, а мозги, скованные спиртом и недосыпом, проворачивались с натугой несмазанных мельничных жерновов.

- Главное, - сказал Иннокентий Львович, - не промедлить. Алешка теперь не остановится. Он в эйфории. Или мы его медленно урезоним, или - война. Живой он больше никому не нужен, это ты понимаешь?

- Приказывайте, - усмехнулся Шмырь. - Наше дело исполнить.

Зазвонил телефон, и пока Грум коротко что-то отвечал в трубку, он закурил, пытаясь табачком разогнать свинцовую одурь. Уже около года Михайлов при оказии подсылал к нему гонцов с соблазнительными предложениями, и прошлым месяцем он познакомился с Мишкой Губиным и распил с ним чашу дружбы в коммерческом притоне на Моховой. Прямого разговора, разумеется, не было, но умный и культурный Губин обиняком намекнул, что ничто не вечно под луной, и в случае возможных потрясений лично для него, для Шмыря, приготовлена Крестом козырная карта. Уважительно посидели, и Шмырь, не давая, естественно, никаких гарантий, принял-таки от Миши небольшой аванс, обыкновенный знак приязни - две штуки зелененьких. Но он Губину не доверял, и Креста не боялся, потому что чуял мужицким нутром - перед Елизаром они все щенки. Теперь положение иное, Елизара больше нет, и его, Шмырева судьба поставлена на кон. Сейчас промахнешься, потом не поправишь.

Грум повесил трубку.

- Алешка сорвался из дому. Твои-то за ним не уследили. Что предлагаешь, командир?

Костя Шмырев отбросил на время сомнения и начал рассуждать оперативно.

- Вернется обязательно по трассе... Можно поставить засаду. Возле его дома есть удобный поворот. Пока гуляет, можно и квартиру пощупать.

Калач перестал наконец хныкать, громко высморкался.

- Чего мне делать, папаня?

Грум взял стрелка за руку и вывел из кабинета. Передал горничной Марине, повелев напоить чаем и не выпускать с кухни.

- У малыша нашего горе большое. Батяню у него шлепнули. Приласкай его, пожалуйста.

Многоопытная горничная с сомнением оглядела пухлого коротышку.

- Сперва его помыть бы надо.

- Это уж твои заботы.

Со Шмырем они еще с полчаса обсуждали в подробностях предстоящую операцию.

- Передай ребятам, - сказал Грум. - Кто отличится, десять кусков на рыло премиальных.

На эту пору Шмыря схватил колотун. Видя его бедственное состояние, хозяин собственноручно налил ему полстакана мексасы. Они оба сомневались в успехе.

- Еще вот что, - заметил Грум. - Если тебя какие-то потайные мысли будоражат, ты про них забудь.

Шмырь сделал вид, что не понял намека.

- При любом раскладе шуму много получится. Он ведь тоже настороже. Будем надеяться, Калач его на повороте снимет.

- Все, Костя, действуй. Не пей больше, прошу тебя. Справишься, озолочу. Не справишься, пеняй на себя.

Последним предупреждением Шмырь остался доволен. Он любил, когда без недомолвок...

23

Только прикемарил перед рассветом, старик потряс за плечо:

- Вставай, хлопче! Айда рыбу удить.

Губин собрался мигом. Ему было все равно, что делать, лишь бы не думать. Старик нагрузил его сетью. Долгим, мокрым лугом спустились к смутно черневшему озерку, было зябко, укутанная туманом земля нагоняла скуку.

- Ты че, парень, - втолковывал старик, по-гусиному прихрамывая сбоку. - Рази можно в деревне зорьку подрыхать. Счас возьмем карпиков да окуньков ведерки три. Таисья уши заправит к завтраку... Она, слышь-ка, кстати сказать, не в уме стала бабенка.

- Что с ней такое?

- Дак ты рази не слыхал? Зовет на вечное поселение, уговаривает вплоть до венчания. Во курва старая, а? Говорят же про их: седина в бороду, бес в ребро.

- Ну а ты что, дедусь?

- Как что? Душевно я не против, предложение заманчивое. Но с другой стороны, на мне хозяйство, карьер, собаки, вагончик обустроенный. Твой Алешка деньжат иной раз подкидает. Опять же и сожительница есть, тоже бабка справная. Это все ведь за плечо не кинешь. Ты сам бы как посоветовал?

- Моего ли ума дело.

- Тоже верно. У вас, молодых, ума нынче искать не приходится.

Озерко открылось перед ними скользкой, метров тридцати поперек, чернильной блямбой, окруженной хилым ивняком. Старик бросил на бережок свой прорезиненный плащик, уселся лицом к восходу.

- Давай покурим сперва, отдохнем, тогда уж приступим.

Ловко скрутил «козью ножку», поплыл едким дымком, зорко вглядываясь в небесное просветление. Губин присел на свернутую сеть, веточкой лениво отгонял комаров. Их было на удивление мало.

- Таня-то эта с тобой, она тебе кто? - спросил Кузьма Кузьмич.

- Подружка.

« Невеста, значит. По ней видно, что девка не промах. Кака молодая, а уж на пулюку нарвалась. Хлебнешь ты с ней, пожалуй, много радости.

- Уже хлебнул, - согласился Губин, чувствуя вдруг, как приятно, тревожно говорить ему о Тане, забывшейся в хрупком сне далеко за полночь. - С чего ты взял-то, что она не промах?

- Дак издали видать. Девица редких кровей, и по облику принцесса. За что тебя-то полюбила, такого невзрачного? Не по корысти ли?

- Непохоже, что полюбила.

- Ну это не шути. Меня не проведешь. Я ихней сестре всю жизнь был привержен, и пожил немало. Когда девка любит, у ней глаза собачьи... Однако посидели - и ладушки. Пора за работу.

Сеть была метров восьми в длину, полтора в ширину. Расстелили ее на берегу, укрепили боковые стояки. Шустро старик разоблачился до исподнего, потом подумал и кальсоны тоже снял.

- Ну а ты чего ждешь? В одежде, что ли, полезешь?

- Да за тебя волнуясь, дедушка. Не простынешь?

- Об себе пекись. До девяноста лет не простыл, теперь-то зачем.

Вода оказалась теплой, вязкой, дно илистое. Два раза благополучно завели бредушок, заходя в воду по пояс. Тянули от осочки, стараясь зацепить поглубже. Когда выносили сетку на берег, в ячейках билась разная мелочь: карасики с палец, бычки, тритоны. Собирали рыбу в полиэтиленовый пакет. При этом старик зычно покрикивал на Губина, как боцман на судне. Грозил руки оборвать. Внезапно от края земли брызнуло солнце, и все вокруг - вода, трава, зеленые ивы - волшебным образом преобразилось, засияло, задышало свежим утром. На четвертом заходе получилась оплошность. Старик поскользнулся и с коротким, печальным вскриком, с головой улетел под воду. Его долго не было и Губин, чертыхаясь, нырнул за ним. Кузьма Кузьмич запутался пальцами в сетке и производил под водой алчные, лягушачьи телодвижения. Губин вместе с сеткой вытянул его на бережок. Усадил на плащ, собрал с раскрасневшейся головы водоросли и какие-то глинистые ошметки. Старик долго костисто щелкал зубами, пока обрел дар речи.

- Оно так и бывает, - заметил философски, - погонишься за рыбкой, тут тебе и карачун. Но виноват ты, Мишка!

- В чем виноват, дедушка?

- Кто просил за палку дергать?

- Да я вроде не дергал, плавно ташил.

- Рыбалка тебе не девок шупать. Сноровка требуется. Вы приехали, понимаешь, бей, хватай. Вот и распугал всю рыбу-то. Где она - рыба? Наловили - кошке на зубок. А ведь тут сазана полно, и сом есть, да не с тобой, видно, его брать.

- Почему же, на ушицу хватит.

Подозрительная краснота сошла с дедовых щек, он протер худенькое, жилистое, но вовсе не дряхлое тельце синими кальсонами, после напялил их на себя. Шерстяной свитерок натянул на плечи. Скрутил сигарку, задымил.

- Все же славно, да, Мишуль? Не пропало утро даром.

И впрямь не хотелось уходить. Солнышко вскарабкалось выше, разгладились морщинки на небесном своде. Птахи загомонили над полем. Мир вокруг был безбрежен, спокоен. Москва с ее бредом и клекотом провалилась в тар-тарары, и страшно было подумать, что надо в нее возвращаться. Губин застыл в позе лотоса и сквозь сомкнутые веки различал Таню Француженку, разметавшуюся на кровати в ночной, безысходной неге. Она была платной киллершей, маньячкой, и она была его суженой, трепещущей от любви, как птица в силках. Совместить это все было почти невозможно.

- Ну че, Михаил? - бодро окликнул Кузьма Кузьмич. - Пару заходиков под завязку? Или сомлел?

- Сомлел, дедушка. Куда мне за тобой угнаться, за таким нырятьщиком. Пошли домой.

Старик повел окрест гордыми очами.

- То-то и оно. На работу вы нынче жидкие, как и на расправу. А токо там хороши, где груши околачивают.

К их приходу Таисья Филипповна сладила блинцы: ужаристые, с румяными боками, со сметанкой, с медком. Таня помогла ей управиться, накрывала стол. Обе женщины, молодая и старая, в одинаково перехваченных косыночками волосах, пересмеивались, шушукались, и вернувшихся с ловли мужчин встретили единым возгласом: - Живо руки мыть, гуляки, да за стол, пока не остыло!

- Кабы все такие гуляки, чего бы вы кушали, озорницы, - унял девок Кузьма Кузьмич.

- Деж ваш улов? - лукаво спросила старушка.

Кузьма Кузьмич торжественно передал ей пакет, где на донышке что-то сиротливо копошилось.

- Ну это конечно! Год теперь пропитаемся! Да я ж тебе толковала, чумному. Какая нынче рыба! Людей уморили, рыбку, что ли, пожалеют?

Сели за стол, и тут же Таня прижалась к Губину горячим боком.

- Как рука?

- Не болит. Совсем не болит. Бабушка опять намазала и перевязала. Я с тобой поеду.

- Куда это?

- Куда ты, туда я. Ты ведь жениться на мне обещал.

- Куда, правда, ехать? - солидно встрял Кузьма Кузьмич, помолодевший и окрепший после водяной купели. - От добра добра не ищут. А, Михнюша? Останемся? Заживем коммуной. Мы рыбеху ловить, бабенки по хозяйству Рази плохо. Посвободней будем, за вагончиком сгоняем, сюда перевезем.

Масляные блины - огромное блюдо и сквородка - подмели в один присест, под душистый, крепкий чаек. Только Таисья Филипповна мало кушала, пригорюнясь, задумчиво оглядывала гостей, словно сказать хотела что-то значительное, да боялась, не услышат.

Зато в закутке, куда Таня увела упирающегося, сытого Губина, слова были сказаны решительные.

- Как хочешь, Миша, одна не останусь. Лучше сразу убей.

- Как у тебя головенка своеобразно устроена, - огорчился Губин. - Из всех положений - выход один. Так-то ты изменилась?

- Ты во сне разговаривал. - Она глядела на него в упор блестящими яркими глазами, от которых не было ему спасения. Именно так, наверное, околдовывала она партнеров, перед тем как...

- Ты все звал: Таня, Танечка! Да так нежно, я чуть с ума не сошла. Мишенька, милый, не обманывай себя. Мы с тобой повязаны навеки.

- Гляди, какое точное словечко нашла, воровское. Конечно, повязаны. Спарились, как майские коты, вот и вся любовь.

- Успокойся, любимый, - пожалела его Таня. - Просто тебе нужно время, чтобы привыкнуть.

- К чему?

Таня потянулась к нему руками, губами, сияющим взглядом, но он отстранился.

- Вот что, девушка, скажи только одно: ты намерена меня слушаться?

- Конечно, любимый! Я же твоя раба.

- Останешься здесь, и будешь сидеть тихо, как мышка. Пока за тобой не пришло. Или сам не приеду. Повтори.

- Ты правда вернешься? - спросила она.

Каждый век хорош на особинку. Средневековье, к примеру, запомнилось бескорыстным служением Прекрасной даме. Нашему веку тоже есть чем похвалиться: в нем люди научились делать удобные, легкие, пуленепробиваемые бронжилеты. Один из таких бронжилетов был на Вене Суржикове, когда на лесной дороге он принял на себя подряд несколько ударов в сто тысяч лошадиных сил. Конечно, он потерял сознание, и сплавал ненадолго по ту сторону добра и зла, но уже через двадцать минут очухался, сел и огляделся. Как раз подъехал милицейский рафик с группой захвата на борту. Задорные омоновцы числом в пятеро высыпались на землю и взяли сидящего на земле человека в кольцо.

- Руки за голову, сволочь! - рявкнул их командир. Суржиков нехота выполнил команду.

- Быстро подскочили, ребятки, - похвалил. - Удостоверение в нагрудном кармане. Подойдите и возьмите.

Вскоре на этом же рафике Веня Суржиков подъехал к песчаному карьеру. Вокруг жилого вагончика бродила растрепанная женщина в вязаной фуфайке и с клюкой, словно чего-то искала. У нее был лунатический вид. Но это подполковника не смутило. Он к любому, самому заполошному сердцу быстро умел подобрать ключик. Одного взгляда ему обыкновенно хватало, чтобы определить, как получить от человека нужные сведения. Если бы Суржиков не родился гончаком, то стал бы, наверное, психиатром.

- Денег хочешь? - спросил он у женщины, подойдя к ней, группу захвата оставив в машине.

- Конечно, хочу, - ответила женщина с неожиданным кокетством в хриплом голосе. - Но мне ведь много не надо.

- У меня много и нету. Десять тысяч тебе дам. Докладывай, чего тут случилось у вас.

- Всех собак разогнали и Кузьму увезли.

- Кто увез?

- Чертяка за ним прибыл, кто же еще! На огненной колеснице. И девка была, чертова подстилка. На девку его и сманили. Кузьма сам как черт шепутной. Покажь деньги, соколик, где они у тебя?

Около часу дня подполковник Суржиков сидел у себя в отделе на улице Обручева и считывал данные, выплеснутые главным кегебешным компьютером. На Кузьму Кузьмича Захарюка улов был богатый. У него была неровная биография. Враг народа, со сланный в Сибирь со всей родней, но перед самой войной вдруг объявившийся в Опекове, и более того - прославивший знаменитым комбайнером, про которого тиснули большую статью в газе-

те «Калужское Знамя». Случай неординарный, но никаких комментариев в досье, к сожалению, не было. На войну Захарюк ушел добровольцем (ему было уже за сорок) и после двух ранений пропал без вести, но вскоре опять оказался на виду, и за операцию по форсированию Днепра был награжден орденом Славы первой степени. Тут тоже только голая информация, что было в принципе не характерно для работы оперативных служб того периода. В сорок девятом году Кузьма Захарюк заново был извлечен из Опекова, где работал колхозным бригадиром, но вторично не утаил личины врага и потешал доверчивых селян похабными политическими анекдотами. На сей раз ему намотали сразу четвертак, как рецидивисту. Но не сгинул непотопляемый Захарюк в дебрях Гулага, как ему было вроде предназначено, и в конце пятидесятых, в самую «оттепель», как ни в чем не бывало, живой и настырный, возник в паспортном столе города Калуги для получения якобы документа о реабилитации. Документ ему выдали, как их всем тогда выдавали, но естественно взяли на заметку для дальнейшего наблюдения. Последним местом его жительства и трудовой деятельности был указан поселок Окурово в Московской области, где он прописался у одинокой вдовы Лебедихиной и работал путевым обходчиком. На этом досье обрывалось, из чего следовало, что скорее всего недобитый вражина наконец утомился, и из дома вдовы Лебедихиной отбыл прямо на погост. Ан нет... Отыскался след Захарюка на песчаном карьере, в сорока верстах от столицы, где неподалеку в сосновом лесочке, на проселке навеки уткнулся мордой в землю сержант Власюк.

Веня Суржиков по селектору заказал подробнейшую карту Калужской области, но и на ней не нашел никакой деревни Опеково, видно, к тому времени, как эта карта составлялась, деревенька, как и сотни других ей подобных, уже фактически утратила всякий жизненный смысл. Все же после некоторых сопоставлений подполковник примерно прикинул, где она находится, или, точнее, где находится то, что от нее осталось. Он почти не сомневался, что Губин, раз уж прихватил с собой бессмертного старика, ломанул именно туда, и поступил, конечно, разумно. В России по-настоящему схорониться, отсидеться можно в двух местах: в самой Москве, как в многомиллионном притоне, и вот в таких забытых Богом деревеньках, как это Опеково, где среди упырей и преданий беглец вскорости совершенно теряет реальный, человеческий облик.

Подполковник позвонил Груму и доложил, что произошла небольшая заминка и объект ненадолго исчез из поля зрения.

- Чтобы ты дал промашку, - деликатно ответил Грум, - в это никогда не поверю.

- Говорю же, заминка. Я ее держу за ляжку.

- Удачи тебе, солдат.

Вечером Суржиков отправился в баню, смыть грехи, и парился три часа подряд, но душевного равновесия не обрел. Ему и прежде доводилось спотыкаться на ровном месте, без этого в сыщицком ремесле не обходится, да и за битого, как известно, двух небитых дают; но в нынешнем проколе была какая-то пугающая, фатальная несправедливость. Его сняли, как птичку с веточки, а птичкой он не был. Птичками были те, кого он обыкновенно ловил. И все же самое неприятное было не то, что угодил в элементарную ловушку, а то, что сколько ни анализировал, не находил в своих действиях какой-либо существенной ошибки. Это грозный знак. Сыскарь, которому отрывают башку, только сам в этом виноват, и никто другой. Кто думает иначе, тот просто неверно выбрал профессию. В прошлые разы, когда Суржикову ломали ноги, он всегда, хоть задним умом, точно знал, где промахнулся, и где подвела интуиция, но сейчас разум безмолвствовал, и лишь тусклый огарочек обиды тлел в груди. Это было хуже, срамнее, опаснее, чем прихватить бытовика.

В парилке, в лютом жару, тщетно час за часом, круша веники, выколачивал из себя позорную, маразматическую слякоть. Пивом налил до ушей, но и от этого было мало проку. Угнетающе действовала и банная обстановка, ничуть непохожая на ту, что бывала здесь прежде, и к которой он привык. Публика была иной. Вместо ядреных мужиков, которые в былые годы, священнодействуя с парком, находили в баньке отдохновение от земных хлопот, его окружали валяжные, с расплзшимися телесами молодые люди, с наглыми ухмылочками, с какими-то подозрительными, непонятными повадками. Парились они кучно, гоготали смачно, водку закусывали ломтями осетрины и копченостями. Где степенные разговоры, подчеркнутая уважительность к незнакомцу, забредшему в чужую компанию, соблюдение неписанных законов банного братства? Ничего подобного не было и в помине. Нынешнее банное сообщество удивительно напоминало стадную бездарную тусовку «новых русских» где-нибудь в свеженьком загородном особняке, которая в свою очередь ничем не отличалась от блатного «толковища», что всегда поражало наблюдательного Веню Суржикова. Жаргон, правда, был разный, там «болтали по фене», здесь употребляли бесконечные «дистрибьютеры», «маркетинги», «брокеры» и другую словесную мерзость, но сходство было полное по духу, по настроению - те же разборки, то же блудливое подначивание, такое же лакейское замиранье перед авторитетами и паханами. Не то чтобы Суржиков возражал против всего этого похабства: он хорошо кормился с нового режима, но именно здесь, в горячем, смутном чаду, особенно

остро он вдруг ощутил свое чужеродство. Догадывался подполковник, что как бы ни ловко рыскал в дебрях этого радушного, вонючего мирка, созданного в декорациях старой Москвы, и какие бы шальные бабки не зашибал, недалек час, когда придется заново делать выбор...

Конец парной утех, которую он себе устроил, вовсе получился скомканным. Трое пышнотелых, с женскими грудями парней все же к нему привязались в предбаннике. Они настроились попить по-домашнему, угодливый служака соорудил им богатый стол, широко расстелил махровые простыни; и в тесной кабинке Веня Суржиков с его мужицкими бедными причиндалами оказался лишним. Он и сам уже собирался домой, отдыхал перед последним «чистым» заходом, и, конечно, ушел бы по добром, если бы ему не нагрубили. Сперва молодые бизнесмены пошушукались с банщиком, и тот вежливо предложил Суржикову перейти в другую кабинку, где ему будет даже удобнее, а когда он отказался, то затеяли богатырскую забаву и буквально взяли его выдавливать, выжимать своими пухлыми тушами, победно гогоча и задорно переглядываясь. Парни были уже сильно на взводе, и соотношение три к одному казалось им сокрушительным. Один невзначай столкнул на мокрый пол его сумку с манатками, второй горестно заметил:

- В этой стране пока рыльник совку не начистишь, он так и будет пятак задирать.

Немудреная шутка еще больше взбодрила компанию, но ликовали они недолго. Суржиков даже обрадовался, что появилась возможность немного расслабиться после трудного дня. Под изумленными взглядами шутников он сгреб все пировальные запасы (с бутылками, термосами и икрой) на середину, завязал льняную скатерку морским узлом и заколбасил гремящий сверток далеко в проход, а когда сидящий напротив детина, самый боевой из всех, центнера полтора весом на глазок, вроде рыпнулся его ударить, он пяткой так глубоко и яростно засадил ему в промежность, что вырубил из праздника жизни, пожалуй, на весь оставшийся вечер. Во всяком случае, когда вернулся из парилки, парня все еще отхаживали на лавке, отпаивали пивом, делали искусственное дыхание и притащили на подмогу татарина-массажиста в белом халате и с чалмой на башке.

Не спеша одевшись, Суржиков извинился:

- Не сердчайте, ребята, погорячился я. Но мог зашибить невзначай. Наперед приглядывайтесь, на кого зубешки скалить.

Ребята проводили его темными взглядами, ни у одного не хватило мужества возразить.

Дома в одинокой берлоге расположился с любимым портвешком у телевизора, и вяло размышлял, не позвать ли Любку для

ночного массажа, но увлекся старинным фильмом «Москва слезам не верит», и спать улегся на сухую, зарядив будильник на шесть утра.

На охоту вырвался спозаранку, и поехал один, никого не поставив в известность. За Власюка, за вчерашний позор надо было расквитаться в одиночку. Теперь уже и деньги не имели значения, когда задета честь.

В Калуге навел справки, сориентировался в облотделе, но деревню Опеково обнаружил лишь к вечеру, когда уже отчаялся ее разыскать. Жигуля прихоронил под деревьями в полукилометре от крайней избы, и в деревню вломился пехом, голодный, целеустремленный и злой. Для такого визита Суржииков облачился в старенький дорожный плащ с капюшоном, на голову нахлобучил ветхий кепарь с пуговкой, ноги обул в потертую кирзу с левым, надорванным голенищем. Видок был справный, впору милостыню кланчить по дворам. Чтобы довершить впечатление заплутавшего алкаша, в машине, прежде чем выйти, подсинил себе тушью здоровенную блямбу на портрете. Глянул в зеркальце и остался доволен. Такое и должно быть обличье у порядочного, честного аборигена в колониальном раю. Единственная живая душа, которую встретил на улочке, была опрятная старушонка у колодца, норовящая зачерпнуть водицы скособоченным эмалированным ведром. Не говоря ни слова, Суржииков помог старухе управиться: гремющей ржавой цепью вытянул ведро и установил на ухватистую, двухколесную тележку. Местная жительница наблюдала за его действиями без страха и упрека.

- Чей же будешь, сынок? - спросила сочувственно. - Или сам не ведаешь?

- Почему не ведаю, маманя? Машина сломалась, вот и пехаю налегке. А что-то будто вымерла ваша деревня?

- Кому помирать-то, сынок? - старуха ласково улыбнулась. - Тут и так одни покойники.

Через пять минут душевного разговора Веня Суржииков вызнал все, что было нужно: где дом Таисии Филипповны - вона тот, с трубой набекрень, - и что к хозяйке давеча пожаловали дорогие гости, старый охальник Кузьма Захарюк и с ним молодая красивая пара. Узнал и то, что молодой парень утром укатил в город, а Кузьма остался в доме с крашеной кралей да со своей давнишней полюбовницей Таисьей, поразив всю деревню неслыханным бесстыдством. Суржииков проводил словоохотливую старушку до самой ее обители и на прощание пообещал немедля шугануть развратников, так как он, кроме всего прочего, является районным уполномоченным.

- Кто бы хоть одна навел на Кузьму укорот, тому на том свете зачтется, - напутствовала его добродетельная долгожительница.

Веня Суржиков смекнул, что с одной стороны дельце упростилось, Губин отчалил, но с другой стороны придется доставать главного врага в Москве, а это затягивало сроки расплаты.

К Таисье в избу вошел гордо, не стучась. Толкнул незапертую дверь, миновал сени - и застал в горнице старика со старухой, чинно восседающих за столом, накрытом к чаю, с булькающим латунным самоваром. Сцена мигнула теплым воспоминанием какого-то далекого прошлого, и на секунду Суржиков усомнился, стоило ли ее нарушать.

- Здорово, земляки, - гаркнул с порога, окинув взглядом углы.
- Ну и где же вы ее прячете?

Старики глядели на него приветливо.

- Ты кто же будешь, гостюшко? - поинтересовалась Таисья Филипповна. - Представься хотя бы.

Кузьме Кузьмичу не требовалось представления, он и так угадал, кто явился, находился и пригорюнился. Вот так и за ним сколько раз прибежали.

Подполковник уже сам понял, где могла скрываться преступница, шагнул к занавеске и раздвинул ее. Таня Француженка повела с подушки полудремноими очами.

- Вставай, приехали, - ободрил ее Суржиков. - Одевайся живо. Это арест.

Спящая красавица тоже, против ожидания, не выказала особой озабоченности. Но уж это, видно, по наглости натуры. Ишь как зенки пылают!

- Мужчина, - сказала весело. - Чтобы мне одеться, вам бы приличнее выйти.

Суржиков подступил к ней, привычно обшарил всю целиком, теплую, податливую, заглянул под подушку, и одежку на стуле обшмонал.

- Гляди без фокусов. Хуже будет, - предупредил и запахнул занавеску. За столом старика уже не было, одна Таисья Филипповна ему странно улыбалась. «Сбежал, тюремная гнида!» - без злобы подумал подполковник.

- Може, чайком попотчуетесь? - любезно предложила Таисья Филипповна.

- Стыдно, бабушка, - укорил подполковник. - На старости лет разве можно таких страшных преступниц укрывать?

- Ой, милоч! Один Господь ведает, кто супротив него преступник, а кто ему верный слуга. Куда же ты ее повезешь, больную-то? Пускай бы полежала денек-другой, куда денется?

- Отлежится в другом месте.

Вышла Таня из-за занавески в юбочке, в аккуратной заправленной блузке. Только волосы не успела прибрать, вздымалась над чистым лбом рыжеватая копенка. Таисья кинулась к ней.

- Страдалица ты моя! Ироды окаянные, красоту губят!

Таня обняла ее здоровой рукой, чмокнула в морщинистую щеку.

- Спасибо, бабушка, за приют, за лечение. Не поминайте лихом.

- Очень трогательно, - заметил Суржиков. - Ты, бабуля, моли Бога, что сама цела осталась.

Кузьма Кузьмич притаился в сенцах, за мешками, и когда Суржиков с Таней шли мимо, сзади шарахнул лопатой. Целил точно в черепок оперу, а попал в плечо. Неувязка понятная. Замах для лопаты в тесноте был ограниченный, да и старческая ножонка в последний миг осколзнула на какой-то рухляди. От литого плеча Суржикова лопата спружинила, точно от каучука, но все же царапнула ухо железным краем. Подполковник развернулся, узрел в потемках безумный лик неутомленного зека.

- На кого попер, таракан недобитый?! - спросил с досадой, и вмазал кирзовым носком старику в брюхо. Кузьма Кузьмич жалобно икнул, перегнулся пополам и расстелился в сенцах наподобие вздыбленной половицы. Гордый дух в нем не удержался, вытек из ноздрей, как из худого нипеля. Только и успел старче напоследок пригрозить:

- Погоди, козел, еще сочтемся!

Через сонную деревню Суржиков и Таня прошагали рядышком, никого не встретив. Хотя, наверное, не один любопытный старушечий взгляд проводил из темных окон подозрительных чужаков. За околицей в чистом поле Суржиков поинтересовался:

- Чего же кавалер тебя бросил? Где он сейчас?

- Ты про кого, дяденька?

- Про Мишу Губина, про кого еще? Помоги взять, живой будешь. Хорошая сделка, а?

Таня улыбнулась, как матери улыбаются дитю несмысленному.

- Чего молчишь, поганка? Чего лыбишься? Погляди, денек-то какой! Благодать! Только жить и радоваться. А тебе-то осталось вон до леска, где машина стоит. Подумай. Должно же в тебе человеческое сознание проснуться, хоть ты и злодейка. Сдашь бандюгу в руки правосудия, отпущу на все четыре стороны. Честью кланусь!

Крутнул к себе за больное плечо; у Тани лицо помертвело, но была она сейчас так соблазнительна, так хороша собой, что Суржиков на мгновение опешил. Он, пожалуй, таких ярких женщин прежде не видывал.

- Выходит, не хочешь Мишку сдать?
- Тебя как зовут, мужчина?
- Веня Суржиков.
- Так вот, Венечка, Мишу увидишь, передай привет.
- Где я его увижу?
- Он тебя сам найдет... Расскажи ему вот что, Венечка. Я тебя могла убить, да не убила. Вот, гляди, - нырнула рукой под рубашку и на открытой ладони протянула крохотный пистолетик, разве что чуть больше зажигалки. - Тут, милый, пять пулек, и все с ядом. Ты бы и чихнуть не успел.

Суржиков отшатнулся, взмахнул рукой, но еще быстрее Таня скинула пистолетик в траву.

- Передай, пожалуйста. Он поймет.

Подполковнику было не до ребусов, он был взбешен. Чумной дед с лопатой, пигилица со смертельной игрушкой, а если прибавить вчерашний прокол, то третий раз за сутки его спасло только чудо. Как все матерые ходоки, он был суверен. Здесь попахивало не оплошностью, роком. Он не полез в траву за пистолетиком, как следовало сделать. Набычась, побрел к машине, даже не оглянувшись. Что ж, судьба не ошибается, ей и карты в руки. Он готов сыграть по ее правилам. Его широкоскулое лицо пылало от стыда за короткий испуг, который испытал, увидя на нежной ладонке смерть. Возле машины помедлил, потом открыл дверцу, достал из бардачка зажигалку и закурил. Присел на сиденье, ноги наружу, залюбовался вечерним пейзажем. Сердце саднило. Воздух был насыщен чистым, густым, первобытным ароматом. В голубовато-сером мареве земля, казалось, слегка раскачивалась перед тем, как замереть.

Таня приблизилась сбоку. Волосы, нанизанные на закат, отливали золотом. У нее был счастливый вид.

- Что же ты, Венечка? Передумал?

- Что передумал?

- Убивать будешь или нет?

- Тебе разве не страшно?

Засмеялась, как всхлипнула.

- Что ты, дружок! Жить страшно, умирать - нет. Сделай милость, освободи.

Суржиков видел, что она безумна, и знал, что если еще чуток проканителится, судьбу уже не побороть. Не сегодня так завтра она его додавит.

- Только не забудь, Веня. Ты у меня в руках был, а я отпустила. Пусть он знает.

Таня почувствовала его нерешительность, зато она не колебалась. Ей терять было нечего на свете. Живую ее Миша отверг,

пусть о мертвой погорюет. Чтобы подбодрить палача, нагнулась поудобнее и плюнула ему в глаза.

- Это тебе за дедушку Кузьму, дружок. До века не ототрешься.

Суржиков и не подумал утираться. Словно в забытьи достал из наплечной кобуры парабеллум, холодно бросил:

- Повернись спиной, беги!

- Вот и правильно, - похвалила Таня. - Нелегко труса праздновать.

Отвернулась - и изящной, легкой походкой устремилась прочь. Суржиков отпустил ее на несколько шагов, потом навскидку пальнул в спину. Таня пала ничком, царапая длинными пальцами горячий песок. Суржиков подошел и по привычке произвел контрольный выстрел в рыжий затылок. Воротился к машине, раскопал в бардачке дамский вальтер и пару раз шмольнул в воздух. Обтер оружие влажной тряпицей, принес к Тане и вложил ей в руку.

Внезапно ледяная усталость овладела им. Он опустил глаза на песок рядом с мертвой девушкой и в изнеможении прикрыл глаза. Странное видение посетило его. Почудилось, что плывет он в лодке по прохладной реке, и такой вокруг туман, что весла почернели. Громкий, отчетливый голос распорядился откуда-то сверху:

- Протри зенки, пес, погляди, что натворил!

Послушно открыл глаза - и обмер. Танина рука шевельнулась, ее гибкие пальцы поползли к его боку...

- Ой! - сказал он.

22

Подъезжая к Москве, Губин связался с Алешей на кодовой волне.

- Ну ты даешь, Мишель! - сказал Михайлов непривычно за-
торможенным голосом. - Выбрал моментик погулять.

- Потом все объясню. - Что-то случилось?

- Кое-что да. Владыку замочили, - Алеша дал Губину перевернуть сообщение. - Начинай работать по аварийной схеме. Главное, помоги Филиппычу. Зарубежные счета и все прочее. Отстаем от Грума на сутки.

- А ты где?

Алеша проскрипел в ответ рифмованное, матерное слово из пяти букв, из чего Губин заключил, что другарь и соратник, видимо, переутомился. Михайлов никогда ему не грубил, не те у них были отношения. С другой стороны, Алеша был единствен-

ным человеком, которому Губин мог спустить хамство, отнеся его на счет временного помрачения рассудка.

- Тебе самому-то помочь не нужна? - спросил он мягко.

- Прости, сорвалось, - извинился Алеша. - Дел невпроворот, да еще кое-что личное наслоилося. К обеду буду в офисе. Помни, главное перекрыть кислород Груму, пока он в шоке. Если он, конечно, в шоке.

- С Настей все в порядке?

- Действуй, Миша. Отбой.

Возле парка имени Горького Алеша влетел в огромную пробку, перед самым мостом. Попробовал выскочить на встречную полосу, так его еще крепче зажали. Чертыхаясь, выудил из нагрудного кармашка недокуренный косячок, прижег от прикуривателя, сделал пару затяжек. Чего-то его мутило и лихорадило. Пробка двигалась по шажку в час. Он набрал домашний номер. Трубку снял Вдовкин.

- Приехала? - спросил Алеша.

- Десять минут назад. Она в ванной. Позвать?

- Не надо. Я буду через полчаса. Ты сам что делаешь?

- Смотрю варианты. Чтобы организовать настоящую панику, понадобится три зеленых лимона. Это минимум.

- Умница, Женек! Как у Филиппыча?

- Контора раскалилась докрасна. Туда не прорвешься.

- Отлично... Бритву показывал Насте?

- Нет, не показывал.

- Как она выглядит? Я имею в виду Настю.

- Как всегда. Переживает, что муж кретин.

- Не пей сегодня, Женя. Продержись до вечера.

- Не думай об этом, начальник.

В этот момент тойоту толкнуло в бок, и она заскрипела так, словно попала под пресс. Алеша глянул в зеркальце. Черный «мерс» на черепашью скорости, но неуклонно вминал ему левое крыло. В переднем стекле растерянное женское личико. Алеша скользнул рукой под сиденье, снял беретту с предохранителя. Гнусный скрежет оборвался на визгливой ноте. Он распахнул дверцу и, озираясь, ступил на асфальт. Сотни машин сомкнулись вокруг железного кольцом. Обогнув замерший мерс, к нему устремилась растрепанная девчушка лет двадцати пяти. Типичная смазливая «телка» из тех, что стайками кормятся возле барыг. Длинноногая, холеная, в модном, летнем «прикиде» из пестрой ткани. Но личико натуральное, естественное, испуганное, совсем без грима. Алеша растопырил навстречу все десять пальцев.

- Деньги! Немедленно. Или зову гаишника.

Девушка запричитала:

- Ой, я задумалась... тормоз забыла где! Я же недавно права получила.

Алеша прикинул убытки: ничего особенного - левый бок продавлен от бампера до передней дверцы. А грохоту-то было, грохоту, как при землетрясении.

- Три лимона в любой валюте, - объявил торжественно.

- Три миллиона! - ужаснулась девушка. - Да у меня с собой всего тысяч пятнадцать. Я же из дому выскочила прямо так, как была.

Пробка сдвинулась на шаг, и водители занервничали, загудели, повысовывались из кабин. Как чертик из табакерки, за спиной девушки возникло «лицо кавказской национальности», верткое, красноречивое и озорное.

- Вай, парень, какой стыд! Такой девушка красивый. С нее деньги брать, да?!

Алеша уже понял, что это не «накат», обыкновенное транспортное происшествие.

- Будем ждать милицию, - сказал он твердо. - Или плати.

Девушка чуть не плакала, чернобровый красавец скакал козликом, и иногда выпрыгивал перед Алешиным носом, но Алеша старательно отворачивался, чтобы на него не смотреть.

- Вай! - вопил кавказец. - У меня брат на техстанции. На адрес, держи! Бесплатно починим. Такой девушка - цены нет! Бери адрес, все бери. Отпусти красавицу, не позорься, брат!

Алеша, не глядя, выхватил у него из пальцев бумажку, сунул в карман. Девушка тем временем рылась в кошельке.

- Вот видите, десятка, и еще пять... Но я оставлю телефон. Честное слово, заплачу!

Алеша забрал деньги.

- Вон еще у тебя в маленьком кармашке чего-то блестит!

Она отдала ему кошелек, и он высыпал себе на ладонь металлическую мелочь и несколько телефонных жетонов. Кавказца скорчило от отвращения.

- Первый раз вижу, - сказал он с глубокой печалью. - Такой алчный мужчина!

Алеша вернул девушке пустой кошелек, и взамен получил номер телефона, нацарапанный на газетном клочке. Она ему понравилась, она не была шалавой, хотя и ездила на мерседесе.

- Машина твоя?

- Ой, мужа. Он мне не простит. Я же без спроса поехала.

Гудки и раздраженные окрики водителей стали гуще. Перед Алешиной машиной освободилось пространство на четыре-пять корпусов. Он зорко следил, чтобы туда никто не сунулся. Дело-

вито пересчитал медяки и спрятал в карман. В величайшем горе кавказец произнес:

- Девушка, дай мне тоже телефон. Я сам расплачусь с этим нехорошим человеком.

- Не гоношись, кацо, - первый раз повернулся к нему Алеша.
- Поймаю на слове.

Озорной, но не дурной горец что-то сразу усек в его приветливой улыбке и на всякий случай отодвинулся. Самое удивительное было то, что он был один. Обычно они наваливаются роем. Алеша осуждал их за эту повадку.

Недалеко от дома, там, где поворот делал почти прямой угол, он издали увидел гаишника. Отродясь его здесь не было. Ясеново вообще не балует людей милиционерами. Это тихий, спальный район, где обыватель запирается на все задвижки с наступлением темноты, а полуночный гуляка крадется вдоль домов подобно крысе. Редким утром нищие старики, отправляясь за пропитанием на окружающую свалку, не обнаруживают в лесопарке полураздетый труп ограбленного путника. Как в любом другом спальном микрорайоне, гайдаровская реформа здесь давно закончилась, и люди живут в полном неведении, на каком они свете. Даже праздничная примета рынка - коммерческие ларьки - тут замаскированы под противотанковые доты. Фигура одинокого гаишника на этом фоне так же уместна, как чирей на щеке красавицы.

Михайлов сбавил скорость, вгляделся. С правой стороны начинался лесопарк, слева - угол шестнадцатизэтажного дома. Автобусная остановка чуть подальше, там топталось несколько человек. Вразброс припаркованные легковушки. Кубики коммерческих ларьков. Мирный пейзаж, просматриваемый насквозь, ничего подозрительного, кроме самого гаишника, который уже начал поднимать жезл. Ботиночки! Ох какие модные, тупоносые, с оранжевым верхом, не форменные ботиночки! Алеша газанул, и в ту же секунду из-за деревьев парка выдвинулась смутная тень, которую он засек краем глаза. Блеснуло стеклышко прицела, поймав солнечный лучик. Дальше Алеша действовал автоматически. Упал грудью на баранку, вдавив газ до предела.

- За папаню! За родного, - пробормотал Митя Калач, нежно спуская курок. Он видел, как летела пуля и на долю мгновения опоздала, пригладила сидящего в машине гада по затылку. А направлена была в висок. Расстроенный, Калач послал вторую пулю в угон, взяв чуток пониже. И опять подлюка его опередил, бешено рубанув по тормозам.

Алеша выкатился на землю, машина загоралась его от леса, от снайпера. Гаишник в нескольких шагах впереди рвал из кобуры пистолет, морду скривил в какую-то похабную гримасу. Лежа

на боку, Алеша три раза подряд разрядил беретту, целя ему в грудь. Промахнуться на таком расстоянии он не мог. Милиционер зашатался, захрюкал и грузной тушей повалился на асфальт.

От огорчения Митя Калач чихнул и утер сопля носовым, багистовым платочком с монограммой. Потом снова начал высматривать утерянную цель, но глаз помимо воли скашивался на поверженного, дорогого наставника Костю Шмыря, которого черт пихнул в руку переодеться в мента. Калач пытался его отговаривать, да где там. Шмырь так жутко на него цыкнул, что бедный стрелок рад был ноги унести за деревья. Да вот и оказалось, что все его считают идиотом, а он был прав. Еще его изумила ловкость, с которой этот угорь из тойоты пропал из виду. «Ничего, подожду, - скрежетнул зубами Калач. - За папаню все равно тебя добыю!»

У Алеши пуля застряла под правой лопаткой, но он не чувствовал, чтобы выстрел был роковым, хотя отстреливал его, конечно, отменный мастер. Его больше беспокоило, что не осталось маневра. Из припаркованной поодаль волги высыпались трое автоматчиков и побежали к нему россыпью. Плотная засада с двойной подстраховкой - тоже неприятно.

Алеша подтянулся и, просунув руку через стекло, открыл заднюю дверцу. И тут же повыше локтя полоснуло тутим жаром. Снайпер, сука, не дремал. Под половичком сидения был припрятан добрый подарок южнокорейского производства - компактный взрывной диск для домашнего обихода. Дорогая игрушка (две тысячи баксов), мечта браконьера - вот и пригодилась, не зря потрачены денежки. Автоматчики были на подходе, и разом, точно по команде, открыли стрельбу. Пульсирующие свинцовые нити прошли корпус тойоты. Но все же бестолковый огневой азарт подвел нападавших, поневоле замедливших бег. Круговым движением руки (наука Губина) Алеша четко вложил им под ноги пакет. Взрыв получился впечатляющий. Одному из стрелков осколком отчекрыжило челюсть и он упал плашмя на свой автомат, как на отбойный молоток, словно решил напоследок подремонтировать шоссе. Второго рубануло по коленям, и он завертелся волчком, безутешно взвывая. Но третий несся вперед, как оглашенный, точно взрыв прибавил ему скорости. Он бежал и стрелял наугад, пока не нарвался на встречную пулю «беретты». Подкатился прямо к Алешиным ногам, и их взгляды на миг соприкоснулись.

- Не горюй, старина, - сказал ему Алеша. - Ты мне тоже в грудь попал, - и показал ему левую ладонь, с которой капала кровь. Стрелок тупо вгляделся и удовлетворенно икнул.

Теперь Алеша словно раскачивался на двух железных штырях между небом и землей. Когда тебя так нелепо раскачивают, то

самое главное, чтобы не закружилась голова. Слышимость вокруг была хорошая: капал бензин или масло из пробитого движка. Если тойота сейчас рванет, ему не увидеть Настеньку никогда. Алеша потихоньку пополз прочь. Уже подъехали какие-то машины с двух сторон, и оттуда выглядывали водители. Жались к домам испуганные люди. Истошно завопила женщина. Алеша все это видел и слышал отчетливо, хотя одновременно запомнил каждую щербинку на асфальте. Пистолет он тащил с собой. Его немного угнетало, что слишком надолго замолчал снайпер. И тут за спиной полыхнуло и грохотнуло. Жаркой волной Алешу, как пушинку, перекувырнуло в кювет, но хотя полет его был стремителен, Калачу хватило времени, чтобы поймать его в прицел.

- За родного папаню, гад! - крикнул Калач, и недогнувшей рукой послал пулю, вонзившуюся Алеше в бедро. Больше верный мститель сделать ничего не успел. Он не услышал, как сзади подкрался один из Алешиных телохранителей, подоспевших на звуки боя, и опустил ему на затылок свинцовую печать.

В кювете Алеше было удобно. Он лежал на спине и пристроил пистолет так, что никто не застал бы его врасплох. Солнечные лучи не мешали обзору. Железные качели перестали раскачиваться, и боли не было. Свет уходил из глаз постепенно. Он не умирал, а засыпал, как засыпают после тяжелой работы. Он надеялся, что скоро встанет и пойдет домой, где Настенька окажет ему первую помощь, где...

Белая палата, крашенная дверь, новейшая электронная аппаратура, бессменная капельница. Четвертые сутки безвременья. Позади три обширных операции. Видимых признаков жизни нет, но перфолента старательно фиксирует вялые толчки сердца. Живой, и слава Богу!

Полный сил и радостных устремлений, Алеша догнал Елизара Суреновича в скалистом ущелье, где мохнатые звери неведомой породы ожесточенно класали стальными зубами. Елизар Суренович сидел в окружении одалисок и гурий на сыром, прогнившем пне. Вид у него был самодовольный, торжественный и, как обычно, немного лукавый. Он был рад, что Алеша к нему присоединился.

- Соскучился? - спросил. - Хоть догадываешься, где мы?

Алеша присел поодаль на такой же пенек, отмахнулся от назойливой одалиски, которая сразу приникла к нему жирным бедром.

- Неужели нельзя обойтись без театра? - упрекнул Алеша. - Какие-то звери, какие-то голые бабы... Зачем все это?

- А ты знаешь, где мы? - насмешливо повторил Благовестов.
- Я и раньше этого не знал.

Елизар Суменович гаденько хихикнул.

- То-то и оно! Живете, как кроты, помираете, как воши. Я тебя звал, почему не откликнулся?

Не хотел Алеша встречать в пустой спор, тем более, что один из мохнатиков подкрался-таки к нему и цапнул за больной бок. Алеша с размаху опустил кулак на звериную башку, а получилось, что почесал за ухом. Зверь замурлыкал и обернулся тем же самым Елизаром Суменовичем. Но уже они были не в ущелье с нависшими скалами, а вольно неслись в щемящем, снеговом просторе. Наконец-то Алеша обрел заново дар полета, утраченный в детстве.

- Видишь! - кричал Елизар. - Теперь-то ты видишь?!

- Вижу, вижу, - ответил Алеша, хотя ничего не видел, но зато остро чувствовал, как все клеточки тела поглощаются сладостным, невероятным кружением. Внизу и вверху, и везде клубилась бездна без всяких очертаний. Смутно проглядывали, просвечивали в необозримом далеке голубоватые вены оставленной навеки земли. «Вот оно, - с сердечным восторженным замиранием думал Алеша. - Значит, есть это нечто. Значит, Настя права, и смерть на самом деле всего лишь парение». Потом он хряснулся обо что-то затылком, и оказалось, что лежит на дне моря, и удивился, что под водой тоже можно дышать. По каменистому дну к нему подступал гигантский краб с выпученными глазами и со множеством клешней. Конечно, Алеша сразу узнал краба, но Елизар Суменович делал вид, что это не он, а кто-то другой, отдаленно на него похожий.

- Все дуришь? - усмехнулся Алеша. - Сними маску-то, рога торчат.

- Жрать охота, - прошамкал краб густым Елизаровым басом. - Дакось ручонку откушу, хоть разок насытюсь.

- На! - сказал Алеша. Краб поудобнее захватил его кисть клешнями и начал перемалывать, урча и рыгая.

- Не подавишься? - озаботился Алеша, которому было жалко голодного, несчастного старикашку, выжившего из ума.

- Не бойсь, сударик, - успокоил Благовестов. - Человечий жирок самый полезительный.

- Да на здоровье, только не спеши.

Поедаемый крабом, он всплыл на поверхность. Все та же бездна струилась вокруг, куда ни кинь взгляд. Плыть было некуда, да и нечем было плыть. Все его туловище уже заглотал краб в безразмерную пасть. Кое-как еще удерживал Алеша голову на весу, но сопротивляться не хотелось тугому, приятному пищева-

рению, которое и в нем самом отзывалось успокоительной историей.

- Вот я тебя и скушал, - удовлетворенно рыгнув, заметил Благовестов.

- Скушал и хорошо. А я все подумываю вернуться.

- Ку-уда? - удивился Благовестов. - Зачем? Разве здесь нам плохо?

- Не плохо, щекотно, - Алеша дернул рукой - не было руки, шевельнул бедрами - не было ног. Ничего не осталось в нем, кроме лютой тоски...

- Что-то снится ему плохое, я же вижу, - сказала Настя.

- Иди сама поспи, - буркнул Вдовкин. - Третью ночь на ногах, разве можно. Для ребенка-то каково.

- Ты тоже не веришь, что он выкарабкается?

Вдовкин с сомнением почесал за ухом. Ему было как-то не по себе. Больница была как раз тем местом, где нет запасов спиртного. А он тут уже давно болтался. Хотя это была не совсем обычная клиника, приватизированная. Губин зафрахтовал три палаты. В одной жила Настя, в другой Вдовкин спал вместе с телохранителями. В коридоре и возле больничного корпуса постоянно дежурили не меньше шести человек.

- Он выдюжит, - сказал Вдовкин. - Ты что, разве его не знаешь?

- Если бы я могла поговорить с ним. Это ведь он все от обиды натворил.

За трое бредовых, трезвых суток Вдовкину уже не раз пришлось выслушивать от нее такие вещи, на которые, как ему казалось, она прежде была неспособна.

- Мама, папа, Алеша, - Настя загнула пальцы. - Я всегда старалась, чтобы им было хорошо. А что получилось. Почему, Женя? В чем я виновата?

В палату вошел врач - Георгий Степанович Дехтярь. Сорокалетний, искусный хирург, обличьем напоминающий боксера-тяжеловеса. При этом у него постоянно был такой вид, словно он только что чудом увернулся от нокаута. Он сам оперировал Алешу, а это, по отзывам медперсонала, было крупным везением для любого умирающего.

- Все то же самое, Георгий Степанович, - плаксиво пролепетала Настя, и Вдовкин на всякий случай приготовил чистую салфетку. Доктор посмотрел на нее неодобрительно.

- Вы чего хотели, милая? Чтобы он краковяк танцевал после таких потрясений. Рано, милочка. Я всегда говорю своим боль-

ным: не лезьте под пули. Куда там! Все же теперь умные. Но я тоже не волшебник. Хотя...

Он склонился над Алешей, словно принохиваясь.

- Да нет, значительно лучше. Значительно! Цвет лица совсем другой.

- Правда?! - Настя просияла, точно озаренная солнцем. Доктор смутился и слегка покраснел, и Вдовкин отлично понимал - почему. Иногда Настин взгляд становился таким, что хотелось до него дотронуться. Пожилых, выдавших виды людей это шокировало.

- Вы всю ночь здесь просидели? - спросил доктор.

- Конечно, всю ночь, - ответил за Настю Вдовкин.

- Тогда так. Я вам приказываю отдохнуть и выспаться. Или лишу вас доступа.

- Доктор, ему правда лучше?

- Конечно, лучше. Это же очевидно.

Настя, что-то бормоча себе под нос, покинула палату. Вдовкин знал, что минут через десять она вернется.

- Чего-то все в горле пересохло, - пожаловался он хирургу. - У вас тут нет спиртика под рукой?

- Не держим, - сухо ответил Георгий Степанович. - Но напротив больницы пивнушка. Примета, знаете ли, счастливого времени. Водка на каждом углу.

- Вам ли жаловаться на время, доктор. Вон какую больничку откупили у трудового народа.

Дехтярь промолчал, но щеку скривил, как в нервном тике. Пожилая медсестра вкатила хирургический столик, на котором все было приготовлено для перевязки.

Вдовкин пошел звонить Филипп Филипповичу, с которым связывался каждые три часа. Михайлов, возможно, умирал, и это было некстати. Множество сил и средств были задействованы в многоходовой комбинации по дележу необъятного наследства Благовестова, но исход незримой схватки был пока туманен. Чаша весов склонялась то в одну, то в другую сторону. Кое-что должна была прояснить встреча Серго с Иннокентием Львовичем Грумом, которая в принципе была обговорена, но сроки все переносились.

Вдовкин доложил Филипп Филипповичу, что состояние Алешино без изменений, но у доктора есть надежда, что в ближайшие сутки он не очокурится. Воронежский, как обычно, был настроен философски.

- Вы же понимаете, Евгений Петрович, что без Михайлова все рухнет?

- Смотря что вы имеете в виду?

- Я имею в виду весь этот затянувшийся отрезок нашей жизни.

- Я бы не стал из-за этого переживать. Как говорится, был ли мальчик?

- В каком-то высшем смысле вы, наверное, правы.

Вдовкин взглянул на ручные часы - половина двенадцатого. Он спустился вниз, пересек улицу и вошел в бар с интригующим названием «Пуэрторикано». Один Бог знает, что это обозначало. Бар только открылся, был пуст, но за стойкой копошилась молодая женщина в зеленом блейзере, в меру накрашенная. Вдовкин попросил коньяку и чашечку кофе. Барменша мгновенно подала и то, и другое, подмигнула.

- Вы оттуда, молодой человек?

- Откуда - оттуда? Я, как и вы, произошел из материнского чрева.

Женщина улыбнулась с подчеркнутой готовностью к более основательному знакомству.

- Ну и устроили вы нам веселую жизнь.

- В каком смысле?

- Третий день улица перекрыта. Прогораем. Если не секрет, кого же вы так охраняете?

- А-а, вы вот про что, - Вдовкин с наслаждением осушил рюмку. - Один известный ученый, изобретатель радио. И вот ногу подвернул.

- Так я вам и поверила... Видали мы крутых, но таких у нас еще не было. Место-то тихое, окраина.

Расплатившись, Вдовкин вернулся в клинику. По пути перекрутил с Кешей Смолиным, одним из лучших Губинских выдвиженцев.

- Как шеф? - почтительно поинтересовался дюжий малый.

- Да ничего вроде. На поправку пошел.

- Суки рваные, - сказал Смолин с душой. - Прошляпили, подонки. За это надо яйца отрывать.

- И я так думаю, - согласился Вдовкин. Коньяк его подкрепил, и он вернулся в палату в благодушном настроении. Настя уже была тут, и доктор Дехтарь в который раз подробно объяснял ей, какие разрушения произвели выстрелы в организме Михайлова, и что удалось сделать на операции, и на что можно надеяться в дальнейшем. Не заметно было, чтобы доктора это утомляло. Настя слушала его с таким напряженным лицом, и с таким благодарным свечением глаз, словно внимала Дельфийскому орakuлу. Вдовкин вошел в тот момент, когда врач растолковывал, что происходит при компактном разрыве легочных тканей. Алеша тоже прислушивался к лекции, но с закрытыми глазами. Вдовкин бросил взгляд на приборы, которые, как вообще любые при-

боры, были намного ближе его сердцу, чем люди, и изумленно воскликнул:

- Поглядите, доктор!

Синусоида дыхания выровнялась, и пики обозначились резко.

- Ну и что?! - прерванный на полуслове, раздраженно откликнулся хирург. - Временные колебания ни о чем не говорят. Больной только что получил большую дозу витаминов. Адекватная реакция, разумеется...

Тут Михайлов открыл глаза. Сперва слабо дрогнули веки, по лицу скользнула тень, а затем широко и ясно распахнулся синий взгляд. Зрелище было завораживающее. Воскрешение из мертвых.

- Алешенька! - неуверенно пролепетала Настя, шагнув к мужу. С потолка он перевел взгляд на нее. Но непонятно было, узнал или нет. Вдовкин схватил доктора за рукав.

- Алеша! - голос у Насти высокий и хрупкий. - Алеша, ты видишь меня?

Алеша сморгнул, губы шевельнулись.

- Ну хоть словечко скажи, хоть словечко!.. Ты слышишь меня? Я твоя Настя.

- Мне страшно, - сказал Алеша. - Увези меня домой.

24

Похороны Елизара Суреновича вылились во всенародный траур. Давно Москва не видела таких пышных церемоний. Полк конной милиции и несколько подразделений омововцев с трудом сдерживали несметные толпы народа на подступах к Новодевичьему кладбищу. Скорбно звучала музыка сводного военного оркестра, в которую истерическим диссонансом врывались мелодии модных битгрупп, усиленные мощными динамиками. Десятки теле- и кинокамер с разных точек снимали скорбную процессию для благодарных потомков.

Избранные гости, у которых были особые допуски и спецпропуска, далеко не все сумели пробиться хотя бы близко к высокому, черному помосту, сооруженному с привлечением лучших зарубежных мастеров похоронного дела, на котором почти в вертикальном положении, весь заваленный цветами, стоял гроб с покойником. Денеж для прощания выдался ясный, с легкими, блестящими тучками, но не жаркий. Елизар Суренович, если душа его присутствовала на проводах, мог быть вполне доволен последним свиданием с родиной, которую он так мучительно и яростно обустроивал для счастья. Его суровый, монументальный об-
18"Подвиг" №2

лик с латунным черепом, со сложенными на груди темными руками внулал странное благоговение, даже если глядеть на него с высоты птичьего полета. Двоих женщин-плакальщиц, лишившихся чувств от непомерного горя, уже затоптали насмерть возле магазина «Алая гвоздика».

Напротив помоста с гробом была сооружена трибуна, куда один за другим поднимались ораторы. Первым выступил член правительства, один из самых любимых в народе реформаторов, автор знаменитой монетаристской теории о неизбежном перерастании развитого социализма в дикий рынок. По виду он годился покойному во внуки, был тщедушен, румян, вертляв и, боясь упасть с трибуны, поминутно свешивал голову вниз, что придавало каждому его слову особую значительность. Он говорил о том, что в этой стране, где довелось жить Благовестову, да к сожалению, и самому оратору тоже, никогда не умели при жизни ценить великих людей, и поминали их добрым словом обыкновенно лишь после кончины, да и то не всегда. Зато всякое отребье непременно тащили хоронить у кремлевской стены. И это доказывает, заметил член правительства, что народ, живущий в этой стране, невежественен, необразован, дик и, к сожалению, почти всегда пьян. Толпа, печально внимавшая оратору, разразилась воплями восторга и одобрения.

После удачного поминального слова министра ораторы стали высказывать на трибуну один за другим, как чертики из табакерки. Кого тут только не было. Известные деятели науки и культуры, знаменитые политики, никому не ведомые миллионеры, представители известных торговых фирм, кинозвезды, домохозяйки, генералы, эстрадные певцы, поэты, и даже одна девчушка лет пятнадцати, почти без всякой одежды, которая, рыдая, и еле ворочая языком, объявила, что хотя при жизни ей не выпала честь познакомиться лично с Елизаром Суреновичем, но все равно она считает себя его женой и клянется, что умрет вместе с ним на его могиле. Девчушку, которую публика приняла так же восторженно, как и министра, тут же внизу усадили в крытый фургон и куда-то увезли.

Особенно сильное впечатление на толпу произвело выступление классика русской литературы, ветхого старца, который прославился тем, что в роковом августе девяносто первого года собственноручно возле подъезда зарубил топором бывшего секретаря райкома партии, убежденного красно-коричневого коммуно-фашиста. После этого его окрестили «совестью нации» наравне с покойным Сахаровым, депутатом Юшенковым и сатириком Ивановым. Свое новое заслуженное звание писатель нес гордо, и стал неременным участником почти всех политических дебатов, где выступал исключительно от имени российской твор-

ческой интеллигенции. Бывал и в Кремле на приемах у Бориса Николаевича, который, правда, никак не мог ни разу правильно произнести его звучную писательскую фамилию Баклашов-Сулейменжак-Оглы. Какие книги написал великий гуманист, никто, естественно, не знал, зато у всех была на слуху его крылатая фраза: «Хороший коммунист - это мертвый коммунист». По совестливости писатель превосходил даже дикторшу Сорокину, которая натурально погружалась в обморок всякий раз, когда вспоминала про невинно пролитую слезу ребенка Достоевского. Кстати, чем-то они были и внешне неуловимо схожи: пожилой, одряхлевший классик и цветущая, холеная женщина с роковым взглядом пифии, оба сжигаемые неутоленной любовью к обездоленным.

На трибуну Сулейменжаку-Оглы помогли подняться два дюжих добряка-омоновца, и в продолжении его короткой, яркой речи аккуратно поддерживали с боков.

- Умер не просто всемирно известный меценат и покровитель искусств, - прорычал в микрофон писатель. - Не дрогнула рука негодяя, пославшего отравленную пулю в сердце нашей надежды на светлое будущее. Пал смертью храбрых могучий спонсор, без которого мы все осиротели. Еще вчера мы ели его прекрасные бутерброды, а кто нас накормит завтра? Таких спонсоров, каким был усопший, можно пересчитать по пальцам, их осталось только двое - Боровой и Мавроди. А если и они нас покинут? - От страшной мысли писатель горько разрыдался, но не позволил омовцам стянуть себя с трибуны. Уцепившись за микрофон, прокричал: - Скажу вам больше, друзья! Поверьте старику, который повидал лиха. Если не сумеем уговорить Клинтон, и он не придет к нам зеленых беретов, нас всех все равно перестреляют по одиночке, даже если мы возьмемся за руки... Спи спокойно, дорогой брат, господин и учитель.

...В отдалении среди ликующей толпы стояли Башлыков с Ванечкой Полищуком. После двухмесячного затворничества юноша был бледен, уныл. Брезгливо сжав губы, спросил:

- Ну и зачем вы меня сюда привели, Григорий Донатович?

- А как же! Полезно поглядеть.

- Пожалуй, да, любопытно. Проводы пахана. Какая-то нелепая пародия на Чикаго. Клинический случай массовой деградации.

- Это не Чикаго, сынок. Это новая Москва. И в ней идет война.

- Не моя война, Григорий Донатович. И не моя Москва.

- Твоя, мальчик. Чем скорее поймешь, тем лучше. Слишком много слепцов.

На трибуну тем временем поднялся известный народный актер с искаженным горем лицом. Привыкший играть маршалов и суровых правдолюбцев, он и на этой скоморошье трибуне не утратил величественной повадки, что придавало его облику некий зловещий inferнальный смысл. Публика это почувствовала и благолепно умолкла. Одинокое ржание какого-то палаточника-дебила было прервано тупым ударом по черепу.

- Мы отомстим за тебя, дорогой Елизар, - трагически вещал актер. - Верно сказал господин писатель. Они хотят нас уничтожить, хотят повернуть вспять колесо истории. У твоего праведного гроба клянемся: не выйдет!

- Кто же все-таки ухлопал этого монстра? - спросил Иван.

- Это даже неважно. Кто-то из своих, конечно. У них разборка завязалась нешуточная. Рынки сбыта, банковские зоны, промышленность, земля... Хапнули слишком жирно, вот и сбесились.

Гроб с покойником начали спускать с помоста - и шестеро молодчиков гвардейской внешности понесли его через площадь к воротам, и дальше к разверстой могиле. Звуки траурного марша зычно вознеслись к небу. Возбуждение в толпе достигло предела. Вопли женщин слились в адский плач. Омоновцы, не выдержавшие долгого безделья, вразвалку охаживали дубинками слишком шустрых и любопытных зевак. В похоронно-праздничной неразберихе слабо пукнули несколько выстрелов. Зазевавшегося милиционера стащили с лошади, и четверо пьяных предпринимателей в кожаных куртках усердно вколачивали его каблуками в асфальт. Единый, протяжный, заполошный стон плыл над окрестностью, как если бы в ответственном футбольном матче кто-то забил гол в свои ворота.

Одинокий Елизар Суменович в последний раз сверху взирал на Москву сквозь сомкнутые тяжелые веки. Он навеки покидал этот безумный мир, и оттого ему было грустно. На красивом, четком и вовсе не старом лице запечатлелась ироническая гримаска, с которой он и при жизни частенько поглядывал на суетливых, беспокойных людишек. Когда в вертящемся обезьяньем хороводе его слепой взор наталкивался на прелестное, юное, девичье личико, его мертвое сердце сжимала лапка сожаления.

На длинных полотняных тросах гроб осторожно опустили в глубокую могилу. И тут совершилось маленькое чудо. Прямо из земли, из вечного плена вырвался, взмыл в воздух белый, трепещущий голубь, ало порхнул в прямых лучах солнца - и исчез в небесах.

К середине сентября установилось бабье лето, и Алешу из больницы перевезли на дачу на Десну. Дехтярь на прощание надавал кучу рекомендаций, обязался навещать больного, но сказал, что физическое состояние Алеши, как ни чудно, не внушает никаких опасений. Конечно, понадобится полгода, не меньше, на реабилитацию, на расхаживание, но хороший уход, усиленное питание, строгий режим и гимнастика довершат благополучный перелом в организме.

Режим, про который говорил доктор, был такой. Около восьми утра Настя поднимала мужа и помогала ему доковылять до ванной комнаты, где он с ее помощью умывался и приводил себя в порядок. К девяти Ваня-ключник подавал завтрак в гостиной: овсяная каша, свежий творог, мед, орехи, апельсиновый сок. Алеша меланхолично съедал все, что ему подкладывали на тарелку. Еще с первого своего нормального пробуждения в больнице, он ни разу ничего не попросил, но и ни разу ничему не воспротивился. После завтрака Настя укладывала его отдохнуть на часик, полтора, и пока он дремал, читала ему какую-нибудь книгу по своему выбору. Все ее попытки узнать, нравится ли ему то, что она читает, не увенчались успехом. Алеша лучезарно улыбался и говорил извиняющимся тоном:

- Мне все равно, дорогая.

Настя взялась читать ему историю Карамзина прямо с первого тома. После отдыха и дремы, если позволяла погода, Настя вывозила его на коляске погулять в сад. Здесь в течение часа, но с перерывами, вместе с ним продельвала многочисленные упражнения. Охранники, прячась в разных местах, с изумлением наблюдали, как хозяйка бросает мужу мяч, а он его ловит, радостно вскрикивая. Или заставляет дотянуться руками до земли, а потом никак не может разогнуть.

Перед обедом приходила медсестра, которую порекомендовал Дехтярь, и делала Алеше массаж и перевязку. Но уже на третий день Настя отправила медсестру домой, и со всеми процедурами справлялась сама, потому что заметила, что появление любого чужого человека сильно раздражает Алешу: он вздрагивал, закрывал глаза и несколько минут боролся с собой, преодолевая страх. Обедали они, если не было гостей, вдвоем, прислуживал Ваня-ключник, который старательно избегал смотреть на хозяйку, и поэтому частенько опрокидывал на скатерть какое-нибудь блюдо. Меню составлялось и пища готовилась под неусыпным Настиным контролем. Опять же трудно бывало понять, какая еда нравится больному, а какая нет. Если Настя говорила: - Не добавь ли щец, Алешенька? - он оживленно кивал, делая вид, что

способен съесть хоть всю кастрюлю, но если отбирала у него недоеденную тарелку, он так же блаженно лупал глазами. Как-то она провела эксперимент и вместо обеда сразу уложила его в постель: Алеша даже глазом не моргнул.

После дневной сиесты Настя угощала его фруктами и снова вывозила на прогулку. Постепенно она увеличивала нагрузки и заставляла его растягивать резиновый эспандер, а также по много раз поднимать и опускать полторакилограммовые гантели. Алеша слушался ее беспрекословно, но когда уставал, то начинал плакать. Слезы крупными градинами стекали по его худым бледным щекам и катились за воротник. Это так поражало Настю, что она опускалась на колени и подолгу молилась, прося у Спасителя помилования для своего несчастного мужа. Алеша переставал плакать и глядел на нее с детским любопытством.

- Алеша, родной, ну скажи мне, ну скажи, что ты чувствуешь? Где тебе больно?

- Нигде не больно, - удивленно отвечал Алеша. - Почему мне должно быть больно? Мне хорошо!

Вечером, накормив Алешу, она снова ему читала или включала телевизор. Пока экран светился, Алеша не отрывал от него неподвижного взгляда, иногда вздрагивая, но с губ не сходила легкая усмешка. Когда экран гас, он еще некоторое время что-то высматривал, а потом со вздохом облегчения переводил взгляд на жену.

- Ты еще что-нибудь хочешь посмотреть? - спрашивала она.

- Да нет, мне все равно.

- Но чего-то ты все-таки хочешь?

- Нет, ничего не хочу. Спасибо.

- О чем ты думаешь, Алеша?

- Ни о чем. Почему я должен думать?

- У тебя что-то болит?

- Нет, ничего не болит.

Перед сном она снова отводила его в ванную, и он опирался на нее легкой рукой, как на костыль. Он испытывал трудности с тем, чтобы усесться на толчок, и терпеливо ждал, пока Настя ему поможет, косясь на нее настороженным глазом, даже с некоторой обидой. Но когда, наконец, у него все получалось, и кишечник опорожнялся, он глядел на нее снизу с такой благодарной миной, словно достиг конца долгого, утомительного путешествия.

Засыпал он сразу, едва коснувшись щекой подушки. Настя лежала рядом и пыталась разгадать в его спящем, чистом прекрасном лице их общее будущее. Если он стал идиотом, думала она, то это слишком большое наказание даже для него. Впрочем, Настя не роптала на судьбу, напротив, все эти осенние дни, те-

кущие безукоризненно ровной чередой, она была спокойна и счастлива, как может быть счастлива молодая женщина, которая ожидает ребенка от любимого человека, и не сомневается в том, что этот человек никогда ее больше не покинет.

Местопребывание Алеши по возможности держалось в тайне, и редкие гости вносили разнообразие в их безмятежное бытование. Приезжал Губин, проверил, все ли у них в порядке, но недолго пообщавшись с Алешей, в дальнейшем предпочитал все переговоры вести с Настей по телефону. Как и обещал, через пару дней наведалься доктор Георгий Степанович, отобедал с ними, внимательно осмотрел больного, и нашел, что его состояние даже лучше, чем он мог надеяться.

Настя отвела доктора в сад и прямо спросила:

- Скажите откровенно, Георгий Степанович, он что же, таким и останется навсегда?

- Каким - таким? - не понял Дехтярь, уже привычно млея под Настиным взглядом.

- Вот таким, какой он сейчас?

Доктор не знал, каким Михайлов был прежде.

- А чем он вам не нравится? Да я бы дочери своей не пожелал другого мужа. Корректный, предупредительный молодой человек. Вполне разумный. Уверяю вас, в сравнении с другими... Если вас волнует, прошу прощения, сексуальная сторона, то тут нужно время, голубушка, нужно время... Уж вы потерпите...

- Господи, да он же совершенно впал в детство, - вырвалось у Насти. - Он же лунатик, доктор. Разве вы не видите?

- Нет, не вижу. Алексей Петрович вполне контактен, рассуждает здраво, адекватен своему состоянию... Не гневите судьбу, Настя. Однако если вас что-то смущает в этом ключе, могу порекомендовать прекрасного специалиста. Психиатр с мировым именем. Пускай проконсультирует, вреда не будет.

- Пожалуйста, порекомендуйте, - дрожащей рукой Настя записала телефон и фамилию.

За кофе, дабы развеять Настины страхи, доктор с заговорщицкой улыбкой обратился к Михайлову:

- А что, батенька, не опрокинуть ли нам по чарке? Пора, пожалуй, начинать нормальную жизнь.

Алеша засиял самой своей восторженной улыбкой, какая была у него теперь только на толчке.

- Конечно, доктор! Еще бы!

- Ему разве можно? - усомнилась Настя.

- Теперь ему все можно, - многозначительно ответил врач.

После одной рюмки Алеша уснул прямо за столом, и чтобы дотащить его до постели, пришлось звать Ваню-ключника.

Вечером приехал Вдовкин, и они с Настей устроили маленький консилиум. Решили все же действительно пригласить психиатра, хотя у Вдовкина были большие сомнения: он ни в каких психиатров не верил.

- В сущности, кто такой психиатр? Это человек, который заявляет, что изучил законы человеческой психики. Но это же вранье. Это большое вранье. Я психиатров не осуждаю, каждый зарабатывает, чем может. Я в другом не уверен: стоит ли понапрасну тревожить Алешу. Ты погляди на него. Был ли он когда-нибудь таким удовлетворенным? Зачем же пытаться вернуть его в эту грязь, которую мы по заблуждению называем разумным существованием?

- Не надо умствовать, - сказала Настя. - Ему очень плохо.

- А тебе или мне хорошо? Человек так или иначе всегда несчастен. Если хочешь знать, я бы с удовольствием с ним поменялся.

- Я с тобой поссорюсь, Женечка, если будешь так говорить.

Ссориться с Настей Вдовкин не хотел. У него так жизнь повернулась к пятидесяти годам, что никого вокруг не осталось из близких, кроме Насти и этого чокнутого бандита.

Психиатр приехал через день, за ним послали машину. Его звали Валерий Яковлевич Сушко. Он был щупл, высок, опирался на палочку и поминутно странно, по-гусиному вскрикивал - кхе-е-к! - радуясь, что живой. За период перестройки Валерий Яковлевич достиг высоких степеней в своем врачебном искусстве, и поговаривали, что был вхож в правительство наравне с легендарной Джуной, причем, ходили они к одним и тем же пациентам. Прежде чем познакомиться с больным, он присел на крыльце отдохнуть, внимательно изучая пейзаж. Вдовкин любезно предложил ему сигарету.

- Какая тут у вас благодать, однако, - заметил Валерий Яковлевич, от сигареты брезгливо отказавшись. - Что за прелесть эти подмосковные делянки. И какие забавные поселяне. Но почему они прячутся?

Как раз двое охранников с рациями и с автоматами нырнули за деревья.

- Приезжие избегают, - пояснил Вдовкин. - Много обид им приезжие чинят.

- Вы сами местный или как?

- Я тут вроде бедного родственника. На подхвате.

- Раньше у меня не лечились?

- Нет, не приходилось. Хотя много раз собирался.

Психиатр Вдовкину понравился, видно было, что вреда от него особого не будет - слишком стар.

- Ну что ж, - вздохнул Валерий Яковлевич, - давайте сюда больного.

- Именно прямо сюда его вынести?

- Зачем же, - Валерий Яковлевич вскрикнул - кхе-е-к! - прикрыв рот ладошкой. - А вы, я вижу, насмешливый юноша. Но пьете много, это нехорошо...

- Неужели так заметно?

- Еще бы незаметно. Вы ведь, друг мой, водку с пивом смешиваете, оттого запах ядреный, устоявшийся. Я бы вам посоветовал закусывать лимонной корочкой. Исключительно отбивает сивушный аромат.

На крылечко вышла Настя. Валерий Яковлевич, кряхтя, поднялся и поцеловал ей руку. Галантно заметил:

- Мечтаю, чтобы все мои пациенты выглядели именно так, сударыня!

- Спасибо, доктор! Где бы вы хотели осмотреть мужа?

- Лучше всего там, где он чувствует себя в безопасности.

Настя вопросительно взглянула на Вдовкина.

- Такого места больше нет.

- Да и раньше не было, - добавил Вдовкин. Старичок, который сначала показался ему безобидным шарлатаном, все больше его занимал. Это было ему чудно хотя бы потому, что в последнее время встречи с новыми людьми вообще не вызывали у него никаких эмоций. Он привык к мысли, что запас его любопытства к миру, слава Богу, исчерпан окончательно. Сумрачный сон наяву, в терпких парах винного спирта его вполне устраивал. В сегодняшнем госте была какая-то симпатичная бодрость, соотносимая, может быть, с задержкой земного пребывания. В его старческом взгляде посверкивала зоркость, которая дается человеку лишь за пределом бытия.

Алеша отдыхал после завтрака, но не спал, а глядел любимый мультик про черепашек ниндзя. Увидя незнакомого человека, которого привела Настя, он попытался укрыться одеялом с головой, но не успел. Настя села рядом, поймала его руки и мягко укорила:

- Ну не ребячься, милый! Это же к тебе пришли.

- Ко мне? А кто это?

Вдовкин выключил телевизор, а Валерий Яковлевич представился.

- Я врач. Зовут меня Валерий Яковлевич. Хочу вас осмотреть, если не возражаете.

- Даже не знаю, - усомнился Алеша. - У меня ведь уже есть врач. Он меня оперировал. Очень хороший. Его все уважают.

Настя, ты разве не помнишь Георгия Степановича? Он ведь вчера приходил.

- Не волнуйся, милый! Это я пригласила Валерия Яковлевича. Он с тобой поговорит - и все.

- Конечно, конечно, - поспешил согласиться Алеша. - Я просто подумал, что если я здоров, то зачем тратиться на новых врачей. Извините меня, доктор, но сейчас такое дорогое лечение, не всем по карману.

Валерий Яковлевич, пару раз вскрикнув, благополучно устроился в кресле напротив кровати.

- Какие деньги, юноша! Просто визит дружбы. Не беспокойтесь ни о чем.

Алеша вытянулся под одеялом поудобнее. С хитрой улыбкой покосился на Вдовкина.

- Денег не жалко, доктор. Но пока я на иждивении у жены, поневоле приходится учиться каждую копейку.

- Похвальное здравомыслие, - одобрил Валерий Яковлевич. - Копеечка, известно, рубль бережет.

Настя испытывала неодолимое желание бухнуться на колени и немедленно воззвать к Спасителю. Полтора месяца она не слышала от мужа столь долгих и проникновенных речей, и уж лучше бы не слышала вовсе.

- Сегодня воскресенье, - невозмутимо продолжал Валерий Яковлевич, - вот я решил прогуляться за город, заодно и к вам завернул.

- Сегодня не воскресенье, - поправил его Михайлов. - Сегодня пятница. В воскресенье по утрам не показывают черепашек. «Зов джунглей» - это да. Вы ошиблись, доктор. Как бы вас не хватились на работе.

- Ничего, я предупредил. Скажите, пожалуйста, Алеша, по ночам вам что-нибудь снится?

Алеша сделал слабую попытку вырваться из ласковых рук жены.

- Если вам неудобно при посторонних, - сказал доктор, - попросим их выйти.

- Не надо, - испугался Михайлов. - Какие же это посторонние? Настя моя жена, а это Вдовкин. Женя, хочешь выпить? Позови Ваню-ключника, он тебе нальет.

- Потерплю, - у Вдовкина вся эта нелепая сцена вызвала что-то вроде изжоги.

- Я не случайно спросил про сны, - пояснил Валерий Яковлевич. - В наших снах множество отгадок к физическому и душевному состоянию. Уверяю вас, это не бабушкины сказки.

- А где ваша бабушка? - спросил Алеша.

- Померла, голубчик, давно померла... Так что же вас беспокоит по ночам?

- Вы не будете смеяться?

- Нет, голубчик, не будем.

- Во сне приходит Елизар Суменович - и мы с ним летаем.

- На чем летаете? На самолете?

- Нет, просто так, будто на крыльях. Смешно, да?

- Каждую ночь?

- Почти каждую. Но иногда и днем.

- И всегда только с ним?

- Не всегда. Черепашки тоже летают. Ну и еще всякие существа.

- А кто такой Елизар Суменович?

Алеша посмотрел на жену, ища у нее поддержки.

- Будто вы не знаете?

- Честное слово, не знаю.

Алеша капризно скривил губы.

- Я вам не верю, доктор. Его все знают. Вы надо мной смеетесь, а обещали не смеяться.

Валерий Яковлевич полез в карман пиджака и достал кожаный очешник. Водрузил на нос очки с какими-то особыми стеклами, отчего глаза у него сделались на пол-лица. У Алеши от изумления отвалилась челюсть.

- Можно и мне потом померить? - спросил он робко.

- Конечно, но сперва еще несколько вопросов. Заранее прошу прощения, если они вам не понравятся, но это необходимо. Друг мой, вы импотент?

Вдовкин закурил. Настя бросила на доктора недружелюбный взгляд. Алеша покраснелся.

- Не знаю, - сказал он.

- Как, то есть, не знаете? Вы спите со своей женой или нет?

- Конечно, спим. Только я рано ложусь, а она обычно попозже. Правда, Настя?

- Валерий Яковлевич, - не выдержала Настя. - Нельзя ли обойтись без этих новомодных штучек?

- Никак нельзя, голубушка. Это очень важно.

- Вы разве не видите, в каком я положении?

- Вы примерно на седьмом месяце, с чем вас и поздравляю. Полагаю, вашего мужа это не должно слишком смущать. Верно, Алексей Петрович?

Алеша к этому моменту стал красный, как рак. Он заподозрил неладное.

- Доктор, - протянул он плаксиво. - Вы хотите забрать Настеньку, да? Но как же я останусь без нее? Вдовкин почти всегда пьяный. Кто меня вывезет погулять в садик?

- И все же, - Валерий Яковлевич заговорил властно и вкрадчиво, - надеюсь получить определенный ответ на свой вопрос.

Вдовкин решил, что пора и ему немного поучаствовать в медицинской процедуре.

- Доктор, а вы в курсе, что его недавно искромсали вдоль и поперек?

Валерий Яковлевич недобро запыхтел, вскрикнул - кхе-е-к! - точно прочищая горло, и очки убрал в карман.

- Чем встречать со своими глупостями, молодой человек, вам бы, может быть, действительно лучше пойти опохмелиться.

От его грозного тона Алеша окончательно сник.

- Я все скажу, только не сердитесь, пожалуйста.

Настя пулей вылетела из комнаты. Правда, через минуту вернулась и, как ни в чем не бывало, объяснила, что распорядилась насчет завтрака.

- Импотенция у меня в порядке, - вдруг, насупясь, сказал Алеша. - Это все знают. Хоть у Вдовкина спросите. Он сейчас трезвый.

Вдовкин на всякий случай подтвердил.

- Он в больнице всех медсестер загонял. Прямо с операционного стола скрывался. Хотя был в наркозе.

- Хорошо, хорошо, - ухмыльнулся Валерий Яковлевич. - Мне по душе остроумные молодые люди. Но я что-то слышал о завтраке. Не продолжить ли нам беседу за столом?

Ваня-ключник накрыл чай на веранде. Алеша, чтобы показать доктору, какой он крепкий, решил добраться до стола самостоятельно, опираясь на костыли. В дверях веранды наткнулся на Ваню-ключника, чуть они не столкнулись. Алеша жалобно пролепетал:

- Извини, пожалуйста, Ванюша! Видишь, колупаюсь с костыльками, всем только мешаю.

Ваня-ключник в оторопи неловко наклонил поднос и тарелки с чашками посыпались на пол. Алеша, растерянно бормоча: - Ах, беда-то какая! - потянулся их подбирать, не устоял на ногах - и загремел следом за посудой. Пока Настя со Вдовкиным его поднимали и усаживали за стол, с Ваней-ключником случилась истерика. Он прислонился к косяку, набычился, закрыл лицо руками:

- Не могу больше! Увольняюсь! Хоть убейте!

Настя что-то успокоительное ему прошептала, погладила по стриженной голове и Ваня, пошатываясь, ушел в дом.

Алеша виновато улыбался.

- Я не нарочно, честное слово! Он сам споткнулся.

У Насти и для мужа нашлось доброе слово.

- Никто тебя не винит, милый. Подумаешь, чашка разбилась. Это же на счастье.

Валерий Яковлевич, никого не дожидаясь, намазывал гренку маслом. Вдовкин, приметя графинчик с коньяком, быстро набуровил фужер и, тоже ни с кем не сообразуясь, моментально его опрокинул. Зажевал лимонной долькой. Настя разлила чай, мужу наложила тарелку овсяной каши, добавив туда смородинового желе и меду. Алеша с завистью следил за Вдовиным.

- Может быть, и мне рюмочку? - спросил у Насти. - Помнишь, мне же разрешили.

- Не за завтраком, - сказала Настя. Алеша покорно взялся за кашу, и тут же вымазал себе подбородок и щеки. Настя заботливо утерла ему лицо салфеткой.

Вскоре вернулся Ваня-ключник с новым подносом, на котором дымилось блюдо гречишных оладьев.

- Ванюша! - окликнул его Михайлов. - Ты прости меня, если сможешь. Я ведь не нарочно тебя толкнул.

- Наше дело холопское, мы не в обиде, - ответил Ваня, бросив затравленный взгляд на хозяйку. Та ему ободряюще подмигнула.

- Любопытно узнать, - Валерий Яковлевич добавил в чай душистых, деревенских сливок. - Как вы относитесь, Алексей Петрович, к нынешней гайдаровской реформе?

- Реформа хорошая, - быстро ответил Алеша, очередной раз промахнувшись мимо рта ложкой с кашей. - Все довольны, и я тоже.

- Что же именно вы находите в ней хорошего? - не отставал доктор.

Алеша наморщил лоб: ясная улыбка, каша на бороде, ложка на весу. Было видно, как он изо всех сил старается угодить навязчивому собеседнику.

- Что хорошего? - повторил туповато. - Ну как же: свобода - и вот кушаем, сидим. Разве плохо?

- Верно! - обрадовался Валерий Яковлевич. - Совершенно верно. Свобода и жратва. Умнейшее заключение. Но теперь скажите, когда вы летаете с вашим Елизаром Суреновичем, вы о чем-то беседуете? Или так - свободный полет без всяких затей?

- Иногда разговариваем, - Алеша скромно потупился, ложку опустил в тарелку, но очередную порцию каши зачерпывать погдил.

- О чем же?

- О разном. Он ведь умер, да там ему скучно, куда он попал. Вот он и тянется обратно, ловит попутчиков. Но он людям не всем доверяет, опасается их. А от меня какой вред, от безногого,

безрукого. Беседуем, конечно. Он хочет, чтобы я с ним с мертвым, как с живым соприкасался. От этого ему теплее.

- Он на самом деле мертвый? Или это так - аллегория?

- Мертвее не бывает. Пуля в сердце. Это вам не шутка, доктор.

Алеша победно оглядел присутствующих, зачерпнул каши. Настя сидела смурная, а Вдовкин машинально налил второй фужер. Прихромал Ваня-ключник, на сей раз принес тарелку с пирожными и новый чайник с кипятком. Алеша ринулся ему помочь, хотел чайник поставить, но закачался вместе со стулом, а Ваня отшатнулся и чуток ошпарил себе ногу.

- Ничего, мы привыкшие, - сказал отрешенно. - Ежели чего еще понадобится, поκληчьте тогда.

- Покличем, Ванечка. Конечно, поκληчем, - отозвалась Настя.

После каши и бутербродов с сыром Алеша начал клевать носом - привык отдыхать после завтрака по режиму. Валерий Яковлевич это заметил.

- Ну хорошо, последний вопросец - и баиньки. Чего вы боитесь, Алексей Петрович? Вы же чего-то все время боитесь, верно?

Алеша уставился на него в недоумении.

- Нет, чего мне бояться? Мы же с Елизаром Суреновичем оба мертвые. Бояться поздно.

- Как же так, друг мой? Только что вы нам объясняли, что ваш, так сказать, усопший коллега тянется к вам за живым теплом, а теперь что же получается? Какая-то неувязка.

- Никакой неувязки, - в Алешиной улыбке просквозила снисходительность. - Вам ли этого не знать. Вы же сами в прошлом году усопли.

- Да, - без всякого удивления согласился доктор. - В прошлом году я перенес второй инфаркт. Что было, то было. Но нельзя сказать, чтобы совсем так уж и усоп. Ведь сидим же с вами, чаек попиваем.

- Это видимость, - с какой-то знобящей уверенностью возразил Алеша. - Одна только видимость.

Настя увела его в спальню, уложила, поцеловала влажный лоб. Потом вместе со Вдовиным они проводили Валерия Яковлевича к машине. Старый кудесник подхватил Настю под руку и тихонько ей наговаривал в розовое ушко, как заклинал:

- Что ж, милая девушка, вам выпало трудное испытание... Но у всего свои причины. По роду занятий я лечил тысячи людей, или, если угодно, внушал им, что лечу. Могу вас уверить, люди устроены просто, куда проще, чем цветы на ваших клумбах. К каждому можно подобрать ключик. Подбери ключик - и человек

твой. Человек отпирается точно так же, как шкатулка. Щелк, щелк - и никаких секретов. Но бывают исключения, увы! Ваш муж как раз такое исключение.

- Что вы хотите этим сказать?

- Хочу сказать, что ключика у меня нет. Я же не Бог, всего лишь любознательный наблюдатель. Говорю с вами откровенно, потому что вы тоже исключение и поймете меня.

- Что с ним, доктор?

- Не знаю, - Валерий Яковлевич вспомнил, что давно не вскрикивал, и самозабвенно кхехекнул, отчего две вороны в испуге сорвались с березы. - Он наглухо закрыт. Полагаю, это от переутомления. Сильные люди, обладающие мощным энергетическим запасом, и устают сильнее обыкновенного. Что он не слабоумный - это точно. Могу даже предположить, что он обманывает нас. Затаился и подсмеивается над нашими потугами пробиться к его душе.

Настя так разволновалась, что ухватила доктора за плечо. Валерий Яковлевич высказал то, о чем она сама догадывалась. Она так и думала, что Алеша затеял большой, гнусный обман. Он прикидывается идиотом, а на самом деле внимательно за ней подглядывает. Он всегда был обманщиком и хитрецом, и теперь от скуки разыгрывает кошмарный спектакль, где все они статисты, а он - режиссер.

- Значит, он нормален?

- Нормальнее нас с вами.

На прощание Валерий Яковлевич поцеловал ее по-отечески в щеку, ушипнул за бок - и укатил, увозя в кармане пятьсот долларов.

На веранде Настя застала Вдовкина, который успокаивал хнычущего Ваню-ключника.

- Все равно уволюсь, - причитал строптивый филолог. - Он меня достал. Я же вижу, чего он добивается. Марионетку из меня делает.

- Он же болен, Ванечка, - вмешалась Настя. - На больных разве обижаются.

- Да, как же, болен! - дерзко возразил Ваня-ключник. - Ему главное, чтобы последние нервы мне истрепать.

- Хорошо, ступай к себе, Ванечка. Нам с Евгением Петровичем надо поговорить.

Ваня гордо удалился, роняя на ходу остатки посуды. Вдовкин к этому времени уже почти опорожнил графинчик с коньяком и был настроен благодушно. Настя отпила глоток остывшего чая.

- Не кажется ли тебе, что Алеша водит нас всех за нос?

- Еще как водит! Это тебе доктор сказал?

- Представь себе. Он не находит у него никаких психических нарушений.

Вдовкин доцебил последние капли из графинчика в рюмку.

- Конечно, что он может найти. Для него шизик - это тот, кто лает и кусается. Да в принципе Алеша ему просто не по зубам. Он никому из нас не по зубам. Чересчур суверенен. Вот милейший старичок и споткнулся.

- Он сам это понимает.

- Понимает, а денежки за визит небось взял, да?

- Но он же потратил время.

Вдовкин закурил, окутался дымом и чихнул. Вид у него был поблекший, синюшный. Он и пил-то в последнее время без удовольствия.

- Скажи-ка, Настя, по совести. Ты действительно хочешь, чтобы Алеша стал таким, как прежде?

- Мне его очень жалко, - ответила Настя.

К вечеру подскочил Миша Губин. Заехал на полчаса, но остался ночевать. В Москве дела складывались не то чтобы тревожно, но как-то непонятно. Из регионов понаехала масса народу, шли бесконечные сборы, то у Грума, то у Серго, то на нейтральной полосе, но толку пока было чуть. Настроение у главрей корпораций было скорее мирное, чем воинственное, казалось, все вопросы можно решить полюбовно, запал у невидимой пушки еще тлел, но не гас. Всем было очевидно, что пока не будет обозначен единый лидер, а проще говоря, новый, непрекращаемый пахан, бесконечные протоколы о намерениях и даже фиксированные банковские счета, и даже клятвенные уверения в честном сотрудничестве останутся пустым сотрясанием воздуха и не застрахуют огромную финансовую империю покойного Елизара Суреновича от очередного, еще более мощного взрыва.

Губин, осунувшийся, дочерна загоревший, был настроен решительно, и признался Вдовкину, что готов все бросить и слиться куда-нибудь в Австралию для продолжительного отдыха. Ему не хватало воздуха в России, чтобы дышать полной грудью. На месте его удерживал лишь некий Суржиков, которого он вскорости должен был якобы изловить. Кто такой Суржиков, он не говорил, но при упоминании этого имени взгляд его наливался кровавой муťou. Вдовкин не завидовал неведомому Суржикову, но и Губина не одобрял.

- Тебе ли заикаться о какой-то Австралии, - заметил он скептически. - Мы с тобой, Мишенька, как два деревца. Где нас сломали, там и сгнием.

Еще удерживала Губина болезнь друга.

Алеша, как всегда, обрадовался его приезду, но выказал это своеобразно. Потянулся из кровати, точно хотел обняться, застенчиво прогугукал:

- Привез, Миша, да, привез?!

- Что?

От его строгости Алеша враз опамятовался.

- Да ладно, это я так, прости, пожалуйста!

- Алеша, скажи толком, что я должен был привезти?

- Не должен, что ты! Упаси Бог! Просто вроде разговор был...

- Это он про черепашек, - догадалась Настя.

- Про каких черепашек?

- В прошлый раз, когда ты был, в рекламе показывали, таких зелененьких, на велосипедах. А ты сказал: куплю.

- Я обещал купить черепашек?

Алеша закрылся одеялом, только один глаз загадочно пылал.

- Хорошо, - сказал Губин. - Если обещал, то куплю.

- Совсем необязательно, - с надеждой гукнул Алеша.

Губин начал проверять посты, за ним увязался Вдовкин, хотя ноги его еле держали. Сегодня он с опережением покрыл дневную норму. Вечер был прохладный, с черными осенними мушками. Через поле вышли к дальнему ухорону, откуда подъездное шоссе просматривалось до самого горизонта.

- Надо бы Алешку пристрелить, - меланхолично заметил Губин, - чтобы не мучился.

- Озверел ты, Миша, совсем... Или завидуешь ему, как и я?

- Чему завидовать-то?

- Ну как же, есть чему. Алеша превратился в растение и живет теперь в полном соответствии с природой. Он прозрел, а мы слепые.

- Пьяный, интеллигентский бред. Ты умный человек, Вдовкин, но мозг пропил. Алеша рожден хищником, а теперь от него осталась одна оболочка. Ткни пальцем - весь воздух выйдет. Ты ему завидуешь? Да ты сам такой же ползунок, как он. Только из него норов вышибли пулей, а из тебя спиртом.

- По-твоему, и меня следует пристрелить?

Вдовкин споткнулся на травяной кочке и чуть не упал. Губин поддержал его за плечо.

- Конечно, надо бы. Вы оба дезертиры.

- Дезертировали из банды?

- Из жизни, Женя, из жизни. Не хитри сам с собой. Я вас не осуждаю. От такого рода дезертирства никто не застрахован. Мне Настю жалко. Ей за что такая доля?

- Настя в банде никогда не была.

Губин не захотел продолжать пустой разговор, тем более, что они уже подошли к сосновой рощице, где меж двух деревьев был

устроен помост, наподобие охотничьей засады, с которой сверху бьют кабанов. На помосте, метрах в трех от земли, нахохлясь, сидел человек с биноклем.

- Спускайся, - окликнул Губин. - Покурим.

Охотник спрыгнул вниз, ловко спружина на полусогнутых ногах. По виду ему было лет тридцать, лицо неприметное, но злое. Вдовкин его раньше не видел.

- Ночью по двое дежурите? - спросил Губин.

- Так точно, шеф.

- Не холодно?

- Костерок жжем. Не сомневайся, шеф, муха не проскочит.

- Проскочит, ответишь башкой.

- Это мы понимаем, - дозорный дружелюбно ухмыльнулся. Губин угостил его «Мальборо». Сам он не курил, но всегда носил с собой сигареты.

Обратно брели по полю уже в сумерках. Вдовкин зябко ежил-ся в своей кожаной куртке, трезвел на ходу. Ему хотелось лечь на подсыревшую землю и отдохнуть. Поле казалось бесконечным. Ощущение близкой смерти было так очевидно, как смутное губинское лицо. Он вспомнил, как Михайлов говорил врачу, что все они уже умерли. В этом тоже он был прав. Пулей ли, спиртом, грабежом им сняли головы - какая разница. Третий год все они, граждане некогда великой страны бредут по черному полю уже после смерти. Зато, как ни чудно, денег в карманах прибавилось. Вдовкин грустно улыбнулся в темноте, а Губин словно улышал его мысли.

- Легче всего, - буркнул себе под нос, - уснуть и не проснуться.

- Смешной ты человек, Губин, - Вдовкину не хотелось спорить, но молчание пуще угнетало. - Пытаешься построить какую-то философию, когда в нас ничего человеческого не осталось.

- Не суди по себе обо всех, - посоветовал Губин. - Мечту твою не разделяю.

- Какую мечту?

- Превратиться в растение.

- Ах, вот ты о чем.

К ужину, желая, возможно, угодить Губину, Ваня-ключник расстарался: наготовил пирожков с капустой и свиные отбивные запек в тесте. Но радовался застольному изобилию один Алеша. Остальные сидели за столом, как на принудилровке. Вдовкин обнялся со своим графинчиком, Губин уткнулся в тарелку, а Настя привычно ухаживала за мужем, который пожирал пирожки, точно семечки лузгал. Потом съел две отбивных, перемазавшись в тесте. Восторженно улыбаясь, обратился к Вдовкину:

- Женя, ты не позволишь мне тоже глоточек наливочки? Свинина очень жирная, хотя и вкусная. Мне доктор разрешил, правда, Настенька?

Ваня-ключник, прибиравший пустые тарелки, как-то странно хрюкнул и выскочил вон. Но ничего не разбил. Настя налила в чайную чашку вина на доньшке, подала мужу.

- Пей, милый, если хочется.

- Не то чтобы хочется, - смущенно оправдывался Алеша. - Просто жирно очень во рту.

Губин поднял голову от тарелки, зло спросил у Вдовкина:

- Ну что, завидуешь, да?

- Не заводись, Мишель.

Алеша, осушив вино, блаженно потянулся:

- Вот как хорошо-то! Славно покушали, спасибо Ванечке. Знаешь, Миша, я его утром случайно обидел. Я на костыльках-то шлепал, ну и подвернулся ему под ноги. Он все тарелки разбил. Но я сразу извинился! Он меня простил, правда, Настенька?

- Пойдем спать, милый, поздно уже.

- А чай не будем пить?

- Я тебе в постельку принесу.

Губин и Вдовкин остались одни за столом.

- Психиатр приезжал, - сообщил Вдовкин. - Он думает, что Алеша притворяется.

Губин никак не отреагировал. Тут вернулся Ваня-ключник.

- Разрешите к вам обратиться? - отнесся он к Губину по всей форме, хотя в армии никогда не служил.

- Обращайся.

- Хочу просить об увольнении. Мочи нет все это наблюдать. Нервы на пределе. Разрешите подать рапорт?

Губин окинул его ледяным взглядом.

- Ты всерьез?

Ваня-ключник обиженно хлюпнул носом.

- В этом доме давно никто не шутит, кроме самого хозяина.

- Я тебе такое устрою увольнение, - сказал Губин, - что у тебя одна нога останется здесь, а вторую будешь искать в Шереметьево. Уловил?

Ваня-ключник козырнул, хотя был без головного убора, и отправился на кухню...

С утра прикатили неожиданные гости: Филипп Филиппович с Ваней - и с ними девица Нина Зайцева. Ваня-ключник собрался готовить большой воскресный обед и попросил у Губина разрешения привести на подмогу деревенскую девку Галину, которая по загадочному стечению обстоятельств оказалась студент-

кой-заочницей того самого филологического факультета, где в прошлом учился Ваня-ключник. Губин не придал этому значения, но ему не понравилось, как девка Галина при разговоре то и дело прислоняется к нему грудью или боком. Так ловко у нее выходило, что уберечься не было никакой возможности. Губин предупредил:

- У нас тут, девушка, не дом свиданий. Здесь больной человек помирает. Никакого шума, никаких громких песен не может быть. Впрочем, ваш кавалер все это понимает. В случае чего, он за вас и ответит.

Ваня-ключник после вчерашнего неудачного увольнения был предельно собран.

- Не извольте сомневаться, гражданин начальник. Ежели она только пикнет, я сам ее придушу.

И увел хохочущую подругу на кухню, откуда сразу же донесли истошные женские вопли.

С приездом гостей двухэтажный загородный дом ожил, запахнул окна и зазвенел человеческими голосами. Настя была этому рада, потому что возня с гостями, хлопоты по их устройству отвлекали от грустных мыслей. Особенно ей интересно было познакомиться с Ваней, о котором она много слышала, но увидела впервые. Он напомнил ей того Алешу, с каким она встретилась несколько лет назад. Не такой красивый, но стройный, подвижный, и с внимательным, властным взглядом. Не по годам на чем-то сосредоточенный, на том, что внутри, а не вне. Она показала Ване комнату с балкончиком на втором этаже, и сказала, что отныне эта комната принадлежит ему, и он может жить здесь, сколько пожелает.

- Отчего такая привилегия? - насмешливо спросил Иван.

- Вы - сын Федора Кузьмича. У моего мужа не было ближе человека.

Иван сразу почувствовал, какое грозное обаяние от нее исходит, и попытался воспротивиться.

- Меня вообще-то мать уговорила поехать. Вот, послала Алексею образок.

Настя чинно приняла иконку с позолоченным ободком, посмотрела на юношу так, словно заглянула ему в душу.

- Вам нет нужды, Ванечка, придумывать какие-то тайные колкости. Мы с вами поладим без всяких затей. Алеша всегда говорил о вас, как о сыне.

- Значит, у меня уже трое отцов, - усмехнулся Иван.

Филипп Филиппович отправился в спальню к Алеше, и провел с ним полчаса. Вышел удрученный. Встретил Вдовкина, который с четырьмя пивными банками направлялся на веранду.

Сели рядом на диване, Вдовкин поделился пивом. Спросил:

- Как впечатления?

- Да что тут скажешь. Видно, какая-то важная пружина в нем перебита. По-человечески жалко, конечно. Но с другой стороны...

- Что с другой стороны?

После шестидесяти лет Филипп Филиппович заметно погрузнел, потяжелел, и приобрел неспешную повадку сановитого ученого. Род занятий, о котором школьный математик пять лет назад и помыслить не мог, наложил на него своеобразный отпечаток. Он часто теперь задумывался посередине какой-нибудь незамысловатой фразы. Вдобавок взял привычку стряхивать пепел сигареты в ладонь, а после сдувал его на пол.

- Видите ли, я вот так иногда прикидываю, зачем мы, но вот вы, Евгений Петрович, да и я тоже, зачем во все это втянулись? Ну то есть в то, что у нас сейчас принято называть бизнесом, предпринимательством и так далее... И прихожу к выводу, что главным образом от страха остаться на обочине жизни, а проще говоря, подохнуть с голоду под забором. Михайлов - совсем иное дело. Он в броне родился - и с бивнями. Сколько я его знаю, ему все было нипочем. Зверюга и только. Как говорится: не стой на дороге, сомнет, но вот броня малость подоржавела, бивни притупились, и проклюнулось из самого нутра нечто мягонькое, деликатное, то, что от матушки с батюшкой перекачано в генах. Я больше того скажу вам, Евгений Петрович. В нем сейчас его истинное, натуральное естество наружу пробилось. А могло ведь и не пробиться. Так что же, жалеть бедолагу? Или радоваться за него?

- Любопытно другое, - заметил Вдовкин, которого утренние порции спиртного всегда настраивали на философский лад. - От этого, как вы изволили выразиться, зверюги, оказывается зависят сотни человеческих судеб, в том числе отчасти и наши с вами. Отсюда забавный вопрос: если в Михайлове пробудился, по вашим словам, человек, то нам, следовательно, по теории равновесия предстоит, напротив, дальнейшее озверение.

- Нехорошо шутите, - надулся Филипп Филиппович, и банку с пивом отставил. - За свою особу вам, полагаю, опасаться нечего. Денежками-то вас Михайлов снабдил на десять жизней.

- Денежками - да. Но не в них счастье, профессор. Опять ведь придется принаравливать к новым обстоятельствам. А я уж, по совести сказать, как-то пригрелся возле Алеши со своей бутылкой. Нынче пахана менять, как новую семью завести.

Содержательную беседу нарушила Нина Зайцева. Она уже давно бродила в одиночестве по дому, приглядывалась. При этом старалась казаться незаметной. Иван всего три дня как вернулся домой, насупленный и раздраженный, и все три дня она с него

пылинки сдувала; а когда собрался на дачу к Михайлову, с воплями билась у его ног, лишь бы не бросил, лишь бы взял с собой. Ваня смилостивился, взял, но предупредил: если как-нибудь она себя скромно, неприлично проявит, то больше с ней возиться не будет, а передаст с рук на руки Губину. Нина поверила. Самолюбивый мальчик-несмышлениш, которому запудрить мозги все равно, что конфетку съесть, на ее глазах превратился в мужчину, от которого веяло сладким могильным холодом. Он и в постели теперь брал ее как-то настырно, с хриплым смешком, отчего девичье сердечко закатывалось к небесам. Нина лишь уточнила: - Что значит, любимый, проявить себя скромно? - на что Иван коротко ответил: - Не наглей!

На страшного Губина она уже наткнулась в гостинной во время своей экскурсии по дому. Он сидел в кресле с газетой в руках, и когда она сунулась в дверь, тут же поманил ее пальчиком. Нина подошла цыплячьей походкой, скромно скрестила руки на животе.

- Вынюхиваешь? - спросил Губин. Вот тут с ней чуть не случился малый грех, но привычная в ларечном обществе к побоям, она себя превозмогла.

- Я с Иваном приехала, - сказала она. - Хотите, у него спросите.

Губин несколько секунд внимательно ее разглядывал поверх газеты.

- Это было его ошибкой, - заметил Губин. - Но ее нетрудно поправить.

- Я преданная, - неизвестно для чего призналась Нина. - Я при нем, как собака.

Губин отпустил ее небрежным мановением руки. На веранде, увидев добродушного Филиппа Филипповича и Вдовкина, Нина так обрадовалась, что без разрешения бухнулась на стул, с опозданием сообразив, что, возможно, именно этот ее поступок Иван посчитал бы неприличным.

- Мужчины! - сказала она неожиданным басом. - Спасите несчастную девицу, дайте ей тоже пива. Ой, тут все так непривычно, я тут, как в лесу.

Вдовкин протянул ей банку, которая была у него захоронена в кармане.

- Давайте у девушки поинтересуемся, - весело обернулся к Филиппу Филипповичу. - Она нас рассудит. Скажи, красавица, тебе какие мужчины по душе? Крутые, как Михайлов, или вот такие, как мы, застенчивые и незлобивые?

- Я Ваню люблю, Полищука. Он меня сюда и пригласил. Здравствуйте, Филипп Филиппович. Вы меня узнали? Я ведь Ванина невеста.

Ближе к вечеру прорвалась гроза. Эпицентр ее сгустился над дачным поселком, и минут сорок подряд, без устали по дому колотили молнии, но ни разу точно не попали. Зато у двух сосен за оградой верхушки срубилло, как лазером.

В гостиной было шумно, чадно, оживленно. Ужин удался на славу. Ваня-ключник целого гуся запек в духовке и подал его с яблоками и с острой приправой из зеленых слив. Приготовил по рецепту из кулинарной книги Дюма-отца. Деревенская девка Галина, наряженная в расписной сарафан и с белой наколкой на черных волосах прислуживала за столом с какими-то затейливыми шутками-прибаутками, и даже суровый Филипп Филиппович не удержался от того, чтобы не ущипнуть ее за бочок. После чего Ваня-ключник шепнул ему на ухо, что готов обменять красивую, ядреную девуку на собственную «вольную».

Больше всех радовался застолью Алеша. Ему нравилось, что собралось много народу, все добрые знакомые, и он то и дело к кому-нибудь обращался с радостным возгласом, но не все ему отвечали.

- Мишенька! - окликнул он Губина. - Ты что же мало кушаешь? Положи салатика. Вкусный салатик-то. Его Настя сама готовила. Правда, Настенька?

Вместо того, чтобы отозваться на дружеский привет, Губин как-то так чудно нахохлился, что стал совершенно похож на черного таракана.

- Эй, Ванюша, - веселился дальше Алеша. - А ты почему не выпьешь водочки? Тебе можно с устатку, ты же взрослый мужчина, правда, Настенька?

Иван ходил с Ниной на дальнюю, лесную прогулку, недавно только вернулся, промокший, выпачканный в глине, и видно, до сих пор не пришел в себя, был в каком-то глубоком оцепенении. Подобно Губину, он ничего не ответил, и это было даже неучтиво, но Алеша ничего не замечал. Вдруг посреди трапезы он решил продемонстрировать гостям, какой он атлет, отодвинулся от стола и начал отжиматься на руках, упираясь в подлокотники кресла. Лицо его мгновенно побагровело, посинело, но он пыжился, тужился, и светлая улыбка едва проскальзывала сквозь набрякшие веки. Кончилось богатырское упражнение плохо. Не вникая Настиным мольбам, где-то на двадцатом отжиме он потерял равновесие - и вместе с креслом обрушился на пол, да так хряснулся головой об паркет, что слышно было, пожалуй, на дальних постах. Губин в одиночку поднял его на руки, как младенца, смущенно похотывающего, отнес в спальню.

Собственно, на этом ужин и закончился. Над домом, как над всем российским миром, нависла густая, дурная, свинцовая оторпь.

Через неделю нагрянул Кутуй-бек. Этого визита нельзя было избежать. До осторожного горца, разумеется, дошли слухи о том, что Крест невменяем и никакой надежды на выздоровление нет. Эти слухи старательно поддерживал и распускал Грум. С каждым днем они становились все ужаснее. Грум умело «дожимал» занедужившего конкурента, проделывая это не без изящества. Какому-нибудь крупному воротиле из региона секретно сообщал, что на имущество бедного придурка наложен арест, и прокурор Москвы подписал постановление о начале уголовного расследования, но лично он, Грум, в это не верит. Во всяком случае, сделает все возможное, чтобы уберечь от позора своего близкого друга и (вы же знаете?) нареченного сына покойного Елизара Суреновича. На худой конец постарается поместить несчастного в хорошую психиатрическую клинику, чтобы от него хоть на время отвязалась прокуратура. Особенно впечатляли собеседников размеры взяток, которые якобы уже отслучил сердобольный Грум - пять миллионов долларов. Кто-то верил, кто-то нет, но для тех и других было очевидно, что звезда влиятельного наследника Благовестова закатилась.

За Кутуй-беком стоял Кавказ с его судьбоносными нефтяными артериями, с его богатейшими рынками сбыта, с его, в конце концов, прекрасным географическим расположением, поэтому расторжение с ним делового партнерства могло привести к непредсказуемым, роковым последствиям. Серго извивался ужом, оттягивая время, поставляя Кутуй-беку самые обнадеживающие сведения, но терпение горца все же иссякло, и он заявил, что либо ему устраивают личную встречу с кунаком Алешей, либо он начинает переговоры с Иннокентием Львовичем. Требование было справедливым: бизнес не терпит долгих проволочек, в нем споткнувшихся соратников добивают, как раненых лошадей.

Надо было рискнуть, и Серго, после серьезных колебаний, посоветовавшись с Филиппом Филипповичем и Губиным, пошел на этот риск.

К визиту Кутуй-бека Алеша достаточно окреп, и по дому уже передвигался с одной палочкой. Его приодели в серый выходной костюм, усадили в кресло в гостиной, и он, предчувствуя большую, неожиданную радость, поглядывал орлом во все углы. Вдовкин сделал ему последние наставления.

- Прощу тебя, Алеша, соберись хотя бы на полчаса.

- Куда я должен собраться? - с готовностью отозвался Михайлов.

- Приедет Кутуйка, наш друг. Ты его слушай - и больше ничего. Покажи, какой ты опять сильный и умный. Хорошо?

Алеша самодовольно заулыбался.

- А он не будет меня пугать?

- Пусть только попробует. Настя же будет с тобой, и я тоже. А Миша спрячется за дверь. Бояться нечего.

- Кутуй-бек очень свирепый, - доверительно сообщил Алеша.

- У него такой кинжал, - он развел руки в стороны насколько хватило размера.

- Кинжал у него Губин отберет на улице, - Вдовкин посмотрел на Настю, но та отвернулась к окну. Она еще вчера высказала все, что думает об этой затее. Если им с Губиным, сказала она, доставляет удовольствие выставлять ее мужа на посмешище, она попробует защитить его собственными силами. И напрасно они надеются, что у нее ничего не получится. Настя произнесла целую обвинительную речь, на которую Губин коротко ответил:

- Успокойся, Настя. Ему это не повредит.

Настя смирилась, но не потому, что не могла противостоять Губину, а потому, что в действительности не понимала, от кого следует защищать Алешу...

Кутуй-бек, как заведено, прибыл с помпой, на трех иномарках и в сопровождении эскорта мотоциклистов. В дверях его встретила Настя.

- Кутуй-бек, ты знаешь, Алеша любит тебя и высоко ценит вашу дружбу...

- ?

- Но он болен, ему нельзя волноваться.

Кутуй-бек церемонно поцеловал ей руку, жадными глазами охватив всю целиком.

- Зачем нервничать, дорогая?! Я привез ему хорошие вести.

При виде Кутуй-бека Алеша самостоятельно поднялся из кресла и протянул навстречу обе руки.

- Кутуюшка, брат! Видишь, я уже без костыликов!

Горец заключил его в объятия, похлопал по спине, отстранился - и заглянул в глаза.

- Щекотно, бек! - захихикал Алеша.

Кутуй-бек уселся в кресло напротив, Ваня-ключник подкатил столик с угощением - вино, фрукты, шоколад. Настя опустила

на стул рядом с Алешиным креслом, Вдовкин устроился в углу со своей суверенной бутылкой массандровского портвейна.

- Рад видеть тебя в добром здравии, брат! - торжественно начал гость. - Теперь оторву язык сплетникам.

Алеша прыснул в кулачок, но тут же нахмурился.

- Не надо, брат. Это ведь очень больно, когда отрывают язык.

Настя поспешила разлить по рюмкам коньяка, одну подала Алеше, который с удовольствием ее понюхал и, дернув рукой, расплескал на колени.

- Мне врач разрешил, разрешил, - доверительно сообщил он гостю. - Правда, Настя?

- Да, милый, конечно. Выпей немного ради праздника.

Кутуй-бек переводил горящий взгляд с Алеши на его жену. Произнес не по-восточному короткий тост.

- Чтобы в этом доме не умирала любовь. За тебя, брат!

- За тебя, Кутуй-бек!

Гость обернулся к Вдовкину.

- И за тебя, Евгений Петрович! Все знают о твоих заслугах.

- За тебя, геноцвале! - отозвался из угла Вдовкин, поднимая бутылку. Он взял за обыкновение после четырех часов пить исключительно из горлышка.

На Алешу глоток коньяка подействовал мгновенно: он беспокойно завертелся в кресле, счастливо улыбаясь, и видно было, что готов выкинуть какой-то номер. Настя нежно погладила его руку.

- Хочешь яблоко, милый?

- Хочу!

Настя потянулась к столику, но Алеша ее опередил.

- Подожди, Настенька, ну подожди немного! Сейчас покажу фокус. Кутуйчик не знает. Меня Ваня научил. Смотри, Кутуй-бек!

Он протянул открытые ладони, на одной лежал желтый полтинник. Потом сжал кулаки, спихнув денежку в рукав. Открыл ладони, сунув их Кутую под нос.

- Смотри, смотри! - завопил в полном восторге. - Видишь, нету монетки! А-а?! Где она, где?!

Вдовкин в углу обреченно вздохнул.

- Хороший фокус, - сказал Кутуй-бек, - и я рад, что ты его мне показал... Но теперь поговорим о делах, если ты не очень устал.

Алеша хитро сощурился.

- Хочешь, объясню тебе фокус? Это очень просто. Ты тоже сможешь показывать, когда немного потренируешься. У Вдовкина, правда, не получается, но у него терпения не хватает.

- Потом, брат, - отмахнулся Кутуй-бек с понимающей улыбкой. - У нас будет время для фокусов, когда решим, как поступить с Грумом.

- Надо позвать Ваню-ключника. У него получается даже с большим железным рублем.

- Позовем и Ваню, в чем проблема. - Не было заметно, чтобы Кутуй-бек нервничал, напротив, он был странно внимателен. - Но сперва о Груме. Он предлагает хорошие условия. Давай будем откровенны. Ты веришь ему?

- Маленький, круглый и потный, - хихикнул Алеша. - Похожий на черепашку ниндзя.

- Он коварен, как тарантул, - темной яростью полыхнул взгляд бека, и Алеша испуганно прижался к Насте.

- Как тарантул? - повторил он, замороженный. - Это плохо. Я не знал, - вдруг лицо его озарилось пророческой догадкой. - Нечего бояться, бек! Миша Губин на дворе. Он его сюда не пустит.

Кутуй-бек скользнул косым оком по замершей Насте, подмигнул ей.

- Я тебя понял, брат... В Таджикистане нарывается на неприятность Рустам-бай. Он твой старый должник. Отдай его мне.

- Бери! - Алеша обрадовался, что может оказать гостю услугу, слова из него посыпались, как из автомата. - Все бери, Кутуй! Все мое - твое. Хочешь дом, хочешь деньги, хочешь - Настю. Поедешь к беку, Настенька? Смотри, какой красивый, усатый. За меня не волнуйся, за мной Ваня-ключник приглядит! Да я уже сам все могу делать. Георгий Степанович обещал, на праздники плясать будем. Только не помню - на какие. На какие праздники, Настенька? Помнишь, доктор обещал?

- На Рождество, милый!

- Вот! - Алеша гордо поднял палец. - На Рождество!

В углу Вдовкин забулькал остатками портвейна. Растроганный Кутуй-бек заметил:

- За тебя, Алеша, пьем! За твой щедрость, за твой великий сердце. Аллах-акбар!

Но выпить вторую рюмку Алеша не успел: слишком большое напряжение его надломило. Жалобно захлюпал носом, прикрыл прозрачные веки - и мгновенно тихонько засопел, задремывая,

как засыпают малые дети посреди шумной, веселой игры, падая на руки матери.

- Не буди джигита, Настя, не надо, - с неожиданной лаской в голосе пробормотал Кутуй-бек. Поднялся и деликатно, мягко ступая по половицам, покинул гостиную.

В соседней комнате ждал Губин. Поднялся навстречу, настроженный, быстрый.

- Что скажешь, бек?

- Все врал шакалы, здоров Алеша, век проживет!

Губин заподозрил, что глумится горец, уж больно рожа паскудная.

- О деле поговорили?

- О всем поговорили. Алеша верный кунак. Ты тоже добрый кунак, Губа! Приезжай Кавказ с Алешей, ой, гулять будем! Ты еще Кавказа не ходил, сам тебе покажу.

- Обязательно приедем.

Кутуй-бек шутливо ткнул его перстом в живот: никогда Губин не видел сурового, вспльчивого горца в таком игривом настроении. Подумал в недоумении: «Успел накуриться, что ли?»

Проводил гостя до машины. Кутуй-бек обнял его на прощание, доверительно шепнул:

- Береги Алешу, брат. Ему цены нет.

Кавалькада рванула с места, врубив сирены и мигалки, ошаршив мирный поселок праздничным всхлипом.

Губин вернулся в дом. Вдовкин и Настя сидели в гостиной, вид у них был остолбенелый.

- Ну что? - спросила Настя. - Уехал?

- Тоже чокнулся бек, - лаконично ответил Губин. - Вы ему что-то в коньяк подсыпали?

Настя грустно призналась:

- Алеша ему дом подарил - и меня в придачу.

- А-а... То-то он такой довольный умчался. Алеша спит?

- Не знаю, - сказала Настя. - Я вообще ничего про него теперь не знаю. Как помочь ему, ребята?

- Ему не поможешь, - заметил Губин. - Как бы он сам нам всем скоро не помог.

Вдовкину эта мысль понравилась.

- Тонко замечено, - одобрил он. - Гляди-ка, как на одном человеке свет клином сошелся. Уму непостижимо.

- Да, - согласился Губин. - Он был воином, без него, как без счета в сбербанке.

Настя вспыхнула от мгновенного гнева.

- Он не был, он - есть.

Так до сумерек просидели, словно в блаженном забытьи. Потом на кухне истошно загомонил деревенская девка Галина, а это значило, что вместе с Ваней-ключником они приступили к приготовлению ужина...

ЭПИЛОГ

Подполковник Веня Суржиков отдыхал за кладбищенской оградкой, возле могилы единственного близкого человека - матушки-покоенки. В будний день на Шукинском погосте было пустынно. Да и мелкий дождик накрапывал с утра. Суржиков надвинул на брови брезентовый капюшон, замечтался слегка. День поминовения свят. На дощатом столике перед ним стояла почти допитая бутылка водки, две стопки, лежали два зеленых яблока и надкусанный плавленый сырок. Горбушка черного хлеба размокла и превратилась в комок глины. Суржиков думал о том, как хорошо ему жилось с матушкой, пока она была в здравии. Она заботилась о нем, обихаживала, готовила вкусную, домашнюю еду, и никогда между ними не случалось недомолвок и ссор. С ее уходом он никогда и ни к кому уже не испытал той глубокой сердечной привязанности, которая одна дает человеческому существованию незатейливый, но надежный смысл. В последнее время Суржиков частенько задумывался, почему так получилось, что ни к одной из женщин, которые перебивали в его неутомимых лапах, он так и не проникся не то чтобы любовью, а хотя бы теплой, ровной приятностью, позволяющей мужчине чувствовать себя в безопасности и покое. Бывали красавицы, простушки, немудреные городские дурочки, заботливые хлопотуньи, похотливые сучки - но во всех одинаково, словно дьявол подчеркивал ему зрение, он без натуги различал за всеми оболыстительными ужимками одномерную, порочную сущность и отчетливо проблескивающие, ядовитые клыки. Он брал их без разбору, грубо и мощно, но всегда после очередного знакомства и неизбежной случки на губах оставался легкий, тошнотворный привкус гнилого плода. Вероятно, какой-то изъян был в нем самом, в его вечно настороженной, воинственной натуре, подлый изъян, но что теперь с ним поделаешь. На четвертом десятке, вступив в таинственную пору созерцательного бытования, Суржиков уже не чаял встретить женщину, подругу, с которой захотелось бы ему повязаться навеки, завести семью и детей. Это было, конечно, обидно, но не смертельно.

«Вроде все у меня есть, - пожаловался он матушке, - а все же чего-то ты, видно, мне недодала. Честно сказать, обретаюсь в потемках, как суслик, и не вижу, где свет.

Потянулся он к недопитой бутылке, и в это мгновение краем глаза заметил, как от соседних кустов как-то чересчур стремительно отделилась гибкая мужская фигура и замерла сбоку. Суржиков спокойно долил стопку, опрокинул, поморщась, и только после этого поднял глаза. Перед ним с невеселой гримасой на худом лице стоял Миша Губин.

- А-а, - произнес Суржиков безразличным тоном, - это ты?

- Угу, - кивнул Губин. - Извини, что побеспокоил в таком месте, но накопилась парочка вопросов.

Суржиков уже смекнул, что Губин подловил его классно. В таком положении у него нет ни единого шанса на спасение, даже если Губин пришел один, а это вряд ли. Суржиков был безоружен (никогда не брал пистолет на свидание с матушкой), полупьян, в неудобном дождевике - и на низенькой скамеечке над могилкой сидел, как на карачках. Утешало лишь то, что концы отдавать, видно, придется рядом с матушкой.

- Подними-ка ручонки, заведи за голову, - сказал Губин. Суржиков выполнил приказание, и почувствовал, как snоровистые руки обшмонали его сверху донизу.

- Будешь мочить? - спросил утвердительно.

Губин переместился за оградкой так, чтобы им было удобнее глядеть друг на друга. Он был в спортивной куртке, в джинсах, в десантных ботинках, с непокрытой головой, с мокрыми волосами, свесившимися на лоб. Ориентировка на него была такая: один из самых опасных и лютых бандитов в Москве. При задержании чрезвычайно опасен. И это, вероятно, судя по его послужному списку, было мягко сказано.

- Что ты сделал с Французенкой? - поинтересовался Губин.

- Я ее пристрелил. Она же была маньячкой.

- И что дальше?

- Как это - что дальше?

- Ты ее пристрелил - и куда дел?

- А-а... Отвез в управление. Оформил протокол. Все по закону. У тебя своя работа, у меня - своя. Что тебя смущает?

- Где ее похоронили?

- Обычно в таких случаях труп сжигают. Разумеется, с соблюдением всех формальностей.

- У нее что же, не было никаких родственников?

- Покурить можно?

- Кури.

Суржиков достал из плаща портсигар, с наслаждением затянулся «Явой». Незаметно проверил упор правой ноги. Но это ему только показалось, что незаметно.

- Не делай глупостей, подполковник, - предупредил Губин. - Хотел бы я тебя убить, зачем бы мы тут сидели?

- Почему же не убил?

- А ты меня?

- Сначала собирался, - признался Суржиков. - Потом решил, вроде мы в расчете.

- Не совсем, - сказал Губин. - Эту женщину я любил.

- Вот оно как, - удивился Суржиков. - Что ж, бывает.

Дождик припустил погуще, но им обоим было не до этого.

- Ты насчет родственников не ответил.

- Какие родственники, Губин? Зачем? Кто сейчас будет с этим возиться... Но весточку от нее могу тебе передать.

У Губина странно дернулось лицо.

- Передай, будь добр.

- Она сама просила. Погоди, вспомню. Вот она как сказала. Передай Мише, что я могла тебя убить, но не убила. Да, именно так. Она сказала: он поймет.

- Она в самом деле могла?

Суржиков помедлил с ответом. Похоже, этот парень действительно настроен миролюбиво. Что само по себе подозрительно. Каждое неосторожное слово сейчас грозило обернуться пулей в лоб.

- Да, могла, - сказал со вздохом. - Но не захотела. Может, смалодушничала. Не знаю.

- Какая же она после этого маньячка?

- Вот про это она, наверное, и хотела, чтобы ты знал.

Губин пялился на него бессмысленным, ненавидящим взглядом, потом отвернулся на миг. Будто кто-то его окликнул за оградкой. Для Суржикова этого хватило, чтобы резко кувырнуться вперед, но бросок вышел глупым. Лбом он точно нарвался на упругий, десантный лапоть Губина, и забавно было, что оказался на скамеечке в том же виде, в каком и был, на карачках, но с оранжевыми звездами в глазах. Тупо крутнул башкой, стряхивая одурь.

- Матушку бы постыдился, - брезгливо укорил Губин. - Что же вы никак не угомонитесь, паскуды?!

- А ты сам, ты-то сам, не паскуда, да?! - разбитыми губами прошамкал Суржиков. - Чистенький, что ли?

- И сам я такой же, - горько согласился Губин. - Прощай, вояка! В другой раз попадешься, не помилюю.

Исчез в мареве дождя, как смутное видение.

Суржиков обтер рукавом плаща одеревеневшую рожу.

«Видишь как, мама! - посетовал горько. - То я все бил, а то самому попало. Да больно-то как! Не горюй, мама, живой еще покамест твой Венечка. А подохну, скорее свидимся.»

В сновидении пришел к нему отец, Петр Харитонович. Он был в полном полковничьем параде, с чистым лицом, не улыбочивый, строгий. «Лежишь? - спросил издевательски. - А лежать некогда. Наших бьют!»

Видение было реальным, как все видения в северных широтах. Отца можно было потрогать, обнять - от его кожи тянуло теплом. «Кого это - наших?» - удивился Алеша.

Елизар Суменович поманил его издали - в руках у него что-то пестрое, колеблющееся на ветру: то ли одеяло, то ли крылья. Алеше не терпелось взлететь и окинуть взглядом заиндевелую планету. Острое, знобящее чувство. Сердце таяло в предвкушении. Солнце желтым краем лизнуло облака. Рванулся было Алеша, но Петр Харитонович уцепил его за плечо. «Не набегался еще, сучонок, да?» Прежде не было в его голосе столько силы и власти. Алеша виновато пробормотал: «Я болен, папа! Отпусти меня!» Петр Харитонович гулко хохотнул. «Ты здоров, сын! Протри глаза, симулянт!»

В тот же миг Алеша осознал, что впрямь здоров, и промежуток болезни иссяк. Переход из видения в явь совершился без всяких усилий. Он открыл глаза и увидел ночь в окне. Повел плечами, уперся пятками в стойку кровати - и сел. Тусклый лунный блик высветил Настино лицо. Оно было таким же, как с вечера, как всегда - прекрасным и нетленным. Горечь неслыханной потери смутила Алешин ум. Запутанная страница жизни перелистнулась с тихим шорохом. Больше не будет видений и встреч. Прощай, отец, прощай, Елизар Суменович, прощайте все, кто остался в прошлом.

Алеша склонился, легонько дунул в Настино ухо.

- Эй, детка, проснись.

- Я не сплю, - ответила Настя. - Я жду.

- Я придумал имя для сына.
 - Какое?
 - Федор. Федор Алексеевич - разве плохо?
 - А если будет девочка?
- Алеша бережно положил ей руку на живот.
- Откуда взяться девочке? Пусть родится солдат.
 - Как себя чувствуешь, милый?
 - Как с похмелья.

Как с горы, соскользнул пальцами с круглого живота ближе к скучающему, ждущему лону, и это была его прежняя ласка, решительная, неотвратимая.

- Ты с ума сошел? - выдохнула Настя.
- У меня его никогда и не было.

Испуганным взором Настя потянулась к окну: до рассвета еще далеко. Да и незачем его торопить. Сердцем, полным смуты и слез, она угадала: муж вернулся к ней.

БУАЛО-НАРСЕЖАК

ПЕЙЗАЖ

С

БУЛЛИ

Рассказ

306

С есиль дошла до такого состояния, когда от переживаний ломит все тело. Теперь ей хотелось только сидеть, лежать, спать... спать! Она даже не могла вспомнить, где оставила машину и некоторое время походила на неожиданно проснувшегося в незнакомом месте человека, который хочет вспомнить свое имя и свое прошлое. Затем она сориентировалась, вернулась назад и внезапно поняла, сколь все это несерьезно. Должен же наступить момент, когда супруги начинают трезво оценивать друг друга! Конец ли это любви? Или начало другого чувства, когда учишься жить по-новому? Неужели Морис и впредь будет таким совершенно чужим ей человеком, который остался дома? Все произошло в одно мгновение, щелчок - и она увидела его не глазами любящей женщины, а глазами врача или полицейского. Ну, конечно, это типичный художник-неудачник. Упрямый и трусливый одновременно, но способный в своем упрямстве ударить. Теперь она боялась вернуться домой, страшилась увидеть Мориса, сбросившего маску. Не к чему себя

обманывать: это ужасно, то, что с нею произошло.

Сесиль вынула из сумочки ключи от машины. Эта малолитражка была еще одним поводом для ссор. Купили ее с помощью дяди Жюльена. Тот охотно ссудил им 400 тысяч франков. Нет, она больше никогда не возьмет эту машину, ведь она не принадлежит ей. Будет ходить пешком. Приучит себя обходиться малым. Она не станет просить. Сирота и разведенка? Почему бы и нет?

Сесиль вспомнила, что не купила хлеба. И пусть! Морис обойдется и так. Надоело быть его нянькой! Она подъехала к маленькой улочке, где они жили близ Венсенского леса, и резко затормозила. Возле дома стояла большая зеленая машина - «бьюик» или «понтиак». ...Чья она, Сесиль догадалась сразу, и сразу поняла, что дядя Жюльен приехал за долгом. Сколько бы Морис не говорил, что он - лучший из людей, она знала, что наступит момент, когда тот потребует назад деньги. Только Морис мог не понимать этого! Значит, придется продать малолитражку. Но все равно не хватит. Что подумает этот человек о ней? Морис уже наверняка все взвалил на нее!

Зеленая машина отъехала. Догнать ее, что ли, познакомиться с этим дядей Жюльеном, объяснить ему... Но тот был уже далеко. Ей не хотелось идти наверх - убирать окурки, готовить, слушать восторги Мориса: «Все в порядке!» Как бы хорошо ей жилось одной! Она заперла машину - потому что привыкла к порядку, и стала подниматься по лестнице.

Морис напевал. Услышав, как хлопнула дверь, он закричал:
- Это ты, Сесиль?

И выбежал в коридор. В левой руке у него были галстуки, в правой - пара ботинок.

- Мы уезжаем, дорогая... Едем... Да что с тобой?

- Здесь был твой дядя?

- Да.

- Он приезжал за деньгами?

- Какими деньгами?... Ах, да... Но об этом можно забыть... Я все тебе расскажу.

Он подтолкнул ее в комнату, служившую ему мастерской.

- Так вот: ему надо уехать. Он не объяснил причину, это в его духе... Дай мне кончить... Просто сказал, что мы нужны ему,

чтобы посторожить замок... Да... знаю... старики Агиресы... Так они рассчитались и уехали в Испанию. А так как Жюльен не нашел еще им замену, он вспомнил про нас.

Никогда прежде Сесиль не видела его таким возбужденным. «Абсолютный ребенок», - подумала она.

- Он дал нам время собраться?

Морис бросил галстуки в набитый чемодан.

- Нет! Я говорил тебе, что у него там собака, к которой он очень привязан. Так вот: он не может ее забрать с собой. Несчастный пес подойдет с голода, а пожрать он горазд! Это немецкая овчарка. Ты, кажется, любишь эту породу? Чем ты недовольна, Сесиль?

- Не знаю. Если бы не долг, то...

Морис опустил на колени и обнял ее.

- Все улажено, малышка, все! Жюльен простит нам долг, если мы тотчас отправимся туда. Это совершенно серьезно. Замок нельзя оставлять без присмотра - в нем столько ценного. Одной мебели на десятки миллионов. К тому же это замок его жены. Будь он его собственностью, Жюльену было бы наплевать. Но семья графини, то бишь моей тетки, может устроить скандал из-за пропавшей вилки!

Сесиль смотрела на поднятое к ней лицо, на чистый лоб, который никогда не избородят морщины забот, на зрачки горящих глаз, в которых отражались две задумчивые женщины. Она невольно закрыла их руками и, помимо своей воли, прошептала:

- Хорошо... Едем.

Тут Морис показал себя с лучшей стороны. Одежда, обувь, белье жены ... "Оставь, оставь, это мужское дело!" - посыпались в чемоданы. С трудом запирая их, он продолжал рассказывать.

- Нам предстоит проехать километров пятьсот. Доберемся к вечеру... Я плохо знаю местность. Где-то около Льежа... Местные жители так и не приняли Жюльена... Передай свитер... Графиня даже не решилась обвенчаться там. Их бы забросали камнями. Подумать только! Потомок Форланжей, род которых идет от крестоносцев, и мой Жюльен! Приготовь сендвичи... Что ты так смотришь на меня? Впрочем, не надо. Жюльен дал мне десять тысяч на дорогу. Если проголодаемся, где-нибудь перекусим.

Они поехали. Морис, не переставая, болтал, нервно смеялся, и Сесиль было подумала, что дядюшка напоил его. Морис был не из тех, кто любит пережевывать старые анекдоты (да она их и так знала наизусть), а тут стал вспоминать романтическую встречу Мадлен де Форланж с Жюльеном Меденаком, безумную страсть графини, разрыв с семьей и через семь лет ее смерть на Канарских островах от перетонита... Дядя Жюльен был для Мориса богом. Ей даже казалось, что он пытается ему подражать. Бедный Морис! Куда ему до него! Ради которого женщина пожертвовала всем.

- Он очень любил жену? - спросила она.

Морис растерянно обернулся.

- Кто?

- Твой дядя.

- Ну и вопросы ты задаешь! Конечно, любил. Одно то, что он согласился потом жить в такой дыре, говорит о многом.

- Но он ведь все время разъезжал.

- Конечно! Когда одиночество становилось нестерпимым, он убегал. Нормально. Подумай, с ним жили только слуги!

- А как бы ты поступил на его месте?

- Что за странный вопрос?!.. На его месте... - не отрываясь от дороги, Морис пожал плечами. - Хотел бы я оказаться на его месте... - Он тут же спохватился. - Нет, правда. Он ведь не был счастлив. Утром он мне показался человеком, которому надоела его бесцельная жизнь. Он страшно постарел и похудел. Похоже, отъезд Агиресов совсем подкосил его.

- Что мешает ему все бросить и поселиться в Канне или в Италии? Там вокруг него будут люди!

- Что бросить?.. Я ведь объяснял тебе, что ему там ничего не принадлежит. Он только получает определенную сумму по завещанию, хотя и немалую. Но замок остается собственностью Форанжей. Разве не ясно?

- Пожалуй.

- Он не имеет права даже подсвечник продать.

- Если он надолго, нам придется там обосноваться? - спросила она.

- Не думаю. Все это займет недели две-три, а затем он вернется. Привычка. Ведь ему немало лет!

Морис умолк. Сесиль задумалась. Три недели! А потом? По-качивание машины убаюкивало. Она попробовала возобновить разговор.

- Если б не собака, нас бы никогда не пригласили.

- Как тебе не стыдно! - запротестовал Морис. - Он славный. Не станешь же ты попрекать его тем, что он любит пса.

Сесиль уже не слушала его. Усталость, от которой она вероятно никогда не избавится, навалилась на нее, и она уснула.

2

Ее разбудило ощущение свежести. Морис при свете фар рассматривал карту. Пытаясь подняться, Сесиль вскрикнула. Было трудно разогнуться - все тело онемело. Ступив на землю, она едва не упала.

- Я уж думал, ты проспишь до конца, - сказал Морис. - Мы приехали... Или почти... Вот уже минут двадцать, как я ищу на подъезде к Льежу нужную нам дорогу. Кажется, нашел.

Он свернул карту. На фоне темного неба как китайский рисунок, вырисовывалась колокольня. Тишина была такая, что шаги на каменной дороге разносились, как под сводами. Они поехали дальше. Сесиль молчала. Она продрогла. Стена справа от них казалась бесконечной. Потом дорога свернула в сторону и они очутились перед огромными, почти незаметными в обрамлении из камня и плюща воротами. Морис затормозил и вытащил тяжелую связку ключей.

- Долго же придется искать нужный, - пошутил он.

Но ключ от ворот отыскался тотчас, и он не без труда отворил их. Машина въехала, фары выхватили из глубины аллеи темный фасад замка.

- Неплохой домик! - заметил Морис. - Право! Только излишне симметричен. Годится под жандармерию. Проснись, графиня! Ты у себя дома.

Он запер ворота и занял место за рулем. Сесиль показала на низкое здание слева.

- Что это такое?

- Судя по чертежу дяди, бывшие конюшни. Агиресы жили там, в конце... в домике, похожем на особняк... Остальное не знаю... Пристройки, гаражи...

Внезапно где-то около замка послышался яростный лай. Сесиль вздрогнула.

- Он заперт, - сказал Морис. - Жюльен сказал, что он не злой. Лай был хриплый, визгливый - пронзительный и жалкий одновременно. Затем следовало озлобленное рычание.

- Мне это не нравится. Как его зовут?

- Буль д'Эр... Шарик... Он сходу берет высоту более двух метров... Забавно...

Они оставили машину около подъезда и пошли к псарне. Это был сарайчик справа от замка, где обычно держали тачки и шланги для полива. Стоя на задних лапах за пыльным решетчатым окном, пес смотрел, как они подходят. От его дыхания окошко запотевало и глаза горели как светлячки. Сесиль остановилась.

- Я боюсь, - прошептала она.

- Ты с ума сошла. Это умная овчарка, которой сейчас страшнее, чем тебе.

Пес зарычал. Они услышали его дыхание у притолоки, и он стал скрести когтями пол.

- Его надо выпустить, - сказал Морис. - Но сначала покорим. Он успокоится. Обожди меня тут... Поговори с ним. Я попробую что-нибудь найти. - И он побежал к замку.

Пес за дверью кружил на месте и часто дышал, как при жажде. Когда Сесиль положила руку на щеколду, он завизжал, а затем гортанными звуками, поразительно напоминавшими человеческую речь, выразил что-то такое непонятное и трогательное, что Сесиль больше не раздумывала. Она приоткрыла дверь. Пес просунул влажную морду и лизнул ей руку. Воспользовавшись ее замешательством, он раскрыл дверь еще шире, и Сесиль увидела волкодава, который принялся кружить вокруг нее.

- Булли!

Зверь приблизился, и внезапно его твердая как палка лапа легла ей на плечо. Красные глаза собаки теперь были на уровне ее собственных. Она почувствовала теплое дыхание животного.

- Булли... Негодяй... Сидеть!

Пес послушался и Сесиль, нагнувшись, погладила его.

- Хорошая собака, - прошептала она. - Ты меня напугала... Я едва на ногах стою... Почему ты такой сердитый, Булли?

Собака от удовольствия жмурилась, пока Сесиль гладила ее. Между ушами она нащупала хохолок из мягкой шерсти.

- Значит, хозяин бросил тебя, - продолжала Сесиль. - Выходит, и ты не очень-то счастлив. Видишь, я люблю тебя.

Успокоившись, пес улегся у ее ног, наострив ухо, словно не желая упускать ничего из загадочной для него речи Сесиль.

- Ты красивый пес... очень красивый, Бульчик! Хочешь погулять со мной? Завтра...

- Я иду! - крикнул с крыльца Морис.

Пес тотчас вскочил и зарычал. Сесиль обеими руками схватилась за его ошейник.

- Хороший... хороший...

Она надавила на спину собаки, чтобы принудить ее сесть, но Булли оставался неумолим.

- Подходи осторожно! - крикнула она. - Покажи ему еду. Он тебя не знает.

- Ну и дела! - воскликнул Морис. - А тебя, выходит, знает?

- Я другое дело... Поставь миску... Тут. И отойди.

Она чувствовала, как под мягкой кожей у собаки напряглись мышцы и погладила его впалые бока, сильную спину, взволнованную грудь.

- Тихо... тихо... Красавец Булли будет теперь есть. Он голоден.

- Еще бы, - сказал Морис. - Ладно! Оставь его и пошли спать.

- Молчи! Мне кажется, ты ему не по душе.

- А ты? Ты совершенно спятила, дочь моя. Спокойной ночи, любимые! Я иду спать. Я устал.

Он зажег сигарету, выдохнул дым в сторону собаки и удалился.

- Видишь, какой он, - прошептала Сесиль. - Сейчас же вспылит... Теперь будет два дня дуться... Ешь, Булли!

Сидя на корточках, она смотрела, как собака пожирает еду. Ей больше не хотелось спать. Рядом с псом ей не было страшно. Окончив есть и понюхав руки Сесиль, пес зевнул.

- Больше ничего нет, - сказала она. - Завтра я тебе приготовлю что-нибудь вкусненькое.

Она встала и вошла в сарайчик. Собака последовала за ней.

- Спокойной ночи, Булли!

Она наклонилась и, прижавшись щекой к шее собаки, почувствовала непонятное волнение. Ей показалось, что пес нуждается в ней.

- Спи спокойно. Ясно? Чтоб я тебя не слышала.

Она прикрыла за собой дверь и тотчас увидела в окошке морду собаки. Передними лапами пес скреб стекло. Она помахала ему, как человеку. Сесиль больше не жалела, что поехала с Морисом.

Морис ждал ее на площадке второго этажа.

- Ты все же решила идти спать?

Он был в одной рубашке с пеньковой трубкой в руке. У Сесиль он вызывал раздражение.

- Почему ты не погасила свет?

Неужели он не понимает, что ей было просто страшно? Морис показал ей их комнату в глубине коридора и отправился закрыть двери. Когда он вернулся, Сесиль у окна любовалась ночным пейзажем.

- Нравится? - спросил он. - Согласись, сюда стоило съездить. Завтра мы все осмотрим.

- Что это там? - спросила Сесиль.

Морис подошел.

- Нет, это не пруд... - раздумывал он. - Тут протекает маленькая речка Булонь. Мы находимся на стороне, выходящей в парк. Вид прекрасный. Но как может тут жить бедняка Жюльен? За кровать ему достанется. Она напоминает бульварную скамейку.

Напевая, он разделся.

- Можешь погасить свет? - прошептала Сесиль.

Морис тотчас уснул. Перед тем как лечь, Сесиль заперла дверь на ключ и прислушалась. Замок жил своей жизнью - раздавались скрипы, вздохи, шелест. Она легла рядом с мужем, но была настороже. Какое счастье, что есть собака! В случае чего, она залает. У Сесиль был союзник. Против кого или чего? Абсурд какой-то! Она закрыла глаза и тотчас открыла снова. В комнате слышался запах увядших цветов. Она попробовала угадать, что это за цветы, затем отказалась от этой затеи... Сесиль проснулась,

словно от толчка. Нет, ей не приснилось. Где-то работал мотор машины.

- Морис!

- Что такое?

- Ты не спишь?

Шум мотора приближался.

- Не бойся, - сказал Морис.

Он зажег свет и посмотрел на часы.

- Половина третьего... Наверное, Жюльен зачем-то вернулся.

- Не может быть!

- От него можно ожидать всего, чего угодно. Пойду посмотрю!

- Морис! Не оставляй меня одну.

Она вскочила и первая открыла дверь. Они подбежали к окну, выходящему из коридора во двор. Рядом с домиком Агиресов маневрировала машина.

- А может это не он? - прошептала Сесиль.

- Собака бы залаяла.

Машина объехала особняк, фары погасли.

- Имеет же он право возвращаться к себе, когда ему заблагорассудится, - заметил Морис. - Может он передумал. Утром выяснится. Здесь замерзнуть можно... Вернемся?

Они зашли в комнату, но Сесиль не могла уснуть. Если бы дядя Жюльен что-то забыл, он вошел бы в замок. А все было тихо. Если бы он уехал, то снова раздался бы шум мотора. Может быть, он решил переночевать в особняке? Чтобы их не беспокоить...

Наконец рассвело. Морис поднялся невыспавшийся и голодный. Он потратил целый час на приготовление завтрака. Сесиль к еде не притронулась.

- Позови дядю, - сказала она. - Познакомь нас.

Морис рассердился.

- Послушай, малышка, Жюльен уже много лет живет один. Он привык, чтобы в его дела не вмешивались и не задавали лишних вопросов. Можешь ты это понять? Никаких вопросов!.. Так что не начинай.

Они молча поели. Морис закурил трубку. Сесиль приготовила еду собаке. Разговор возобновил Морис.

Подняла щеколду, вошла... Перед ней оказалась древняя карета с позеленевшим от времени кожаным верхом. Вероятно, именно в ней жена таможенного чиновника выезжала по воскресеньям в Льеж к мессе. Корпус повис на сломанных рессорах. Но медные красивой формы фонари были целы. Позади нее заскулил пес. Опустив голову, взъерошенный, он кружил в двадцати метрах, словно натолкнувшись на невидимый барьер.

- Что с тобой? - спросила Сесиль. - Иди ко мне!

Пес скуля отступил назад. Сесиль заглянула внутрь кареты. Там ничего не было. Пес яростно и злобно залаял. Сесиль поспешно вышла из сарая. Если дядя тут, что он подумает? Пес продолжал метаться около невидимой преграды, которую не смел пересечь, с прижатым хвостом и разинутой пастью он был воплощением страха. Сесиль оглянулась.

- Булли! Что с тобой? Ты же видишь, никого нет!

Но ее голос дрожал. Она снова поглядела на ставни домика.

Едва они отошли, как пес сразу успокоился. Это было так странно, что молодая женщина решила проверить. Она сделала вид, что снова направляется к пристройке. Пес попытался ее остановить, он замер и весь напрягся. Затем поднял голову и испустил такой душераздирающий вой, что Сесиль испуганно бросилась прочь.

- Идем... Идем, умница моя!

Что же могло его так напугать? Карета? Глупости! Ведь ею не пользовались столько лет. В сарае тоже давно никого не было. Сесиль направилась к замку. Пес спокойно бежал впереди.

3

Вернувшись, Морис застал Сесиль на лестнице. На лице ее застыло выражение страха.

- Что ты тут делаешь?

- Уедем отсюда, - прошептала она.

- Уехать? Когда здесь так хорошо? Местность прелестная - сама увидишь. Но люди тут... Я понимаю, почему Жюльен их сторонился как прокаженных... Если бы ты видела взгляд булочника. А хозяйка табачной лавки даже рта не открыла... Они дога-

дались, что я родственник Меденака, то есть «узурпатора»... Может, их предупредили Агиресы... Но нам от них ведь ничего не надо...

- Уедем отсюда, Морис.
- Да что с тобой?
- Пошли, я тебе кое-что покажу.

Она повела его к пристройке. Пес брел за ними. Метрах в двадцати от сарая Сесиль отпустила руку мужа.

- Смотри внимательнее.

Она подошла к раскрытым воротам. Пес замер на месте, вздернул морду, словно чуя опасность. Затем рванулся назад и завыл. Челюсти его лязгали, шерсть взмокла. Сесиль вернулась к мужу.

- Видел? Ему страшно. Он разодрал бы в клочья того, кто попытался бы силой затащить его в помещение.

- А что там?
- Старая карета. Больше ничего.

Морис в свою очередь приблизился к воротам. Пес словно с цепи сорвался. Он кружил на месте, рычал, в ярости брызгал слюной.

- Вернись, а то он свихнется.

Морис развел руками.

- Ничего не понимаю... Может этот кобель бешеный?
- Ничуть. Просто он что-то знает. И твоему дяде это тоже было известно. Поэтому он уехал.

Морис был в растерянности.

- Что известно? - Он огляделся. - Знаешь, дорогая, тебя на час нельзя оставить одну. Что ты еще выдумала? Повторяю, Жюльен выглядел совершенно нормальным. Усталым - да. Очень истощенным и постаревшим. А так...

- Тогда чем ты это объяснишь?
- Что объяснять? У тебя разыгрались нервы, вот и все!

Сесиль намеревалась сказать, что ей тоже страшно, но решила промолчать и отвела собаку в сарайчик, служивший конурой. Ей хотелось поскорее проверить одну догадку... К сожалению, она не могла отослать Мориса и снова повела его в каретный сарай.

- Какие красивые фонари! - заметил Морис. - Вот если бы дядя отдал их нам. Я их прямо вижу в мастерской...

Сесиль обследовала пол.

- Я думала, что обнаружу трап, - сказала она.

- И что бы это значило?

- Не знаю. Думаю, там кто-то прячется...

- Пес бы его учуял, можешь не сомневаться. Нет, не то. Поверь мне! Не стоит ломать голову. Вот Жюльен вернется, он сам нам все разъяснит.

- Ладно. Пойдем погуляем с Булли по парку.

Они обследовали все уголки. Пес радостно носился вокруг, позабыв обо всем на свете. Прогуливаясь рядом с Морисом, полным радужных планов, она невольно посмеивалась над собой. Но когда наступили сумерки, беспокойство вернулось. Тщетно боролась она с собой, понимая, что стала жертвой собственного воображения, но вздрагивала при малейшем шуме. Она провела еще одну скверную ночь.

Морис проснулся в восемь. Зевнув, он сладко потянулся.

- Здесь прекрасно спится. Правда?

- Уедем отсюда, Морис.

Она прошептала эти слова так тихо, что он, казалось, не понял.

- Я говорю - уедем, - повторила Сесиль. - Оставайся один, если хочешь.

- Опять ты за свое! Здесь отлично. Я смогу поработать. Чего лучше?

- Мне страшно.

- Страшно? Из-за собаки? Я запру ее и она успокоится.

- Ты забыл, что мы приехали ради нее...

Прошло несколько дней, похожих один на другой. Сесиль спала, ела, снова испытывала страх и горячее желание уехать. Как-то она снова вернулась к этому.

- Так не может продолжаться. Если бы мы хоть знали, когда твой дядя вернется. Может, он умер. Эта мысль преследует меня. А вот тебя я не понимаю. Лишь бы тебя не беспокоили, а на остальное тебе...

Морис закурил трубку. Впервые он выглядел озабоченным.

- Ты так думаешь? - спросил он. - Мне это в голову не приходило. Надо пойти и взглянуть.

- Так сходим.

Морис остановился в нерешительности. Он никогда не торопился действовать, если только это не касалось его удовольствий. Наконец он встал.

- Ты пойдешь со мной?

- Конечно.

- Тогда запри собаку. Она меня раздражает.

Булли спал под столом. Сесиль тихо прикрыла дверь. Они обошли домик.

- Войти невозможно, - констатировал Морис. - Придется взломать ставни.

Он достал из багажника «бьюика» ломик, выбрал ставню похуже и надавил на нее. Дерево с сухим треском надломилось. Морис сорвал доску и распахнул ставни. Затем протер пальцем оконное стекло и тотчас отступил.

- Не подходи, - пробормотал он.

Зрелище смерти не пугало Сесиль. Она прижалась лбом к стеклу и увидела повешенного. Разбив окно, Морис прыгнул внутрь.

- Не стой тут! Ты мне все равно не сможешь помочь, - сказал он.

- На столе записка, - дрожащим голосом сказала Сесиль.

Морис взял ее и дрожащим голосом прочитал:

«Я приговорен. Я знаю это с позавчерашнего дня. Рак крови. Несколько месяцев страданий и мучений для окружающих. Я решил покончить с этим сейчас же. 19 сентября. Три утра. Жюльен Меденак».

Сесиль смотрела на висящее тело, на перевернутый стул, скрюченные руки с желтыми пальцами.

- Мне от души жаль его, - прошептала она.

- Бедняга Жюльен! - сказал Морис. - Теперь понятно, почему он уволил прислугу и так настаивал на нашем скорейшем приезде. Он хотел умереть дома. А я ни о чем не догадывался... Считал, что он где-то в Италии или Испании.

Он положил на прежнее место записку, отпер дверь и потянул за собой Сесиль.

- Надо съездить в поселок и предупредить полицию. И дать телеграмму Фрэнсису де Форланж... Он наследует все состояние... Кажется, он сейчас в Ницце. Остальных Форланжей нет во

Франции, да к тому же они в ссоре с Жюльеном... Я жалею, что привез тебя сюда. Но я ведь не знал...

Они вернулись к замку. Она села в машину, а Морис забежал в дом и присоединился к ней.

- Записная книжка с адресами была в столе, - сказал он. - Действительно: Ницца, бульвар Виктора Гюго, дом 24-бис. Жюльен однажды рассказывал мне про это место. Он симпатизировал Фрэнсису. Забавная личность! Богема, лошажник, живет в гостиницах... Я давно его не видел.

Он завел машину. Запертая на кухне собака завывала.

- Она думает, что мы решили ее бросить, - сказала Сесиль.

- Ты что, намерена оставить ее себе?

- Конечно. Твой дядя одобрил бы это.

- Да... Но лучше об этом мы поговорим после.

Они помолчали. Но по тому, как Морис захлопнул дверцу машины перед жандармерией, Сесиль поняла, что он не намерен уступить. Она же твердо решила стоять на своем. На почте Морис отправил телеграмму. Затем они прошли к нотариусу. Навязчивая мысль не оставляла Сесиль: значит, пес все знал. Но даже если он и видел, как его хозяин берет в сарае веревку, могли ли он знать, для чего она ему... Нет, Булли видел нечто другое. Может, был свидетелем какой-то сцены... А что если дядя покончил с собой и кто-то перенес его тело в домик? Но почему его там спрятали? Может быть его там убили? И Булли знает, кто убийца? Нет, быть того не может. В ночь, когда дядя повесился, собака была заперта в своем сарайчике.

Следствие быстро опровергло догадки Сесиль. Письмо было написано рукой дяди. Вместе с другими бумагами его отдали на экспертизу. Вскрытие подтвердило, что бедняга действительно болел раком крови, и болезнь зашла далеко. Стало быть, факт самоубийства подтвердился.

В замок в сопровождении клерка приехал нотариус. Они хотели сверить все имущество с инвентарной книгой, и Морис попросил Сесиль сопровождать их.

- Какая мерзость! - сказала она. - Дядя Жюльен не был вором.

- Таков закон, - сухо ответил мэтр Пеке. - Жюльен Меденак лишь пользовался чужим имуществом. Мой предшественник мэтр

Фаже, возможно, принял бы иное решение. Но я тут недавно. И должен следовать правилам. Иначе пойдут слухи.

Так началась их долгая прогулка из комнаты в комнату.

- Горка в стиле «Ренессанс»... Есть... Два кресла в стиле Людовика XVI... Есть...

Когда днем Морис собрался съездить в поселок, к дому подъехала большая серая машина.

- Фрэнсис! - крикнул Морис.

Из машины вылез очень элегантный моложавый мужчина лет пятидесяти и направился к Морису с протянутой рукой.

- Спасибо за телеграмму... Бедняга Жюльен... Я очень огорчен...

- Иди-ка сюда... Мэтр Пеке и его клерк.

Фрэнсис поклонился. У него было красивое лицо с острым профилем, очень светлые глаза и красивые руки.

- Он здесь?

- Нет. Отвезли в поселок. Он покончил с собой.

- Быть того не может!.. Жюльен... Такой бонвиван!

- У него был рак, - уточнил Морис. - Это все объясняет.

- Боюсь, мадам, что у вас останутся плохие воспоминания об этом доме. Теперь вы мои гости... Отдыхайте, и позвольте мне самому всем заняться.

- Все уже сделано, - сказал Морис. - Похороны состоятся завтра.

Едва Фрэнсис занес ногу на первую ступеньку лестницы, раздалось рычание, от которого мэтр Пеке и его клерк вздрогнули. Сесиль бросилась наверх.

- Это Булли... Он хороший.

Пес стоял на верхней площадке. Он отступил, словно готовясь к прыжку. Из груди его доносилось глухое злобное рычание.

- Станный пес, - сказал Морис. - Обожает мою жену. А ко мне не очень милостив... Ты крепко его держишь?

- Да, - ответила Сесиль. - Я уведу его. Так будет лучше. - И она потянула собаку за собой.

- Красивое животное, - спокойно заметил Фрэнсис. - Надеюсь, мы станем друзьями.

Прошла неделя. Состоялись похороны. Без священника - церковь была неумолима. Никакой процессии: жителей не примирила смерть Жюльена. Сесиль хотела скорее уехать, но Фрэнсис упросил ее остаться. Она еще никогда не встречала такого милого, любезного, деликатного человека. Сесиль была очарована. Она тщетно пыталась смягчить враждебность собаки. Когда они уходили погулять, пес соглашался следовать за ними, однако сохранял от Фрэнсиса ту же дистанцию, что и от каретного сарая. Но Фрэнсис ничего не замечал. Он рассказывал Сесиль о своем детстве, о чудесных каникулах в этом замке. Иногда, смеясь как ребенок, брал ее за руку. Пес наблюдал за ними, держась в двадцати метрах от своей новой хозяйки.

- Вы хоть выходили за пределы замка? - спросила Сесиль.

- Нет. Я жил, как дикарь. Лазал на деревья и там читал приключенческие романы. Строил шалаши в глубине парка...

- А по воскресеньям все ездили в карете в Льеж?

- В карете? Что за странная мысль!

- Вы никогда ею не пользовались?

- Это же музейная редкость. На ней ездили при герцогине дю Барри, с тех пор она и стоит тут.

Значит - при герцогине дю Барри! «Я с ума сойду от этого пса», - подумала Сесиль. И, чтобы ни о чем не думать, позволяла Фрэнсису ухаживать за собой. Морис, словно нарочно, оставлял их наедине.

Однажды вечером после десерта Фрэнсис сказал:

- Если я найду покупателя, то продам это имение. Я привык к бродячей жизни... Сделайте одолжение, возьмите, что вам хочется. Из мебели... ковров... Я стольким вам обязан.

Поняв, что муж поддастся соблазну и унизит их, Сесиль поспешила с ответом:

- Спасибо. Морис мечтает о фонарях от старой кареты. Фрэнсис не скрыл своего удивления, но ограничился тем, что поднес к губам руку Сесиль.

- Сесиль, вы очаровательны... Значит, я остаюсь вашим должником.

Именно в этот вечер Морис решил покинуть замок.

- Мне тут надоело, - сказал он жене, когда они остались одни.
- Он строит тебе куры, а ты так и таешь. Сразу видно, что ты его не знаешь. Он же бабник. Слепому ясно!

- Не станешь же ты меня упрекать...

- Я ни в чем тебя не упрекаю. Пока... Просто мы завтра уезжаем.

- Это будет невежливо.

- Ну так послезавтра. Я найду предлог.

- Я забираю пса.

- Пес останется тут.

- Пес поедет со мной.

- Тогда я поеду один.

И Морис ушел спать в комнату для гостей. Встав пораньше, Сесиль отправилась с Булли на прогулку. Нет, она никогда не бросит его здесь! Им повстречался почтальон.

- У меня есть кое-что для господина Меденака, - сказал он.

- Давайте!

Это была телеграмма, поперек которой служащий большими буквами написал: «Адресат выбыл в неизвестном направлении». Эта фраза теперь качалась перед глазами Сесиль. Телеграмма адресована Фрэнсису Форанжу в Ниццу...

Значит Фрэнсис не получил ее. Он лгал... лгал... Он приехал без предупреждения. Он уже знал...

Сесиль прислонилась к стволу бука. У нее кружилась голова. Что же Фрэнсис знал заранее? О чем он мог заранее договориться с Морисом? Нет! Только не Фрэнсис!.. Он не способен на такую низость!

Она вернулась. Морис и Фрэнсис о чем-то разговаривали у подъезда.

- Сесиль! - крикнул Фрэнсис. - Вы хотите уехать? Вам тут не нравится?

Она опустила голову и подбежала к Морису. Пес мчался рядом, считая, что она с ним играет.

- Сесиль!

Но она направилась к Морису, который отошел к конюшне и стал мыть малолитражку. Он выпрямился.

- Прости. Я был груб вчера. Если ты так привязалась к собаке...

Сесиль протянула ему телеграмму.

- Что это значит?

- Прочти сам.

Он уже прочел. Бросив губку в ведро, он вытер руки платком.

- Тем хуже, - сказал он. - Я этого не предусмотрел.

- Немедленно объясни, в чем дело?!

- Во-первых, оставь этот тон. Ничего криминального тут нет!

Я скрыл от тебя правду по просьбе Жюльена. Я был за то, чтобы все рассказать тебе. Но он...

Сидя около машины, собака не спускала с них глаз. Морис отвел Сесиль в сторону, словно боясь быть услышанным ею.

- Поставь себя на место Жюльена. Человек живет в замке, словно пария, хотя дом стоит миллионы. А для того, чтобы жить где-то еще у него нет средств.

- Средств?

- Да, черт побери! Ему хватает только на поездку куда-нибудь. В конце концов от этого взбеситься можно...

- А Фрэнсис?

- Что Фрэнсис?

- Почему он так быстро приехал?

Обдумывая ответ, Морис набил трубку.

- Пожалуй, лучше всего было бы промолчать. Я вижу, ты ничего не поняла. Фрэнсис де Форланж умер... Тот, который повесился. Он мог бы это сделать в Ницце. Но нет, ему вздумалось повеситься именно тут. По словам Жюльена, Фрэнсис всю жизнь не мог забыть свое детство, так как провел в замке якобы лучшие годы жизни. Короче, Жюльен понял, что можно извлечь из этой смерти, если действовать быстро. В поселке никто не знал ни того, ни другого. Нотариус был новый. Агиресы уехали. Кто был ему еще нужен?

- Соучастник! - сказала Сесиль. - Ты соучастник!

- Нет. Я просто добросовестный свидетель.

- Вы оба мне противны.

- Прощу тебя, постарайся понять. В сущности, Жюльен получал то, что ему полагалось. Разве не был он мужем покойной?

- Что было дальше?

- Жюльен переписал письмо, оставленное Фрэнсисом, изменив только дату. Затем приехал ко мне. Я был ему должен. Как

тут отказать? Да к тому же роль моя была невелика. Опознать мертвого... Опознать живого. Да помалкивать. Ты же одним своим присутствием подкрепляла наши действия. Никто ведь не предполагал, что ты не знала ни Жюльена, ни Фрэнсиса!.. Ты была свидетельницей возвращения дяди ночью в день нашего приезда. Знаю, нехорошо было тебя обманывать. Но выбора у нас не было.

- А если бы я спала? И не услышала машину?

- Я не спал... И разбудил бы тебя.

- Что же дальше сделал твой дядя?

- Он откатил машину кузена до дороги и уехал.

- Вы все предусмотрели.

- Мы старались, - твердо ответил Морис.

- Тебя это забавляет?

- Немного. Мы рассчитали, когда я должен обнаружить труп.

Через некоторое время установить точную дату смерти уже бывает невозможно. Затем я дал телеграмму, чтобы окончательно убедить тебя: ведь дата приезда «кузена Фрэнсиса» была тоже установлена заранее.

Каждая фраза Мориса открывала новую ложь, новый обман. Но Сесиль не испытывала негодования. У нее было такое впечатление, будто наступило освобождение. Да, Морис был абсолютным ребенком.

- Теперь ты знаешь все, - сказал он.

Она повернулась, увидела пса и снова обратилась к мужу.

- Отчего же он не признал хозяина? Меня вы обманули за просто. А его? Теперь я могу все знать.

- Это тоже потребовало подготовки, - пробормотал он. - Жюльен нуждался в нас. Но требовалось еще, чтобы пес отреагировал на него, как на человека из Ниццы... Это было крайне важно... Тогда...

- Догадываюсь, - холодно произнесла Сесиль.

- Да. Ему пришлось бить его... в каретном сарае... плетью... возле кареты... Он добился, что Булли возненавидел его...

- Карета... хлыст, теперь мне все понятно... Ужас! Лучше бы он прикончил своего кузена.

- Заметь, что...

- Молчи. Вы мне оба отвратительны. Он даже больше, чем ты.

Послышались шаги. Это подошел Жюльен, бывший Фрэнсис.

- Я подумал, вы забываете главное.

Его голубые глаза блестели и искали взгляд Сесиль. Никогда он не казался ей таким обворожительным. Морис сердито отвернулся.

- Вы же попросили у меня фонари от кареты. Заберите их. Прошу вас.

Он толкнул ворота в сарай, быстро подошел к карете, протянул руку к сидению и достал хлыст.

- Булли! - закричала Сесиль.

Но было поздно. Все произошло в одну секунду. Булли вцепился в горло хозяина. Повалив его на землю, он рыча погружал в него все глубже свои клыки. Затем поднял окровавленную морду. Сесиль пошла прочь. Он догнал ее в два прыжка и смиренно поплелся рядом. Дойдя до ограды, Сесиль вышла на дорогу.

Теперь Булли кружил вокруг нее, радостно лая.

*Сокращенный перевод с французского
А. БРАГИНСКОГО*

Еще недавно большая часть отечественных детективов считалась второсортным чтивом. Поклонники остро сюжетного жанра предпочитали иностранные бестселлеры, покупали их из-под полы, переплачивая спекулянтам. Теперь магазины завалены отлично изданными шпионскими страстями и политическими интригами, уголовными историями и мафиозными разборками, схватками давно минувших дней и самыми современными приключениями. Вошло в моду загадочное слово «триллер». И в результате... предложение превысило спрос. В чем же дело? Уж не надоели ли нашему читателю заморские страсти? Приелись? Захотелось своего, доморощенного.

Круг любителей российского детектива неуклонно расширяется. К литературе «не для слабонервных» приобщаются даже те, кто раньше вообще ничего не читал, кроме ценников в продуктовых и промтоварных магазинах. Отгадка проста. Обусловлено это, кроме всего прочего, не-

бывалым ростом реальной, а не книжной, преступности, поворотами обыденной жизни - кто станет спорить, что она вплотную приблизилась к детективу? Кого теперь удивишь бандитскими сшибками, погонями, выстрелами по ночам и среди бела дня, захватом заложников и кровью невинных людей. По милицеской статистике, каждые пятнадцать минут в России убивают. Каждые пять минут - грабят. А бьют, насилуют и унижают постоянно, ежеминутно! Все это происходит не в тридевятом царстве-государстве, а с нами, нашими соседями, родными и близкими. Представьте, для наглядности, что и в данную минуту, когда вы читаете эти строки, кто-то убит, ранен, искалечен, унижен и т.д. Так и кажется, что вся страна живет по интриге гигантского фильма ужасов, а мы - его невольные действующие лица и жертвы.

Представленные в этом номере «Подвига» на суд читателей роман Анатолия Афанасьева «Московский душегуб» и маленькая повесть Буало-Нарсежака очень и очень злободневны, хотя, понятно, каждый по-своему. Примечательно, что предложенный нам кусок французской жизни тоже выглядит логической вариацией нашей. Стоит только заменить фамилии, назвать персонажей русскими именами - пусть они будут Пашами, Машами, Николаями - станет очевидным, что подобная история запросто могла произойти не обязательно во французском поместье, а где-нибудь в Подмосковье, в Рязанской или Тверской областях. Увы, зло интернационально, преступность не имеет границ, национальности и расовых различий. Злоумышленники повсюду похожи друг на друга.

Анатолий Афанасьев пришел в детектив из серьезной литературы, привнеся в остросюжетный жанр всю ее основательность, разработанные характеры, продуманный и точно сбалансированный сюжет. Используя детективную по общему построению историю, он насыщает ее и реальными страстями, и мыслью, и глубоким психологизмом. Автор не склонен давать оценки, делить персонажей на хороших-плохих, положительных-отрицательных. Все они представлены живо, ярко, образно - в этом привлекательность дарования Афанасьева.

Когда-то очень давно маститый писатель Юрий Трифонов выделил его из сонма начинающих, прочитав всего один маленький рассказик «Поздно или рано». Кумиру «шестидесятников» понравился и сам автор. Скромный, невысокого роста молодой человек с большими внимательными глазами - таким Анатолий

Афанасьев предстал перед Мастером. С тех пор минула эпоха. Трифонов ушел от нас, Афанасьев сам стал мэтром. Развил и довел до совершенства те качества, что были подмечены Юрием Владимировичем: умение глубоко чувствовать и понимать жизнь, видеть в обычном явлении примету целой эпохи, воспринимать обостренно тончайшие движения души своих персонажей.

Это сейчас читающая Россия знает и любит произведения Афанасьева, они выходят крупными тиражами и не залеживаются на прилавках. Но его путь в литературу не был усыпан розами, а трудности подстерегали на каждом шагу. Он окончил факультет журналистики МГУ, заведовал отделом в «Московском комсомольце», часто печатался на его страницах. По-разному можно относиться к этому популярному ныне изданию, но одно несомненное достоинство у газеты было и есть: это своеобразная «кузница талантов». Многие поэты и писатели, ставшие знаменитыми, начинали печататься в московской молодежи. Их пестовали, помогали «оттачивать перья», набираться опыта. Анатолий Афанасьев - не исключение. С завидным постоянством его рассказы и повести стали появляться сначала на страницах комсомольских журналов, а потом и выходить в ведущих издательствах страны.

В 1976 году, за пять лет до кончины, Трифонов написал предисловие к сборнику Афанасьева - дал напутствие. «Повесть «Операция» - пока что лучшая вещь Афанасьева. В ней проникновенно, сильно изображены люди, вытолкнутые жизнью на самый край...» На этот раз Трифонов отметил еще одно, новое качество - великолепное владение острым сюжетом.

О чем та давняя повесть? О любви, страстях, терзаниях. Несомненной удачей стало также описание места действия - большого современного города. Тогда было принято делить литературу на городскую и деревенскую, а писателей, естественно, на «горожан» и «деревенщиков». Анатолий Афанасьев родился в Москве, живет в столице и пишет о ней - потому и «горожанин». Тема его литературных исследований неисчерпаема, как и сама Москва.

В 1979 году издательство «Современник» напечатало остро сюжетный роман «Привет, Афиноген!» Тоже о москвичах, сотрудниках одного НИИ. Произведение весьма злободневное: в сонную эпоху застоя герои романа жили ожиданием грядущих перемен, рассуждали о будущем, как и вся страна... Будущее, естественно, настало, однако, увы, оно оказалось совсем не та-

ким, каким его видели афанасьевские герои. Еще через два года вышла в свет новая повесть «Предварительное знакомство», принципиально ироничная, острая, оригинальная. Афанасьев удачно изобразил в ней представителей самых разных поколений - стариков и юношей, женщин и мужчин. 1989 год ознаменовался появлением романа «Последний воин». В этом произведении представлена уже, что называется, текущая жизнь со всеми ее «перестроечными» сложностями, увиденная взглядом очень пристальным. Критики встретили новую книгу дружелюбно: отметили сатирические черты произведения, динамичный сюжет, полный приключений и мистики. К тому же автор явил миру совершенно новых героев, еще не исследованных литературой. Это сегодняшние маргиналы, люди, порвавшие духовную связь с социумом: тогда они только вышли из тени, а вскоре, как известно, заняли более уверенные позиции на авансцене жизни. Автор дал роману подзаголовок: «Книга надежды». Тогда еще она не развеялась ни у писателей, ни у читателей.

Закончив свой следующий роман «Больно не будет», Афанасьев сказал: «Мучаясь над ним, я впервые отчетливо понял, что от сочинительства до умопомешательства один шаг. Дело тут вот в чем: конструируя выдуманные обстоятельства, подолгу общаясь с вымышленными людьми, поневоле теряешь ощущение реальности. И как это ни прискорбно, частенько желаемое принимаешь за действительность. Нынче появилось много странных людей, которые умно и с жаром рассуждают о том, что изменившиеся условия жизни диктуют и новые взаимоотношения. Я так не думаю. Есть нравственные ценности, которые не поддаются девальвации. Любовь, жажда добра, способность к самопожертвованию - это все в натуре человека...»

70-80 годы стали годами творческой зрелости Анатолия Афанасьева. О нем заговорили как об одном из лидеров «группы сорокалетних», скандально заявивших о себе именно в это время. Кроме перечисленных романов, снискали популярность уже многие его новые произведения. «О чем горевать», «Бедный хам», «Мужчина на закате» - эти вещи, отмеченные блестящим анализом, психологической иронией, гротеском, принесли автору огромный успех. Но подлинную славу и признательность завоевал Афанасьев в наши «смутные» 90-е годы. Отличительные черты его таланта - умение очень глубоко вникать в суть происходящих общественных событий - нашли свое воплощение в романах «Первый визит сатаны» и «Грешная женщина».

Афанасьев - лауреат нескольких премий Союза писателей за лучшее произведение года. Его переводят на многие языки мира и издают в Японии, Франции, Германии, Швейцарии, США, Чехословакии, Польше, Финляндии. Разумеется, кинорежиссеры не прошли мимо - появились фильмы, снятые по его романам.

«Московский душегуб» в занимательной форме, с неподражаемой интонацией, рассказывает о жизни столицы - под определенным углом зрения. Люди Зазеркалья - мафиози, их собутыльники, наемники, телохранители, жены и любовницы - выписаны настолько достоверно, будто автор сам успел пожить в их среде, подслушал и записал их разговоры. Роман напоминает фантазмагорию - в той мере, в какой стала ею окружающая жизнь. То, о чем мы каждый день читаем в газетах, слышим по радио, видим на телевизионных экранах, обобщено и представлено в ярких красках. Напрашивается ли какой-нибудь вывод? Да. Более того, их много. Вот один, к примеру: сон разума рождает чудовищ...

Особое слово - о женских персонажах, они всегда великолепно удавались автору. Отечественная литература традиционно изображала женщину, как существо слабое, беззащитное, а если она идет на преступление - то это вынуждено, дескать, так сложились обстоятельства. С наступлением эпохи гласности кино и литературу заполонили страдающие «интердевочки», все как одна милые и глубоко несчастные. На панель их толкнуло желание красивой жизни, такое близкое и понятное каждому. Даже воровка, героиня нашумевшего детектива «Криминальный талант», подавалась как жертва социальных условий и полностью была оправдана автором. Но дым быстро рассеялся: жизнь показала, что и проститутки, как и всякого рода искательницы острых ощущений, на самом деле жестоки, способны на любое преступление - вплоть до убийства. Афанасьев и тут оказался провидцем: он не оставляет читателю никаких иллюзий. «Таня-Француженка» - точная фотография, собирательный образ многочисленных красоток из числа тех, кого сегодня успешно «раскалывают» следователи по особо важным делам, раскрывающие серьезные преступления, совершаемые бандитскими группировками. Запоминаются строчки: «Лошаков догадался, что привел в дом ведьму и даже переспал с ней... Она насильовала его, как бандит насилует обеспамятовшую, утратившую способность к сопротивлению жертву.» Это не преувеличение, не авторский

произвол: нынче слабый пол убивает и грабит зачастую много изобретательней мужчин, комплектует банды, совершает самые жестокие и отвратительные преступления. Достаточно сказать, что статья 117 УК «За изнасилование» теперь нередко применяется и в отношении женщин. В колониях отбывают срок очаровательные, на первый взгляд, девицы, надругавшиеся над мужчинами. И вовсе не потому, что защищали свою честь и превысили самооборону: они действовали как типичные насильники - издевались над своими жертвами, унижали их.

Женщина-киллер по кличке Таня-Француженка - очередное открытие Анатолия Афанасьева: таких мы пока еще не встречали в отечественной литературе. И не дай Бог встретиться с ними в реальной жизни! Почти все герои романа «Московский душегуб», а лучше сказать, антигерои, существуют по ту сторону Добра и Зла. Их надо бояться вполне осознанно: это мир Зазеркаля - чужой, враждебный, античеловечный. Лучше держаться от него подальше.

В этом, к слову, роман Афанасьева более всего перескается с повестью Буало-Нарсежака. И не только потому, что и здесь и там показан в первую очередь мир злоумышленников. Монстры не оставляют живого места, где могли бы существовать люди с другими свойствами и устремлениями. После них окружающая действительность выглядит пустыней.

Пьер Буало и Тома Нарсежак принадлежат к поколению писателей, родившихся в начале века: Буало - в 1906 году, Нарсежак - в 1908. Свою литературную деятельность они начинали порознь. Но - судьбе было угодно, чтобы произошла историческая встреча, впоследствии подарившая читателям многочисленные шедевры. Сорокалетний Тома Нарсежак удостоился литературной премии, на церемонии, состоявшейся по этому поводу, он и познакомился с Буало. Писатели пришли к выводу, что им стоит объединить усилия. Поделили обязанности. Пьер взял на себя разработку «пружины» - детективной стороны, а Тома - психологическое насыщение сюжета. Достоинства авторов, сложенные вместе, дали улучшенное качество. Известно немало случаев счастливого и плодотворного содружества. Дуэт Буало-Нарсежак продолжил список удач.

Из одного совместного интервью: «Мы поставили перед собой цель попытаться создать новую формулу романа-загадки...» Имелось ввиду использование того привлекательного, что всегда присутствовало в лучших образчиках «полицейского» романа - с

добавлением «перчика» из «черной» серии. По сути, речь шла о гуманизации детектива: авторы решили вдохнуть жизнь в «марионеток», каковыми воспринимались персонажи традиционных сериалов. Этот опыт имел небывалый успех. Герои стали совершать вполне «человеческие» поступки, ситуации сделались абсолютно жизненными, преступление раскрывалось не при случайных обстоятельствах, а благодаря уму, энергии, поворотливости детективов.

Буало-Нарсежак опубликовали более сорока совместных книг. Их давно уже считают классиками мирового детектива, числят в одном ряду с такими знаменитостями, как Артур Конан-Дойл, Агата Кристи, Жорж Сименон. Произведения соавторов пользовались - и сейчас пользуются - колоссальным успехом во всем мире. По экранам многих стран прошел фильм ужасов «В стране мертвых», снятый Альфредом Хичкоком по роману «В холодном поту».

Повесть «Пейзаж с Булли» - лишь малая толика того удовольствия, которое ожидает читателей, впервые познакомившихся с творчеством маститых литераторов. Долгое время Буало-Нарсежака у нас переводили мало. Но лед тронулся, недавно вышел трехтомник, в котором напечатаны их лучшие произведения.

Софья ВОСКОБОЙНИКОВА

ОГНЕННЫЕ БУДНИ РОССИИ И МОСКВЫ

Вряд ли можно представить что-либо страшнее стены бушующего огня - огня, от которого нет спасения.

Бесстрастные и сухие цифры статистики достаточно красноречиво отражают итоги огненного бедствия. В Российской Федерации за 12 месяцев 1995 года произошло около 300 тыс. пожаров, из них 151 составили крупные. От огня погибло более 14 тысяч человек, более 13 тысяч травмировано. Огонь также уничтожает животных и материальные ценности, так, за 1995 год в России уничтожено более 72 тыс. строений, около 8 тыс. единиц техники.

Можно много и дальше с большими подробностями говорить о трагизме и удручающих последствиях пожаров. Главное не в этом, а в том, что, как отмечают специалисты пожарной охраны, виновниками почти каждой трагедии является Человек, будь то просто гражданин или хозяйственный руководитель, от которого зависит обеспечение мер пожарной безопасности.

Основными причинами возникновения пожаров явились: неосторожное обращение с огнем, возгорание электрооборудования и использование неисправных бытовых приборов, а также шалости детей с огнем.

Чаще всего, почти в 70 процентов случаев, пожары происходят в жилом секторе. Зачастую мы не задумываемся о том, что небрежность при курении, сушка белья над открытым огнем, использование неисправных электроприборов приводит к необратимым последствиям.

Граждане должны помнить, что при сегодняшней горючей загрузке жилые квартиры выгорают в течение нескольких минут.

Неблагополучная обстановка с пожарами сложилась в г.Москве. В этом году в столице произошло более 23 тыс. пожаров. Несоблюдение элементарных правил пожарной безопасности приводит не только к большим материальным потерям, но и к

самому худшему - человеческим жертвам. За 1995 год в городе погибло 472 человека, а 361 - получили ожоги, травмы и отравления продуктами горения. Материальный ущерб, нанесенный огнем, составил почти 22 млрд. рублей. Произошло 7 крупных пожаров, среди них пожар с групповой гибелью людей.

4 июня, около половины шестого утра, возник пожар на пятом этаже общежития Российского Университета Дружбы Народов по улице Миклухо-Маклая, 13. В результате пожара полностью выгорели 12 жилых комнат, частично повреждены огнем и высокой температурой 9 комнат. На пожаре погибло 8 человек, 6 получили травмы различной степени тяжести. Материальный ущерб составил около 25 млн. рублей.

Местными органами власти принято распоряжение, в котором указывается серьезность проблемы защиты от пожаров, перечень противопожарных мероприятий, необходимых к выполнению в данный момент.

Естественно, что могут понадобиться консультации и разъяснения по конкретному обеспечению пожарной безопасности. Их всегда можно получить, если обратиться в Добровольное пожарное общество по телефону: **231-12-08**.

**ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
«СЕЛЬСКАЯ
МОЛОДЕЖЬ»**

Под редакцией А.Шевелева и В.Черняка

**Главный редактор Вадим ЧЕРНЯК
Художники Иван ЖЕРЕБЦОВ
и Владимир ПЛЕВИН**

**Ответственный секретарь
Татьяна БАЛЯБИНА**

Отпечатано с оригинал-макета редакции журнала
"Сельская молодежь" в типографии
АО "Молодая гвардия".

Подписано к печати 21.03.96г.

Формат 84x108 ¹/₃₂.

Гарнитура "Таймс".

Печать офсетная.

Бумага типографская №2. Усл.печ.л.20.

Тираж 50000 экз.

Заказ 62018.

Адрес редакции:

125015, Москва, Новодмитровская ул., д.5а.

Типография АО "Молодая гвардия".

Адрес АО: 103030, Москва, Сущевская ул.,21.

"Жив, курилка!" Так говаривали в пушкинские времена. Так и мы скажем про наш замечательный журнал "Сельская молодежь": *"Жив, курилка!"* Вопреки всем невзгодам.

"Сельская молодежь" - это журнал, который обращен к людям порядочным, к тем, кто, несмотря ни на что, не потерял любознательность, интерес к изящной словесности, чувство юмора, к тем, кто хочет жить. Жить честно и интересно.

Мы пишем и о плохом, и о хорошем. Больше о хорошем. "СМ" открывала читателям и дивный язык молодого Михаила Шолохова, и чудные рассказы Василия Шукшина, и русские рифмы Николая Рубцова...

Потом - через годы - вы будете вспоминать этот чудесный журнал: и спокойную мудрую публицистику, и редкие архивные изыскания по истории России, и невиданные ранее рассказы Аркадия Аверченко, и "Музыкальный центр" с его мелодичными открытиями, и "Эфемериды" для любознательных вьюношей и девиц, и занятные повествования о собачках разных пород, и советы, как огородик подправить да с болезнями справиться, и просто хорошие, добрые, умные слова, которые "СМ" всегда умеет найти.

СЕЛЬСКАЯ МОЛОДЕЖЬ

Вот, где мы живем:

125015, Москва,

ул.Новодмитровская, д.5а.

Вот наш индекс (каталог "Роспечати"): 70813.

Вот наши телефоны: 285-8004, 285-8073.

ПОДВИГ

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
"СЕЛЬСКАЯ МОЛОДЕЖЬ"

BESTSELLER

Читайте
в следующих
номерах:

Гайто Газданов
«Призрак
Александра
Вольфа»,
Алексей
Раскопыт
«Торговая
война»,
Росс Томас
«Прилипалы».

3'96

СЛЕДИТЕ
ЗА
НАШИМИ
ВЫПУСКАМИ

СМ